

№ 2 (26) ▪ 2021

▪ June

Russian Linguistic Bulletin

ISSN 2227-6017 ONLINE

Yekaterinburg
2021

Theoretical and scientific journal.
Published 4 times a year.
Founder: Sokolova M.V.
Editor in chief: Smirnova N.L., PhD
Publisher and editorial address: Yekaterinburg, Akademicheskaya
St., Bldg. 11A, office 4, 620137, Russian Federation
Email: editors@rulb.org
Website: www.rulb.org
16+

№ 2 (26) 2021

June

Publication date 17.06.2021
Price: free.
Impact factor RSCI (2018) – 0,123
https://www.elibrary.ru/title_profile.asp?id=50831

Russian Linguistic Bulletin is a peer-reviewed scholarly journal dedicated to the questions of linguistics, which provides an opportunity to publish scientific achievements to graduate students, university professors, persons with a scientific degree, public figures, figures of culture, education and politicians from the CIS countries and around the world.

The journal is an open access journal which means that everybody can read, download, copy, distribute, print, search, or link to the full texts of these articles in accordance with CC Licence type: Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).

Certificate number of registration in the Federal Supervision Service in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Communications: **ПН № ФС 77 – 58339 (terminated 07.04.2021)**, ЭЛ № ФС 77 – 73011

Editorial board:

Rastjagaev A.V. PhD in Philology, Moscow City University (Moscow, Russia)
Slozhenikina Ju.V. PhD in Philology, Moscow City University (Moscow, Russia)
Shtreker N.Ju. PhD in Pedagogy, PhD in Philology, Kaluga State Pedagogical University (Kaluga, Russia)
Levickij A.Je. PhD in Philology, Moscow State University (Moscow, Russia)
Alikaev R.S. PhD in Philology, Kabardino-Balkarian State University (Nalchik, Russia)
Erofeeva E.V. PhD in Philology, Perm State University (Perm, Russia)
Ivanov A.V. PhD in Philology, State Linguistic University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia)
Magirovskaja O.V. PhD in Philology, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia)
Kyuchukov H. PhD in Philology, Magdeburg-Stendal University of Applied Sciences (Stendal, Germany)
Umnyashkin A.A. MD, professor, PhD in Philology, Director of the Center for Study of Ancient and Modern Languages of Azerbaijan (Baku, Azerbaijan)
Moradi H. PhD, Lecturer, Shahid Chamran University of Ahvaz, (Ahvaz, Iran)
Iseni B.A., professor, PhD in Philology, State University of Tetovo (Tetovo, North Macedonia)
Jurkovič V. PhD, Associate Professor, University of Ljubljana (Ljubljana, Slovenia)
Ma Daoshan, PhD, Professor, Tianjin Polytechnic University (Tianjin, China)
Gutovskaya G.S., PhD in Philology, Associate Professor, Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus)
Medvedeva O., PhD in Humanities, Vilnius University (Vilnius, Republic of Lithuania)
Korostenskienė J., PhD in Linguistics, Professor, Vilnius University (Vilnius, Republic of Lithuania)
Alimi D., PhD in Linguistics, Assoc.Prof., State University of Tetovo (Tetovo, North Macedonia)
Pllana Gani, Doctor, PhD in Linguistics, University of Prishtina "Hasan Prishtina" (Prishtina, Republic of Kosovo)
Kulesh H.I., Professor, Doctor of Pedagogy, PhD in Philology, Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus)

Table of Contents

LINGUISTICS AND LANGUAGES (UDC 81)

Migranova I.Kh. GENDER PERCEPTION OF SCIENTIFIC TEXTS.....	6
Pervukhina S.V., Churikov M.P. DIGITAL COMMUNICATION IN LINGUISTIC RESEARCH.....	9
Zemlyanskayaa E.N., Koroleva N.M. FUNCTIONAL CHARACTERISTICS OF THE SPEECH GENRE "READER'S RESPONSE"	12
Zinnatullina G.K. NAMES OF HISTORICAL FIGURES IN THE ANTHROPONYMIC SYSTEM OF LITERARY TEXTS	16
Potapova R.K., Dzhunkovskiy A.V. TRIGGER-CONTAINERS IN LINGUISTIC STEGANOGRAPHY	19
Litvinova T.I., Shustova I.N. THE PECULIARITIES OF FUNCTIONING OF COLORISTIC METAPHORS OF THE GERMAN MEDIA-POLITICAL DISCOURSE OF THE PANDEMIC PERIOD.....	22
Lenkova T.A. PHOTOGRAPHY IN MEDIA TEXT: IDEOLOGIZATION OF SENSE, MORAL ATTITUDE OR INFORMATION MODEL.....	28
Zaslavnov D.A. THE LOOK OF THE FAKE MESSAGE	32
Korolkova A.V., Tishina A.E. THE DIFFICULTIES OF DIFFERENTIATION OF APHORISM AS A SPEECH GENRE.....	35
Нестерова Е.В. ЧАСТИЦЫ КАК ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ЭВЕНСКОГО ФОЛЬКЛОРА	39
Алиева Г.И. ОСНОВНЫЕ МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ПОДБОРА ТЕКСТОВ ДЛЯ КУРСА «ДОМАШНЕЕ ЧТЕНИЕ» В ЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ	42
Сахарова Е.Е. СТРАТЕГИИ В РЕЧЕВОМ ПОВЕДЕНИИ ОТПРАВИТЕЛЯ СООБЩЕНИЯ	46
Новиков Д.А. ЭЛЕМЕНТЫ ЭКСПРЕССИВНОСТИ В ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВЫХ ПИСЬМАХ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ.....	50
Revyakina N.P. ЕРІТАРН AS A SEMETERY GENRE.....	55
Долженко Н.Г., Сулхаева А.А. СПОРТИВНЫЙ ДИСКУРС В СМИ: ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕРМИНОЛОГИИ БИАТЛОНА)	59
Старостина Ю.С. К ВОПРОСУ О КАТЕГОРИАЛЬНОМ АППАРАТЕ ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ДИСКУРСА.....	64
Карапетян Т.А. КОЛОРАТИВНЫЕ МЕТАФОРЫ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ АРХИТЕКТУРНЫХ ТЕРМИНОВ.....	71

Тупкалова Л.Ю. КВАНТОРНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ ВКЛЮЧЕНИЯ, ИСКЛЮЧЕНИЯ, ЗАМЕЩЕНИЯ И ВЫДЕЛЕНИЯ В ТЕКСТЕ ПУТЕВОДИТЕЛЯ ПО МОНАСТЫРЯМ	74
Sergeeva O.V., Semenova S.N. ASPECTS OF TEACHER'S LINGUISTIC PERSONALITY: STATICS AND DYNAMICS.....	79
Sergeeva O.V., Semenova S.N. EMPATHY, CONFLICT AND ITS OVERCOMING: LINGUO-PRAGMATIC ASPECTS OF GENERAL AND SPECIAL.....	83
Sergeeva O.V., Semenova S.N. SCIENTIFIC TERMS IN SOCIOLOGICAL TEXT (ON MATERIAL OF J. LONDON'S WORK "THE PEOPLE OF THE ABYSS" IN ENGLISH AND RUSSIAN)	88
Кузьменко П.Б. КОНВЕНЦИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА АНГЛОЯЗЫЧНОЙ НАУЧНОЙ СТАТЬИ ПО ЛИНГВИСТИКЕ	93
Бальжинимаева Б.Д. АНАЛИЗ РУССКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В БУРЯТСКОМ ЯЗЫКЕ	99
Mikhailova L.V. BILINGUALISM IS AS THE TYPICAL PHENOMENON IN TOPONYMY OF RUSSIAN NORTH.....	104
Семашко Н.В. ОСОБЕННОСТИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА. ПЕРЕВОД НЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННЫХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ.....	110
Нурутдинова А.Р., Сабаева Э.К., Панфилова Е.В., Чжэн Ч., Чжэн М.Ф. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ КОННОТАЦИИ, ВЫРАЖЕННОЙ РУССКИМ СЛОВОМ «СЕМЬЯ» И КИТАЙСКИМ СЛОВОМ «ДОМ»	114
Bagirova S. ARTISTIC LITERATURE AS A SOURCE OF FORMATION OF CONCEPTUAL SYNONYMS AND METAPHORS.....	121
LITERATURE (UDC 82)	
Akhmetzadina Z.R., Absalyamova L.F. THE STRUCTURAL FEATURES OF ANTHROPONYMS IN ENGLISH FICTION TEXTS BY J. GALSWORTHY. 126	
Бурцева М.А. ЦИКЛИЧЕСКАЯ ФАБУЛЬНАЯ МОДЕЛЬ В ГОТИЧЕСКОМ РАССКАЗЕ Х. УОЛПОЛА «МАЛЕНЬКОЕ ПРИВИДЕНИЕ».....	129
Молчанова С.Е., Лысенко Н.А. ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ МЕТОНИМИИ В ПРОИЗВЕДЕНИИ ДЖОНА ГРИШЭМА «ВЕРДИКТ» 136	
Соколова Г.А. ОСОБЕННОСТИ ТЕМПОРАЛЬНЫХ ПАРАМЕТРОВ В СКАЗКЕ Э. Т. А. ГОФМАНА «КАВАЛЕР ГЛЮК».....	140
Красовицкая Ю.В. АННА ЗЕГЕРС «ПРОГУЛКА МЕРТВЫХ ДЕВУШЕК»: АДАПТАЦИЯ РАССКАЗА МЕТОДОМ ФРАГМЕНТОВ	143
Velilaeva L.R. ROBERT BURNS IN THE POETRY OF SCOTTISH POETS-EMIGRANTS OF THE USA OF THE XIX CENTURY	147
Kudryashov I.A., Turanova A.Yu. THE AUTHOR'S MANIPULATION OF THE SPACE AND TIME CATEGORIES AS A FACTOR IN READER'S IDENTIFYING WITH THE CHARACTER'S IMAGE.....	151

ГЕНДЕРНОЕ ВОСПРИЯТИЕ НАУЧНЫХ ТЕКСТОВ

Научная статья

Мигранова И.Х. *

Башкирский государственный университет, Уфа, Россия

* Корреспондирующий автор (vk-migranova[at]mail.ru)

Аннотация

Статья посвящена изучению особенностей понимания реципиентами научных текстов с точки зрения гендерного аспекта. Рассматриваются гендерные стереотипы как модели и схемы восприятия научного текста, порожденного мужчинами и женщинами. Раскрывается содержание термина «лингвогендер», посредством которого описываются психосоциальные языковые особенности личности или гендерной языковой личности, под которой, в свою очередь, понимается определенная стереотипная модель. Подчеркивается необходимость методологической разработки проблемы пола с точки зрения осмысления ее биологического, социального, лингвистического аспектов. Описаны механизмы «приписывания» автору текста гендерных характеристик; при этом реципиент «приписывает» гендерность, проецируя особенности своего сознания на внешнюю и внутреннюю форму текста.

Ключевые слова: восприятие текста, гендер, лингвогендер, языковая личность, внешняя форма текста, внутренняя форма текста.

GENDER PERCEPTION OF SCIENTIFIC TEXTS

Research article

Migranova I.Kh. *

Bashkir State University, Ufa, Russia

* Corresponding author (vk-migranova[at]mail.ru)

Abstract

The article is devoted to the study of the peculiarities of the recipients' comprehension of scientific texts from the point of view of the gender aspect. Gender stereotypes are considered as models and schemes of perception of a scientific text generated by men and women. The content of the term "linguistic gender" is revealed, through which psychosocial linguistic characteristics of a person or gender linguistic personality, which, in turn, means a certain stereotypical model, are described. The necessity of the methodological development of the gender problem from the point of view of understanding its biological, social, linguistic aspects is emphasized. The mechanisms of "ascribing" gender characteristics to the author of the text are described; at the same time, the recipients "ascribe" gender, projecting the features of their consciousness onto the external and internal form of the text.

Keywords: perception of the text, gender, linguistic gender, linguistic personality, the external form of the text, the internal form of the text.

Introduction

The relevance of the work is determined by its inclusion in one of the promising areas of anthropo-oriented language learning — linguistic genderology and is associated with the need for theoretical understanding of a number of problems that have not received due attention so far.

Among such problems, we see the need to study the peculiarities of a person's understanding and comprehension of information in the form of various kinds of texts from a gender perspective. Currently, the study of the scientific text is acquiring special significance, which is associated with a number of factors, among which the process of globalization, covering all aspects of social life, including science; activation of intercultural scientific communication as a consequence of this process and a constant increase in the types of written information from various fields of knowledge, can be named.

Research of a scientific text, carried out in linguistics and related sciences, was primarily aimed at identifying its lexical-grammatical, semantic and stylistic features, studying its architectonics, analyzing various types of connections existing at the formal and semantic levels in the vertical and horizontal planes of the text. At the same time, to date, the gender factor in the perception of a scientific text remains poorly understood. As is known, gender is determined through the measurement of social relations that have developed in a particular culture. Gender as a scientific category is characterized by stability, but its components are constantly changing. This means that "gender-specific prescriptions may differ for different generations, social groups, certain ethnocultural and religious communities" [5, P. 197].

Of all deviants, gender stereotypes are increasingly used today. It should be noted that these stereotypes arise not on rational scientific knowledge but on certain gender bias which practically cannot be eradicated since they are associated with the mentality and traditions of the society [4]. Studies of the speech of men and women show that there are certain differences between how men speak and write, and how women do it [1]. All this together affects the characteristics of the recipients' perception of what men and women say or write.

Deconstruction is used as a meta-approach in gender studies, that is, a special strategy of attitude to the text, which includes both its deconstruction and its reconstruction [8, P. 75]. In this regard, it seems quite natural to introduce a new term — "lingvogenдер", through which it is possible to describe the psychosocial linguistic characteristics of a person or gender

linguistic personality. At the same time, the gender linguistic personality is considered as a stereotypical model, and linguistic gender is considered as one of its components.

The aim of our research is to establish differences in the perception of a scientific text written by men and women. It can be argued that the category of gender has a certain effect on the perception of certain words and concepts. In this regard, A.G. Fomin notes that gender is viewed as a cognitive category through which, by means of the formation of a network of associations based on gender, the entire surrounding reality is perceived and the cognition process is constructed. It is gender, according to the researcher, that largely determines the nature of interpersonal communication which is recorded at a deep level in the system of social institutions and determines the legitimacy of certain moral and ethical norms that prescribe the behavior of men and women [8].

These gender roles determine the existence of three gender personality types (masculine, feminine and androgynous), which cannot but affect the nature of speech activity. In the context of this study, we turn to the concept of S.L. Bem, considering the concept of androgyny which means that any person, regardless of their biological sex, is able to combine the primordially masculine and feminine qualities [2]. This state allows a person to less rigidly adhere to established gender-role norms and freely switch from traditionally female occupations to traditionally male ones, and vice versa. Androgyny can be correlated with the so-called "mobility" of the sexual role and designated as the integration of obvious masculine and feminine traits, which is peculiarly organized in accordance with individual personality characteristics and is often determined by a specific situation. Individuals who, in a familiar situation, consistently choose a masculine or feminine model of behavior, do not belong to the androgynous type. Androgyny means reaching a new level of mixing gender-role stereotypes, when a person does not adhere to the tradition of polar division of individuals in accordance with gender role. This phenomenon can be viewed not simply as a combination of what are considered opposite qualities, but as a new system for integrating existing stereotypes.

The development, perception and interiorization of such sex-role stereotypes can be conventionally described in three stages [2]. For example, the way a reader perceives a text is conditioned by what kind of "conceptual tools" he uses to comprehend the information contained in this text, which M. Talbot considers not fixed but dependent on many factors including social ones [9]. Depending on how the reader interprets the text, he will extract such information from it. Of course, there is a limit to arbitrary interpretations of the text, and this limit is the objective content of the text or concept [4].

In modern scientific literature, the following ideas about the aforementioned gender types have developed [2]:

1. Masculine gender type — a "social" type that feels comfortable in the environment of others, the goal in life is communication. This gender type is focused on the authority of strength and independence of behavior, has high individual achievements, prefers male authority, is intolerant of objections, prefers to defend own opinion and take leadership positions. Representatives of the masculine gender type are the least emotional, they perceive many processes and concepts in a dual way.

2. The feminine gender type prefers dependent, subordinate behavior, is cautious, does not like to show initiative and independence, deliberately limits the "research space", needs constant moral support from other people.

3. The androgynous gender type is free from rigid sexual typification and traditional norms, is able to really comprehend and evaluate situations, overcomes difficulties independently, is socially active and communicative, has good organizational skills and personal qualities of a constructive nature (protection, help), persistent, independent, has a high level achievements, values personal comfort. The androgynous gender type has a clear life purpose, really looks at things from the point of view of their functionality.

Based on the foregoing, we can conclude that, despite the active development of the theory of gender in linguistics, modern science is in "need of methodological development of the problem of gender from the point of view of understanding its biological and social aspects" [3, P. 18]. This is due to the following reasons: first, it is still widely believed that biological differences between men and women are correlated with their social behavior, which indicates a commitment to the concept of biological determinism in this matter; secondly, as multimedia capabilities increase, the social environment is much more subject to changes than the biological characteristics of the individual. In such a case, the socialization of both men and women has a steady tendency to transform into the realization of their interests and abilities, conditioned by social needs. In this regard, it can be argued that the content of specific messages from a gender perspective contains the entire totality of a certain fragment of social content. It can be both real and abstract, existing only in the imagination of the individual.

The semantic variability of the text in its perception is a manifestation of the mechanisms of semantic formation conditioned by the gender expectations of the recipients, which is realized, as in other types of texts' perception [7, P. 163], in the form of individual reactions of the recipients. Thus, "gender" is actually a subjective sense when perceived. In fact, the perceiving person "ascribes" gender characteristics to the author of the text, but this fact does not at all indicate their presence — the recipient "ascribes" gender, projecting the features of his consciousness onto the external and internal form of the text.

As a result of the psycholinguistic experiment, we obtained a set of parameters according to which the subjects characterized the scientific text as "masculine" and "feminine", confidently attributing them to the corresponding sex. At the same time, it is obvious that often "masculinity" and "femininity" is associated with the factor of ease/difficulty of understanding the text. This fact gives grounds for including a gender component in modern models of understanding information in text form. At the same time, it is associated with meaning and relates to the semantic mechanisms of understanding, but not to the meaningful ones.

In the process of identifying the biological sex of the authors of scientific texts, it was established that the written speech of the authors does not always correspond to the generally accepted gender stereotypes of "male" and "female" text. This confirms our assumption that the features of male and female written speech can only be defined as tendencies of use and are consistent with the belief of a number of researchers who believe that gender-marked differences inherent in the speech behavior of men and women manifest themselves inconsistently (hence the characterization of gender as a "floating" marker)

and are not absolute, but relative. In the traditional sense, scientific texts are not gender-oriented, and therefore it is often difficult to determine the gender of the author of a scientific text.

Conclusion

Thus, the text itself, representing a certain type, gender-labeled or gender-neutral, plays an active role in the communication process. The degree of gender marking of scientific texts is often so insignificant that the identification of the author's gender is often realized based solely on extralinguistic / background data (subject of content, intuition) rather than by analyzing the linguistic aspects of the text (structural and verbal-semantic analysis of the text). In the absence of gender markers in the scientific text that are directly related to the linguistic aspects of the text, the thematic focus of the scientific text becomes a defining parameter of the gender of the text, conditioned by stereotypical ideas about the spheres traditionally assigned by society to men (politics, economics, science, business, hunting, fishing, sports) and women (children, fashion, health, education, social protection, culture). In accordance with the stereotypical notions that science belongs to the sphere of interests of men, the scientific text itself acts as an indicator of gender marking.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Азаматова Т.Х. Гендерные особенности восприятия паралингвистических средств синтагматического текста / Т.Х. Азаматова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2015. – № 9. – Ч. 2. – С. 13–15.
2. Бем С.Л. Линзы гендера: трансформации взглядов на проблему неравенства полов / С.Л. Бем. – М.: РОССПЭН, 2004. – 331 с.
3. Ильиных С. А. Гендерные аспекты экономического поведения / С.А. Ильиных; Мин-во образ. и науки РФ. – Новосибирск: НГУЭУ, 2015. – 354 с.
4. Кирилина А.В. Исследование гендера в лингвистических научных дисциплинах / А.В. Кирилина // Гендерные образование в системе высшей и средней школы: состояние и перспективы / Иван. гос. ун-т. – Иваново, 2003. – С. 132–138.
5. Мигранова И.Х. Теоретическое осмысление понятия «гендер» и его преломление в современных исследованиях / И.Х. Мигранова // Образование. Наука. Научные кадры. – Москва: Юнити-Дана, 2013. – С. 196–200.
6. Руднев В.П. Словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты / В.П. Руднев. – М.: Аграф, 1999. – 381 с.
7. Титлова А.С. Процесс восприятия клиповой текстовой структуры: tos and pros / А.С. Титлова // Языковые единицы в свете современных научных парадигм. – Уфа, 2018. – С. 161–166.
8. Фомин А.Г. Психолингвистическая концепция моделирования гендерной языковой личности. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2003. – 236 с. 175 161.
9. Talbot M.M. Language and gender. An introduction / M.M. Talbot. – Malden, MA: PolityPress, 1998. – 182 p.

Список литературы на английском / References in English

1. Azamatova T.KH. Gendernyye osobennosti vospriyatiya paralingvisticheskikh sredstv sintagmaticheskogo teksta [Gender features of the perception of paralinguistic means of syntagmatic text] / T.KH. Azamatova // Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological sciences. Questions of theory and practice]. – Tambov, 2015. - No. 9. - Part 2. - P. 13–15. [in Russian]
2. Bem S.L. Linzy genдера: transformatsii vzglyadov na problemu neravenstva polov [Gender lenses: transformations of views on the problem of gender inequality] / S.L. Bem. – M.: ROSSPEN, 2004. – 331 p. [in Russian]
3. Il'inykh S. A. Gendernyye aspekty ekonomicheskogo povedeniya [Gender aspects of economic behavior] / S.A. Il'inykh; Min-vo obraz. i nauki RF. – Novosibirsk: NGUEU, 2015. – 354 p. [in Russian]
4. Kirilina A.V. Issledovaniye genдера v lingvisticheskikh nauchnykh distsiplinakh [Research of gender in linguistic scientific disciplines] / A.V. Kirilina // Gendernyye obrazovaniye v sisteme vysshey i sredney shkoly: sostoyaniye i perspektivy [Gender education in the system of higher and secondary schools: state and prospects] / Ivan. gos. un-t. – Ivanovo, 2003. – P. 132–138. [in Russian]
5. Migranov I.KH. Teoreticheskoye osmysleniye ponyatiya «gender» i yego prelomleniye v sovremennykh issledovaniyakh [Theoretical understanding of the concept of "gender" and its refraction in modern research] / I.KH. Migranov // Obrazovaniye. Nauka. Nauchnyye kadry [Education. The science. Scientific personnel]. – Moscow: Yuniti-Dana, 2013. – P. 196–200. [in Russian]
6. Rudnev V.P. Slovar' kul'tury XX veka. Klyuchevyye ponyatiya i teksty [Dictionary of XX century culture. Key concepts and texts] / V.P. Rudnev. – M.: Agraf, 1999. – 381 p. [in Russian]
7. Titlova A.S. Protsess vospriyatiya klipovoy tekstovoy struktury: tos and pros [The process of perceiving clip text structure: tos and pros] / A.S. Titlova // YAzykovyye yedinityy v svete sovremennykh nauchnykh paradigm [Language units in the light of modern scientific paradigms]. – Ufa, 2018. – P. 161–166.
8. Fomin A.G. Psikholingvisticheskaya kontseptsiya modelirovaniya gendernoy yazykovoy lichnosti [Psycholinguistic concept of gender linguistic personality modeling]. – Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2003. – 236 p. [in Russian]
9. Talbot M.M. Language and gender. An introduction / M.M. Talbot. – Malden, MA: PolityPress, 1998. – 182 p.

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.26.2.1>**ЦИФРОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ**

Научная статья

Первухина С.В.¹, Чуриков М.П.²*¹ ORCID: 0000-0001-5475-8384;² ORCID: 0000-0001-7775-8731;¹ ДГТУ, Ростов-на-Дону, Россия;² РГУПС, Ростов-на-Дону, Россия

* Корреспондирующий автор (s_pervuhina[at]mail.ru)

Аннотация

Изучение цифровой коммуникации является важной лингвистической проблемой в рамках антропоцентрической научной парадигмы и повышенного внимания к тотальной цифровизации современного общества. Объектом исследования явилась схема коммуникации в контексте цифровой культуры современного мира. Авторы пришли к выводам, что изменение контекста коммуникации, в котором активно задействуются цифровые (компьютерные технологии), приводит к глобальным изменениям в коммуникации людей в целом. Цифровизация ведет к анонимности общения, глобализации и ускорению всех коммуникативных процессов, как в личном так и в профессиональном общении. Цифровая коммуникация вводит новые коды сообщений – креолизованные тексты, которые функционируют в разных дискурсах.

Ключевые слова: цифровая коммуникация, глобализация, креолизованный текст, адаптивная функция языка.

DIGITAL COMMUNICATION IN LINGUISTIC RESEARCH

Research article

Pervukhina S.V.¹, Churikov M.P.²*¹ ORCID: 0000-0001-5475-8384;² ORCID: 0000-0001-7775-8731;¹ DSTU, Rostov-on-Don, Russia;² RSTU, Rostov-on-Don, Russia

* Corresponding author (s_pervuhina[at]mail.ru)

Abstract

The study of digital communication is an important linguistic problem of the anthropocentric scientific paradigm; the total digitalization of modern society has drawn the increased attention of linguists. The object of the study is the scheme of communication in the context of the digital culture of the modern world. The authors have come to the conclusion that the change in the context of communication where digital (computer) technologies are actively involved leads to global changes in the communication of people as a whole. Digitalization provokes anonymity of communication, globalization and acceleration of all communication processes, both in personal and professional communication. Digital communication introduces new message codes, creolized texts, that function in different discourses.

Keywords: digital communication, globalization, creolized text, adaptive function of language.

Introduction

Language is a tool for social adaptation of people, a means of communication as a social function of society. The pandemic provoked the widespread use of digital communication in all possible spheres, so the communication of people altered greatly, setting new social norms, making new demands, offering new opportunities. Let us look at the specific changes that have appeared in the general model of communication after the use of digital technologies. The general model of communication was proposed by R.O. Jakobson in his work 'Linguistics and Poetics'. It includes the addressor, the addressee, the message (text), the message code, and the communication situation (context) [1].

Communication is a fairly finely tuned system, and if any of the parameters of this system is subject to changes, even insignificant at first glance, the consequences of these changes are quite global. The aim of our article is to analyze all the components of the communication model in the digital context.

Results

The addressor. The use of social networks allows managing the openness of the communicant's personality, making communication anonymous (creating fake pages, hiding or changing your name, depersonalizing the page for commercial purposes). Many people use this quality unconsciously. For example, when choosing 'an avatar' – your profile picture – not everyone uses their own photos. The anonymity of the addressee has made it quite common to introduce 'bots' – artificial intelligence for communication through digital networks for anonymous calling of recipients (in the advertising sector), commenting on posts on the Internet to increase site activity. Thus, nowadays people often encounter speech utterances and communication with artificial intelligence, often without knowing it [2]. In some cases, they intentionally start to communicate with bots in chat rooms when learning foreign languages. For example, the platforms Mondly and Cleverbot offer such services for practicing foreign languages [3]. The availability of such an interlocutor at any time, the costs of training make such bots in demand.

N. M. Vakhtel speaks about five levels of communicative competence: psychophysiological features of the individual, its worldview orientation, its language proficiency (language competence), social status and communicative knowledge [4, P. 51].

Digital communication brings deviations into all five levels. The psychophysiological features of the digital personality are manifested in the habit and tendency to produce and comprehend texts with images. Active communication in social networks gives a sense of being part of the global world; it affects the values of the individual. The social status of an individual in the context of digitalization depends on their ability to use technology. Their inability to use these technologies can lead to social isolation, especially it is true about the youth.

The addressee. The global network makes it easier to contact with people from different social societies and countries through social networks, it gives the opportunity to comment on articles on the Internet. The exchange of opinions can happen both in real time and with a delay in time. The speed of communication solves many problems faster. E. O. Trufanova highlighted the main characteristics of the modern information environment leading to the information clutter: 1) availability and high speed of information transmission; 2) aggressive imposition of unnecessary information by various information sources; 3) one-sided presentation of information in connection with the specifics of the work of Internet services; 4) the dependence of the individual and society on communication technologies [5]. The researcher notes changes in the reading habit that is caused by the digitalization of the message. The Internet text may not create a compositionally complete text, especially when talking about social networks. The texts there may present an infinite continuum with the addition of creolized elements, often of an advertising nature. So, people stop reading linear texts with clear composition, for Internet texts lack linear character and have hypertext nature.

Digital communication fosters clip thinking of the recipients who perceive the message as part of the picture, focusing more on the nonverbal code than on the verbal one. Colorful pictures attract attention and become necessary for perceiving information.

Information grows in volume so much that a new term "information clutter" appeared, denoting information that is irrelevant to a person, and is sometimes simply harmful (all kinds of fakes, manipulations, PR technologies, etc.). E. Toffler introduced the terms 'information overload' and 'information fatigue syndrome', the latter was found within 94% of intellectual labor workers [5]. This happens for the following reason. A person adapts to the digital environment; information coming from the outside world is important for their safety, so there is a craving for information. Meanwhile, there are two different models of knowledge acquisition: either it is a profound study that is a desire to find the truth, to understand the details, or a glide on the surface with a wide scope, "grabbing at the top". The clip-thinking, the availability of information, and its big volume push the addressee to the latter model of obtaining knowledge.

The message code. Digital capabilities allow creolizing the text. They present denotative and connotative information as an image and text integrated together. The choice of emojis, images, and memes creates an ideostyle of the author and allows expressing emotions. Written speech that is used on the Internet websites has similar features to oral speech: it is spontaneous, uses slang expressions, contains inaccuracies, reservations, and errors. The difference between written Internet speech and the norms of the literary language and written genres of speech is obvious. L.P. Dovgal, and S. E. Mikhailova in [6] mark the formation of a new style in the Russian language – the style of Internet communication, the distinctive features of which are written pronunciation, hyperintertextuality and imprinted colloquialism.

At the same time, a qualitatively new feature of the style is its spontaneity, despite its reproducibility; that means that people tend to communicate through text messages more than via telephone calls, and it is a rather rapid and spontaneous communication. Sending funny and attractive images provoking emotions is also a common thing of a digital era. It differs from the previous codes of creation of emotional background [7]. As the speed of interaction (responding to a message and receiving an instant feedback) increases, there is a search for code that would meet these requests – the speed and the volume of information in the message. This can be observed in creolized texts.

The message. The digital environment has provoked the emergence of new genres associated with the above features: blog, video articles, post, channel, etc. Hybrid genres that are in an intermediate state between oral and written speech appear; modern messages use a polycode semiotic system: in a single text message one can find a verbal and a non-verbal element, both oral and written speech, a sound and an image. In this respect the message acquires a polydimensional format, it becomes a very true-to-life reflection of reality that avoids language distortion.

Digital technologies have stimulated the appearance of neologisms: device, log in, password, user, story, etc. Such words often have English roots, so we can talk about the global introduction of English into other languages. This phenomenon is called "globanglization" [8, P. 92]. In turn, the English language, like other languages, is replenishing its vocabulary due to the emergence of new technologies [9].

The context. Since the Internet is a global network, you can communicate with anyone who has a site in social networks, you can exchange experience with professionals who lead blogs and courses (which are called 'marathons'). The conditions of the pandemic have created a new format of corporate events on the web with their own actions and rules. The number of deliberately false information (fake information, stuffing), which is fabricated using photoshop and PR technologies, is increasing. The concept of "digital literacy" is introduced, including the ability to use modern devices and technologies. We believe that the concept of "experience of distinguishing manipulations in the digital sphere" is necessary [10].

The contact. The speed of response to messages is constantly increasing. The time for organizing the work of groups is reduced. But speed causes a lot of stress, and the inability to respond to a message causes stress and a sense of isolation [11]. At the moment, a person is in contact with more recipients than before, their social contacts have increased, and the closeness and uniqueness of the relationship is disappearing. As a result, there is aggression in depersonalized and mass communication, and questions about the environmental friendliness of language and the environmental friendliness of communication become relevant.

Conclusion

The study of digital communication should be carried out in the context of an interdisciplinary study; as an object of scientific research, it will attract the attention of sociologists and psychologists.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика [Электронный ресурс] / Якобсон Р.О. // Структурализм: «за» и «против». – М., 1975. – URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/jakobson-75.htm> (доступ 30.03.2021).
2. Месеняшина Л.А. Инструмент или собеседник? / Месеняшина Л.А. // Вестник Челябинского государственного университета. – 2019. – № 10 (432). Филологические науки. Вып. 118. С. 98–103. DOI: 10.24411/1994-2796-2019-11014
3. Будникова А.С. Использование чат-ботов при изучении иностранного языка [Электронный ресурс] / Будникова А.С., Бабенкова, О.С. // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2020. – № 3 (55) – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-chat-botov-pri-izuchenii-inostrannogo-yazyka> (доступ 30.03.2021).
4. Багдасарян Т.Б. Прагмалингвистика (речевое поведение) / Багдасарян Т.Б. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – №3-3 (69). С.50-53.
5. Труфанова Е.О. Информационное перенасыщение: ключевые проблемы / Труфанова Е.О. // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. – 2019. – №1(16). – С.4-21.
6. Довгаль Л.П. Лингвистические особенности виртуальной коммуникации / Довгаль Л.П., Михайлова С.Е. // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. – 2014. – №29. – С.213-219.
7. Астен Т.Б. Формирование межтекстуального эмоционального фона средствами английского языка (на материале произведений с. Моэма): дис.... канд.филол.н. Волгоград, 2000. – 174 с.
8. Ревакина Н.П. "Глобанглизация" и язык в парадигме профессионального знания / Ревакина Н.П. // Академический вестник ростовского филиала российской таможенной академии. – 2013. – №1(14). – С.92-96.
9. Муругова Е.В. Пополнение словарного состава современного английского языка. Учеб.пособие для лингвистов / Муругова Е.В. – Ростов-на-Дону, 2019. – 73 с.
10. Современные парадигмы исследования языковой личности / Муругова Е.В., Лопатухина Т.А. и др. – Изд-во ДГТУ, 2012. – 160 с.
11. Труфанова Е.О. Информационное перенасыщение: ключевые проблемы / Труфанова Е.О. // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. – 2019. – №1(16). – С.4-21.

Список литературы на английском / References in English

1. Jacobson R.O. Lingvistika i poetika [Linguistics and poetics] [Electronic resource] / Jacobson R.O. // Structuralism: pros and cons. – M., 1975. – URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/jakobson-75.htm> (accessed 03.30.2021). [in Russian]
2. Mesenyashina L.A. Instrument ili sobesednik? [Tool or interlocutor?] / Mesenyashina L.A. // Bulletin of Chelyabinsk State University. 2019. № 10 (432). Philological sciences. Issue 118. Pp. 98-103. DOI 10.24411 / 1994-2796-2019-11014 [in Russian]
3. Budnikova A.S. Ispol'zovanie chat-botov pri izuchenii inostrannogo yazyka [Using chat bots in learning a foreign language] [Electronic resource] / Budnikova A.S., Babenkova, O.S. // Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University. № 3 (55) 2020. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-chat-botov-pri-izuchenii-inostrannogo-yazyka> (accessed 03.30.2021). [in Russian]
4. Bagdasaryan T.B. Pragmalingvistika (rechevoe povedenie) [Pragmalinguistics (speech behavior)] / Bagdasaryan T.B. // Philological sciences. Questions of theory and practice. – 2017. – № 3-3 (69). – P.50-53. [in Russian]
5. Trufanova E.O. Informacionnoe perenasyshchenie: klyuchevye problemy [Information oversaturation: key problems] / Trufanova E.O. // Philosophical problems of information technologies and cyberspace. – 2019. – №. 1 (16). – P.4-21. [in Russian]
6. Dovgal L.P. Lingvisticheskie osobennosti virtual'noj kommunikacii [Linguistic features of virtual communication] / Dovgal L.P., Mikhailova S.E. // Foreign languages: linguistic and methodological aspects. – 2014. – № 29. – P. 213-219. [in Russian]
7. Asten T.B. Formirovanie mezhtekstual'nogo emocional'nogo fona sredstvami anglijskogo yazyka (na materiale proizvedenij s. Moema) [Formation of an intertextual emotional background by means of the English language (based on the works of S. Maugham)]. Dis.... of PhD in Philology. – Volgograd, 2000. – 174 p. [in Russian]
8. Revyakina N.P. "Globanglizatsiya" i yazyk v paradigme professional'nogo znaniya ['Globanglization' and language in the paradigm of professional knowledge] / Revyakina N.P. // Academic Bulletin of the Rostov Branch of the Russian Customs Academy. – 2013. – № 1 (14). – P.92-96. [in Russian]
9. Murugova E.V. Popolnenie slovarnogo sostava sovremennogo anglijskogo yazyka. Ucheb.posobie dlya lingvistov [Replenishment of the vocabulary of modern English. Textbook for linguists] / Murugova E.V. – Rostov-on-Don, 2019. – 73 p. [in Russian]
10. Sovremennye paradigmy issledovaniya yazykovoj lichnosti [Modern paradigms of linguistic personality research] / Murugova E.V., Lopatukhina T.A. et al. – Publishing house of DSTU, 2012. – 160 p. [in Russian]
11. Trufanova E.O. Informacionnoe perenasyshchenie: klyuchevye problemy [Information oversaturation: key problems] / Trufanova E.O. // Philosophical problems of information technologies and cyberspace. – 2019. – №. 1 (16). – P.4-21. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.26.2.2>**ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РЕЧЕВОГО ЖАНРА «ЧИТАТЕЛЬСКИЙ ОТКЛИК»**

Научная статья

Землянская Е.Н.¹*, Королевава Н.М.²¹ ORCID: 0000-0002-4304-1190;^{1,2} Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия

* Корреспондирующий автор (beseda.lena[at]yandex.ru)

Аннотация

Общее направление данной статьи связано с проблемой эффективности практического употребления языка в сфере массовой коммуникации. Ориентированность современной лингвистики на изучение функционального аспекта текста и языка позволяет рассматривать коммуникативно-речевые процессы в речевых жанрах, что обуславливает актуальность статьи. Цель статьи – представить речевой жанр «читательский отклик» как целостное законченное произведение. Основной задачей статьи является выявление общей коммуникативной целеустановки речевого жанра «читательский отклик» и описание институциональных условий его функционирования, а именно функционального стиля, обеспечивающего выход содержания произведения в реальные условия коммуникации.

Ключевые слова: речевой жанр, читательский отклик, текст, функциональный стиль, коммуникация.

FUNCTIONAL CHARACTERISTICS OF THE SPEECH GENRE "READER'S RESPONSE"

Research article

Zemlyanskaya E.N.¹*, Koroleva N.M.²¹ ORCID: 0000-0002-4304-1190;^{1,2} Southwest State University, Kursk, Russia

* Corresponding author (beseda.lena[at]yandex.ru)

Abstract

The general direction of this article is related to the problem of the effectiveness of the practical use of language in the field of mass communication. The focus of modern linguistics on the study of the functional aspect of the text and language allows us to consider communicative-speech processes in speech genres, which determines the relevance of the article. The purpose of the article is to present the speech genre "reader's response" as a completed verbal creation. The main object of the article is to identify the general communicative aim of the speech genre "reader's response" and describe the institutional conditions of its functioning, namely the functional style, which ensures the output of the content of the verbal creation in real conditions of communication.

Keywords: speech genre, reader's response, text, functional style, communication.

Introduction

The article is devoted to the study of one of the most popular speech genres in the field of journalism — the reader's response. Reader's response is the analysis of hot topics that have been discussed in recent magazine publications. Any creative team is flattered when its activity is of interest, therefore, readers' responses are the most important mail for any magazine staff.

Attentive attitude to the readers' responses and the conclusions drawn from them allow the staff to avoid mistakes in the future and improve their activity, so, for the magazine, the response is an incentive to work further. The material of the research was taken from the texts of readers' responses from such world famous glossy English-language women's magazines as "Cosmopolitan", "Marie Claire", "Red", "Seventeen", "Vanity Fair" and "Zest". The sample size was 248 responses for the period from 1996 to 2011.

Discussion

The study of the functional qualities of readers' responses is impossible without the analyzing of the genre system in which they take place. "Genres" constitute a certain system due to the fact that they are generated by a common set of causes and because they also interact and maintain the existence with each other [1. P. 145]. The analysis of the readers' responses showed that they have incorporated the functional qualities of such speech genres as "letter" and "review".

On the one hand, the reader's response is a letter, i.e. "text sent to message something to someone" [2. P. 668]. Researchers distinguish the following types of letters:

- 1) business letters (business communication documents: correspondence between organizations or organizations and an individual; legal, commercial letters, etc.);
- 2) scientific letters (professionally oriented: correspondence of scientists, connected by research interests, not by friendship; for example, linguistic letters, philosophical, etc. depending on the field of science);
- 3) literary letters (as a fact of fiction);
- 4) everyday letters (limited to the sphere of everyday communication);
- 5) publicistic letters (letters to the editors of magazines and newspapers) [3. P. 88].

On the other hand, the evaluative-critical nature of the reader's response makes it similar to the speech genre "review", which is interpreted as "the expression of an opinion about something or someone, giving an assessment of something or someone" [2. P. 618]. Sociological studies have recorded the following motives for readers' appeals to the magazine staff :

- informing the magazine staff and its consumers of new and important facts, drawing public attention to them;
- the desire to share their feelings and thoughts on the problem of interests, express their opinion, proposal for its solution;
- the aspiration to influence, to impact on the work of various organizations with the help of the magazine staff, in order to take part in the government of a state and public affairs;
- the desire to express their opinion, attitude to the work of the magazine staff and to influence on its work;
- the aspiration to receive any information (cognitive, actionable, reference) or help in the social orientation of the individual or to take an advice in a difficult situation;
- the aspiration for self-expression, public recognition, creative aims;
- the desire to establish communication with journalists as with correspondence interlocutors, to alleviate their psychological state [4].

In accordance with the foregoing, the speech genre "reader's response" is defined as an expedient way of processing, storing and transmitting information in the journalistic sphere of communication, designed as an evaluative and critical reaction to materials published in media. [5]

The external, composite structure of the reader's response is composed of the subsequence of introductory, explicating and summarizing parts, integrated into a whole by the theme of the response.

The composite structure includes the headline. For the author who wrote the response, the headline reflects his intention; for the magazine audience, it is the initial semantic unit, which, reflecting the intention, contains the information about the content of the response itself. The headline is often framed in the form of a short question or thesis (premises or conclusions), e.g.: 'Don't forget the groundbreaking work of Erin Pizzey' [Marie Claire 2011: № 11], "The career women too scared to have babies" struck a chord [Marie Claire 2011: № 11], "Who needs words?" [Marie Claire 2002: № 12], "No bull, please" [Seventeen 2001: № 2], "Dial a Love Spy" [Cosmopolitan 2008: № 1], "Full-time fulfillment" [Red 2007: № 12], "Heartbreak help" [Zest 2007: № 4], "No business like war business" [Vanity Fair 2008: № 1].

The introductory part assumes a problem statement and may contain an appeal as an argument from the personality of the speaker (the author of the response), e.g.:

I thought that I could not be any more depressed about the war in Iraq until I read David Rose's article ["The people vs. the Profiteers", November] on the unmitigated fraud and profiteering being perpetrated by private contractors in Iraq and the cover-up, if not willful disregard, of these crimes by the Justice Department. – "No business like war business" [Vanity Fair 2008: № 1];

Thank you for dispelling the myth you can't work and be a good mum in your feature Does Career + Kids Have To = Guilt? (October). – "Full-Time Fulfilment" [Red 2007: № 12];

I enjoyed every last mouthful of your naughty dieter's exploits in "The Dukan diaries". It was refreshing to find another Bridget Jones-style dieter, confessing to starting to fall by the wayside doing it the "Dukan" way after three days of compliance. – "The letters just keep coming about September's "The Dukan diaries" [Marie Claire 2011: № 11].

The explicating part of the reader's response contains an evaluative and critical analysis of the subject of discussion. The subject is viewed in parts by parts in their use, and in general. This is a systemic critical analysis that depends on the intention of the reasoning speech, e.g.:

My father felt that people should always be given "the benefit of the doubt" – and I feel that's what Congress and the American people gave the Bush administration at the start of this now botched situation. It saddens me to see that trust trampled on in the most heinous ways imaginable. – "No business like war business" [Vanity Fair 2008: № 1];

I come from France, where it is the norm to go back to work after having a baby, so I found it shocking that over half my British NCT group didn't plan to. First, I went back part-time, which was great until I got bored of being given second-grade projects. Now, I am back full-time, have been promoted and have never felt so fulfilled. I run home at 6pm to spend time with my two-year-old daughter, who gets my undivided attention until bedtime. Seeing how smiley she is, there is no doubt she is a balanced child — and that's my benchmark. – "Full-Time Fulfilment" [Red 2007: № 12];

Daniel Hine has inspired me to own up to my dieting crimes at my next slimming club weigh-in, where my "I'm so bloated with water retention", or "This new gel bra seems to be weighting me down" excuses are wearing really thin. – "The letters just keep coming about September's "The Dukan diaries" [Marie Claire 2011: № 11].

The summarizing part (conclusion) in the readers' responses is an appeal to the hearts of magazine audience and to their emotions, e.g.:

My only hope is that the appropriate people will eventually be held accountable, but I will not hold my breath (4). – "No business like war business" [Vanity Fair 2008: № 1];

I strongly believe a happy working mum can bring up fantastic kids. Please keep spreading the word! – "Full-Time Fulfilment" [Red 2007: № 12];

Go Danielle, be naughty, be happy. – "The letters just keep coming about September's "The Dukan diaries" [Marie Claire 2011: № 11].

The speech genre "reader's response" as a functional object takes place in a particular system. In our case its a publicistic style. To achieve their goal, publicistic texts must be accessible, understandable to the mass audience: emotive, convincingly logical, not run counter to the everyday practical life experience of those to whom they are addressed. Breach of any of these requirements creates a "barrier" for the effective impact of the publicistic word.

Being integrated into the context of evaluative critical sub-style of the publicistic style, the readers' responses get its impact and possess all its specific qualities such as the "open", "emphasized" expressiveness of the author's "I", the social-evaluative nature of presentation, the alternation of standard and expressive linguistic means, equality of logical and figurative elements in the narration, wide introduction of elements of colloquial speech [6. C. 84].

The qualities above, which are accumulatively defined in the article as "evaluativity", are framework for the speech genre "reader's response" and as a result provide rational-informational as well as emotional-evaluative nature of communication in the readers' responses.

The publicistic style as an environment for the functioning of speech genres is presented in institutional bodies (newspapers, magazines, books, electronic media) that organize written and oral communication. In this article, the institutional environment for the speech genre "reader's response" is a women's glossy magazine, which serves as a channel of communication between the magazine staff and the reader, the consumer of information.

Women's magazines, having their own "macrostyle", in our case publicistic, have their own special "microstyle", determined by the magazine audience. The women's magazine is a holistic, complex, multi-genre composition and a unique, original unity. It has its own set of milestones with its own specifics, its own set of speech genres, its own composition, designed for the tastes of a particular reader.

Readers' responses are published, as a rule, in the milestone "Letters", which are composed of responses of various content or devoted to a specific topic. In the first case, they are called general, and in the second, thematic [7. С. 232]. Readers' responses devoted to one and the same magazine publication (articles, photographs, interviews) are called thematic.

Readers' responses in women's magazines differ in a wide thematic range. Along with the list of topics included in the purely female competence (for example, children, family), women's responses discuss issues of social and political life, such as the war in Iraq, technogenic disasters, terrorism, etc., which is caused by women desire to present themselves as a socially active person.

All responses coming to the magazine staff are read, analyzed and selected for publication in the letters department. Each response is carefully edited in order to improve the framework and style of the material, to make the response language clear, clearly reflecting the author's idea, lexically and grammatically correct. At the final stage, the readers' responses go before the consumers as the texts specially created for the sphere of mass media, i.e. structurally and substantively focused on mass perception.

Editing of coming responses is due to the fact that the format and the magazine capacity, provided by its specificity, its content and purpose, enforce particular size norms to the content and the composition of readers' responses. Outraging these norms will inevitably outrage the composition of the magazine. Many of the responses during the editing process have to be shortened by crossing out parts of the text.

Conclusion

Thus, on the one hand, a women's magazine as a mass media, is a social organization, that collects, stores and converts information. On the other hand, it is a technical means, that helps the magazine staff to present information in a certain way. In the first case the content of the readers' responses is of a great value. In the second case, the design and technical arrangement of the magazine, its composition, which serves as the system of construction, the connection of dissimilar parts of the magazine into an organic unit play an important role.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Лихачев, Д.С. Поэтика древнерусской литературы / Д.С. Лихачев. – Л.: Наука, 1967. – 327 с.
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Ожегов С.И. – М.: Русский язык, 1984. – 797с.
3. Белунова, Н.И. Дружеское письмо творческой интеллигенции как эпистолярный жанр / Н.И. Белунова // Филологические науки. – 2000. – № 5. – С. 81–88.
4. Лебедев, А.А. Как установить обратную связь с аудиторией [Электронный ресурс]. – <http://mediart.ru> (дата обращения: 20.04.2021)
5. Землянская Е.Н. Структурная организация читательских откликов, представленная композиционно-речевой формой «солидарное медитативное рассуждение» / Землянская Е.Н., Королева Н.М. // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия Лингвистика и педагогика. – 2019 №2 (31). – 89 с.
6. Медведева, С.Ю. Категории выделения публицистических текстов / С.Ю. Медведева // Проблемы типологии текста: сб. научно-аналитических обзоров. – М.: ИНИОН, 1984. – С. 57–95.
7. Богданов, Н.Г. Справочник журналиста / Н.Г. Богданов, Б.А. Вяземский. – Л.: Лениздат, 1971. – 686 с.
8. Cosmopolitan 2004. – № 5; 2008. – № 1.
9. Marie Claire 2002. – № 1-12; 2003. – № 1-12; 2006. – № 12; 2007. – № 4; 2011. – №11.
10. Red 2006. – № 8; 2007. – № 4, 12.
11. Seventeen 2001. – № 2.
12. Vanity Fair 1996. – № 6, 8, 10; 2002. – № 11; 2008. – № 1.
13. Zest 2002. – № 8; 2006. – № 12; 2007. – № 4.

Список литературы на английском / References in English

1. Lihachev, D.S. Poetika drevnerusskoj literatury [Poetics of Old Russian Literature] / D.S. Lihachev. – L.: Nauka, 1967. – 327 p. [in Russian]
2. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian Language] / Ozhegov S.I. – M.: Russkij yazyk, 1984. – 797 p. [in Russian]
3. Belunova, N.I. Druzheskoe pis'mo tvorcheskoy intelligencii kak epistoljarnyj zhanr [Friendly letter of the creative

intelligentsia / N.I. Belunova // Filologicheskie nauki [Philological sciences]. – 2000. – № 5. – P. 81–88. [in Russian]

4. Lebedev, A.A. Kak ustanovit' obratnyuyu svyaz' s auditoriej [How to get feedback from your audience] [Electronic resource]. – <http://mediart.ru> (accessed: 20.04.2021) [in Russian]

5. Zemlyanskaya E.N. Strukturnaya organizaciya chitatel'skih otklikov, predstavlenaya kompozicionno-rechevoj formoj «solidarnoe meditativnoe rassuzhdenie» [The structural organization of reader's responses represented by the compositional-speech form "solidary meditative reasoning"] / Zemlyanskaya E.N., Koroleva // Izvestiya YUgo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Lingvistika i pedagogika [Bulletin of the South-West State University. Series Linguistics and Pedagogy]. – 2019 №2 (31). – 89 p. [in Russian]

6. Medvedeva, S.YU. Kategorii vydeleniya publicisticheskikh tekstov [Categories of highlighting non-fiction texts] / S.YU. Medvedeva // Problemy tipologii teksta: sb. nauchno-analiticheskikh obzorov [Problems of text typology: collection of articles. scientific and analytical reviews]. – M.: INION, 1984. – P. 57–95. [in Russian]

7. Bogdanov, N.G. Spravochnik zhurnalista [Journalist's Handbook] / N.G. Bogdanov, B.A. Vyazemskij. – L.: Lenizdat, 1971. – 686 p. [in Russian]

8. Cosmopolitan 2004. – № 5; 2008. – № 1.

9. Marie Claire 2002. – № 1-12; 2003.– № 1-12; 2006.– № 12; 2007.–№ 4; 2011. - №11.

10. Red 2006. – № 8; 2007. – № 4, 12.

11. Seventeen 2001. – № 2.

12. Vanity Fair 1996. – № 6, 8, 10; 2002. – № 11; 2008. – № 1.

13. Zest 2002. – № 8; 2006. – № 12; 2007. – № 4.

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.26.2.9>ИМЕНА ИСТОРИЧЕСКИХ ЛИЧНОСТЕЙ В АНТРОПОНИМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ

Научная статья

Зиннатуллина Г.Х. *

Казанский Национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева, Казань, Россия

* Корреспондирующий автор ([www.gulshatzin\[at\]bk.ru](http://www.gulshatzin[at]bk.ru))**Аннотация**

В статье рассматриваются особенности функционирования в художественных текстах одного из пластов литературных онимов – имен исторических личностей. В ходе исследования антропонимической системы художественных текстов было выявлено, что имена известных личностей активно используются писателями, притом, не только в исторических произведениях, где анализируемые антропонимы выполняют лишь номинативную функцию. Являясь важной художественно-поэтической составляющей художественного пространства, они активно участвуют в формировании стилистических фигур и поэтических приемов.

Ключевые слова: ономастическое пространство; антропонимы; имена исторических личностей; функции; стилистические фигуры; компаративные конструкции.

NAMES OF HISTORICAL FIGURES IN THE ANTHROPONYMIC SYSTEM OF LITERARY TEXTS

Research article

Zinnatullina G.K. *

Kazan National Research Technical University named after A. N. Tupolev, Kazan, Russia

* Corresponding author ([www.gulshatzin\[at\]bk.ru](http://www.gulshatzin[at]bk.ru))**Abstract**

The paper focuses on the distinctive features of functioning of one of the strata of literary onyms - the names of historical figures - in literary works. A study of the anthroponymic system of literary texts revealed that the names of famous personalities are actively used by writers, and not only in historical pieces of writing, where the analysed anthroponyms take on just a nominative function. As an important artistic and poetic component of the art space, they are actively involved in shaping stylistic figures and poetic devices.

Keywords: onomastic space; anthroponyms; names of historical figures; functions; stylistic figures; comparative constructions.

The names and surnames of people that have marked the course of world history are often used in literary texts as well. The writings of the canonical Tatar writers and poets Mirsay Amir, Amirxan Yeniki and Fatikh Khusni have been reviewed to examine the peculiarities of functioning of this stratum of anthroponyms in the artistic space. The study revealed that this stratum of personal names contributes to revealing the main character traits of the protagonists and ensures the integrity of the phrases. Most importantly, however, by reflecting the author's mindset, they play an essential role in shaping the onomasticon of the piece of work as a whole.

The names of famous figures of culture, history, etc. represent a rather thick stratum of the anthroponymicon of the texts under study. Their main function in the structure of a text is to convey information about one's epoch [5, P. 86]. These kinds of personal names act as a kind of social and anthroponymic background to the works. It is rightly noticed by L.M. Shchetinin that names and surnames of famous cultural figures, politicians, scientists, etc. represent a kind of «code», a symbolic language expressing a particular period of public life [7, P. 215].

O.P. Vorobyeva believes that in a literary text the names of historical figures, embodying various elements of information about the character, are the main component to portray the narrated era in realistic terms and in the most plausible colours [2, P. 145].

Given the specifics of using this class of literary anthroponyms in a text, two trends can be distinguished. 1) In historical works, where they perform the function of direct nomination, character individualisation. 2) In works of a non-historical nature, in the context of some informational and historical references, or when they are used as non-plot, stylistically coloured elements. In this regard, it is possible to distinguish the following functions of this stratum of anthroponyms:

1. The nominative function refers to the direct naming of a specific person (character) in historical novels and stories. When considering anthroponyms from this perspective, two works by Amirkhan Eniki deserve special mention: the novella "Göländäm tutash khatiräse" ("Memories of Gulandam") which describes actual historical events of the early 20th century and the autobiographical novella "Soñğı kitap" ("The Pages of the Past") spanning almost two centuries.

The first novella covers the great Tatar composer Salikh Saydashev's youth, his first steps as an artist, and his first love. As Salikh Saydashev's image is inextricably linked to the world of Tatar music and art, the story also focuses on other representatives of Tatar culture of the early 20th century, including Ashraf Sinaeva, Gulsum Bolgarskaya, Mukhtar Mutin, Fatima Ilskaya, Siddiq Aydarov, Sakhıbdzhamal Gızzatullına-Volzhsıkaya and many others. All of them were famous cultural figures and stars of pre-revolutionary Tatar theatre, whose talent was revealed thanks to the first theatrical troupe "Saiyar". All these characters have been created by the author with a special love and warmth of heart. Cf: "Dimäk, şuşı ikän Äxmätsoltan Gabäşi!.. Ni xikmättär, bu da keçkenä buylı ide (ällä muzıkantlar barısı da ber kalıptan töşkännär inde), ämma başkalardan böten kileş-kilbäte belän bik nık ayerılıp tora. ... Läkin anıñ böten kıyäfätennän bik saf küñelle keşelärgä genä xas sadäleک, samimileк, häm şularnıñ çağılışıday üzenä ber mölayemlik börkelep tora. ... " [4, P. 83]. (So this is *Akhmetsultan Gabishev!*..

Strangely enough, he was short too (are all musicians like that?), but he looked very different from everyone else. However, there is a sort of charming sincerity emanating from his whole appearance that is characteristic only of people with pure souls).

2. Names of famous persons that are used to confirm a thought, a "logical" proof (reference to an authority). Cf: "Söt kalır, Vatan kitär! — *Därdmänd tä*" [4, P. 276]. ("The homeland will be gone, but the milk will remain!" also said *Dardmend*). "*Romain Rolland*, buğay, äytä: "Härber keşe üzeneñ künel tiränleğendä üzenä genä ayırım ber qaberlek asrıy" [8, P. 169]. (*Romain Rolland* seems to have said: "Every man has a graveyard of his own in the depths of his soul").

3. Formation of comparative constructions. As Otto Jespersen points out, comparative constructions are based on describing the name holder through his/her prominent quality and comparing him/her with another person possessing the same features [5, P. 85]. Some examples from the texts: "Babası *Märcäni kebek*" böten" keşe ide, märxüm!" [4, P. 377]. (Like his grandfather *Mardzhani*, he was a true man!). "Köçle, matur taviş, — şäp cırlıy, kahäreñ!.. *Menä diğän Xälil*, artığın ezlise da yuk!" [8, P. 73]. (Strong, beautiful voice — excellent singing, damn it! *He looks just like Khalil*, there's no need to look for another one!).

4. The genitive function, i.e. names that identify the authors, the creators of an object, the piece of art, the work being talked about. Cf.: "1902 nçe elda Niğmätcän Yenikeyev diğän ukıtuçı *Gogolnıñ* "Revizor"ın tatarçağa tärçemä itä" [4, P. 7]. (In 1902, a teacher named Nigmatzyan Yenikeyev translates Gogol's *The Government Inspector* into Tatar). "Orkestr soñğı märtäbä *Şopennıñ* "Matäm marş"ın uynadı, ozata kilüçe kızılarmeyetslar avır ğıma kuzğaldılar, kaytıp kittelär..." [8, P.131]. (The orchestra performed *Chopin's* "Funeral March" for the last time, the accompanying Red Army soldiers slowly stood up and headed back...).

Occasionally, along with the authors, both the names of their pieces of work and certain characters that have become the hallmarks of these works are used. Cf.: "Ivan Ivanıç belän Ivan Nikiforoviçnı al, *Gogol kitabınñ* geroyların" [8, P. 209]. (Take, for example, Ivan Ivanovich and Ivan Nikiforovich, the main characters of Gogol's book).

The following example, where the people (the Russian people) act as the "progenitor" of the mentioned geniuses, is very interesting: "Alarnıñ ğasırlar belän ülçänä torğan böyek määdäniyätläre bar". *Alarnıñ Puşkin, Tolstoy, Repin* kebek dahıları bar" [8, P. 315]. (They (the Russian people – G. Z.) have been having a great culture for centuries. They have such geniuses as Pushkin, Tolstoy, Repin).

5. Employing the names of famous people as a symbol, an embodiment of their age. L.M. Bushtyan commented on this: "Sometimes just pronouncing the surname of a prominent person is enough to make a literary text instantly poetic". [1, P. 12]. In the following illustration, the Persian poet Omar Khayyam and the Tatar poet Khadi Taktash stand as symbols of their respective epochs — the Eastern Renaissance and Soviet realism. Naming only the "most famous" implies a long period of time, a huge creative space: "Min añä yeş kına ukıy torgan idem — *Gomär Xäyyämñän* alıp üzebezneñ *Taktaşka* xätle" [3, P. 77]. (I used to read to her a lot of books, from Omar Khayyam to our Taktash).

6. Employing names of prominent figures as the main element of artistic expression. For example, in the novella "Agidel" by Mirsay Amir, the protagonist uses the names of Tatar poets from the early 20th century to show his lack of awareness of political ideology (comparison): "Xikäyä kitapları ukıp kına, *Tukay, Taktaş* şığırlären yatlap kına komsomolets bulıp betep bulmıy..." [9, P. 237]. (You can't become a true Komsomol member just by reading storybooks and poems by Tukay and Taktash). The names of well-known Russian rulers play a similar role in the following example. The author employs these anthroponyms to clearly illustrate the unrest in the heart of his protagonist due to insufficient knowledge of his country's history: "Äye, äye, sin döres äytäseñ, *Nikolay Vtoroy* bulğaç, älbättä, añıñ *Nikolay Pervıye* da bularga tieşlekre beläm, läkin *Nikolai Pervıy* däweren, ul däwerdä nindi tarixi vakıyğalar buluwın, alarnıñ minem büğenge fikerlärem belän nindi bäläneşen barlığın belmim..." [9, P. 266]. (Yes, yes, the things you say are true. I realise that if there was Nicholas the Second, then there must have been Nicholas the First. But I don't know what epoch it was, what historical events took place there and how they relate to my present reflections...).

In the story "Chybyrky" ("The Whip") by Fatikh Khusni, the author employs the names of prominent composers to humorously describe the actions of a mother in the process of parenting her son. She forces him to learn music even though he has no aptitude for it: "Ul üzeneñ taşbaşlı malayennan hiçşiksez *Beethoven*, alay da bulmasa, yaña ber *Salix Säydäşev* äzerläp çırgamakçı" [8, P.15]. (She certainly wants to make her bratty son a Beethoven, or a new Salikh Saydashev at the very least).

Hence, the analysis of the anthroponymic system of the pieces studied has revealed that the names of prominent personalities are actively employed by the writers beyond the historical works, fulfilling a strictly nominative function. The greater part of this stratum of anthroponyms is stylistically coloured and can provide additional information about the characters (revealing their philosophies), participate in the creation of stylistic characters and form comparative constructions along with naming one or another celebrity.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Буштян Л.М. Ономастическая коннотация: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Одесса, 1983. — 27 с.
2. Воробьева О.П. К вопросу о внутритекстовой парадигматике адресативов. Парадигматические отношения в синхронии и диахронии / Воробьева О.П. — Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. университета, 1992. — С.145-156.
3. Еники Ә. Әсәрләр: 5 томда. Т.2 / Еники Ә. — Казан: Татар.кит.нәшр., 2001. — 447 б.
4. Еники Ә. Әсәрләр: 5 томда. Т.4 / Еники Ә. — Казан: Татар.кит.нәшр., 2003. — 479 б.
5. Есперсен О. Философия грамматики / Есперсен О. — М.: Изд-во «Иностранная литература», 1958. — 404 с.
6. Зиннатуллина Г.Х. Ономастическое пространство художественных текстов / Зиннатуллина Г.Х. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 3 (33). Ч.2. С. 84-87.

7. Щетинин Л.М. Имена и названия / Щетинин Л.М. – Ростов: Изд-во Ростовского ун-та, 1968. – 215 с.
8. Хөсни Ф. Сайланма әсәрләр / Хөсни Ф. – Казан: Татарстан Республикасы “Хәтер” нәшрияты, 2002. – 447 б.
9. Әмир М. Безнең авыл кешесе: повестьлар / Әмир М. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2007. – 511 б.

Список литературы на английском / References in English

1. Bushtyan L. M. Onomasticheskaya konnotaciya [Onomastic connotation: extended]. Abstract of PhD dissertation (Phylology), – Odessa, 1983 – 27 pp. [in Russian]
2. Vorobeva O. P. К вопросу о внутритекстовой парадигматике адресативов. Парадигматические отношения в синхронии и диахронии [On the intratextual system of paradigmatic relations of vocatives (forms of address). Paradigmatic relations in synchrony and diachrony] / Vorobeva O. P. – Yekaterinburg: Ural State University Press, 1992, pp.145-156. [in Russian]
3. Eniki Amirkhan. Pieces of work in 5 vol., Vol. 2 / Eniki, Amirkhan. – Kazan, Tatarstan Publishing House, 2001, 447 pp. [in Tatar]
4. Eniki Amirkhan. Pieces of work in 5 vol., Vol. 4 / Eniki Amirkhan. – Kazan, Tatarstan Publishing House, 2003, – 479 pp. [in Tatar]
5. Jespersen, Otto. Filosofiya grammatiki [The Philosophy of Grammar] / Jespersen, Otto – Moscow, Publishing house "Foreign literature", 1958 – 404 pp. [in Russian]
6. Zinnatullina G. Kh. Onomasticheskoe prostranstvo hudozhestvennyh tekstov [Onomastic space of literary texts] / Zinnatullina G. Kh. // Philological sciences. Issues of theory and practice. Tambov: Gramota Publ., 2014, No. 3 (33), Part.2, pp. 84-87.
7. Shchetinin L. M. Imena i nazvaniya [Names and titles] / Shchetinin L. M. – Ростов: Ростов University Publishing House, 1968. – 215 p. [in Russian]
8. Khusni Fatikh. Selected Works / Khusni Fatikh. – Казан, "Khater" Publishing House of the Republic of Tatarstan, 2002, 447 pp. [in Tatar]
9. Mirsay, Amir. A man from our village: novellas / Mirsay, Amir. – Казан, Tatarstan Publishing House, 2007. – 511 pp. [in Tatar]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.26.2.10>**ПОНЯТИЕ «ТРИГГЕР-КОНТЕЙНЕР» В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СТЕГАНОГРАФИИ**

Научная статья

Потапова Р.К.¹, Джунковский А.В.²*¹ ORCID: 0000-0002-7532-9156;² ORCID: 0000-0002-3761-8010;^{1,2} Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

* Корреспондирующий автор (Vetinari01[at]gmail.com)

Аннотация

В статье рассматривается авторское понятие лингвостеганографических «триггер-контейнеров», под триггер-контейнерами мы понимаем уникальные минимальные контейнеры, необходимые для внедрения конфиденциальной информации в письменные русскоязычные тексты. Необходимость введения понятия «триггер-контейнер» связана с систематическим усилием по созданию научно обоснованного метода лингвистического стеганографического сокрытия информации на основе данных лингвистических экспериментов. Одновременное использование «триггер-контейнеров» в контексте сокрытия информации на основе данных лингвистических экспериментов позволит в перспективе разработать методику сокрытия информации в естественных текстах без использования шифров и с высоким уровнем защищенности как от автоматического, так и экспертного визуального стеганоанализа. Новизна исследования состоит в создании понятия «триггер-контейнер», которое описывает еще не описанный феномен в лингвистической стеганографии. Цель работы – введение нового термина, позволяющего на его основе проводить квантитативные исследования в сфере лингвистической стеганографии. В работе предлагается новое понятие «триггер-контейнера», которое позволяет осуществлять исследования в рамках разрабатываемой авторской методики лингвистической стеганографии, основанной на перцептивных экспериментах.

Ключевые слова: экспериментальная лингвистика, экспериментальная стеганография, триггер-контейнер, текстовая стеганография, стеганография для русского языка.

TRIGGER-CONTAINERS IN LINGUISTIC STEGANOGRAPHY

Research article

Potapova R.K.¹, Dzhunkovskiy A.V.²*¹ ORCID: 0000-0002-7532-9156;² ORCID: 0000-0002-3761-8010;^{1,2} Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

* Corresponding author (Vetinari01[at]gmail.com)

Abstract

The article deals with the new term “trigger-container” in linguistic steganography. The necessity to introduce this term was brought about by the creation a unique kind of steganographic containers of minimal possible size that would allow for insertion of confidential information into Russian written texts. The introduction of “trigger-containers” is intrinsically interwoven with our ongoing systematic attempt to create a linguistic steganographic term apparatus of describing sense information protection on the basis of linguistic experimentation with a strong scientific foundation. Concurrent use of the proposed steganographic term in praxis in conjunction with the data yielding from linguistic experiments would allow to create a method for concealing sensitive information in Russian written texts that is simultaneously highly secure against automated and expert-driven visual steganalysis as is not dependent on the usage of cryptographic cyphers. The novelty of this research is based on the introduction of the new term “trigger-containers”, which describes a phenomenon that is not touched upon in other research. The goal of the paper is, likewise, the introduction of the term, which allows one to describe the proper theoretical basis of qualitative research in the field of linguistic steganography. We introduce the term “trigger container” which allows to create the basis for our method of conducting perceptive experimental research in the field of linguistic steganography.

Keywords: experimental linguistics, experimental steganography, trigger-containers, text steganography, Russian steganography.

Introduction

There are two major ways of protecting sensitive information: cryptography and steganography. The basis of cryptography is encrypting information. The basis of steganography is the act of concealing the fact that sensitive information is being transferred. In the contemporary world steganographic methods continue gaining importance. For many purposes, the very fact that a cypher has been used to protect information is detrimental [10]. It can be altered or outright destroyed upon imminent detection [5]. Because cyphers are easily detectable, this, on a fundamental level, makes decryption a matter of time if a third party is targeting a particular information channel [2].

In our work we are currently investigating and furthering an experiment-based approach to **creating steganographic means of concealing** information [1]. While steganography itself is not a new concept, the amount of research of the efficiency of different methods is severely lacking. Furthermore, the scientific study of the subject in relation to Russian written texts is virtually nonexistent.

Methods

In our previous work we have developed a combined three-stage classification and analysis method for steganographic means in written Russian texts [4]. This taxonomy provides a robust basis for identifying alterable variables in Russian written texts and encompasses metalinguistic, linguistic and contextual variables. Each of these can be used as a steganographic container, which is a term used in steganology to describe the outer shell of the intended message. Envisaging and describing this taxonomy created a roadmap of further scientific inquiry. We posited that using linguistic experiments and testing how different variables affect the perception of texts altered via insertion of steganographic containers by native speakers would lead to discovering the most secure and robust potential steganographic containers for Russian written texts [6]. This led to the inception of a framework for exploratory visual perception linguistic experiments with the aim of finding discovery rates for different types of text alteration.

These experiments presuppose working with groups of respondents ($n=100$ and higher), all of them are “naive” speakers of the Russian language. They are given texts that are altered in some way. Some of these alterations include inserting grammatical, lexical, syntactic and stylistic errors, others – altering the presentation of texts removing paragraph separators, spaces between words and punctuation. When working with the former variant, the respondents are asked to highlight what they believe to be “wrong” with the text. In the latter scenario they are asked to restore the text to its original form. Let us briefly provide examples of such alterations: the word “волк” can be presented as “влок”, the error consisting of a changed symbol order. The alteration for “окно” can be “оено”, based on the proximity of the letters “к” and “е” in the Russian keyboard layout. Punctuation errors can simply be achieved by omitting commas in the text. For the latter case, we would alter a text in the following way and then ask the respondents to restore it:

«Небо было заполнено тучами, бегущими на север. Быстро темнело. Нужно было срочно возвращаться домой» – initial form.

«небобылозаполненотучамибегущиминасевербыстротемнелонужнобылосрочновозвращатьсядомой» – altered form.

The results allow us to gather and analyze data on what types of alterations are statistically most and least noteworthy to a “naive” native speaker and to find juncture points that have an in-text spatial probability range, potentially implying that altering the text junctures (i.e. by separating the text into paragraphs at specific points) can be used as a “trigger-container”.

It became apparent that the existing theoretical basis for linguistic steganography lacks the conceptual means of describing our findings and the very direction of the study. The end goal of the research is to find minimal alterations to texts that are nigh-indistinguishable to non-altered instances of the same texts.

Results

The resulting thought process that lead to introducing the notion “trigger-container” was the following one: there currently already exist **means** of concealing information that are based on “highlighting” certain letters, words, phrases or sentences. Some of these means are cryptographic and function because of an underlying mathematical model, some are combined cryptographic-steganographic means. These aforementioned combined cryptographic-steganographic means, however, are still largely dependent on their cryptographic aspects. Their main drawback is that discerning the algorithm guarantees that the container will be breached over time [7]. The concealed sense itself is “augmented” into a natural language text. The stego in these cases is similar to a map or a coordinate grid that, when overlaid over a specific text, yields a secret message [3, 9]. When such (a) text is intercepted, deciphering one hidden message endangers all other messages sent via a channel or between two parties in constant communication [8].

This drawback leads to the need and the opportunity to conceptualize a steganographic linguistic container that doesn’t rely on concealing the hidden message within the text proper. The basis of such container is using minimal linguistic alterations, its theoretical functional semantic basis is a preliminary agreement between two parties. The message itself is known to both parties that try to achieve a secure transfer of sensitive information, and the appearance of the agreed-upon text alteration in the text acts as the “trigger” event that signals the receiving party that the information is to be perceived. The “trigger-container” is a sleeper message that is hidden in plain sight and activated by a minimal alteration of the text that both parties of communication are aware of.

Discussion

“Trigger-containers” in praxis allow two parties to securely relay potentially unlimited volumes of data through unsecure monitored channels as long as the information is agreed upon beforehand. Such method of hiding the information would be useful in long-term planning that requires a high degree of discretion. Let us provide an example of such a situation: two businesses are planning a merger, but the communication channels are compromised because of corporate espionage. The news that the merger is in effect becoming public too early will cause sudden oscillations of the market price of stocks of both companies and might lead to the merger becoming unprofitable. In a situation like this the use of a “trigger-container” could be an easy and efficient solution to the theoretical situation.

The very nature of “trigger-containers” makes the scenario where the stego itself is compromised nigh-impossible: the only option for third parties in this scenario is to destroy or reroute the message to prevent it reaching the receiving party. If the volume of communication between two parties is large, the third party aiming to disrupt or compromise that communication will encounter issues when trying to discover which messages contain secret information and which don’t if a “trigger-container” is used. This is achieved by the “trigger-container” being identical to either a legal (from the *usus* standpoint) use of language means or to a random error.

Conclusion

The notion “trigger-container” represents a linguistic steganographic container that consists of a minimal alteration in the text that is identical to normal language use, but covertly refers to a message the sending and receiving parties have agreed upon beforehand.

The drawbacks of using trigger-containers are that the messages are rigid and difficult to alter. This brings about the need to create lexicons of “trigger-containers” for relaying different messages. At the same time, concurrent use of too many trigger-containers will lower the security of a message by drawing the expert’s attention to the number of anomalies in it.

Nevertheless, the use of trigger-containers can be optimal when there is need for expedient and highly secure communication of mission-critical and highly confidential messages that need to be protected both from interception and destruction by third parties. Furthermore, the introduction of this notion creates the groundwork for issues where further development of experimental methods in the field of linguistic steganography is necessary.

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-312-90066.

Funding

The reported study was funded by RFBR, project number 19-312-90066.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Потапова Р.К. Перспективы использования стеганографических технологий в звучащей речи на современном этапе развития / Р.К. Потапова, А.В. Джунковский // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. – 2019. – № 5 (821). – С. 206–211.
2. Салагай М.О. Просодические средства защиты смысловой информации (экспериментально-фонетическое исследование в области стеганографии) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.21 : защищена 14.11.2011 / Салагай Марина Олеговна. – Москва: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2011. – 203 с.
3. Bennet K. Linguistic Steganography: Survey, Analysis, and Robustness Concerns for Hiding Information in Text / K. Bennet // CERIAS Tech Report. – 2013. – № 4. – pp. 1–30.
4. Dzhunkovskiy A.V. Steganography: Three-Stage Analysis Methodology Applied to Russian Written Texts / A.V. Dzhunkovskiy // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. – 2018. – № 6 (797). – pp. 117–123.
5. Johnson N.F. Exploring Steganography: Seeing the Unseen / N.F. Johnson, J. Sushil // IEEE Computer. – 2020. – № 32(2). – pp. 26–34.
6. Potapova R. Preliminary Investigation of Potential Steganographic Container Localization / R. Potapova, A. Dzhunkovskiy // Lecture Notes in Artificial Intelligence. – 2020. – vol. 12335. – pp. 389–398.
7. Provos N. Defending Against Statistical Steganalysis / N. Provos // Michigan: University of Michigan Press, 2001. – 343 p.
8. Ross A. On the Limits of Steganography / A. Ross, F. Petitcolas // IEEE Journal of Selected Areas in Communications. – 1998. – № 4(16). – pp. 474–481.
9. Taskiran C.M. Attacks on Lexical Natural Language Steganography Systems / C.M. Taskiran, U. Topkara, M. Toplara // Proceedings of the SPIE International Conference on Security, Steganography, and Watermarking of Multimedia Contents, San Jose, CA, February 15-19, 2006. – pp. 122–130.
10. Wayner P. Disappearing Cryptography: Information Hiding & Steganography and Watermarking / P. Waner. – San Francisco: Morgan Kaufmann, 2009. – 456 p.

Список литературы на английском / References in English

1. Potapova R.K. Perspektivy ispol'zovaniya steganograficheskikh tehnologij v zvuchashhej rechi na sovremennom jetape razvitija [Prospects of using modern steganographic technologies in spoken speech] / R.K. Potapova, A.V. Dzhunkovskij // Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki [Vestnik MSLU. Humanitarian sciences]. – 2019. – № 5 (821). – pp. 206–211. [in Russian]
2. Salagaj M.O. Prosodicheskie sredstva zashhity smyslovoj informacii (jeksperimental'no-foneticheskoe issledovanie v oblasti steganografii) [Prosodic means of information protection (experimental phonetic inquiry in the field of steganography)]: dis. ... kand. filol. nauk [Dissertation of a PhD in Philology] : 10.02.21 : zashhishhena 14.11.2011 / Salagaj Marina Olegovna. – M.: FGBOU VPO MGLU [MSLU], 2011. – 203 p. [In Russian]
3. Bennet K. Linguistic Steganography: Survey, Analysis, and Robustness Concerns for Hiding Information in Text / K. Bennet // CERIAS Tech Report. – 2013. – № 4. – pp. 1–30.
4. Dzhunkovskiy A.V. Steganography: Three-Stage Analysis Methodology Applied to Russian Written Texts / A.V. Dzhunkovskiy // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. – 2018. – № 6 (797). – pp. 117–123.
5. Johnson N.F. Exploring Steganography: Seeing the Unseen / N.F. Johnson, J. Sushil // IEEE Computer. – 2020. – № 32(2). – pp. 26–34.
6. Potapova R. Preliminary Investigation of Potential Steganographic Container Localization / R. Potapova, A. Dzhunkovskiy // Lecture Notes in Artificial Intelligence. – 2020. – vol. 12335. – pp. 389–398.
7. Provos N. Defending Against Statistical Steganalysis / N. Provos // Michigan: University of Michigan Press, 2001. – 343 p.
8. Ross A. On the Limits of Steganography / A. Ross, F. Petitcolas // IEEE Journal of Selected Areas in Communications. – 1998. – № 4(16). – pp. 474–481.
9. Taskiran C.M. Attacks on Lexical Natural Language Steganography Systems / C.M. Taskiran, U. Topkara, M. Toplara // Proceedings of the SPIE International Conference on Security, Steganography, and Watermarking of Multimedia Contents, San Jose, CA, February 15-19, 2006. – pp. 122–130.
10. Wayner P. Disappearing Cryptography: Information Hiding & Steganography and Watermarking / P. Waner. – San Francisco: Morgan Kaufmann, 2009. – 456 p.

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.26.2.12>**ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОЛОРИСТИЧЕСКИХ МЕТАФОР НЕМЕЦКОГО МЕДИЙНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ПЕРИОДА ПАНДЕМИИ**

Научная статья

Литвинова Т.И.¹, Шустова И.Н.²*^{1,2} Воронежский государственный педагогический университет, Воронеж, Россия

* Корреспондирующий автор (irina.philatova[at]mail.ru)

Аннотация

Статья посвящена анализу особенностей колористической метафоросистемы медиаполитического дискурса ФРГ эпохи коронавируса. В ходе исследования выявлены базовые характеристики цветового спектра современной «коронаполитической» реальности, объективированы новые актуальные социально-политические феномены периода пандемии, номинируемые образными цветовыми репрезентациями немецкого политдискурса СМИ, проанализированы ключевые прагматические смыслы исследуемого типа цветообразов. В результате проведённого исследования целесообразно заключить, что основная цветовая палитра немецкого коронавирусного политического медиадискурса, моделируемая метафорическими образами, объективируется ключевыми колоронимами тёмных оттенков, а также серым, красным, жёлтым, зелёным цветами. Яркая представленность такого рода цветообозначений сопряжена с появлением абсолютно новых феноменов-реалий «ковидного» времени («коронавирус», «ковидный светофор», «зелёный паспорт»). Прагматический потенциал «коронавирусных» метафор в формате медийного политического дискурса Германии сопряжён в целом с негативным воздействием, с формированием пейоративных смыслов тревоги, беспокойства, пессимистичности, опасности, смерти.

Ключевые слова: немецкий медиаполитический дискурс, колористическая метафора, образная номинация, цветообозначение, колороним, эпоха коронавируса, пандемия, COVID-19, прагматический потенциал, коронавирус, «ковидный светофор», «зелёный паспорт».

THE PECULIARITIES OF FUNCTIONING OF COLORISTIC METAPHORS OF THE GERMAN MEDIA-POLITICAL DISCOURSE OF THE PANDEMIC PERIOD

Research article

Litvinova T.I.¹, Shustova I.N.²*^{1,2} Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russia

* Corresponding author (irina.philatova[at]mail.ru)

Abstract

The article is devoted to the analysis of the peculiarities of coloristic metaphor system of the FRG media-political discourse of the coronavirus epoch. While the investigation, the basic characteristics of the color spectrum of modern "coronapolitical" reality were revealed, new acute social-political phenomena of the pandemic period, named by the figurative color representations of the German media-political discourse were objectified, key pragmatic meanings of the type of color images under consideration were analyzed. As a result of the conducted research it is worth concluding that the basic color palette of the German coronavirus media-political discourse, modelled by metaphorical images, is objectified by key coloronyms of dark tones as well as grey, red, yellow, green colors. Pretty vivid representation of such kind of color-naming is connected with the emergence of absolutely new phenomena-realities of the "covid time", such as ("coronavirus", "COVID traffic lights", "green passport"). Pragmatic potential of "coronavirus" metaphors in the format of the German media-political discourse is generally connected with the negative influence, with the forming of pejorative meanings of alarm, anxiety, pessimism, apathy, danger and death.

Keywords: German mediapolitical discourse, coloristic metaphor, figurative nomination, color-naming, coloronym, the coronavirus epoch, pandemic, COVID-19, pragmatic potential, coronavirus, "COVID traffic lights", "green passport".

Introduction

The Year 2020 can rightly be considered a year of global tragedies, shock and crisis. The outcome and flash like expansion of a large-scale virus COVID-19 brought to life absolutely new epoch-reality that touched upon the most different spheres of human life, including the field of politics.

The modern media-political discourse, endowed with the important ability to react currently to the changes and transformations happening in the society and to reflect them, appears not only the important translator of the significant events of the politic world in the pandemic period but also a relevant mouthpiece of acute realities connected with them.

The analysis of the contemporary scientific works showed that the coronavirus discourse in politics reveals new angles and wide perspectives for the linguistic research, because various linguopolitological problems have always been in the focus of the linguists' attention and those objectified in the discursive space of politics in the format of the narrative "coronavirus" are not an exception [1], [3], [5], [7] and etc.

The high demand for the use of figurative nominations while describing the coronavirus is connected with the system characteristics of metaphors, applied in the modern media-political rhetoric, the study of which contributes to the comprehension and reconstruction of the particular segments of the political world reality [1], [3], [4] and etc.

In the context of wide metaphorical repertoire, coloristic metaphor appears one of the highly represented categories of figurative nominations, widely used while creating the coronavirus epoch picture of the world in the German media-political sphere. Significant function of such figurative nominations in the context of acute reality is not only informative, but also

fulfills signal-affecting function, the realization of which is revealed in the governing and regulation of the mass consciousness. Such kind of postulate confirms the thesis by Budaeva D.R. [2, P. 14], Shapochkin D.V. [8, P. 53] that a color like no other symbol can appear as a relevant means of management and control.

Due to the fact that the system of color nominations of the German media-political discourse is quite dynamic in its essence and subjected to regular changes, the study of its peculiarities and regularities of functioning in the event-discursive focus «coronavirus 2020-2021» appears to us quite topical.

In the present article, the attempt has been made to investigate and analyze the corpus of current color nominations of the German media-political discourse representing COVID-19, with the aim to reveal the specific character of the color specter of the modern “coronapolitical” reality, to objectify and interpret new topical socio-political realities of the coronavirus epoch, nominated by coloristic representations, and also with the aim to determine the pragmatic potential of the studied type of metaphors.

Methods

To achieve the set of aims we have analyzed the corpus of empirical material comprising 482 metaphorical units taken from the political texts of the German electronic issues such as «Focus», «Frankfurter Allgemeine Zeitung», «Stern», «Stuttgarter Zeitung», «Süddeutsche Zeitung», published in the period from 01.02.2020 to 1.03.2021. In the course of the research the following methods have been used: lingua-cognitive analysis, cognitive-discursive analysis, descriptive analysis, contextual analysis, metaphorical modeling.

Discussion

As our observations have shown, the current figurative coloristic space of the FRG media-political landscape, modelling the phenomenon of the “coronavirus”, objectifies the close interconnection between the archetype COLOR and modern political reality.

The traditional symbolic colors of the German political landscape appear as basic color-naming of high frequency, characterizing the “epoch of pandemic” in the German mass media.

However, the representation and ways of functioning of the color-namings of “the covid time” in the context of German political discourse, have vividly expressed specificity, linked mainly to the novelty and insufficient study of the phenomenon “coronavirus” and objectification of the current realities connected with it.

While describing the period of the pandemic, we noticed that the colors of dark tones (dark, gloomy, somber / dunkel, düster) predominate in the coloristic metaphor system of the German mass media.

The appeal of the journalists to somber color nominations characterizing coronavirus political reality appears to us quite reasonable, because the pragmatic potential of such color characteristics exactly reflects the negative perception of the terrible, unknown, dangerous, suppressing phenomenon which is able to destroy everything on its way, and which is still invincible by no means and efforts of anybody in our reality in the whole world.

Ohne einen Frontalangriff gegen das Virus wird Corona im Jahr 2021 der einzige wahre Sieger sein... Höchstens eine noch längere dunkle Zeit [22] (Without a frontal attack on the virus in 2021 the infection will be the only real winner... At least for a long somber time.)

Since the moment of its appearing COVID-19 has immersed the whole mankind in the world of the unknown, hopelessness, darkness, and fear with the help of figurative nominations of the semantic sphere “color” in the format of the German media-political discourse.

Corona führt uns seit Monaten ins Unbekannte, ins Dunkle [16]. (During several months Corona has been leading us to the unknown, into the darkness.) To model pessimistic and threatening mood in the society while characterizing the coronavirus time in the format of the German political media discourse, the color-naming “grey”/ grau is often used. The presentation of this color in the format of German political rhetoric explicates the images of gloomy existence, hopeless and depressing future of the “troubled COVID times”: ... *und was genau bei Rot passiert, steht auch noch in grauer Zukunft [15].* (... and what exactly happens at the red light, the grey future will give the answer to this question).

Still, it is necessary to notice, that in 2021 in the color metaphor system of the FRG media-political discourse, separate positive coloristic images are starting to immerse. They give hope to people to see a light in the end of the relentless covid tunnel. Such metaphors give hope for the corona-situation stabilization in the world.

Sie (A. Merkel) "sehe ein leichtes Licht am Ende des Tunnels, aber es ist eine unglaublich schwere Zeit" [20] (She (A. Merkel) sees a slight light in the end of a tunnel, but it is incredibly difficult time.)

As it was mentioned earlier, coronavirus being unusual and new phenomenon, comprehensively touched all various spheres of the world political society and became so called “litmus test” reflecting numerous problems of the modern politics. In the context of the FRG political discourse in the chain of other problems of the world politics, COVID-19, having appeared as an indicator, particularly acutely highlighted the problem of genuine European coalition and democracy.

"Die Pandemie wird zum Lackmüstest für die Demokratie" [14] (pandemic became a litmus test for the democracy); „Ein Lackmüstest für europäische Solidarität“ [17] (a litmus test for the European coalition), Eine Pandemie als Lackmüstest [18] (the pandemic as a litmus test).

Such comparisons, implicitly connected with the color spectrum, let fix the real factual condition of the European political system and European political landscape.

In the course of the base empirical material analysis, it has been revealed that the bright richness of coloristic images of the modern German media-political discourse of the COVID-19 period is associated with the appearing and frequent actualization of the phenomenon “covid traffic lights” in the media sources.

Analyzing this reality in the linguistic aspect, it is necessary to highlight that color metaphor “traffic lights” does not appear absolutely new in the format of the FRG media-political discourse and represents a semantically complicated figurative nomination with the implicit meaning.

It is worthwhile mentioning that in its initial interpretation the figurative nomination “traffic lights” / die Ampel objectifies one of the earlier existing in the German political landscape coalitions, nomination of which is based on the combination of party colors: social-democratic (red), liberals (yellow) and the Green (green).

Actualization of the “Ampel” coloristic representation of the present coronavirus epoch in the German media-political space is associated with the emergence of a new reality in the world of modern European politics. And this is the reality of the coronavirus map, color characteristics of which reflect other symbolic senses.

Für die ganze Welt gilt ab Donnerstag ein einheitliches dreistufiges System, das man auch als Ampel beschreiben kann. Rot: Reisewarnung... Gelb: Reisewarnung light... Grün: Urlaub auf eigene Gefahr [19] (Since Thursday in the whole world the common three-level system starts working. Its functioning can be compared with the work of traffic lights. Red signifies prohibition, it warns about danger of travelling. Yellow warns about hesitation regarding trips. Green allows organizing rest at one's own risk).

Österreich hat zur Einschätzung der epidemiologischen Lage im Land die Corona-Ampel eingeführt [12]. (To estimate the epidemiological situation in the country, Austria has brought in the system of “coronavirus traffic lights”).

The system of “coronavirus traffic lights” of the European Union which started functioning on the 15th of June, 2020, appears as a set of common criteria of control for the risk zones of COVID-19 with the symbolic color coding. Following the principal of traffic lights work, countries of the EU mark the territories of the “virus zones” with classic colors: green, yellow or red judging from the epidemiological situation.

Unpredictability of the situation depending on the flash like spread of the COVID-19 among the population, is fixed by the quick change of the color on the “Ampel” traffic lights, so the FRG media space is gaudy with the diversity of color images while describing the coronavirus reality.

Aber die grüne Corona—Ampel kann auch ganz schnell auf rot springen [19] (But the green corona traffic lights can suddenly change to the red one.)

It is necessary to highlight that basic colors of “the covid traffic lights” (green / grün, yellow / gelb, red / rot), on the pages of modern German press, very quickly have gained several tint variants.

Special diversity of tints and color tones in the format of the German media-political discourse while characterizing the system of the coronavirus epoch traffic lights belongs to the red color. Being a symbol sign of special alert, danger, and notification, color image RED in separate contexts of coloristic metaphors transforms into dark red (tiefrot, dunkelrot). Actualization of this tint variant of red signals about a very high level of infection among the population in different regions of Germany.

Die Corona-Fallzahlen steigen auch in München rasant an. Die Corona-Ampel zeigt mittlerweile Dunkelrot [11] (The number of the infected with coronavirus also grows speedily in München. Meanwhile, covid traffic lights shows dark red.)

However, for marking extreme cases of troubled coronavirus situation, in the figurative coloristic repertoire of the German media political discourse, the pink color is objectified. Initially, this color image was used by Robert Koch institute and was objectified in the Press while describing tense epidemiological situation in the German town Hildburghausen.

Seit einigen Wochen ist die deutsche Corona-Karte des RKI Robert Koch-Instituts tiefrot. ... In Hildburghausen sind die Fallzahlen so hoch, dass sich der Kreis als erster beim RKI pink färbt [10] (The German covid map studied by R.Koch institute, has been staying dark red for several weeks already. In Hildburghausen a number of the infected is so high that this region is the first colored bright pink by the RKI.)

In the coloristic metaphor system of the German political discourse of the coronavirus epoch, close by its symbolic meaning to pink, purple color / lila is actualized. Presence of this color reflects extremely high statistics of the infected population.

Ganz Deutschland ist jetzt Corona-Risikogebiet – mehrere Landkreise springen von rot auf lila [13]. (All Germany nowadays presents a risk zone. Many land territories have been colored from red to purple.)

Thus, symbolic characteristics of red, pink, purple colors of the traffic lights system of the acute European political reality are associated with the aggressive coloring, vectors of danger, alert, death. Such coloristic metaphors do not create images with positive connotation.

Semantic pragmatic potential of the yellow color in the analyzed aspect is realized as a signal of warning, as a sign of keeping a waiting position and being careful.

Basic color palette of metaphors of the covid epoch of the German political discourse is also represented by the green color. Familiar positive connotations of green in German politics [6, C. 114-115] stay influential in the format of current coronavirus political discourse, key pragmatic impulses of which are allowance, safety, hope, positive mood, tranquility.

Considerable activation of green color-namings in the format of the German political discourse of the covid reality under consideration is connected not only with the objectification of the phenomenon “covid traffic lights” and its signal green color, but also with the emergence of the new social-political reality “green/covid passport” / «der grüne Pass».

In Israel können Bürger, die zwei Impfdosen gegen das Coronavirus erhalten haben, seit neuestem einen "Grünen Pass" ausgestellt bekommen [21]. (The citizens of Israel who were vaccinated twice against the coronavirus since recent time can get a “green passport”).

It is worthwhile clarifying that the “green passport” is a new kind of electronic document in Israel which is handed in to those citizens who have been vaccinated against COVID-19 and it gives them the right to habitual, without additional limits way of life.

The possibility of introducing the system of “green passport” on the territory of the EU and its separate states is actively discussed now by the politic elite of Europe, that allows to suggest that this color metaphor in the closest time will be included in the habitual stated fund of color nominations of the German media-political discourse.

Results

The held analysis of coloristic metaphor system of the FRG political discourse in the event-discursive foreshortening «pandemics 2020-2021» allowed to conclude the following:

Present situational-contextual reality of the coronavirus epoch generated a huge layer of coloristic metaphors in the format of the modern German media-political discourse. Functional purpose of figurative nominations of the covid time color is connected with their meaningful resource to influence individual consciousness, to govern and regulate people’s behavior.

Color landscape of the metaphor system of the modern FRG media-political discourse in the COVID-19 period is represented, in a considerable degree, by tints of dark tones (dunkel, düster), grey (grau), red (rot) and its tint variants (dunkelrot, tiefrot, rosa, lila), yellow, green colors.

In the row of new phenomena-realities of the German media coronavirus discourse objectified by coloristic nominations of the analyzed period, the most frequent and bright ones are the phenomena of “covid traffic lights” and “green passport”.

Coloristic “traffic lights” figurative nominations of the covid period refer to the type of representations with a high potential of metaphorical activity that is explained by a signal regulating mechanism of the three colors (red-yellow-green) influence. The triad forms a strong symbolic background to create definite emotional mood contributing to introduction of the necessary ideas into the mass consciousness.

Under the influence of new discursive circumstances, colorful figurative representations of the German coronavirus political discourse are endowed with traditional as well as with new pragmatic senses.

All in all, it is necessary to state that analyzed type of metaphors set the tone of negative influence, manifesting pejorative senses of pessimism, fear, alert, and hopelessness. Such kind of sense meanings are objectified predominantly by figurative nominations of the German political discourse, representing dark tones and grey color. Main symbolic characteristics of red color and its sense tints variants are connected with the signal of special danger. Major informative-pragmatic purpose of the yellow coloristic coronavirus color images is to signify warning. Some examples of color metaphor system of coronavirus in the context of which green coloronym is objectified make an exception. Green color preserves traditional positive semantic meanings of “allowance”, “tranquility”, “safety”, “hope”.

Conclusion

Coloristic metaphor system of coronavirus in the German media-political discourse appears as a developing system, study of which will be acute still more continuing period, due to quick changes in the discursive conditions of our time which guarantee reforming of the social-political reality as well as its language reflection. Concerning this fact, further analysis of the present segment of the linguistic field seems to us quite perspective.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Балашова Л.В. Милитарная метафора как способ формирования концепта КОВИД-19 в речи В.В. Путина / Л.В. Балашова // Коммуникативные исследования. – 2020. – Т. 7. – № 4. – С. 777–800.
2. Будаева Д.Р. Цветообозначения в политическом дискурсе / Д.Р. Будаева // Лингвокультурология : сб. науч. трудов, Вып. 5. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2011. – С. 4–33.
3. Данкова Н.С. Репрезентация пандемии в СМИ: метафорический образ войны (на материале американских газет) / Н.С. Данкова, Е.В. Крехтунова // Научный диалог. – 2020. – № 8. – С. 69–83.
4. Калинин О. И. Дискурсивная метафора короновируса в СМИ КНР / О.И. Калинин // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. Вып. 8 (837). – 2020. – С. 26–37.
5. Карасик В.И. Эпидемия в зеркале медийного дискурса: факты, оценки, позиции / В.И. Карасик // Политическая лингвистика. – 2020. – № 2 (80). – С. 25–34.
6. Керимов Р.Д. Лингвосимволика цвета в немецкоязычной политической культуре / Р.Д. Керимов // Политическая лингвистика. – 2013. – № 2 (44). – С. 107–124.
7. Петренко Д. А. Средства языковой выразительности в образе COVID-19 (на материале немецкого политического дискурса СМИ) / Д. А. Петренко, Э.В. Лихачёв, М.В. Чернышова // Научный диалог. – 2020. – № 7. – С. 194–209.
8. Шапочкин Д.В. Цветообозначения в немецком политическом дискурсе / Д.В. Шапочкин // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. – 2019. – Том 5. – № 4 (20). – С. 53–63.
9. Klosa-Kückelhaus A. Neue Wörter in der Coronakrise – von Social Distancing und Gabenzaun / A. Klosa-Kückelhaus // Sprachreport. – 2020. – No. 2. – S. 1–5. [Электронный ресурс]. – URL: <https://pub.ids-mannheim.de/laufend/sprachreport/pdf/sr20-2.pdf> (дата обращения: 2.12.2020).
10. "Alarmstufe Rot reicht nicht mehr aus: RKI vergibt für Corona-Superkreis eine neue Farbe" [Электронный ресурс]. – URL: <https://kurzelinks.de/gvn4> (дата обращения: 12.12.2020).
11. "Corona-Ampel auf Dunkelrot: Welche Regeln jetzt in München gelten" [Электронный ресурс]. – URL: <https://kurzelinks.de/5pbl> (дата обращения: 02.11.2020).

12. "Corona-Ampel in Österreich: Das bedeuten die Farben" [Электронный ресурс]. – URL: <https://kurzelinks.de/9ls5> (дата обращения: 12.11.2020).
13. ""Das Virus kennt keine Grenzen" – und 25 weitere Corona-Phrasen, die wir langsam auswendig können" [Электронный ресурс]. – URL: <https://kurzelinks.de/8xs4> (дата обращения: 20.02.2021).
14. "Die Pandemie wird zum Lackmuestest für die Demokratie" [Электронный ресурс]. – URL: <https://kurzelinks.de/d21s> (дата обращения: 22.05.2020).
15. "Diese drastischen Maßnahmen gelten ab 2. November" [Электронный ресурс]. – URL: <https://kurzelinks.de/g8ya> (дата обращения: 10.11.2020).
16. "Echtes Fest der Stille!" [Электронный ресурс]. – URL: <https://kurzelinks.de/fds0> (дата обращения: 25.12.2020).
17. "Ein Lackmuestest für europäische Solidarität" [Электронный ресурс]. – URL: <https://kurzelinks.de/lyg8> (дата обращения: 19.04.2020).
18. "Eine Pandemie als Lackmuestest" [Электронный ресурс]. – URL: <https://kurzelinks.de/vefk> (дата обращения: 16.10.2020).
19. "Ende der pauschalen Reisewarnung: Das neue Ampelsystem weckt kaum Urlaubsgefühle" [Электронный ресурс]. – URL: <https://kurzelinks.de/zur5> (дата обращения: 12.10.2020).
20. "Kanzlerin sieht "Licht am Ende des Tunnels"" [Электронный ресурс]. – URL: <https://kurzelinks.de/ybl8> (дата обращения: 12.02.2021).
21. "Österreichs Kanzler Kurz plädiert für EU-weiten Corona-Impfpass nach Israel-Vorbild" [Электронный ресурс]. – URL: <https://kurzelinks.de/73b6> (дата обращения: 28.02.2021).
22. "Schweden ist auf dem Weg in eine dunkle Zeit" [Электронный ресурс]. – URL: <https://kurzelinks.de/1rk9> (дата обращения: 22.12.2020).

Список литературы на английском / References in English

1. Balashova L.V. Militarная метафора как способ формирования концепта COVID-19 в речи V.V. Putina [Militaristic metaphor as a way of forming the COVID-19 concept in V.V. Putin] / L.V. Balashova // Kommunikativnie issledovaniya. – 2020. – Vol. 7. – № 4. – P. 777–800. [in Russian]
2. Budaeva D.R. Tsvetooboznacheniya v politicheskom diskurse [Color designations in political discourse] / D.R. Budaeva // Lingvokulturologiya : sb. nauch. trudov, Issue 5. – Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 2011. – P. 4–33. [in Russian]
3. Dankova N.S. Rerezentatsiya pandemii v SMI: metaficheskiy obraz vojni (na materiale amerikanskih gazet) [Media Representation of the Pandemic: A Metaphorical Image of War (Based on American Newspapers)] / N.S. Dankova, E.V. Krekhtunova // Nauchniy dialog. – 2020. – № 8. – P. 69–83. [in Russian]
4. Kalinin O.I. Diskursivnaya metafora koronavirusa v SMI KNR [A discourse metaphor for coronavirus in the PRC media] / O.I. Kalinin // Vestnik MGLU. Gumanitarnie nauki. Issue 8 (837). – 2020. – P. 26–37. [in Russian]
5. Karasik V.I. Epidemia v zerkale mediinogo diskursa: fakti, otsenki, pozitsii [The epidemic in the mirror of media discourse: facts, assessments, positions] / V.I. Karasik // Politicheskaya lingvistika. – 2020. – № 2 (80). – P. 25–34. [in Russian]
6. Kerimov R.D. Lingvosimvolika tsveta v nemetskoyazichnoi politicheskoi culture [Linguosymbolism of color in German-speaking political culture] / R.D. Kerimov // Politicheskaya lingvistika. – 2013. – № 2 (44). – P. 107–124. [in Russian]
7. Petrenko D.A. Sredstva yazikovoї virazitelnosti v obraze COVID-19 (na materiale nemetskogo politicheskogo diskursa SMI) [Linguistic means in the image of COVID-19 (based on the material of the German political discourse in the media)] / D. A. Petrenko, E.V. Likhachev, M.V. Chernishova // Nauchniy dialog. – 2020. – № 7. – P. 194–209. [in Russian]
8. Shapochkin D.V. Tsvetooboznacheniya v nemetskom politicheskom diskurse [Color coding in German political discourse] / D.V. Shapochkin // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnie issledovaniya. Humanitates. – 2019. – Vol 5. – № 4 (20). – P. 53–63. [in Russian]
9. Klosa-Kückelhaus A. Neue Wörter in der Coronakrise – von Social Distancing und Gabenzaun [New words in the corona crisis - from social distancing and gift fence] / A. Klosa-Kückelhaus // Sprachreport. – 2020. – No. 2. – P. 1–5. [Electronic resource]. – URL: <https://pub.ids-mannheim.de/laufend/sprachreport/pdf/sr20-2.pdf> (accessed: 2.12.2020). [in German]
10. "Alarmstufe Rot reicht nicht mehr aus: RKI vergibt für Corona-Superkreis eine neue Farbe" [Red alert is no longer sufficient: RKI is assigning a new color to the Corona super circle] [Electronic resource]. – URL: <https://kurzelinks.de/gvn4> (accessed: 12.12.2020). [in German]
11. "Corona-Ampel auf Dunkelrot: Welche Regeln jetzt in München gelten" [Corona traffic light on dark red: Which rules now apply in Munich] [Electronic resource]. – URL: <https://kurzelinks.de/5pbl> (accessed: 02.11.2020). [in German]
12. "Corona-Ampel in Österreich: Das bedeuten die Farben" [Corona traffic light in Austria: This is what the colors mean] [Electronic resource]. – URL: <https://kurzelinks.de/9ls5> (accessed: 12.11.2020). [in German]
13. ""Das Virus kennt keine Grenzen" – und 25 weitere Corona-Phrasen, die wir langsam auswendig können" [The virus knows no borders " - and 25 other corona phrases that we are slowly learning by heart] [Electronic resource]. – URL: <https://kurzelinks.de/8xs4> (accessed: 20.02.2021). [in German]
14. "Die Pandemie wird zum Lackmuestest für die Demokratie" [The pandemic is becoming the litmus test for democracy] [Electronic resource]. – URL: <https://kurzelinks.de/d21s> (accessed: 22.05.2020). [in German]
15. "Diese drastischen Maßnahmen gelten ab 2. November" [These drastic measures will apply from November 2nd] [Electronic resource]. – URL: <https://kurzelinks.de/g8ya> (accessed: 10.11.2020). [in German]
16. "Echtes Fest der Stille!" [Real festival of silence!] [Electronic resource]. – URL: <https://kurzelinks.de/fds0> (accessed: 25.12.2020). [in German]

17. "Ein Lackmustest für europäische Solidarität" [A litmus test for European solidarity] [Electronic resource]. – URL: <https://kurzelinks.de/lyg8> (accessed: 19.04.2020). [in German]
18. "Eine Pandemie als Lackmustest" [A pandemic as a litmus test] [Electronic resource]. – URL: <https://kurzelinks.de/vefk> (accessed: 16.10.2020). [in German]
19. "Ende der pauschalen Reisewarnung: Das neue Ampelsystem weckt kaum Urlaubsgefühle" [End of the general travel warning: The new traffic light system hardly arouses holiday feelings] [Electronic resource]. – URL: <https://kurzelinks.de/zur5> (accessed: 12.10.2020). [in German]
20. "Kanzlerin sieht "Licht am Ende des Tunnels"" [Chancellor sees "light at the end of the tunnel"] [Electronic resource]. – URL: <https://kurzelinks.de/yb18> (accessed: 12.02.2021). [in German]
21. "Österreichs Kanzler Kurz plädiert für EU-weiten Corona-Impfpass nach Israel-Vorbild" [Austria's Chancellor Kurz advocates an EU-wide corona vaccination pass based on the Israeli model] [Electronic resource]. – URL: <https://kurzelinks.de/73b6> (accessed: 28.02.2021). [in German]
22. "Schweden ist auf dem Weg in eine dunkle Zeit" [Sweden is on its way to a dark time] [Electronic resource]. – URL: <https://kurzelinks.de/1rk9> (accessed: 22.12.2020). [in German]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.26.2.13>**ФОТОГРАФИЯ В МЕДИАТЕКСТЕ: ИДЕОЛОГИЗАЦИЯ СОЗНАНИЯ, МОРАЛЬНАЯ УСТАНОВКА ИЛИ ИНФОРМАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ**

Научная статья

Ленкова Т.А. *

РГУ имени С. А. Есенина, Рязань, Россия

* Корреспондирующий автор (talenk[at]yandex.ru)

Аннотация

С началом процесса визуализации данных и необходимостью сохранения конкурентоспособности на медиарынке печатный публицистический текст стал широко использовать возможности фотографии, как информативные, так и манипулятивные. Возможность интерпретации фотографического сообщения занимала не только зарубежных, но и отечественных исследователей. Диапазон значений фотографии в креолизованном медиатексте довольно широк, - от идеологизации сознания и манипулирования моральными установками представителей целевой аудитории до восприятия фото как отдельной информационной модели, которая может являться как одним из навигационных механизмов по всему корпусу статьи, так и представлять вполне самостоятельный визуальный текст. Проблематике восприятия и интерпретации фото с точки зрения разных исследователей посвящена предлагаемая работа.

Ключевые слова: медиатекст, визуализация, интерпретация, идеологизация содержания, денотативное и коннотативное сообщение, информационная модель.

PHOTOGRAPHY IN MEDIA TEXT: IDEOLOGIZATION OF SENSE, MORAL ATTITUDE OR INFORMATION MODEL

Research article

Lenkova T.A. *

RSU named after S. A. Yesenin, Ryazan, Russia

* Corresponding author (talenk[at]yandex.ru)

Abstract

With the beginning of the data visualization process and the need to maintain competitiveness in the media market, printed journalistic text began to widely use the possibilities of photography, both informative and manipulative. The possibility of interpreting the photographic message was occupied not only by foreign, but also by domestic researchers. The range of values of photography in a creolized media text is quite wide, from the ideologization of consciousness and manipulation of the moral attitudes of representatives of the target audience to the perception of the photo as a separate information model, which can be both one of the navigation mechanisms throughout the body of the article, and represent a completely independent visual text. The proposed work is devoted to the perception and interpretation of photos from the point of view of different researchers.

Keywords: media text, visualization, interpretation, content ideologization, denotative and connotative communication, information model.

Introduction

For almost two centuries, photography has been used in many areas of human activity. The functional settings of a photograph of a particular sphere have a number of differences. The function of artistic photography is the aesthetic effect on a person, photography in science is designed to capture an image invisible to the human eye, and photography in journalism seeks objectivity, nevertheless influencing public opinion through ideological and moral attitudes adopted in a particular society.

Methods

In the proposed work, we examined mainly the point of view of three researchers on the problem of interest to us and tried to conduct a comparative analysis.

At a certain moment in the development of media production, with the beginning of data visualization processes, the illustration as a picture was divided into two autonomous areas: photography and hand-drawn picture. As soon as it becomes possible to print a photo, it strongly tightens the drawn picture. In the modern edition (selection of pictures and illustrations) is often completely replaced by the photo editing process (production and organization of shooting, selection and editing of photographs for publication). The influence of photography on the formation of the visual discourse of social journalism has recently increased greatly.

The theory of interpretation of photography has been developed for quite some time, classical versions include the works of V. Benjamin, R. Bart, E. Cassirer, K. Levy-Strauss.

With the advent of visual elements in the print press, works on this topic from a linguistic point of view began to be of particular interest. So Roland Bart, a French philosopher and semiotic linguist, owns several works at once [2]. He, a prominent representative of structuralism, studied various spheres of culture as semiotic systems, studied the problem of relations between language and power.

For example, "Camera lucida. The photograph commentary" is entirely devoted to photography as one of the illustrative elements. Bart wondered what significant feature the photograph stands out from the entire set of images. The researcher was also concerned with the classification and systematization of photographs, as a result of which the philosopher built his own phenomenology, introducing the concepts of *Studium* and *Punctum*. *Studium* denotes a cultural, linguistic and political

interpretation of photography, *Punctum* is a personal emotional meaning that allows you to establish a direct connection with the photo.

But before interpreting the meaning of the image, Bart wanted to understand how the picture gets this meaning, where it ends, and, if it ends, what is behind this end.

Roland Bart distinguished between three messages that a photo can transmit.

The first message—linguistic. In most cases, it is twice: one denotative, another connotative.

The second message—encoded iconic. It refers to the symbolism of the picture (connotation).

The third message—a non-encoded iconic message that refers to a literal message (denotation).

Distinguishing one iconic message of a photo from another is quite difficult, if only because we never meet a literal picture in pure form. A denotative iconic message is a residual message, this is what remains after excluding all connotative messages.

Since the photo is made mechanically, it is a message without code. Although the photographer determines the subject, center of attention and angle of view, he cannot interfere with the object of photography, thus preserving its "naturalness."

Photography is considered an objective snapshot, however, it never gives the impression of existence in real time, in the photo we are spatially present in the temporal past, that is, *Here* and *Now* it is transformed into *There* and *Then*. Bart calls this connection "real invalidity."

The picture can be read differently by the individual depending on his practical, national, cultural and aesthetic knowledge. Only after an extensive inventory and connection of typical connotations can one come to a common denominator, which, according to Bart, is an ideology. Ideology under certain circumstances, in turn, is relevant only for a certain society and a specific historical situation. In addition, the presence of denotative or connotative messages are considered markers of either simple or ideologized text.

R. Barth in his work "Mythology" developed his own theory of myth, on the basis of which he studied various communicative phenomena. Roland Barth called the myth a secondary semiotic system, which is based on the transformation of what is meant in the primary semiotic system into what is meant in the secondary. The scientist believed that the myth is a special system, the peculiarity of which is that it is created on the basis of a certain sequence of signs that exists long before it. The Bart sign is the result of an association, concept and acoustic image, it is this sign of the first system that becomes meaning in the second system.

For example, in one of the issues of magazine «Der Spiegel» in 2007, an article «Der Konzern des Zaren» («The Tsar's Group») was published on the architectural project for the construction of the Gazprom Tower in St. Petersburg. In the primary semiological system, this is simply a structure, in the secondary it symbolizes a whole concern and even part of the possessions of the "Russian Tsar Putin," if we relate the illustration to the title of the article. Thus, the myth is embodied, in Bart's terminology, about the greatness and omnipotence of the President of Russia. Another example, the article «Tief im kolonialen Sumpf» («Deep in the colonial swamp») is illustrated by a photograph in which two Africans carry a German officer on their shoulders through a swamp. This is actually the first semiotic system, a direct denotative photo message. The secondary semiotic system is associated with the verbal title of the article and demonstrates how deeply Germany is «bogged down» in the African colonies.

As for ideology, for R. Barth, this is nothing more than the false consciousness of the individual, which replaces the true motives with false ones. Ideology is a kind of value filter formed by society, located between the individual and the outside world and determining his attitude to this world. Modern semiology should, according to a French researcher, study ideology and understand its structural foundations, and also try to reveal the mechanism of the influence of ideological signs on society. To offset the ideological influence of R. Barth, «a zero level of writing» was proposed, implemented through the rejection of the use of ideologized languages, that is, the less consciousness are contained in the language and the more denotative messages, the better.

The essential filling of myths proposed by R. Barth is relatively free. According to this approach, myth can be understood as a separate element of the text, as well as the structural relationship of several elements.

Bart opposes the «singularity» of reading the text and finality in interpreting its meaning. The text, according to his concept, is a kind of pleasure, and reading—something like a walk. The perception of the text is determined by the level of the reader and his readiness to read and interpret the main five codes woven into the fabric of the text, the—of the Empiria code, the Personality code, the Knowledge code, the Truth code and the Character code.

In the views of Roland Barth, in our opinion, there are several contradictory statements. The content of the media text, whether verbal or visual, always has many connotations, and therefore, according to French semiotics, is ideologized. If the journalist adheres to the «zero level of writing», then the material is likely to lose its appeal to the target audience. In addition, the text "zero" in terms of connotations just does not need interpretation and ceases to be a pleasure.

As for the theory of the Roland Barth myth, it, in our opinion, is similar to the concept of metaphor, which is widely used in the design of media text, both verbally and visually.

At the origins of many thoughts about photography are the works of Susan Sontag, an American writer, literary, artistic, theatrical film critic [5]. She introduced the concept of «photo dependence». Photography, according to Sontag, is true in the subthesis, which makes the photograph convincing and interesting, but in the photographer's work the same deals are made between truth and fiction (and sometimes consciousness) as in any art of art. Even when photographers are particularly concerned about the image of reality, they are still obedient to the false imperatives of their own taste and concepts, and often fulfill the order of their editorial staff or a private person.

Susan Sontag, unlike Roland Bart, was interested not only in the ideology that photography can broadcast. The American researcher was more interested in the moral position that photography cannot create, but is able to reinforce or contribute to its birth.

Sontag considers photography more competitive in comparison with television, since the photo, in her opinion, is remembered better than moving images on TV, because they are subtle forms of time, not flow. Television, according to the

researcher, is a poorly sorted sequence of images, and each cancels the previous one. A photo is a privileged moment turned into a light object that can be stored and viewed again. Almost any event itself can deserve a photograph of photography, but what its content is, nevertheless, the ideology decides. Whether photographs will have a moral impact depends on the presence of an appropriate political understanding of the situation. According to Sontag, nothing can be understood from the photo, it opens the viewer only a «surface», suggests thinking, feeling. The photographs themselves cannot explain anything, but tirelessly call for grandfather, speculation, the work of imagination.

The camera, according to Sontag, is always silent more than it opens. The limitations of photographic knowledge about the world are such that it can break the consciousness, but in the end it will never be ethical or political knowledge. The very nonsense of what is hypothetically clear from the photographs, and the composition is their attractiveness and seductiveness.

Herbert Marshall McLuhan in the book *Understanding Media*, developing his thoughts on photography, speaks of hot and cold means of communication [4]. Hot means of communication are characterized by a low degree of audience participation (for example, radio, photography), and cold, respectively, a high degree of participation (for example, telephone). The photograph, according to the scientist, is a hot means of communication, which has a «high degree of certainty», since it gives enough visual information. In this case, high certainty is a data-filled state. It follows from this statement that photography gives us an idea of the event, leaving no room for the reader or viewer to interpret the event differently. Photography is such a visual form that gives an initial idea of the event, conveys its atmosphere, allows you to draw attention to the material, «hook» the reader.

Here, we believe, the points of view of McLuhan and Sontag are similar, since they are sure that the photo provides only primary, superficial information, further interpretation remains with the recipient. Here one cannot but recall the opinion of Bart, who opposed the "unity" of reading the text and finality in interpreting its meaning.

Domestic researcher Vladimir Ageev proposes to consider the photo as a semiotic information model [1]. The scientist believes that the term «information model» should be used to refer to precisely sign models, that is, descriptions of facts, events, phenomena using texts compiled in natural language or in one of the artificial, formal ones. Natural (spoken) language is a powerful means of expressing thoughts, ideas. With it, you can tell about almost everything that happens or can happen in nature and society. In addition to natural, spoken, language, there are many other sign systems by which people convey to each other information about various events, facts, phenomena. Also schemes, drawings, drawings, photos, soundtracks, videos belong to information models. In describing facts and phenomena, various formal languages and recording systems are widely used.

Information models, according to V. Ageev, can be classified according to many parameters. If we take as a basis the way of presenting data and the type of sign systems used, then various information models include: texts in natural languages, texts in formal languages, graphics, diagrams, photographs, films.

It should be noted that there are often mixed types of information models in which different types of sign systems are used. In this vein, the concept of "creolized media text" can be considered as a mixed-type information model, since any text, including media text, has undeniable informativity, and the creolized text contains at least two semiotic (sign) systems — natural/verbal language and visual.

Conclusion

Photography, appearing in the 19th century, has reliably established itself not only as an element of art and science, but also as an integral part of journalism, and in no way inferior to television or booming digital technologies. The problem of interpreting the content of the photographic message occupied and will occupy the minds of many researchers, especially since in modern journalism photography is not just one of the illustrative elements of the media text, but a truly full-fledged part of it, which can be included in the navigation mechanism for the perception of material [3].

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Ageev V. Семiotика / Ageev V. – М.: Издательство «Весь Мир», 2002 - 256 с.
2. Барт Р. «Camera lucida. Комментарий к фотографии» / Барт Р. – М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2016 — 192 с.
3. Ленкова, Т. А. Вербально-визуальные способы навигации заголовочного комплекса в креолизованном медиатексте (на материале немецкого журнала "der Spiegel") / Т. А. Ленкова // Молодежь и язык СМИ: Тезисы выступлений на заседаниях Круглого стола с международным участием, Москва, 28–29 сентября 2018 года / Под общей редакцией М.Н. Володиной. – Москва: ООО "МАКС Пресс", 2018. – С. 49-52.
4. Маклюэн Г. М. Понимание медиа: внешние расширения человека / Маклюэн Г. М. Пер. с англ. В.Г. Николаева. – М. Изд.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. – С. 28.
5. Сонтаг С. О фотографии / Сонтаг С. Пер. с англ. В. Гольшева. – М. Изд.: «Ад Маргинем Пресс», 2014. – С. 40.

Список литературы на английском / References in English

1. Ageev V. Semiotika. [Semiotics] / Ageev V. – М.: Izdatelstvo «Ves Mir», 2002 – 256 p. [in Russian]
2. Bart R. «Camera lucida. Kommentarij k fotografii» [Camera lucida. Photo Comment] / Bart R. – М.: ООО «Ad Marginem Press», 2016 — 192 p. [in Russian]
3. Lenkova, T. A. Verbalno-vizualnye sposoby navigacii zagolovochного kompleksa v kreoлизованном mediатексте (na materiale немецкого zhurnala "der Spiegel") [Verbal-visual ways of navigating the heading complex in creolized media text (based on the material of the German magazine "der Spiegel")] / T. A. Lenkova // Molodezhi yazyk SMI : Tezisy vystuplenij na zasedaniyah Kruglogo stola s mezhdunarodnym uchastiem, Moskva, 28–29 sentyabrya 2018 goda / Pod obshchej redakciej M.N. Volodinoj. [Verbal-visual methods of navigating the title complex in creolized media text (based on the material of the

German magazine "der Spiegel")/T. A. Lenkova//Youth and media language: Theses of speeches at meetings of the Round Table with international participation, Moscow, September 28-29, 2018/ Edited by M.N. Volodina] – Moscow: OOO "MAKS Press", 2018. – P. 49-52. [in Russian]

4. Maklyuen G. M. Ponimanie media: vneshnie rasshireniya cheloveka / Maklyuen G. M. Transl. V.G. Nikolaeva. [Understanding Media: Human External Extensions] – M. Izd.: «KANON-press-C», «Kuchkovo pole», 2003. – P. 28. [in Russian]

5. Sontag S. O fotografii / Sontag S. Transl. V. Golysheva. [About the photo] – M. Izd.: «Ad Marginem Press», 2014. – P. 40. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.26.2.14>**ВНЕШНИЙ ОБЛИК ФЕЙКОВОГО СООБЩЕНИЯ**

Научная статья

Заславнов Д.А. *

Донской Государственный Технический Университет, Ростов-на-Дону, Россия

* Корреспондирующий автор (Zaslavnov[at]gmail.com)

Аннотация

Всемирная паутина содержит большое количество как достоверной, так и «фейковой» информации. «Фейки» обычно создаются для введения в заблуждение и дезинформации. В результате возникает естественная потребность определить и отделить эти «подделки» от надежной информации, чтобы найти, установить и сохранить истину. Это жизненно и общественно важно не столько для политики, сколько для обычных пользователей сети, которые читают новости и стараются не отставать от современной ситуации, событий, тенденций и т. д.

В этой статье даются определения понятию «фейк». Рассматриваются типы «фейков» и цели, для достижения которых можно использовать «фейки». Приведен и показан на примерах ряд отличительных характеристик, которыми обладают «фейковые» новости. В статье также рассматриваются стратегии распространения «фейков» в Интернете.

Ключевые слова: фейк, признаки фейка, стратегии распространения фейков.

THE LOOK OF THE FAKE MESSAGE

Research article

Zaslavnov D.A. *

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

* Corresponding author (Zaslavnov[at]gmail.com)

Abstract

The World Wide Web contains an unimaginably huge amount of information, both reliable and "fake". "Fakes" are created commonly for misleading and misinformation. As a result, there is a natural need to define and separate these "fakes" from reliable info in order to search, establish and preserve the truth. This is vitally and socially important not so much for politics, but also for ordinary net users who read the news and try to keep up with modern situation, events, trends etc.

This article gives definitions to a "fake". It observes types of "fakes" and goals "fakes" can be used to achieve. A number of distinctive characteristics possessed by "fake" news is given and shown on examples. The article also discusses strategies for spreading "fakes" in the Internet.

Keywords: fake, characteristics of a fake, fake spreading strategies.

Introduction

There is a widespread belief that fake news is an exclusive tool and phenomenon of political sphere, but the mystification of reality is also encountered in other types of communication:

1. Fake news can be used in commercial sphere, advertisements, when promoting some companies, their goods and (or) services, brands and even some people;
2. Fake news may arise in spite of a low confidence in the authorities and (or) government agencies [3, P. 96];
3. Fake news is used as a tool for political struggle and / or for certain political views broadcasting [3, P. 96].

Discussion

S. S. Raspopova and E. N. Bogdan propose an extended typology of fake messages and highlight the following types of information products created by fake authors, which, in turn, oppose authors-creators [8]:

1. Scientific mystification (they are sensations; utilitarian in nature publications for satisfying the vital needs of people);
2. Political hoax (fake statements made by politicians who mislead the public and journalists by imitating real statements and declarations);
3. Documents hoax (fake official documents, which are often shared via the Internet or gadgets);
4. Mocumentaries (pseudo-documentary films, which imitate documentary, and include fake and falsification);
5. Journalistic hoaxes (fake journalistic reports, where the situation in question shifts into the area of an absurd set of circumstances) [2], [8].

First of all, fake is a type of lie. These are completely or partially false news messages pretending to be truthful. Taking this into account we may give 2 definitions of "fakes" and try to find the signs of inaccurate information. S. N. Ilchenko defines "fake" news as "a journalistic message containing unreliable and unverified information that does not correspond to real facts and empirical reality and is published in the media." [4, P. 26] N. F. Ponomarev believes that fakes are "media products in the format of journalistic news, but with an indefinite truth value, which are constructed by influential participants and disseminated by influential media agents to achieve political or commercial goals, legitimized by authoritative news media and are perceived by target groups as reliable news from reliable sources". [7, P. 55]

The similarity of these definitions lies in the fact that both definitions indicate the media space as the habitat of fakes. Websites in the Internet, or any other media where news can be published are called media space. The difference lies in the fact that the second definition complements the first and says that the fake pretends to be true news.

The second difference lays between fake news — the opposition of true and false information which is usually called fact and factoid in philosophy. Recently, facts and factoids in their content have gone beyond the philosophical paradigm and

began to acquire linguocultural and value connotations, as indicated by V. I. Karasik [5, p. 23]. According to the researcher, a factoid is an imitation of a fact and, as a linguocultural phenomenon, correlates with the following communicative formations: rumors, gossip, fake. Indeed, in journalism the fact always answers to the questions What? Where? When? — and its indispensable attributes are an indication of the place, time of the event and the source of information. A factoid is an unreliable or false statement, unverified, incorrect or fabricated information, which then becomes the basis for creating fake news [5, P. 24].

Fakes have their own set of features. In many cases, they are identical to the functional, structural and semantic features of the "hard" news. Hard news is the journalistic term. This is news with a loud headline [1], [8, P. 54]. It answers the questions: What? Where? How? When? Why? etc. Signs of fakes:

1. Weaving into the text of fictional events or those events, which assessment is determined by the value orientations of their distributors ("The Obama administration's public rationale for the expulsions and closures — the harshest U.S. diplomatic reprisals taken against Russia in several decades — was to retaliate for Russian meddling in the 2016 presidential election." [9, P. 63]).

2. The lack of specific names and surnames of the people who provided the information ("Both compounds, and at least some of the expelled diplomats, played key roles in a brazen Russian counterintelligence operation that stretched from the Bay Area to the heart of the nation's capital, according to former U.S. officials.");

3. Quotations without specifying the name and position of the quote's author ("It was a very broad effort to try and penetrate our most sensitive operations," said a former senior CIA official");

4. Stamping ("In September 2011, Vladimir Putin announced the launch of his third presidential campaign, only to be confronted during the following months by tens of thousands of protesters accusing him of electoral fraud." [6], [10]);

5. Conclusions substitution on a specific issue and their translation into a wider geopolitical situation ("That operation was part of a larger sustained, deliberate Russian campaign targeting secret U.S. government communications throughout the United States, according to former officials" [10]);

6. Using guesses and conjectures in the situation analysis ("US intelligence officials were not sure if the Russians were able to decipher the FBI conversations in real time. But even the ability to decipher them would later give the Russians an idea of the FBI surveillance methods, including 'callsigns and locations , team composition and tactics, "said the former intelligence officer." [10]);

7. Political events of the current period discussion against the background of a wide historical context ("Mark Kelton, who served as the chief of counterintelligence at the CIA until he retired in 2015, declined to discuss specific Russian operations, but he told Yahoo News that "the Russians are a professionally proficient adversary who have historically penetrated every American institution worth penetrating"" [10]);

8. Assumption and desire to show the situation in a way favorable to opponents ("Over time, U.S. intelligence officials became increasingly concerned that Russian spies might be attempting to intercept communications from key U.S. intelligence facilities, including the CIA and FBI headquarters. No one knew if the Russians had actually succeeded.");

9. Escalating the situation and predicting the possible development of events according to a destructive scenario ("In the meantime, those familiar with Russian operations warn that the threat from Moscow is far from over. "Meanwhile, those familiar with Russian activities warn that the threat from Moscow is far from over.");

There are several strategies commonly used for spreading the fake.

First one: Initially, information is replicated in an organized way by "bots". Then it is noticed by the algorithms for the dissemination of information in social networks. They are unable to distinguish the real "viral" user interest from the artificially generated one.

Second one: bots use social media mechanisms — hash tags and comments. This is how they attract the attention of users.

Final one: hiding the real location of users and making it appear the geographic diversity of their location.

Conclusion

Let's summarize the following:

— Fake is false news which disguises itself as real, truthful news, and thus deceives people;

— This article shows that fake has a number of characteristic features;

— In the Internet, fake news are often spread according to certain strategies.

Knowing these signs, as well as the strategies and mechanisms for spreading fake news, will help to distinguish fiction and misinformation from real news and avoid deception.

Благодарности

Профессору кафедры «Мировые языки и культуры»,
Доктор. филол. н., профессор Матвеева Галина
Григорьевна.

Acknowledgement

To professor of the Department of World languages and
cultures, PhD in Philology, professor Matveeva Galina
Grigorevna.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Жуков, А. С. О соотношении понятий «лид» и «хэдлинь» в новостных материалах традиционных и интернет-СМИ / А. С. Жуков. — Текст: непосредственный // Молодой учёный. — 2013. — № 4. — С. 669—671.
2. Заболотский В. П. Семантические меры информации / Заболотский В. П., Оводенко А. А., Степанов А. Г. // Математические модели в управлении: Учебное пособие. — СПб.: ГУАП, 2001.
3. Запасник С. Ложь в политике / Запасник С. // Философские науки. — 1989. — № 1. — С. 94—107.
4. Ильченко, С. Н. Фейковая журналистика. Спецкурс: учеб. пособие / С. Н. Ильченко. — Москва; Берлин: ДиректМедиа, 2019.
5. Карасик, В. И. Фактоиды как лингвокультурное явление / В. И. Карасик. — Текст: непосредственный // Политическая лингвистика. — 2017. — № 3 (63). — С. 21—30.
6. Кошкарлова Н. Н. Политическая лингвистика / Кошкарлова Н. Н., Бойко Е. С. 2020. № 2 (80). С. 77—82.
7. Пономарев, Н. Ф. Фейковые новости в информационной войне / Н. Ф. Пономарев. — Филология в XXI веке. — 2019. — № 2 (4). — С. 54—64.
8. Распопова, Е. С. Фейковые новости: информационная мистификация : учеб. пособие / Е. С. Распопова, Е. Н. Богдан. — Москва: Аспект Пресс, 2018.
9. Тертычный, А. А. Жанры периодической печати : учеб. пособие для студентов вузов / А. А. Тертычный. — Москва: Аспект Пресс, 2014.
10. Российские хакеры взломали систему коммуникации ФБР: как отомстил Вашингтон [Электронный ресурс] / Forum daily (www.forumdaily.com), — URL: https://www.forumdaily.com/eksklyuziv-rossijskoe-pravitelstvo-shpionilo-za-razvedkoj-ssha-v-soedinennyx-shtatax/?fb_comment_id=2629577553760383_2630284803689658/ (дата обращения: 16.04.2021)

Список литературы на английском / References in English

1. Zhukov, A. S. O sootnoshenii ponyatij «lid» i «xe`dlajn» v novostny`x materialax tradicionny`x i internet-SMI [On the relationship between the concepts of "lead" and "headline" in the news materials of traditional and online media] / A. S. Zhukov. — Tekst: neposredstvenny`j // Molodoy uchyony`j. — 2013. — № 4. — P. 669—671. [in Russian]
2. Zabolotskij V. P. Semanticheskie mery` informacii [Semantic measures of information] / Zabolotskij V. P., Ovodenko A. A., Stepanov A. G. // Matematicheskie modeli v upravlenii: Uchebnoe posobie. — SPb.: GUAP, 2001. [in Russian]
3. Zapasnik S. Lozh` v politike [Lies in politics] / Zapasnik S. // Filosofskie nauki. — 1989. — № 1. — P. 94—107. [in Russian]
4. Il'chenko, S. N. Fejkovaya zhurnalistika. Speczkurs: ucheb. posobie [Fake journalism. Special course: textbook allowance] / S. N. Il'chenko. — Moskva; Berlin: DirektMedia, 2019. [in Russian]
5. Karasik, V. I. Faktoidy` kak lingvokul'turnoe yavlenie [Factoids as a linguocultural phenomenon] / V. I. Karasik. — Tekst: neposredstvenny`j // Politicheskaya lingvistika. — 2017. — № 3 (63). — P. 21—30. [in Russian]
6. Koshkarova N. N. Politicheskaya lingvistika [Political linguistics] / Koshkarova N. N., Bojko E. S. 2020. № 2 (80). P. 77—82. [in Russian]
7. Ponomarev, N. F. Fejkovy`e novosti v informacionnoj vojne [Fake news in the information war] / N. F. Ponomarev. — Filologiya v XXI veke. — 2019. — № 2 (4). — P. 54—64. [in Russian]
8. Raspopova, E. S. Fejkovy`e novosti: informacionnaya mistifikaciya : ucheb. posobie [Fake news: information hoax: textbook allowance] / E. S. Raspopova, E. N. Bogdan. — Moscow: Aspekt Press, 2018. [in Russian]
9. Tertychny`j, A. A. Zhanry` periodicheskoy pechati : ucheb. posobie dlya studentov vuzov [Genres of periodicals: textbook manual for university students] / A. A. Tertychny`j. — Moscow: Aspekt Press, 2014. [in Russian]
10. Rossijskie xakery` vzlomali sistemu kommunikacii FBR: kak otomstil Vashington [Russian hackers hacked the FBI communication system: how Washington took revenge] [Electronic resource] / Forum daily (www.forumdaily.com), URL: https://www.forumdaily.com/eksklyuziv-rossijskoe-pravitelstvo-shpionilo-za-razvedkoj-ssha-v-soedinennyx-shtatax/?fb_comment_id=2629577553760383_2630284803689658/ (accessed: 16.04.2021) [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.26.2.16>

ПРОБЛЕМЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ АФОРИЗМА КАК РЕЧЕВОГО ЖАНРА

Научная статья

Королькова А.В.^{1*}, Тишина А.Е.²¹ ORCID: 0000-0003-3245-7307;² ORCID: 0000-0001-6725-1865;^{1,2} Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия

* Корреспондирующий автор (lika.korolkova[at]bk.ru)

Аннотация

В статье говорится о дифференциальных признаках афоризмов (наличие в структуре слов-концептов, паспортизированность, воспроизводимость, лаконичность). Сложность лингвистической и литературоведческой характеристики афоризмов до настоящего времени не позволяет предложить однозначную дефиницию, вопрос о природе афоризмов остается дискуссионным. Афоризм как речевой жанр имеет специфику, его необходимо отграничить от жанров литературы, таких как каламбур, басня, притча, эссе, анекдот. Методологической основой исследования является функциональное исследование афоризмов.

Ключевые слова: афоризм как речевой жанр, каламбур, дифференциальные признаки афоризма.

THE DIFFICULTIES OF DIFFERENTIATION OF APHORISM AS A SPEECH GENRE

Research article

Korolkova A.V.^{1*}, Tishina A.E.²¹ ORCID: 0000-0003-3245-7307;² ORCID: 0000-0001-6725-1865;^{1,2} Smolensk State University, Smolensk, Russia

* Corresponding author (lika.korolkova[at]bk.ru)

Abstract

The article deals with the differential features of aphorisms (the presence of words-concepts in the structure, certification, reproducibility, brevity). The complexity of the linguistic and literary characterization of aphorisms still does not allow us to offer an unambiguous definition, the question of the nature of aphorisms remains debatable. Aphorism as a speech genre has its own peculiarities; it must be distinguished from the genres of literature, such as pun, fable, parable, essay, and joke. The methodological basis of the study is the functional study of aphorisms.

Keywords: aphorism as a speech genre, pun, differential features of aphorism.

Introduction

Examining aphorisms as a speech genre, we propose to consider an aphorism as a short phraseological utterance in form, which has such properties as the presence in the structure of the main concepts of Russian linguoculture, passportization, reproducibility, separateness, brevity [5].

Aphoristics, being an integral part of the language and culture, reflects the value paradigm of the mentality of the people in synchrony and diachrony. Russian aphorism has preserved for centuries the national identity, the moral values of the people, and has the property of transmitting cultural and historical memory from generation to generation. In Russian aphorism (as well as, indeed, any other) there is a cultural and national flavor. Russian aphorism, however, reflects not only the uniqueness and originality of Russian culture and mentality, but also shows the commonality of cultural codes and the universality of universal values, as exemplified by the concepts of love, *Homeland*, *happiness*, *kindness*, *friendship*, *time*, etc., which are fixed in Russian sayings, structuring them.

Semantic analysis of Russian aphoristics, based on *the Dictionary of Aphorisms of Russian Writers* [4] and the study of composition of the key words of aphorisms show that the key words of Russian aphorism (the semantic basis of the utterance) coincide with the verbalized basic concepts of Russian culture, and the concept sphere of Russian culture almost coincides with the semantic blocks and phraseosemantic fields of Russian aphorism.

Russian aphorism concepts in the classical aphorism of Russian literature are its semantic dominant, include the utterance in any phraseosemantic field of Russian aphorism.

Aphorisms are considered as a speech genre in E. E. Ivanov's book *The Linguistics of Aphorism*: "... an aphorism can be qualified as a speech genre – a stable type of utterance, which has its own content, stylistic design, compositional structure", speech functioning" [2, P. 9]; the same point of view is expressed by L. V. Glukhanko in the article *Phraseological Approach to the Study of Aphorisms* [1], a different concept is presented in the well-known monograph *Aphoristics* [9].

Aphoristics should be considered as part of Russian phraseology with a broad interpretation; thus, in the concepts of G. O. Vinokur, N. M. Shansky, A. N. Tikhonov, V. M. Mokienco, both paroemias and aphorisms are included in the phraseology. When studying the linguistic nature of aphorism, taking into account the achievements of cognitive linguistics and linvoculturology, there are rich opportunities to identify the essence of the national picture of the world.

Among other optional features of aphorisms, we can enumerate subjectivity, originality, paradoxicality, unexpected wording, etc. Paradoxicality is quite an important property of aphorism, it is paradoxical aphorisms that are more often remembered, easier to reproduce, and cause a variety of emotions.

Not all aphorisms are paradoxical. Very often, aphorisms set out generally accepted truths, raise "eternal" problems and solve them within their own framework in a very traditional way. Sometimes we can even see not just a coincidence of the

subject matter of aphorisms, but also a coincidence of traditional views on their possible resolution in ancient and modern authors.

For example, about love:

To love means to wish for another what you consider good, and to wish not for your own sake, but for the sake of the one you love, and to try to give him this good as much as possible (Aristotle).

* * *

Любить – значит жить жизнью того, кого любишь. To love is to live the life of the one you love (L. N. Tolstoy).

* * *

Or, about respect for parents:

Love for parents is the foundation of all virtues (Cicero).

* * *

Любовь и уважение к родителям, без всякого сомнения, есть чувство святое. (Love and respect for parents, without any doubt, is a sacred feeling) (V. G. Belinsky).

It should be noted that the research material is presented in *the Dictionary of Aphorisms of Russian Writers* [4].

Methods and principles of research: semantic analysis of the corpus of aphorisms recorded in *the Dictionary of Aphorisms of Russian Writers* [4], as well as in the *Super-Almanac of Folk A&Forisms. The Golden Series* [8]. When extracting aphorisms from literary texts, to fix them in the dictionary, the method of selecting key words-concepts in the composition of the utterance was used.

Text of article

Aphorisms and puns

Puns, like paradoxes, should be distinguished from aphorisms, although there are very strong links between them. Of course, unlike the situation with the paradox, there is no indication that puns are considered a kind of aphorism. However, there is no indication of the fundamental difference between these phenomena.

Like the lexical unit "paradox", "pun" is interpreted in the dictionary of M. I. Mikhelson *Russian Thought and Speech. Your Own and Someone Else's. Experience of Russian Phraseology*. The author defines a pun as a play on words and gives numerous examples of the use of this lexeme in speech. As in the case of the paradox, the pun is not interpreted by M. I. Mikhelson as a term. The terminological nature of the pun was discussed later. In the dictionary of M. I. Mikhelson, a historical and etymological reference to the birth of this lexical unit and various hypotheses of its origin are given. However, unlike the dictionary entry on the paradox, the entry on the pun provides an example of this phenomenon itself.

The pun belongs to N. A. Nekrasov:

Вперед играть решительно

Не буду в преферанс!

Я – правилами строг!

В нем «взятки брать» приходится,

Избави меня Бог!

(In the future I will not play decisively

The game of preference!

I am strict with the rules!

In it, "taking bribes" is necessary,

God save me!) [7, P. 408].

In the *Literary Encyclopedic Dictionary* (1987), a pun is defined as "a play on words, the use of polysemy, homonymy or sound similarity of words in order to achieve a comic effect" [6, P. 145].

In the encyclopedic dictionary-reference book *Expressive Means of the Russian Language and Speech Errors and Shortcomings* (2005), the phenomenon of pun is investigated and interpreted in more detail. A pun is defined as "a kind of language game with a comic effect, which has stylistic figures as its constructive core, those are based on such paradigmatic relations in the vocabulary as polysemy, homonymy, antonymy and paronymy (in a broad sense, including paronomasia)" [10, P.149]. Then a classification of puns built on the basis of appearance is provided. All puns are divided into polysemic, homonymic, antonymic, and paronymic.

An example of a polysemic pun: *Соль жизни в том, что она не сахар.* (Interlinear translation: *The tag line of life is that it is not sugar.* In Russian "соль" (sol') means 1) salt, 2) a tag line, e.g. "the tag line of a story". Literary translation: *The spice of life is that it is not sugar.*)

An example of a homonymic pun: *Раньше в нашей стране все решали дедки, а теперь – «бабки».* (Interlinear translation: *Some years ago everything was decided by grandfathers in our country, and now – by "grandmothers".* In Russian «бабки» (babki) means: 1) grandmothers, 2) (slang) money).

An example of an antonymic pun: *Была бы жизнь дешевле – цены бы ей не было.* (*If life were cheaper, it would be priceless.*)

An important and convincing statement of the author of this dictionary entry, A. P. Skovorodnikov, is the thesis that "word-formation and phraseological contamination can have a punning character in cases where it is based on the corresponding paradigmatic relations" [10, P. 150]. A. P. Skovorodnikov gives examples of the most interesting for us punning phraseological contamination.

Красота – дело нашивное. Это точно знает хирург-косметолог Римма Евтюшова, ведь свое лицо она сделала сама. (Interlinear translation: *Beauty is a sewn-on thing. This is exactly what the cosmetic surgeon Rimma Yevtyushova knows, because she made her own face.* In Russian there is a phonetic similarity between the words "нашивной" ("nashivnoj"), sewn-

on) and “наживной” (“nazhivnoj”, adjective used to describe something that you can achieve, get, earn). Literary translation: *Beauty is something that we make ourselves. This is exactly what the cosmetic surgeon Rimma Yevtyushova knows, because she made her own face.*

In this case, we see that a pun can be used within the framework of phraseology, this trait is common to a pun and an aphorism.

Despite the fact that puns are characterized by ambiguity, they can contain quite serious, important and even wise judgments in a witty and entertaining form. This trait brings together puns and aphorisms.

For example: *Пережили культ личности, переживем и культ наличности. (We have survived the cult of personality, and we will survive the cult of personal cash)* (N. Krasov, Voronezh, from the newspaper *Arguments and Facts*).

Если человек знает, чего он хочет, он или много знает, или мало хочет. (If a person knows what he wants, he either knows a lot or wants a little) (E. Efremov, Sterlitamak, from the newspaper *Arguments and Facts*).

Puns are also a means of creating satire and irony.

For example: *Чем дальше ближний, тем он ближе. (The farther the close one is, the closer it is)* (G. Malakhovsky, Moscow region, from the newspaper *Arguments and Facts*).

Власть тем авторитетней, чем больше в ней авторитетов. (The power is more authoritative, the more authorities there are in it) (L. Vorobyov, Krasnodar, from the newspaper *Arguments and Facts*).

Бизнес начинает поднимать голову, теперь ее легче снести. (Business is starting to lift its head, now it's easier to take it down) (V. Kurukin, Kaluga Region, from the newspaper *Arguments and Facts*).

Pun as a special stylistic tool is actively used in a variety of texts, but mainly in artistic and journalistic ones. Introductory aphorisms are most often extracted from such texts.

As a stylistic device, a pun is a sign of aphorisms. However, the use of a pun with stylistic purposes in an aphorism is not necessarily a specific feature of aphorisms. But it is possible and quite often used. So, when identifying and selecting introductory aphorisms from the novel *The Twelve Chairs* by I. Ilf and E. Petrov, we found quite a lot of similar aphorisms.

For example: *Время, которое мы имеем, – это деньги, которых мы не имеем. (The time we have is the money we don't have).*

Ах, это очень плохо, когда магазин называется точкой! Тут обязательно выйдет какая-нибудь занятая! (Interlinear translation: *Ah, it's very bad when the store is called a point! There will definitely be a comma!* In Russian “точка” (“tochka”) means: 1) a punctuation mark at the end of the sentence, 2) a store. Literary translation: *Ah, it's very bad when the store is called a spot! There will definitely be a stain on its reputation!*).

When using a pun in a particular context, two or more meanings of words that are simultaneously perceived by readers collide, intertwine. A pun is used to create a comic effect. Aphorisms do not always imply the presence of a comic effect. In the Russian tradition, aphorisms are rather associated with serious sayings, maxims of a moral nature. However, in recent years, a group of language aphorisms (in the terminology of Vereshchagin and Kostomarov) has been developing more actively, and there is a tendency to activate such a stylistic device as a pun in them.

In addition, aphoristics also uses such a technique as a pun rhyme, in which, with the help of an exact sound match, the possibility of a different reading of the ending of a poetic line is revealed.

For example:

Над ним одним все нимбы, нимбы.

Побольше терниев над ним бы!

(Interlinear translation:

Above him alone are all halos, halos.

More thorns should be above him!) (K. M. Simonov).

(In Russian there is a phonetic similarity between the word “нимбы” (“nimbi”, halos) and the combination preposition+pronoun+particle “над ним бы” (“nad nim bi”, above him)).

Results

In general, it should be noted that the differences between puns and aphorisms in form are not so great, and the ironic, satirical content of such sayings does not contradict the main functions of aphorisms. In addition, puns are characterized by phraseological contamination. Pun as a stylistic device is actively used in a variety of aphorisms. Puns, as it was mentioned earlier, are generated by homonymy, homography, homophony (similarity of sound), comic etymology of words, as well as polysemy. The use of all the listed characteristics of puns does not come into any contradiction with the nature of aphorisms.

For example:

Пчелы сперва садятся, а потом берут взятки в отличие от некоторых людей, которые взятки берут, но не садятся. (Interlinear translation: *Bees sit down first, and then take bribes, unlike some people who take bribes, but do not go to prison.* In Russian “садиться” (“saudit’s’a”, sit down) also means “go to jail”. Literary translation: *Bees first spend time on the flowers, and then take bribes, unlike some people who take bribes, but do not do time in jail at all*) (I. A. Krylov).

* * *

Therefore, puns can be considered part of the aphoristics.

Conclusion

Aphorism is an ambivalent phenomenon, it requires different grounds for research. At present, there is a philosophical and literary understanding of aphorisms, a literary-journalistic and literary-artistic interpretation of aphorisms, etc.

We believe that aphorisms, both as a speech genre and as a language genre, should be studied from a linguistic point of view within the framework of phraseology. There are still several problems to be resolved, for example, the relationship of aphorisms and such phenomena as maxim, gnome, apophthegma, chria, which M. L. Gasparov considered to be the constituent structural parts of aphorism. [6, P. 43].

"We can assume that in aphoristics as a philological discipline, a systematic scientific view of aphorism is gradually being outlined – a linguistic one, which has every reason to develop into an independent field of knowledge about aphorisms, which can be defined as linguistic aphoristics" [3, P. 125].

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Глуханько Л.В. Фразеологический подход к изучению афоризмов / Глуханько Л.В. // Теоретические и практические предпосылки подготовки полилингвальных специалистов в УВО. Материалы V Международного научно-практического онлайн-семинара (вебинара). 2019. Могилев: МГУ им. А. Кулешова, 2019. С. 62-66
2. Иванов Е.Е. Лингвистика афоризма / Иванов Е.Е. – Могилев: МГУ им. А. Кулешова, 2016 – 156 с.
3. Иванов Е.Е. Афоризм как предмет филологии и лингвистики / Иванов Е.Е. // Лингвистика афоризма. Хрестоматия. – Минск: Вышэйшая школа, 2018. С. 113-126.
4. Королькова А.В. Словарь афоризмов русских писателей / Королькова А.В., Ломов А.Г., Тихонов А.Н. Под ред. А.Н. Тихонова. – М.: Русский язык Медиа, 2007. – 627 с.
5. Королькова А.В. Афористика в контексте русской культуры. Монография. / Королькова А.В. – Смоленск: Издательство СмолГУ, 2018. – 226 с.
6. Литературный энциклопедический словарь / Под ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – 750 С.
7. Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний / Михельсон М.И. Т. 1. А–О. – СПб., Типография Императорской Академии наук, 1902. – 779 с.; Т. 2. П–У. – СПб., 1903. – 580 с.; 2-е изд. – 1912
8. Суперальманах народных АИФоризмов. Золотая серия. М.: Аргументы и факты, 1999. – 129 с.
9. Федоренко Н.Т. Афористика / Федоренко Н.Т., Сокольская Л.И. – М.: Наука, 1990. – 415 с.
10. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А.П. Сковородникова. – 2-е изд. – М.: Флинта, 2009. – 479 с.

Список литературы на английском / References in English

1. Glukhanko, L.V. Frazeologicheskij podhod k izucheniyu aforizmov [Phraseological Approach to the Study of Aphorisms] / Glukhanko, L.V. // Theoretical and Practical Prerequisites for Training Polylingual Specialists in Higher Education Institutions. Materials of the V International Scientific and Practical online Seminar (webinar). 2019. Mogilev: Moscow State University named after A. Kuleshov, 2019. pp. 62–66. [in Russian]
2. Ivanov, E.E. Lingvistika aforizma [Linguistics of Aphorism] / Ivanov, E.E. – Mogilev: Moscow State University named after A. Kuleshov, 2016–156 p. [in Russian]
3. Ivanov, E.E. Aforizm kak predmet filologii i lingvistiki [Aphorism as a Subject of Philology and Linguistics] / Ivanov, E.E. // Linguistics of Aphorism. Anthology. – Minsk: Vysheyshaya shkola, 2018. pp. 113–126. [in Russian]
4. Korolkova, A.V. Slovar' aforizmov russkih pisatelej [the Dictionary of Aphorisms of Russian Writers] / Korolkova, A.V., Lomov, A. G., Tikhonov, A. N. Edited by A. N. Tikhonov. – Moscow: Russian Language Media, 2007, 627 p. [in Russian]
5. Korolkova, A.V. Aforistika v kontekste russkoj kul'tury [Aphoristics in the Context of Russian Culture] / Korolkova, A.V. Monograph. – Smolensk: SmolGU Publishing House, 2018 – 226 p. [in Russian]
6. Literaturnyj enciklopedicheskij slovar' [Literary Encyclopedic Dictionary] / Edited by V. M. Kozhevnikov, P. A. Nikolaev. – Moscow: Sovetskaya enciklopediya, 1987. – 750 p. [in Russian]
7. Mikhelson, M.I. Russkaya mysl' i rech'. Svoe i chuzhoe. Opyt russkoj frazeologii: Sbornik obraznyh slov i inoskazanij [Russian Thought and Speech. Your Own and Someone Else's. The Experience of Russian Phraseology: A Collection of Figurative Words and Allegories] / Mikhelson, M.I. Vol. 1. A–O. –SPb., Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1902. – 779 p.; Vol. 2. P–Ya. –SPb., 1903. – 580 p.; 2nd ed. – 1912. [in Russian]
8. Superal'manah narodnyh AIForizmov. Zolotaya seriya [Super-Almanac of Folk A&Forisms. The Golden Series] Moscow: Arguments and Facts, 1999. – 129 p. [in Russian]
9. Fedorenko, N.T. Aforistika [Aphoristics] / Fedorenko, N.T., Sokolskaya, L.I. – М.: Nauka, 1990 – 415 p. [in Russian]
10. Enciklopedicheskij slovar'-spravochnik. Vrazitel'nye sredstva russkogo yazyka i rechevye oshibki i nedochety [Encyclopedic Dictionary-Reference book. Expressive Means of the Russian Language and Speech Errors and Shortcomings] / ed. by A. P. Skovorodnikov. – 2nd ed. – Moscow: Flinta, 2009. – 479 p. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.26.2.17>**ЧАСТИЦЫ КАК ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ЭВЕНСКОГО ФОЛЬКЛОРА**

Научная статья

Нестерова Е.В. *

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск, Россия

* Корреспондирующий автор (elenanesterova-2010[at]mail.ru)

Аннотация

Целью работы является изучение выразительных средств эвенского фольклора. В качестве источника исследования привлечен эвенский *нимкан* «Мэһрэк». Основным методом исследования служит описательный, использованы методы семантического анализа и элицитации. *Нимкан* «Мэһрэк» характеризуется обилием зафиксированных частиц. Частицы передают различные смысловые и эмоциональные оттенки предложений, словосочетаний и отдельных слов, выражают отношение сказителя к персонажам, их действиям. Употребление сказителем частиц усиливает образность языка фольклорного текста, художественную выразительность речи. Частицы являются одним из выразительных средств в эвенском фольклоре.

Ключевые слова: фольклор, эвенский язык, текст, нимкан, лексика, частицы.

PARTICLES AS EXPRESSIVE MEANS OF THE EVEN FOLKLORE

Research article

Nesterova E.V. *

Institute of Humanitarian Studies and Problems of Indigenous Peoples of the North of the SB RAS, Yakutsk, Russia

* Corresponding author (elenanesterova-2010[at]mail.ru)

Abstract

The aim of the current article is to study the expressive means of the Even folklore. The Even Nimkan (the word denoting an Even epic) "Мэһрэк" (Mejrek) was involved. The study uses the descriptive method as the main method of research, the methods of semantic analysis and elicitation are also used. Nimkan "Мэһрэк" (Mejrek) is characterized by an abundance of fixed particles. The particles convey various semantic and emotional aspects of sentences, phrases, and individual words, and express the narrator's attitude to the characters and their actions. The use of particles by the narrator enhances the imaginative quality of the language of the folklore text, the artistic expressiveness of speech. Particles are one of the expressive means in the Even folklore.

Keywords: folklore, Even language, text, nimkan, vocabulary, particles.

Введение

Устное народное творчество эвенов является интересным самобытным явлением, в нем отражена духовная и материальная культура эвенского народа, переданная богатым образным словом. В языке эвенского фольклора представлено множество синонимов, архаизмов, историзмов, устойчивых выражений, различных изобразительно-выразительных средств и др. Вот, что писал об этом В.А. Роббек в своей работе «Фольклор эвенов Березовки. Образцы шедевров»: «Не будет преувеличением сказать, что каждое произведение устного народного творчества эвенов Березовки содержит древнейший пласт лексики и обладает уникальной образностью [8 С. 22].

Целью нашей работы является изучение выразительных средств эвенского фольклора. Среди жанров устного народного творчества эвенов выделяются *нимканы*, которые наиболее богаты на различные средства изобразительности речи. «Народным словом *нимкан* эвены обозначают все: фольклорную сказочную прозу и архаический эпос» [3 С. 19].

Источником данного исследования послужил *нимкан* эвенской сказительницы, представительницы рода *Булэн* Балаганчик Е.И. 15.11.1942 г.р., уроженки п. Омолон Билибинского района Чукотского автономного округа. Текст записан в мае-июне 1996 г. Тарабукиным А.Г., опубликован в «Фольклор эвенов Березовки. Образцы шедевров» [4 С. 68].

Материалы исследования

Сюжет сказки довольно распространен у эвенов Березовки. Это сюжет о верной жене и разлучнице *коуань*. В главной роли выступает женщина по имени *Мэһрэк*. Имя *Мэһрэк* образовано от эвенского *мэһэн* 'золото, серебро' и означает Золотистая, Серебристая. Муж *Мэһрэк* бросает жену ради *коуань Уринди*. *Коуань* – это сверхъестественное существо в образе женщины. В «Эвенско-русском словаре» *Коуань* 1) колдунья, ведьма; 2) злой дух (в образе женщины) [6 С. 147]. В отличие от других текстов, здесь *Коуань* имеет имя – *Уриндя*. В тексте фигурируют только два женских имени *Мэһрэк* и *Уриндя*. Муж *Мэһрэк* имени не имеет. *Мэһрэк* спасает мужа от *Уринди*.

Нимкан «Мэһрэк» является небольшим произведением, форма повествования песенно-прозаическая. В издании «Фольклор эвенов Березовки. Образцы шедевров» [8] каком? данный текст отнесен к жанру волшебных сказок. «В отличие от эвенов других регионов, волшебная сказка у березовских эвенов представлена большим количеством произведений, многие из которых отличает синкретичность жанра. Для этих сказок характерны как признаки волшебных сказок, так и признаки мифа-сказки. В ядре волшебных сказок встречаются не только прозаические формы повествования, но и песенные куплеты, лирические песенные отступления, напоминающие собой структуру эпических произведений» [8 С. 18].

Особенность данного *нимкана* заключается в избытии различных частиц, употребляемых сказителем. Так, прозаическая часть текста составляет всего 516 единиц слов, в том числе употреблений частиц 74.

Еще В.А. Роббек в своей работе «Язык эвенов Березовки» отмечал, что березовский говор богат разнообразными частицами, которые выражают смысловые и модально-экспрессивные оттенки слов и предложений, а также участвуют в образовании некоторых слов и форм слов [7 С.146].

Частицы в эвенском языке – это особый самостоятельный грамматический разряд слов. Грамматический признак частиц – их несамостоятельность, отсутствие лексического значения. Частицы вносят дополнительные оттенки в значения других слов, групп слов, предложений и выражают различные грамматические или логические отношения, а также вносят в высказывание экспрессивные оттенки [1 С.63].

В исследуемом тексте «Мэурэк» зафиксированы следующие виды частиц:

Соединительная частица -да/-дэ

Аннатчин-да, ядин-да, тар хипкатнан. ‘И переночует, и что только ни сделает, вот пошла следовать’.

Нян-да эсэний эсни хар. ‘И снова, что оглянулся не знает’.

Уточнительная частица -та, -тта

Бэиун аич-та буюсэлрэн. ‘Муж [ее] и хорошо же стал охотиться’.

Тарбат-та бэиун бэрибнэрэкэн хипкатнан. ‘И наконец муж [ее] когда стал пропадать, пошла выслеживать (его)’.

Тала-тта дэсчидилрэн. ‘Там же остался лежать’.

Неопределенная частица -ул

Яв-ул бакасчидин өлэку. ‘Что-нибудь да найдет обман (Что-нибудь да найдет обмануть)’

Ядан-ул, — мэргэттэн. ‘Ладно, — подумал’

Выделительная частица -кана/-кэнэ

Бэиундеткий-кэнэ гөнни аннамта асиунан. ‘Мужу [своему] сначала говорит новая жена [его]’.

Усилительные частицы -дэмэр, -си, -ка, -а-си

Бэиунчэмэн кусивкэниди, бэйён-дэмэр ман. ‘Муженька [ее] заставив побить, а саму ее убил’.

Хэткэнчин, хучун, эсни-си асиякан эсэн, эсни хэкэркиучир. ‘Упала, упустила (оленья), и больше женщина не оглянулась, не вскочила’

Мэурэк-е, яв дэсчинри, улли-си. ‘Мэурэк, чего лежишь, вставай же’.

Би энкэми хучури-ка эч-у? ‘Я важенку упустил же ведь?’

Он-ка тикрин, тачин-та букчэуцидилрэн. ‘И как упал, так и остался лежать ничком, сжавшись’.

Букчэуциденсөн, ок-ка икэнэлдин. Лежит ничком, сжавшись, когда же запоет.

Яв-а-си бэрибучинри? ‘Что же пропадаешь?’

Як-а-си өйдэлин хунуэрин. ‘А что же над ним дуло’.

Оддан-а-си анумиддый, бэрибнэддый. ‘Перестал же ночевать, пропадать’.

Условная частица -усин

Тек-усин эдинэв эсэн, — дёмкаттан. ‘Хотя бы сейчас не надо [мне] оглянуться, — подумал’.

Вопросительные частицы -у, -гу

Хүклэрэм-гу? Толкаттам-гу? – мэргэттэн. ‘Сплю ли? Сон ли вижу?’ — подумал.

Би энкэми хучури-ка эч-у? ‘Я важенку упустил же ведь?’

Уступительная частица -нюн

По словам информанта Е.К. Тарабукиной, эвенки рода Уяганкан 1955 г.р., частица -нюн при присоединении к глаголу служит для усиления подтверждения: нужно немного перефразировать, мысль не ясна.

Якав этэн-дэ буюм бакра, бэрибнэрэн-нюн. ‘А что и дикого лося не добудет, ну и пропадать стал’.

Ариука, тэнкэлэ асаткамкару конанимкару бакран, бэрибнэрэн-нюн. ‘Ариука (здесь ругательное), в густом лесу девицу кожань нашел, ну и пропадать стал’.

Выделительно-ограничительная частица -тэкэн

Частое явление в сказочной и несказочной прозе эвенов – употребление сказителем частиц -ткан/-ткэн, -такан/-тэкэн. Исследователи относят их к ограничительным частицам. В работе В.Г. Белолобской «Эвенский язык. Частицы. Послелого. Союзы» [1] подробно описано употребление ограничительных частиц -ткан/-ткэн, -такан/-тэкэн. Так, в работе даны примеры сочетания частиц с именами существительными, местоимениями, числительными, прилагательными и наречиями.

В исследуемом тексте частица -тэкэн зафиксирована в сочетании с глаголом. В данном случае, на наш взгляд, частица -тэкэн выделяет глагол и усиливает его значение, придавая исключительную коннотацию:

Эсимэ эмэргэн, тимин бэиун Мэурэку асиуни кусин-тэкэн. ‘Позже возвратился, на следующий день муж [ее] Мэурэк жену [свою] уж как побил’.

В следующем предложении наблюдается комбинация частиц -тэкэн-уч, где -уч является усилительной частицей:

Тарбат-та бэиун Мэурэку асиуни кусин-тэкэн-уч бутэнэлэкэн, көкэкэн, эсни-ткэн көкэр. ‘И тогда муж [ее] Мэурэк жену [свою] уж как побил-то до болезни, до смерти, только не умерла (Мэурэк)’.

Отметим, что использование в разговорной речи различных комбинаций частиц является довольно частым явлением. В *нимкане* «Мэурэк» нами выявлены следующие комбинации:

Соединительная частица -да + усилительная частица -си

Гя-да-си Мэурэк бэиуды кусивчэ дэсчин. ‘Да и другая тоже Мэурэк мужем [своим] побитая лежит’.

Отрицательная частица -та + усилительная частица +гал

Як-та-гал ачча бивэттэн икэригчин, мялракан як-та-гал этэн ичур. ‘И ничего же и не бывает, как в песне поется, когда проснется и ничего же и не видно’.

Заключение

Таким образом, частицы являются выразительным средством эвенского фольклора. Частицы обогащают речь, придают образность произведению, служат для выражения различных смысловых, эмоциональных оттенков высказывания, выражают отношение сказителя к описываемому событию, действию и др. В одном предложении может быть использовано несколько различных частиц, также сказителями используется прием комбинаций частиц.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Белолюбская В.Г. Эвенский язык: Частицы. Послелогии. Союзы / Белолюбская В.Г. – СПб.: Изд-во Бельведер, 2005. 116 с.
2. Лебедев В.Д. Язык эвенов Якутии / Лебедев В.Д. – Л.: Наука, 1978. 208 с.
3. Лебедева Ж.К. Архаический эпос эвенов / Лебедева Ж.К. – Новосибирск: Наука, 1981, 156 с.
4. Новикова К.А. Очерки диалектов эвенского языка. Ольский говор / Новикова К.А. – Л.: Наука, 1980. 162 с.
5. Петров А.А. Язык и духовная культура тунгусоязычных народов: этнолингвистические проблемы / Петров А.А. – Санкт-Петербург: Изд-во Образование, 1998. 92 с.
6. Роббек В.А. Эвенско-русский словарь / Роббек В.А., Роббек М.Е. – Н.: Наука, 2005. 353 с.
7. Роббек В.А. Язык эвенов Березовки / Роббек В.А. – Л.: Наука, 1989. 204 с.
8. Фольклор эвенов Березовки. Образцы шедевров. – Якутск: Изд-во ИПМНС СО РАН, 2005. 360 с.
9. Хроленко А.Т. Введение в лингвофольклористику: учебное пособие / А.Т. Хроленко. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2016. 193 с.
10. Цинциус В.И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. Фонетика и морфология / Цинциус В.И. – Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР. Ленинградское отделение, 1947. 270 с.

Список литературы на английском / References in English

1. Belolyubskaya V.G. Evenskiyyazyk: Chastitsy. Poslelogi. Soyuzy [Even language: Particles. Postpositions. Unions] / Belolyubskaya V.G. – SPb.: Izd-voBel'veder, 2005. 116 p.
2. Lebedev V.D. Jazyk evenov Jakutii [The language of the Evens of Yakutia] / Lebedev V.D. – L.: Nauka, 1978. 208 p.
3. Lebedeva ZH.K. Arkhaicheskiy epos evenov [Archaic epic of the Evens] / Lebedeva ZH.K. – Novosibirsk: Nauka, 1981, 156 p.
4. Novikova K.A. Oчерki dialektov evenskogo jazyka. Ol'skiy govor [Essays on the dialects of the Even language. The Ol'sk dialect] / Novikova K.A. – L.: Nauka, 1980. 162 p.
5. Petrov A.A. Yazyk i dukhovnaya kul'tura tungusoyazychnykh narodov: etnolingvisticheskiye problemy [Language and spiritual culture of the Tungus-speaking peoples: ethnolinguistic problems] / Petrov A.A. – Sankt-Peterburg: Izd-vo Obrazovaniye [St. Petersburg: Education Publishing House], 1998. 92 p.
6. Robbek V.A. Jevensko-russkijslovar' [Even-Russian Dictionary] / Robbek V.A., Robbek M.E. – Novosibirsk: Nauka, 2005. 353 p.
7. Robbek V.A. JazykevenovBerezovki [The language of the Evens of Berezovka] / Robbek V.A. – L.: Nauka, 1989. 204 p.
8. Fol'klorevenovBerezovki. Obraztssyshedevrov [Folklore of the Evens of Berezovka. Samplesofmasterpieces.]. – Yakutsk: IPMNSSORANPubl., 2005, 360 p.
9. Khrolenko A.T. Vvedeniye v lingvofol'kloristiku: uchebnoye posobiye / A.T. Khrolenko. 2-ye izd., ster. [Introduction to linguofolkloristics: textbook / A.T. Khrolenko. 2nd ed., erased] M.: FLINTA [Moscow: FLINT], 2016. 193 p.
10. Cincius V.I. Oчерk grammatiki evenskogo (lamutskogo) jazyka. Fonetika i morfologija [Essay on the grammar of the Even language (Lamut). Phonetics and morphology] / Cincius V.I. – L.: Gosudarstvennoye uchebno-pedagogicheskoye izdatel'stvo Ministerstva Prosveshcheniya RSFSR. Leningradskoye otdeleniye, 1947. 270 p.

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.26.2.18>**ОСНОВНЫЕ МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ПОДБОРА ТЕКСТОВ ДЛЯ КУРСА «ДОМАШНЕЕ ЧТЕНИЕ» В ЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ**

Научная статья

Алиева Г.И. *

ORCID: 0000-0003-0854-1736,

Азербайджанский Университет Языков, Баку, Азербайджан

* Корреспондирующий автор (g.aliyevak81[at]gmail.com)

Аннотация

Основной целью курса «Домашнее чтение» является выработка у студентов навыка и потребности в регулярном чтении на иностранном языке. Обучение иностранному языку, особенно в языковом вузе связано с использованием текстового материала. Чтение на иностранном языке активизирует когнитивную деятельность, формирует естественный стимул к учёбе, процесс обучения становится интереснее и занимательнее. В данной статье рассматриваются принципы выбора произведений для домашнего чтения, а также критерии отбора текстов. Отбор текстов с нашей точки зрения базируется на обучающей ценности текста, аутентичности, а также учитывается информационная аутентичность и страноведческая ценность, жанровое разнообразие и объем, актуальность произведений для студентов по своему содержанию.

Ключевые слова: текст, чтение, аутентичность, художественные произведения.

BASIC METHODOLOGICAL PRINCIPLES OF TEXT SELECTION FOR THE “HOME READING” COURSE AT A LINGUISTIC UNIVERSITY

Research article

Aliyeva G.I. *

ORCID: 0000-0003-0854-1736,

Azerbaijan University of Languages, Baku, Azerbaijan

* Corresponding author (g.aliyevak81[at]gmail.com)

Abstract

The main goal of the “home reading” course is to develop student skills and needs for regular reading in a foreign language. Teaching a foreign language, especially in a linguistic university, involves the use of texts. Reading in a foreign language activates cognitive activity, forms a natural incentive to study, while the learning process becomes more interesting and entertaining. This article discusses the principles of choosing texts for home reading as well as the criteria for selecting them. The selection of texts from our point of view is based on the educational value of the text, authenticity, while also taking into account the information authenticity and regional value, genre diversity and volume, and the relevance of the works for students in terms of their content.

Keywords: text, reading, authenticity, works of art.

Введение

Одним из основных и наиболее эффективных способов приобщить студентов к систематическому и обильному чтению на английском языке может и должен стать курс ДЧ, который направлен на то, чтобы организовать процесс учебного чтения на иностранном языке как реальную речевую деятельность.

Однако перед преподавателями сразу встает вопрос о фактическом содержании курса – какие именно тексты должны войти в его программу.

Одним из основных критериев отбора текстов для домашнего чтения (далее – ДЧ) должен стать их внутренний потенциал. В первую очередь необходимо понять, даёт ли данный текст возможность решить насущные учебные задачи, можно ли на его материале сформировать конкретные речевые умения и навыки, а также расширить профессионально обусловленные компетенции студентов.

Разные авторы предъявляют разные требования к принципам отбора текстов для ДЧ. Так, Н.А. Селиванова считает, что основными принципами выбора произведений для ДЧ являются:

1. принцип облигаторности/общеизвестности отобранных литературных произведений в среде носителей языка;
2. принцип максимальной жанровой вариативности;
3. принцип культуроведческой значимости;
4. принцип соотнесенности с тематикой общения, предусмотренной программой по иностранному языку;
5. принцип предрасположенности произведения к сжатому и логически ровному изложению содержания (к адаптации), а также к выделению внутри произведения относительно самостоятельных, но взаимосвязанных и взаимобусловленных текстовых фрагментов [1].

Другой специалист в области преподавания ДЧ М.Д. Стрекалова считает, что основными критериями отбора являются:

- известность и значимость данного произведения среди носителей языка и его ценность в художественном и культурном плане;
- языковое содержание, смысловая и социокультурная информативность текста;
- фоновые знания, которые составляют культуроведческий и страноведческий потенциал данного литературного произведения;

— доступность языковой и содержательной формы текста;
 — наличие в тексте объективных противоречий, или возможность создания таковых между текстом с одной стороны, и знанием и опытом студентов, с другой [2].

Ещё одна точка зрения на проблему состоит в том, что при подборе текстов необходимо руководствоваться следующими критериями:

- наличием яркой и занимательной линии в произведении или отрывке;
- эмоциональностью и образностью изложения;
- актуальностью для читателя;
- тематической близостью содержания и жизненного опыта и/или интересов читателя;
- наличием в произведении идей, характеров и ситуаций, которые могут стать поводом для обсуждения и дискуссии;
- возможностью различных ситуативных трансформаций содержательной стороны произведения;
- воспитательной ценностью произведения (с точки зрения отраженных в нем нравственных и моральных проблем и их решения, и с точки зрения актуальности для современного читателя) [3].

В современной методике существует мнение, что литературные произведения надо отбирать с точки зрения их художественной, эстетической и культурологической ценности, с точки зрения их содержания и смысла, а так же с точки зрения их аутентичности, языковой и стилистической доступности текста. При этом важно иметь в виду, что методически результатом чтения должно быть не просто понимание прочитанного, но и определенное воздействие прочитанного на читателя, которое может выражаться в эмоциональном воздействии, в пополнении знаний и расширении кругозора и, даже, в регуляции поведения.

Практически все современные методисты считают, что базовым критерием отбора текстов для ДЧ должна быть их доступность для студентов. Другим критерием – обучающая ценность текста, т.е. его образовательная, воспитательная и практическая ценность. Последняя может быть определена с точки зрения того, насколько эффективно можно использовать данный текст как материал для выработки конкретных речевых умений. При этом особое внимание обращается на аутентичность текстов для чтения не только с точки зрения формы (языка и стиля), но и содержания (текст, контекст, фоновый затекст).

С другой стороны, многие исследователи считают, что при отборе материала для ДЧ следует учитывать не только характеристики текста, но и характеристики читателя (студента). Выше мы уже говорили о необходимости учитывать уровень иноязычных компетенций студента (знания языка, уровень сформированности речевых умений и навыков, владение лингвокультурологической и лингвострановедческой информацией). Однако учитывать следует и жизненный опыт студента, и даже его читательский опыт на родном языке. Учитывать также следует, по мнению Е.Л. Марьяновской, «диалогичность» произведения и возможность сотворчества при его обсуждении «по нескольким направлениям, а именно: преподаватель – аудитория, студент – студент, студент – аудитория, и неизбежный учёт парадигмы «читатель – автор» [4, С.13].

С нашей точки зрения, с учетом условий обучения (языковой вуз) и этапа обучения (3 курс, продвинутый этап), отбор текстов для ДЧ может базироваться на следующих положениях.

1. В первую очередь, должна учитываться **обучающая (образовательная, воспитательная и практическая) ценность** текста, т.е. насколько данный текст с точки зрения своей формы и с точки зрения своего фабульного и идейного содержания (с учетом задач нравственно-эстетического воспитания студентов) пригоден для использования в учебных целях в конкретной аудитории. Ни один художественный текст (за очень редким исключением) не содержит изначально обучающей (тем более, обучающей языку) интенции, её всегда надо вносить дополнительно. Следовательно, использовать текст как материал для обучения рационально только при двух условиях. Первое – если на материале этого произведения можно организовать работу по расширению языковой, речевой и социокультурной компетенций студента и выработки навыков смыслового и языкового анализа текста, т.е. решать конкретные учебные задачи. Второе – если для этих целей снабдить данный текст методическим обеспечением, т.е. системой заданий и упражнений [5]. Далеко не каждое произведение художественной литературы соответствует всем этим критериям.

2. Главным критерий – **аутентичность**. Это должны быть художественные тексты, написанные коренными носителями английского языка, аутентичные как с точки зрения формы (грамматическая, лексико-фразеологическая и стилистическая аутентичность), так и содержания (т.е. соответствие национальным реалиям, национальной «картине мира»). Аутентичность содержания предполагает, что содержание произведения максимально соответствует национальной ментальности и национальной «картине мира» страны изучаемого языка. При этом следует учитывать, что некоторые методисты рассматривают аутентичность не с точки зрения формы и содержания текста, а с точки зрения возможности/невозможности создания на его основе аутентичной речевой ситуации в процессе обучения [6]. Нам кажется, что эти подходы не противоречат друг другу.

3. Следует также учитывать **информативную аутентичность и страноведческую ценность** литературного произведения, т.е. насколько оно является типичным именно для литературы страны изучаемого языка, сколько фоновой лингвострановедческой и лингвокультурологической информации в нем заключено и насколько эта информация может быть актуальной для конкретной аудитории. Так, например, произведения Толкиена или «Гарри Поттер», несмотря на все их достоинства и популярность у читателя, вряд ли могут считаться достаточно ценными для включения в списки для ДЧ с точки зрения социокультурного аспекта.

Кроме информативной аутентичности, необходимо ещё иметь в виду **аутентичность реактивную и ситуативную**. Реактивная аутентичность текста учитывает ту типичную, национально и культурно обусловленную реакцию, которую вызывает конкретное произведение у читателя. При этом у представителей разных культур и народов такая реакция на одно и то же произведение может не совпадать. Следовательно, преподаватель должен учитывать типичные реакции англоязычного читателя и предполагаемые реакции своих студентов на конкретное

произведение, рекомендуемое для ДЧ, и обратить на эту разницу особое внимание при обсуждении текста. То же относится и к ситуативной аутентичности – одни и те же ситуации общения воспринимаются представителями разных культур по-разному.

4. Необходимо иметь в виду **облигаторность произведения**, т.е. его общеизвестность и популярность в среде носителей языка. Такие произведения принадлежат к массовым фоновым знаниям представителей данной культуры и сами содержат достаточный объем фоновой информации. Это, например, произведения Ч.Диккенса или серия книг о Шерлоке Холмсе в Англии, произведения Марка Твена или Т.Драйзера в Америке. Знакомство с такими произведениями делает человека «своим» среди основных носителей языка, в то время как незнание таких произведений мгновенно выдает в нём иностранца. Однако, здесь следует учитывать тот фактор, что популярность конкретного произведения (или автора) у него на родине может не совпадать с популярностью за границей, скажем в Азербайджане.

5. **Жанровое разнообразие и объем** выбираемых произведения должны зависеть от условий и этапа обучения иностранному языку. Конкретно в нашем случае (3 курс языкового вуза) это могут быть достаточно объемные тексты. И, как нам кажется, целесообразно выбирать для чтения целостное произведение, а не отрывки или фрагменты. С одной стороны, некоторые методисты [7] считают, что лучше с дидактической точки зрения прочитать за год 10-20 небольших произведений, нежели 1-2 крупных, т.к. в этом случае, во-первых, имеет значение фактор разнообразия, смена авторов и тематики произведений позволяет, в определенной степени, удовлетворить разные интересы разных студентов. Во-вторых, в этом случае студенты более подробно знакомятся с жанровым разнообразием художественных произведений на изучаемом языке. В-третьих, знакомство в течение одного семестра с 10-12 произведениями и, соответственно, авторами, не только значительно расширяет экстралингвистическую, лингвострановедческую, социально-культурную компетенции студентов, но и расширяет круг их знакомства с литературой изучаемого языка. В-четвертых, чисто психологически, студент, который за семестр «осилил» десяток отдельных произведений, гордится собой больше, чем тот, кто справился только с одним, пусть и достаточно объемным.

С другой стороны, некоторые методисты [8] говорят о том, что трудности восприятие достаточно объемных произведений, рассчитанных на экстенсивное чтение, меньше, чем у малых форм, которые можно обсудить за одно занятие. При чтении большого произведения непонимание каких-то отдельных частей или деталей может быть преодолено как во время обсуждения части произведения в аудитории, так и при дальнейшем чтении.

6. Большое значение имеет **доступность произведения**, т.е. соответствие языка произведения (лексический состав, грамматическое наполнение и стилистические особенности) уровню языковой компетенции студента. Если язык произведения слишком легкий, чтение такого текста не воспринимается достаточно серьезно и ответственно. Если язык произведения слишком сложный для студента, если ему постоянно приходится обращаться к словарю, а незнакомые грамматические формы и синтаксические конструкции мешают пониманию смысла читаемого, интерес к чтению также ослабевает и может совсем пропасть. С другой стороны, выбор читательской стратегии зависит от самого студента, и если поставленная преподавателем задача предполагает возможность экстенсивного, просмотрового чтения, языковой уровень произведения не играет такой важной роли.

При этом, мы, вслед за В.С.Цетлин [9], разделяем такие понятия как сложность текста и трудность текста для студента. Сложность текста (особенно художественного произведения) – это объективное свойство текста, которое зависит от таких параметров, как идейная и идеологическая база произведения, его структура, стилистические и грамматические особенности языка автора, наличие затекста и смысловых аллюзий, культурологический и страноведческий фон и п.т. Трудность текста – всегда субъективное качество, разное для разных читателей. Трудность текста для студента определяется уровнем его языковой, речевой, социокультурной иноязычных компетенций. Поэтому, при отборе текстов для ДЧ, а также их методической обработке и выборе конкретных типов заданий следует учитывать и общую сложность текста, и индивидуальную трудность для конкретного студента.

7. Предлагаемые для чтения произведения должны быть **актуальными** для студента по своему содержанию (например, как источник фактологической, страноведческой или языковой информации). Они также должны соответствовать его жизненному опыту, чтобы он мог адекватно воспринимать их эмоциональный и морально-нравственный план (понимать причины и резоны тех или иных поступков героев, их чувства, настроения, эмоциональные реакции), и, следовательно, вызывать у него определенный интерес и желание узнать, «что там дальше», т.е. дочитать произведение до конца. Некоторые методисты считают, что для ДЧ можно предлагать произведения, знакомые студенту – он уже читал их в переводе на родном языке, либо видел экранизации этих произведений. Нам кажется, что здесь не может быть однозначного решения, т.к. очень многое зависит от личности студента. У кого-то чтение уже знакомого произведения не вызывает интереса, а кто-то, наоборот, захочет сравнить перевод или экранизацию с первоисточником и будет читать такое произведение с особым вниманием. С другой стороны, наличие перевода на родной язык или экранизации произведения дает возможность использовать их как основу для специальных заданий на развитие навыков сравнительного анализа текста на разных языках и выработки речевых умений.

8. Список предложенных произведений должен быть соотнесен с Программой по зарубежной литературе. Мы уже отмечали, что знание литературы страны изучаемого языка является одной из обязательных составляющих профессионально компетенции студента языкового вуза. Однако, проведенное нами анкетирование студентов (филологический и педагогический факультеты) дало не слишком оптимистичные результаты. К сожалению, мы были вынуждены констатировать, что большинство студентов не слишком хорошо знакомы с художественной англоязычной литературой. Это объясняется как наблюдаемой в современном обществе утратой интереса к чтению художественной литературы вообще, так и тем фактом, что имеющиеся на сегодняшний день переводы англоязычной литературы на азербайджанский и русский языки в силу разных причин не всегда доступны для студентов, особенно в

бумажном варианте. Таким образом, именно ДЧ может помочь исправить этот недостаток в профессиональной подготовке студентов.

Заключение

На основании вышесказанного можно сделать следующие выводы. Несмотря на то, что ДЧ является традиционной составляющей практически любого курса иностранного языка, а в качестве материала для чтения чаще всего используются образцы художественных текстов на изучаемом языке, в современной методике нет единых, унифицированных принципов и подходов к отбору содержания курса ДЧ, что не может не отражаться на его эффективности и продуктивности.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Селиванова Н.А. Литературно-страноведческий подход к отбору текстов для домашнего чтения / Селиванова Н.А. // Ж.: Иностранные языки в школе, 2008, №1, С. 61-64.
2. Стрекалова М.Д. Методика преподавания аспекта «домашнее чтение» на младших курсах языкового вуза: АКД / Стрекалова М.Д. – Ярославль, 2007, 26 с.
3. Смирнова Н.И. Обучение иноязычному чтению в вузе: обзор зарубежных и отечественных подходов [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.academia.edu> (дата обращения: 10.04.2021)
4. Марьяновская Е.Л. Взаимозависимость формирования коммуникативной и учебной компетенции при обучении домашнему чтению студентов в языковом вузе: АКД / Марьяновская Е.Л. – Рязань, 2007, 25 с.
5. Османзаде А.О. Методика обработки и презентации учебных текстов / Османзаде А.О. – Баку, 2002, 73 с.
6. Носович Е.В. Методическая аутентичность учебного текста: АКД / Носович Е.В. – Тамбов, 1999, 24 с.
7. Шарыгина Ю.М. Особенности чтения как речевой деятельности на втором году обучения первому иностранному языку / Шарыгина Ю.М. // Альманах современной науки и образования – Тамбов: Грамота, 2009, № 2 (21), в 3-х частях, Ч. 2, с.159-160.
8. Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам. Базовый курс лекций / Соловова Е.Н. – М.: Просвещение, 2006, 239 с.
9. Цетлин В.С. Трудности текстов для чтения / Цетлин В.С. // Ж.: Иностранные языки в школе, 1994, № 3, С. 9-14.

Список литературы на английском / References in English

1. Selivanova N. A. Literaturno-stranovedcheskijj podkhod k otboru tekstov dlja domashnego chtenija [Literary and country-specific approach to the selection of texts for home reading] / N. A. Selivanova // Inostrannye jazyki v shkole [Foreign Languages at School], 2008, No. 1, pp. 61-64 [in Russian]
2. Strelalova M. D. Metodika prepodavaniya aspekta «domashnee chtenie» na mladshikh kursakh jazykovogo vuza [Methods of teaching the aspect of "home reading" in the junior courses of a language university] / M. D. Strelalova: AKD-Yaroslavl, 2007, 26 p. [in Russian]
3. Smirnova N. I. Obuchenie inozazychnomu chteniju v vuze: obzor zarubezhnykh i otechestvennykh podkhodov [Teaching foreign language reading at a university: a review of foreign and domestic approaches] [Electronic resource] / N. I. Smirnova, – URL: <https://www.academia.edu> (accessed: 10.04.2021) [in Russian]
4. Maryanovskaya E. L. Vzaimozavisimost' formirovaniya kommunikativnoj i uchebnoj kompetencii pri obuchenii domashnemu chteniju studentov v jazykovom vuze [The interdependence of the formation of communicative and educational competence in teaching home reading to students in a language university] / E. L. Maryanovskaya: AKD-Ryazan, 2007, 25 p. [in Russian]
5. Osmanzade A. O. Metodika obrabotki i prezentacii uchebnykh tekstov [Methodology of processing and presentation of educational texts] / A. O. Osmanzade-Baku, 2002, 73 p. [in Russian]
6. Nosovich E. V. Metodicheskaja autentichnost' uchebnogo teksta [Methodological authenticity of an educational text] / E. V. Nosovich: AKD-Tambov, 1999, 24 p. [in Russian]
7. Sharygina Yu. M. Osobennosti chtenija kak rechevoj dejatel'nosti na vtorom godu obuchenija pervomu inostrannomu jazyku [Features of reading as a speech activity in the second year of teaching the first foreign language] / Yu. M. Sharygina // Al'manakh sovremennoj nauki i obrazovanija [Almanac of Modern Science and Education]-Tambov: Gramota, 2009, No. 2 (21), in 3 parts, Part 2, pp. 159-160 [in Russian]
8. Solovova E. N. Metodika obuchenija inostrannym jazykam. Bazovyj kurs lekcijj [Methodology of teaching foreign languages. Basic course of lectures] / E. N. Solovova-Moscow: Prosveshchenie, 2006, 239 p. [in Russian]
9. Tsetlin V. S. Trudnosti tekstov dlja chtenija [Difficulties of texts for reading] / V. S. Tsetlin // Inostrannye jazyki v shkole [Foreign languages at school], 1994, No. 3, pp. 9-14 [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.26.2.20>**СТРАТЕГИИ В РЕЧЕВОМ ПОВЕДЕНИИ ОТПРАВИТЕЛЯ СООБЩЕНИЯ**

Научная статья

Сахарова Е.Е. *

ORCID: 0000-0003-0694-6908,

Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия

* Корреспондирующий автор (elenasakharova[at]bk.ru)

Аннотация

В статье рассматривается речевое поведение отправителя сообщения с точки зрения скрытой прагмалингвистики, научного направления, занимающегося вопросами скрытого (неосознаваемого) речевого воздействия. Сопоставляются речевое поведение и речевая деятельность коммуникантов. Автор делает акцент на стратегической составляющей речевого поведения человека. Стратегии актуализируются в речи в виде одного из планов-вариантов, рассматриваются как типы речевого поведения. Приводится классификация стратегий скрытого воздействия, раскрывается механизм их функционирования. Анализ стратегий в речевом поведении отправителя сообщения позволяет диагностировать некоторые личностные свойства как отдельного автора, так социальной группы в целом, а также выявлять доминирующие линии речевого воздействия на получателя сообщения.

Ключевые слова: речевое поведение, прагмалингвистика, речевое воздействие, речевые стратегии.

STRATEGIES IN THE SPEECH BEHAVIOR OF MESSAGE ORIGINATORS

Research article

Sakharova E.E. *

ORCID: 0000-0003-0694-6908,

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

* Corresponding author (elenasakharova[at]bk.ru)

Abstract

The article examines the speech behavior of a message originator from the point of view of hidden pragmalinguistics, a scientific branch that deals with the issues of subtle (unconscious) influence of speech. The study compares the speech behavior and speech activity of communicants while focusing on the on the strategic component of human speech behavior. Strategies in speech are actualized in the form of one of the plans or variants, which are considered as types of speech behavior. Also, the study provides a classification of strategies of subtle influence as well as the mechanism of their functioning. Analyzing strategies in the speech behavior of the message originator allows for diagnosing some personal properties of both the author individually and the social group as a whole, as well as for identifying the dominant lines of speech influence on the message recipient.

Keywords: speech behavior, pragmalinguistics, speech influence, speech strategies.

Введение

Исследование речевого поведения языковой личности входит в число актуальных проблем таких дисциплин, как психоллингвистика, коммуникативная лингвистика, риторика, социоллингвистика, культура речи, речевой этикет. Вопросам речевого поведения в том или ином аспекте посвящены работы О.С. Иссерс, Г.Г. Матвеевой, О.А. Паршиной, Ю.Е. Прохорова, И.А. Стернина, Н.И. Формановской и др. В настоящей статье речевое поведение анализируется в аспекте скрытой прагмалингвистики. Данное направление лингвистической прагматики занимается вопросами скрытого, неосознаваемого речевого воздействия [3], [4], [5].

Результаты

Прагмалингвистика занимается изучением речи реальных людей в различных коммуникативных ситуациях. При этом понятие речевого поведения не отождествляется с понятием речевой деятельности, поскольку в них заложены разные психологические механизмы неосознаваемых / осознаваемых действий.

Термин «деятельность» в психологии трактуется как конкретные мотивированные действия, которые сознательно подчинены целям определенного человека [7, С. 176-177]. Следовательно, в речевой деятельности осуществляется мотивированный и целенаправленный выбор разноуровневых языковых единиц для оказания эффективного воздействия на получателя сообщения [3]. Проблемами целенаправленного, или открытого воздействия занимается функциональная прагмалингвистика [5]. Отправитель сообщения в этом случае осуществляет выбор речевых средств – коммуникативных стратегий и тактик – сознательно и продуманно.

Понятие же поведения соотносится со сферой неосознаваемого и рассматривается в аспекте привычек человека, или динамических стереотипов, которые выполняются автоматически и слабо контролируются сознанием [2, С. 364].

Стереотипы характерны и для речи человека. В связи с этим, Н.И. Формановская определяет речевое поведение как неосознанное и немотивированное стереотипное речевое проявление [10, С. 28]. Г.Г. Матвеева, продолжая эту мысль, подчеркивает, что речевое поведение человека – это его речевой опыт, сформировавшийся в типичных, многократно повторяющихся ситуациях общения и ушедший вглубь сознания [3], [4]. Речевой опыт, как любая другая привычка, актуализируется в речи автоматически [6].

На формирование речевого поведения человека оказывают влияние самые разные факторы. Их можно разделить на две группы: во-первых, лингвистические факторы, т.е. закономерности и особенности использования языка в речи,

и во-вторых, экстралингвистические факторы [1]. Во вторую группу входят факторы, которые, как может показаться на первый взгляд, не связаны с речевым поведением напрямую, однако они во многом определяют его. В этом смысле имеют значение пол и возраст, место рождения и места длительного пребывания, особенности воспитания и образования, психологические характеристики человека. Кроме того, важную роль при становлении и закреплении речевых привычек играют типичные, часто повторяющиеся ситуации общения, обычаи, традиции, мода, ритуальные речевые действия [9].

Как видим, вопросы речевого поведения не ограничиваются только лингвистической сферой, они тесно связаны с социальной жизнью человека, с менталитетом и культурой народа. Следовательно, в речевом поведении отражаются стереотипные (коллективные) и индивидуальные особенности отправителя сообщения, а само оно предстает как «визитная карточка человека в обществе» [1, С. 29].

Воздействие, которое осуществляется на адресата через речевое поведение, называют скрытым, или непрямым. Это значит, что его не осознают и, следовательно, не контролируют коммуниканты – ни отправитель, ни получатель сообщения. Иначе говоря, это произвольное воздействие.

Данное положение вытекает из того, что кроме основной тематической и семантической информации, которую автор целенаправленно передает, он всегда невольно транслирует нечто большее: о себе, о своем отношении к адресату и к тому, о чем он сообщает. Это называют обширной сверхлингвистической информацией [8, С. 29-30]. Адресат также интуитивно считывает эту дополнительную информацию в речевом поведении автора и формирует свое отношение к нему и его сообщению.

Речевое поведение человека представляет собой совокупность его речевых поступков. На синтаксическом уровне речевой поступок реализуется в малой синтаксической группе (МСГ), например, в простых и придаточных предложениях, вводных конструкциях, причастных и деепричастных оборотах и т.п. В каждой МСГ содержатся речевые сигналы определенных грамматических и текстуальных категорий. Речевые сигналы являются привычным выбором отправителя сообщения в конкретной коммуникативной ситуации и передают дополнительные значения.

Речевое поведение человека характеризуется стратегическим потенциалом, который составляют речевые стратегии скрытого воздействия [3], [4]. Главным критерием для выделения стратегий выступают интенции самовыражения личности, которые формируются на основе разного рода поведенческих установок – социальных, национальных, религиозных.

В экспериментальном исследовании Г.Г. Матвеевой [3], [4, С. 44-47] описаны и детально изучены шесть скрытых интенций и соответствующих им речевых стратегий скрытого воздействия. Речевая стратегия рассматривается как определенный тип вербального поведения, который имеет несколько вариантов своего выражения – речевых планов. Планы-варианты содержат смысловые нюансы стратегии и актуализируются через речевые сигналы грамматических и текстуальных категорий, которые отправитель сообщения выбирает также автоматически, не задумываясь [4], [6].

Одну и ту же мысль можно выразить разными средствами с точки зрения морфологии и синтаксиса. В типичных коммуникативных ситуациях тот или иной способ речевого выражения становится наиболее предпочтительным и, со временем, привычным. Человек привыкает использовать определенные лексемы, конструкции, способы организации высказывания. Выбор этих средств зависит в том числе от индивидуальных психологических особенностей языковой личности, от интенций самопрезентации.

Приведем краткую характеристику речевых стратегий.

Для стратегии «Участие / неучастие коммуникантов в речевом событии» основными маркерами являются различные способы выражения грамматической категории лица [3], [11]. Стратегия включает три плана выражения: личный, когда в речевом поступке маркируется один из участников общения; социальный, при котором в речевое событие вводятся и адресант, и адресат; и предметный план, когда в речевом поступке коммуниканты не участвуют.

Стратегия «Уверенное / неуверенное речевое поведение автора сообщения» имеет два варианта выражения: план категоричного высказывания и план некатегоричного высказывания. Ключевым маркером стратегии выступает категория времени, а также вербальные средства категоричности / некатегоричности и уверенности / неуверенности [4], [11].

Для стратегии «Вероятностное оценивание отправителем сообщения речевого события как реального / нереального» основным маркером является выбор отправителем сообщения грамматической категории наклонения [4]. В стратегии выделено три плана-варианта: реализованного, нереализованного и ирреального события.

Стратегия «Акцентуация элементов высказывания отправителем сообщения» имеет два речевых плана, которые выражают разные способы организации высказывания [3], [11]. План неакцентирования (автоматизации) маркируется в высказывании автоматическим порядком слов, план акцентирования – речевыми сигналами категории выделения.

Стратегия «Формирование отправителем сообщения отношения получателя к речевому событию» актуализируется в виде одного из трех планов-вариантов: положительного, нейтрального или негативного оценивания [3], [4]. К речевым маркерам стратегии относятся лингвистические единицы, в семантике которых содержится оценочный компонент «хорошо / плохо», а также социально обусловленное значение, отсылающее к поведенческим стереотипам членов социума в конкретной речевой ситуации.

Для стратегии «Удовлетворение / неудовлетворение отправителем сообщения прагматических ожиданий получателя» релевантны планы избыточной, достаточной и недостаточной информации [3]. Речевые сигналы данной стратегии выражают разную степень детализации содержания сообщения.

Подчеркнем, что речевые стратегии скрытого воздействия актуализируются в речевом поведении отправителя сообщения одновременно. Это означает, что в каждом речевом поступке обнаруживаются речевые сигналы одного из планов-вариантов каждой речевой стратегии. Выбор отправителем сообщения речевых сигналов становится привычным, как отмечалось выше, под влиянием социально обусловленных факторов, жанровых требований и личностных особенностей самого автора. В связи с этим изучение стратегического потенциала речевого поведения

позволяет исследователю выявить специфику актуализации в речи той или иной стратегии [11], [12], диагностировать характеристики как отдельной языковой личности, так и социальной (профессиональной, возрастной, лингвокультурной) группы в целом [3], [4], [6], [11]; определить доминирующие линии речевого поведения и воздействия на получателя сообщения, а также выявить особенности функционирования институционального дискурса или его жанровой разновидности [6], [11], [12].

Выводы

Таким образом, речевое поведение отправителя сообщения есть его привычное индивидуальное и стереотипное речевое проявление, речевой опыт, который формируется в типичных коммуникативных ситуациях. Типы речевого поведения человека связаны с поведенческими интенциями, которым соответствуют речевые стратегии скрытого (неосознаваемого) воздействия.

Перспективы стратегического исследования речевого поведения языковой личности в аспекте скрытой прагмалингвистики лежат в области идентификации отдельной личности и различных социальных групп, определения способов воздействия отправителя сообщения в той или иной разновидности дискурса, выявления национально-культурных особенностей в речевом поведении представителей различных языковых сообществ.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения / Т. Г. Винокур. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 176 с.
2. Крысько В. Г. Социальная психология: словарь-справочник / В. Г. Крысько. – Мн. : Харвест, 2004. – 688 с.
3. Матвеева, Г. Г. Идентификация социального лица говорящего : теория и практика / Г. Г. Матвеева. – Saarbrücken : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 246 с.
4. Матвеева Г. Г. Диагностирование личностных свойств автора по его речевому поведению / Г. Г. Матвеева. – Ростов-на-Дону : ДЮИ, 1999. – 82 с.
5. Матвеева Г. Г. Функциональная и скрытая прагмалингвистика / Г. Г. Матвеева // Функционально-системный подход к исследованию языковых единиц разных уровней: материалы Межвуз. науч. конф., посвящ. юбилею д-ра филол. наук, проф. Ю. Н. Власовой. – Ростов н/Д : Изд-во РГПУ, 2004. – С. 85-87.
6. Матвеева Г. Г. Речевая привычка как основа речевого портрета говорящего (на материале британского политического дискурса) / Г. Г. Матвеева, И. А. Зюбина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2016. – Т. 15. – № 4. – С. 63–68. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.4.6>
7. Психология. Полный энциклопедический справочник / Сост. и общ. ред. Б. Мещерякова, В. Зинченко. – СПб. : прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. – 896 с.
8. Смирницкий А. И. Объективность существования языка / А. И. Смирницкий. – М. : МГУ, 1954. – 32 с.
9. Формановская Н. И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика / Н. И. Формановская. – М. : Издательство «Икар», 2007. – 480 с.
10. Формановская Н. И. Речевой этикет и культура общения / Н. И. Формановская. – М. : Высшая школа, 1989. – 159 с.
11. Сахарова Е. Е. Прагмалингвистический потенциал проповеднического дискурса / Г. Г. Матвеева, Е. Е. Сахарова // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2012. – № 1. – С. 88–92.
12. Revyakina N. P. From church sermon to epitaph : pragmalinguistic aspect / N. P. Revyakina, E. E. Sakharova // Russian Linguistic Bulletin. – 2020. – № 2 (22). – P. 38-40.

Список литературы на английском / References in English

1. Vinokur T. G. Govoryashhij i slushayushhij: Varianty rechevogo povedeniya [Speaker and listener: Variants of speech behavior] / T. G. Vinokur. – М. : Knizhny'j dom «LIBROKOM», 2009. – 176 p. [in Russian]
2. Krysko V. G. Socialnaya psixologiya: slovar-spravochnik [Social Psychology: a reference dictionary] / V. G. Krysko. – Мн. : Харвест, 2004. – 688 p. [in Russian]
3. Matveyeva, G. G. Identifikaciya socialnogo lica govoryashchego: teoriya i praktika [Speaker Social Identification: Theory and Practice] / G. G. Matveyeva. – Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 246 P. [in Russian]
4. Matveeva G. G. Diagnostirovanie lichnostnyx svojstv avtora po ego rechevomu povedeniyu [Diagnosing the author's personal characteristics by his speech behavior] / G. G. Matveeva. – Rostov-na-Donu : DYU, 1999. – 82 p. [in Russian]
5. Matveeva G. G. Funkcionalnaya i skrytaya pragmalingvistika [Functional and hidden pragmalinguistics] / G. G. Matveeva // Funkcional'no-sistemny'j podhod k issledovaniyu yazykovykh edinic raznykh urovnej: materialy Mezhvuz. nauch. konf., posvyashh. yubileyu d-ra filol. nauk, prof. Yu. N. Vlasovoj. – Rostov n/D : Izd-vo RGPU, 2004. – P. 85-87. [in Russian]
6. Matveeva G. G. Rehevaya privy'chka kak osnova rechevogo portreta govoryashchego (na materiale britanskogo politicheskogo diskursa) [Speech habit as the basis of the Speaker's speech Portrait (based on the British Political Discourse)] / G. G. Matveeva, I. A. Zyubina // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie [Bulletin of the Volgograd State University. Series 2. Linguistics]. – 2016. – Vol. 15. – № 4. – P. 63–68. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.4.6> [in Russian]
7. Psixologiya. Polnyj enciklopedicheskij spravochnik [Psychology. Complete encyclopedia reference] / edited by B. Meshcheryakova, V. Zinchenko. – SPb. : prajm-EVROZNAK, 2007. – 896 p. [in Russian]

8. Smirniczkij A. I. Obektivnost sushhestvovaniya yazyka [Objectivity of the existence of language] / A. I. Smirniczkij. – M. : MGU, 1954. – 32 p. [in Russian]
9. Formanovskaya N. I. Rechevoe vzaimodejstvie: kommunikaciya i pragmatika [Speech interaction: communication and pragmatics] / N. I. Formanovskaya. – M. : Izdatel'stvo «Ikar», 2007. – 480 p. [in Russian]
10. Formanovskaya N. I. Rechevoj etiket i kultura obshheniya [Speech etiquette and communication culture] / N. I. Formanovskaya. – M. : Vy'sshaya shkola, 1989. – 159 p. [in Russian]
11. Sakharova E. E. Pragmalingvisticheskiy potencial propovednicheskogo diskursa / G. G. Matveeva, E. E. Sakharova // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta [Bulletin of the Pyatigorsk State Linguistic University]. – 2012. – № 1. – P. 88–92. [in Russian]
12. Revyakina N. P. From church sermon to epitaph : pragmalinguistic aspect / N. P. Revyakina, E. E. Sakharova // Russian Linguistic Bulletin. – 2020. – № 2 (22). – P. 38-40.

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.26.2.21>**ЭЛЕМЕНТЫ ЭКСПРЕССИВНОСТИ В ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВЫХ ПИСЬМАХ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ**

Научная статья

Новиков Д.А. *

Югорский государственный университет Ханты-Мансийск, Россия

* Корреспондирующий автор (dmax45[at]gmail.com)

Аннотация

Статья посвящена проблеме экспрессивности в текстах официально-делового стиля. Экспрессивность, недопустимая к употреблению в официально-деловом стиле, все чаще обнаруживается во многих его жанрах, в частности в деловых письмах. В статье представлена общая характеристика официально-делового стиля речи, описаны его лингвостилистические черты, раскрывается понятие экспрессивности в современной лингвистике. Проводится анализ элементов экспрессивности на примере официально-деловых писем исполнительных органов государственной власти Ханты-Мансийского автономного округа – Югры на лексическом уровне, выявляются эмоционально-оценочная лексика, фразеологизмы, не характерные для официально-делового стиля.

Ключевые слова: экспрессивность, официально-деловой стиль, официально-деловое письмо.

ELEMENTS OF EXPRESSIVENESS IN OFFICIAL BUSINESS LETTERS OF EXECUTIVE BODIES OF A STATE

Research article

Novikov D.A. *

Yugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia

* Corresponding author (dmax45[at]gmail.com)

Abstract

The article discusses the problem of expressiveness in formal business texts. Expressiveness, which is unacceptable for use in formal texts, is increasingly found in many of its types such as business letters. The article provides the general characteristics of formal speech, describes its linguistic and stylistic features, and reveals the concept of expressiveness in modern linguistics. The author analyzes the elements of expressiveness through formal letters of the executive bodies of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug–Yugra at the lexical level, identifies emotional, evaluative vocabulary and phraseological units that are not characteristic of the formal style.

Keywords: expressiveness, formal style, business letter.

Русский язык в своем современном состоянии является сложной иерархией, так называемой системой систем. Это система, которая поддается описанию не только с точки зрения того, как она устроена, но и с точки зрения того, как она функционирует. Эту задачу на себя берет одно из направлений языкознания – стилистика. Цель настоящего исследования – выявление и описание элементов экспрессивности в официально-деловом стиле.

Стиль – одно из основополагающих понятий функциональной стилистики. Современное языкознание определяет стиль как «особую разновидность литературного языка, совокупность языковых средств, используемых в определенных сферах человеческой деятельности (наука, законодательство, делопроизводство, политика, сфера общественно-политических отношений) с конкретной целью» [1, С. 22].

Официально-деловой стиль является «совокупностью языковых средств, основной функцией которых является обслуживание сферы официально-деловых отношений – отношений, которые возникают между органами государства, организациями, либо внутри организаций, а также между организациями и физическими лицами в процессе их хозяйственной, производственной или юридической деятельности» [4, С. 47]. Реализация этой функции «связана со сферами деятельности человека, составляющими экстралингвистическую базу речевого стиля» [7, С. 53].

Официально-деловой стиль принято относить к книжным стилям – в основном, он функционирует в форме письменной речи. «Чаще всего деловой стиль используется в текстах различных документов: законов, приказов, указов, договоров, инструкций, соглашений, распоряжений, актов, в деловой переписке учреждений, организаций, в документах юридического характера, дипломатических актах» [2, С. 24].

К устной форме реализации официально-деловой речи относят выступления на торжественных собраниях, различного рода приемах, заседаниях, а также публичные доклады общественных и государственных деятелей.

«Официально-деловой стиль выделяется среди других функциональных стилей своей замкнутостью, стабильностью, традиционностью, стандартизованностью» [3, С. 47].

В Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка под редакцией М.Н. Кожинной дано следующее определение официально-делового стиля: «Функциональная разновидность современного литературного языка, обслуживающая сферу права, власти, администрации, коммерции внутри- и межгосударственных отношений» [6, С. 341].

Главенствующая функция официально-делового стиля конкретизируется в каждой сфере, что позволяет выделять три подстиля официально-делового стиля:

1. Административно-канцелярский (заявление, деловое письмо, приказ, распоряжение, трудовой договор, доверенность и т.д.)
2. Законодательный (закон, указ, кодекс, устав, конституция и др.)
3. Дипломатический (международный договор, конвенция, нота, коммюнике, декларация, меморандум).

Такие лингвисты как М.Н. Кожина [5, С. 142], Е.Н. Роготнева [11, С. 87], Д.Э. Розенталь [12, С. 322] отмечают определенные наборы стилевых черт, присущих деловому стилю.

На основе работ вышеперечисленных авторов можно выделить несколько характерных для официально-делового стиля свойств:

1. Точность, обеспечивающая однозначное и максимально точное истолкование.
2. Стереотипность – соответствие речевому шаблону, образцу, стандарту.
3. Лаконичность.
4. Логичность и структурированность текста.
5. Отсутствие экспрессивного оттенка.

Указанные стилевые черты официально-делового стиля реализуются в тексте на всех уровнях языка. Остановимся более подробно на языковых особенностях официально-делового стиля, которые также являются средствами реализации стилевых черт официально-делового стиля.

Рассмотрим эти особенности на лексическом уровне:

1. Использование функционально-окрашенной лексики, канцеляризм, употребляемых исключительно в рамках данного стиля: *надлежащий, истец, ответчик, нижеподписавшийся, протокол*.

2. Использование характерной фразеологии: *свидетельство о рождении, акт проверки, в целях контроля, по причине неяви, обжалованию не подлежит*.

3. Использование сложносокращенных слов, графических сокращений, при этом правила их сокращения строго установлены: *Технадзор, Минэкономразвития, обл., зам., и.о., и т.д., см.*

4. Недопущение эмоционально-окрашенной лексики, за исключением этикетных формул: *уважаемый коллега*.

5. Употребление слов в их прямом значении.

Таким образом, официально-деловому стилю присущ ряд характерных особенностей, являющихся средством достижения коммуникативных целей официально-делового текста.

Экспрессивность как категория имеет отношение к стилистике, лингвистике, искусствоведению, психологии, эстетике, логике, литературоведению. «Экспрессивность выражает сознательное, целенаправленное, субъективное и эмоциональное отношение говорящего к субъекту, имеет оказывает воздействие и призвана подчеркивать, усиливать и актуализировать информацию в процессе коммуникации» [14, С. 160].

Существуют различные подходы к определению понятия экспрессивности. Лингвистический энциклопедический словарь определяет экспрессивность как «совокупность семантико-стилистических признаков единицы языка, которые обеспечивают её способность выступать в коммуникативном акте как средство субъективного выражения отношения говорящего к содержанию или адресату речи» [8, С. 675]. Согласно экспериментальному системному толковому словарю стилистических терминов экспрессивностью называется «совокупность признаков языковых единиц или высказывания/текста, в которых отражается/которые указывают на не нейтральное отношение говорящего к содержанию или адресату речи».

Такие ученые, как Н. А. Лукьянова [7, С. 5], А. П. Сковородников [13, С. 44] считают, что экспрессивность является либо лексической, либо стилистической категорией.

Однако В. Н. Телия в своих работах называет экспрессивность функционально-семантической категорией и определяет её как «эффект, создаваемый в речевой деятельности выражением эмотивного отношения говорящего к обозначаемому высказыванию» [14, С. 119]. Это определение видится нам более приемлемым, поэтому используется в качестве опорного в настоящей работе.

Большинство исследователей единодушны во мнении, что официально-деловой стиль не предполагает наличия элементов экспрессивности. Однако в текстах документов всё чаще можно встретить экспрессивные элементы, в частности в таком жанре, как деловое письмо. В качестве примеров рассмотрим выдержки из официальной корреспонденции исполнительных органов государственной власти Ханты-Мансийского автономного округа – Югры на уровне лексики. В ходе работы было проанализировано 50 входящих официальных писем за 2019-2021 годы. Тематика писем – международные и межрегиональные отношения, экономика, социальная сфера, гуманитарное сотрудничество. Материал заимствован с официального сайта правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры admhmao.ru. По результатам анализа выявлено 113 примеров использования экспрессивных элементов на лексическом уровне. Рассмотрим некоторые из них.

Эмоционально-окрашенная лексика:

*«...в адрес Генерального консульства из славного города Нижневартовска поступило **полное горечи и отчаяния** письмо-обращение граждан...»*

Лексема *горечь* употребляется в переносном значении и имеет определение «тягостное, гнетущее чувство, вызываемое разочарованием, обидой, неудачей, и т.п.». *Отчаяние* употребляется в своем прямом и единственном значении. Обе лексемы можно отнести скорее к книжному стилю, и со стилистической точки зрения более корректно было бы употреблять их в художественном стиле, а не в официально-деловом, где наличие не только книжной, но и любой эмоционально-окрашенной лексики является отступлением от стиля.

*«...с **удовлетворением** наблюдаем за развитием взаимодействия Вашего региона со словацкими партнерами»*

*«Мы с **удовлетворением** отмечаем рост деловой активности между Венгрией и ХМАО, который наблюдается в последние годы»*

Выражение *с удовлетворением* можно причислить к эмоционально-окрашенной лексике, использование которой недопустимо в официально-деловом стиле. В данном случае автор хотел донести до адресата тот факт, что развивающееся взаимодействие региона со словацкими партнерами вызывает положительные эмоции, однако, информацию подобного рода не принято передавать в текстах официально-делового стиля. Такое предложение можно

было бы заменить на оценочную лексику, употребляемую в деловом стиле: *«Стоит особо отметить активное развитие дружественных взаимоотношений Вашего региона со словацкими партнерами».*

«Разрешите горячо поблагодарить Вас за приглашение...»

Наречие *горячо* в переносном смысле означает «очень сильно, страстно, пылко», используется преимущественно в художественном и публицистическом стилях.

«Очень сожалею, но несмотря на мою заинтересованность тематикой, представленной в программе открытого дебата – по причине ранее принятых на себя обязательств не смогу принять участие в мероприятии»

Наречие *очень* несет в себе функцию усиления, которая не является необходимой для официально-делового стиля. Более того, глаголы в первом лице используются в официально-деловом стиле особым образом, в виде клишированных фраз, например, *«Считаю целесообразным...»*, *«Прошу рассмотреть возможность...»*. Использование глагола *сожалеть* от первого лица является, скорее, отступлением от нормы, поскольку существует обезличенное клише *«К сожалению»*.

Оценочная лексика:

«...очень надеемся, что Вы не только дадите адекватную политико-правовую оценку сложившейся крайне ненормальной ситуации, но и выправите её в интересах защиты престижа великого российского государства».

Прилагательное *ненормальный* относится к разговорному стилю речи и является оценочным. Прилагательное *великий*, напротив, относится к высокому стилю речи. Оба случая являются отступлением от нормы.

«Патриотизм является сильнейшей скрепой нашего многонационального общества»

Существительное *скрепа* употребляется в переносном значении для названия чего-то, что объединяет, сплачивает, употребляется, в основном в публицистических жанрах. Использование любой лексики с переносным значением в официально-деловом стиле является отступлением от нормы и затрудняет достижение одной из главных задач

стиля – однозначность и максимальная точность истолкования.

«Я убеждена, что встреча в Санкт-Петербурге будет замечательной возможностью для проведения широкой дискуссии»

Прилагательное *замечательный* дает положительную оценку ситуации, что само по себе не является нарушением стилевой нормы, однако оно практически не употребляется в официально-деловом и научном стилях.

«Были бы крайне признательны, если в своем напряженном рабочем графике Вы смогли бы выделить время на посещение церемонии»

Очередной пример употребления слова в переносном значении, который лишает текст однозначности и максимальной точности истолкования.

«Все это мы сообщаем Вам, чтобы показать, что мы серьезная телекомпания, которая ответственно подходит к исполнению своего профессионального долга»

Прилагательное *серьезный* употребляется здесь в прямом значении, однако, стилистически это некорректно. Заверять адресата в серьезности своих намерений самым непосредственным образом в деловой сфере общения не принято, к тому же это создает эмоциональный эффект и экспрессивность, не присущие официально-деловому стилю. В данном случае достаточно было бы сообщить: *«Качественное и своевременное исполнение обязательств гарантируем».*

Фразеология, не характерная для официально-делового стиля:

«Выразил простую и ясную мысль»

Словосочетание *простой и ясный* чаще используется в разговорной речи, добавляет эмоционально-экспрессивный оттенок высказыванию, что в данном случае является нарушением стиля.

«В те годы был отмечен наивысший пик дружбы между областями СССР и Чехословакии»

Словосочетание *в те годы* чаще используется в разговорных жанрах. Поскольку оно не несет в себе достаточной для официально-делового стиля точности описания, правильнее было бы употребить *в указанный период*. Словосочетание *наивысший пик* имеет художественный и эмоционально-экспрессивный оттенки. Уместнее было бы сказать *отношения развивались наиболее плодотворно*.

«Вяло идут связи между Карловыми Варами и Иркутском»

Наречие *вяло* чаще употребляется в художественных стилях. К тому же, глагол *идут* было бы правильнее заменить на *развиваются*.

«Благодаря тому, что для Ханты-Мансийского автономного округа – Югры стремление найти экологическое равновесие между городом и природой красной нитью проходит через Генеральный план развития региона...»

Фразеологизм *красной нитью проходит* имеет явный художественный оттенок, поскольку, фактически, сам по себе является метафорой, и действительно устойчивым и общеизвестным фразеологизмом, употребляемым в публицистических и художественных текстах, поэтому его использование в официально-деловом тексте неуместно.

«Многие из них можно назвать произведениями искусства и каждая была сделана с душой и надеждой на Новогоднее чудо»

Сделать что-либо *с душой* также является художественным оборотом и несет в себе экспрессивный оттенок. Понятие *новогоднее чудо* употребляется в публицистических, разговорных и художественных текстах.

Устаревшая и разговорная лексика:

«Отрадно, что в последнее время отмечается восстановление прямых контактов между российскими и чешскими городами»

Наречие *отрадно* является устаревшим, к тому же, явно выражает эмоционально отношение автора к описываемой информации.

«Намечаются подвиги»

Подвиги употребляется в переносном значении и употребляется, чаще всего, в разговорном стиле.

Побудительная лексика, прямые обращения к широкому кругу лиц:

«Не пропустите это важное и светлое событие, посвященное развитию городов, общества и человека! Приезжайте сами и обязательно приглашайте коллег, друзей и ваших подписчиков»

Данный пример благодаря обилию побудительной лексики (*не пропустите, приезжайте сами*), наличию экспрессивных прилагательных (*важный и светлый*) а также восклицательному знаку в конце предложения больше подходит для публикации в журнале или газете, использования в качестве текста афиши и является полным нарушением всех норм официально-делового стиля.

Рассмотренные примеры, их анализ методом первичного лингвистического наблюдения и описания позволяют сделать следующие выводы:

1. Элементы экспрессивности всё активнее проникают в официально-деловой стиль.
2. Источником выявленной экспрессивности являются тексты художественного, публицистического стилей, а также элементы разговорного стилей.
3. Наблюдающиеся отклонения от общего стандарта способствуют формированию определённых компонентов образной, оценочной семантики, метафорических переносов. Именно они лежат в основе возникающей экспрессивности делового письма.
4. Чаще всего встречается эмоционально-окрашенная и оценочная лексика, фразеология, не характерная для официально-делового стиля, а также разговорная лексика.

Дополнительно можно отметить перспективность дальнейшего изучения проникновения элементов экспрессии в официально-деловой стиль.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Арутюнова Н. Д. Жанры общения / Н.Д. Арутюнова // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. – М., 1992. С. 52-56.
2. Бландова Н. Г. Документная лингвистика: учеб. пособие / Н. Г. Бландова. – М.: Моск. ист.-арх. ин-т, 1983. 99 с
3. Колтунова Н. Н. Язык и деловое общение: Нормы. Риторика. Этикет: Учеб. пособие для вузов / М. В. Колтунова. – М.: Экономическая литература, 2002. - 287 с.
4. Кушнерук С. П. Документная лингвистика (русский деловой текст): Учебное пособие / С.П. Кушнерук. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1999. - 96 с.
5. Кожина М.Н. Стилистика русского языка / М.Н. Кожина, В. А. Салимовский, Л. Р. Дускаева. – Флинта, 2008. – 932 с.
6. Кожина М.Н. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / М.Н. Кожина, Е.А. Баженова, М.П. Котюрова, А.П. Сковородников. – Флинта, 2011. – 696 с.
7. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления в семантическом аспекте / Н.А. Лукьянова. – Новосибирск, 2015. – 18 с.
8. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
9. Никитина С. Е. Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов / С. Е. Никитина, Н. В. Васильева. – М.: Рос. акад. наук, Ин-т языкознания, 1996. – 172 с.
10. Орлова Н. В. Жанры разговорной речи и их «стилистическая обработка»: к вопросу о соотношении стиля и жанра / Н.В. Орлова // Жанры речи: Сб. науч. ст. - Саратов, 2017. Т. I. С.51-56.
11. Роготнева Е. Н. Документная лингвистика: сборник учебно-методических материалов / Е. Н. Роготнева. – Томск, 2018. – 784 с.
12. Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка / Д.Э.Розенталь. – Москва, 1987. – 399 с.
13. Сковородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. Опыт системного исследования / А.П. Сковородников. – Томск, 1981. – 255 с.
14. Телия В. Н. Механизмы экспрессивности / В. Н. Телия // Языковые механизмы экспрессивности. М.: Наука, 1991. – 214 с.
15. Bryan A.G. Formal Words. Garner's Modern American Usage (3rd ed.) /A.G. Bryan // Oxford University Press. – 2017. – pp. 370–71.
16. Olivia S. The Write Approach: Techniques for Effective Business Writing // Emerald Group Publishing. – 2019. – 62 p.
17. Renkema J. Introduction to Discourse Studies / J. Renkema // John Benjamins Publishing. – 2016. – 152 p.

Список литературы на английском / References in English

1. Arutjunova N. D. Zhanry obshhenija [Communication Genres] / N.D. Arutjunova // Chelovecheskij faktor v jazyke. Kommunikacija, modal'nost', dejksis [The human factor in language. Communication, modality, deixis]. – М., 1992. p. 52-56. [in Russian]
2. Blandova N. G. Dokumentnaja lingvistika: ucheb. Posobie [Documentary Linguistics: A Textbook] / N. G. Blandova. – М.: Mosk. ist.-arh. in-t, 1983. 99 p.
3. Koltunova N. N. Jazyk i delovoe obshhenie: Normy. Ritorika. Jetiket: Ucheb. posobie dlja vuzov [Language and Business Communication: Standards. Rhetoric. Etiquette: Textbook for universities] / M. V. Koltunova. – М.: Jekonomicheskaja literatura, 2002. - 287 p. [in Russian]

4. Kushneruk S. P. Dokumentnaja lingvistika (russkij delovoj tekst): Uchebnoe posobie [Documentary Linguistics (Russian Business Text): A Textbook] / S.P. Kushneruk. – Volgograd: Izd-vo VolGU, 1999. - 96 p. [in Russian]
5. Kozhina M.N. Stilistika russkogo jazyka [Russian Language Stylistics] / M.N. Kozhina, V. A. Salimovskij, L. R. Duskaeva. – Flinta, 2008. – 932 p. [in Russian]
6. Kozhina M.N. Stilisticheskij jenciklopedicheskij slovar' russkogo jazyka [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language] / M.N. Kozhina, E.A. Bazhenova, M.P. Kotjurova, A.P. Skovorodnikov. – Flinta, 2011. – 696 p. [in Russian]
7. Luk'janova N.A. Jekspressivnaja leksika razgovornogo upotreblenija v semanticheskom aspekte [Expressive vocabulary of colloquial usage in the semantic aspect] / N.A. Luk'janova. – Novosibirsk, 2015. – 18 p. [in Russian]
8. Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar' [Linguistic Encyclopedic Dictionary] / edited by. V. N. Yartseva. – M.: Sov. jenciklopedija, 1990. – 685 p. [in Russian]
9. Nikitina S. E. Jeksperimental'nyj sistemnyj tolkovyj slovar' stilisticheskij terminov [Experimental Systematic Dictionary of Stylistic Terms] / S. E. Nikitina, N. V. Vasil'eva. – M.: Ros. akad. nauk, In-t jazykoznanija, 1996. – 172 p. [in Russian]
10. Orlova N. V. Zhanry razgovornoj rechi i ih «stilisticheskaja obrabotka»: k voprosu o sootnoshenii stilja i zhanra [Genres of Colloquial Speech and their 'Stylistic Processing': the Relationship Between Style and Genre] / N.V. Orlova // Zhanry rechi: Sb. nauch. st. - Saratov, 2017. Vol. I. p.51-56. [in Russian]
11. Rogotneva E. N. Dokumentnaja lingvistika: sbornik uchebno-metodicheskij materialov [Documentary Linguistics: A Collection of Teaching and Learning Materials] / E. N. Rogotneva. – Tomsk, 2018. – 784 p. [in Russian]
12. Rozental' D.Je. Prakticheskaja stilistika russkogo jazyka [Practical stylistics of the Russian language] / D.Je.Rozental'. – Moskva, 1987. – 399 p. [in Russian]
13. Skovorodnikov A.P. Jekspressivnye sintaksicheskie konstrukcii sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka. Opyt sistemnogo issledovanija [Expressive syntactic constructions of modern Russian literary language. The experience of systematic research] / A.P. Skovorodnikov. – Tomsk, 1981. – 255p. [in Russian]
14. Telija V. N. Mehanizmy jekspressivnosti [Mechanisms of Expressivity] / V. N. Telija // Jazykovye mehanizmy jekspressivnosti. M.: Nauka, 1991. – 214 p. [in Russian]
15. Bryan A.G. Formal Words. Garner's Modern American Usage (3rd ed.) /A.G. Bryan // Oxford University Press. – 2017. – pp. 370–71.
16. Olivia S. The Write Approach: Techniques for Effective Business Writing // Emerald Group Publishing. – 2019. – 62 p.
17. Renkema J. Introduction to Discourse Studies / J. Renkema // John Benjamins Publishing. – 2016. – 152 p.

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.26.2.22>**ЭПИТАФИЯ КАК КЛАДБИЩЕНСКИЙ ЖАНР**

Научная статья

Ревякина Н.П. *

ORCID: 0000-0001-5158-6118,

Донской Государственный Технический Университет, Ростов-на-Дону, Россия

* Корреспондирующий автор (nadinrev[at]ya.ru)

Аннотация

Целью данной статье является рассмотрение эпитафии как одной из важных частей народной культуры, относящейся к кладбищенскому жанру. Нагробные надписи подчеркивают культурные предпочтения людей и языковые вкусы эпох. Эпитафия, как своего рода хвалебный мемориальный текст, своим плавным стилем, комплиментарными текстами имеют большую ценность как культурное наследие. Память об умерших "коммуникативна", т.к. свойственна всем людям. Следовательно, хранители данной памяти - надгробия как объекты культуры – также выполняют коммуникативную функцию. Память также "культурна", поскольку вырабатывает специфических носителей, обряды, институты. Главное - память об умерших способствует созданию общности. Обращаясь в воспоминании к усопшим, общество подтверждает свою идентичность.

Ключевые слова: эпитафия, духовные ценности, кладбищенский жанр, танатологический подход, раскрытие мировоззрения, культурно-историческое наследие.

EPITAPH AS A CEMETERY GENRE

Research article

Revyakina N.P. *

ORCID: 0000-0001-5158-6118,

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

* Corresponding author (nadinrev[at]ya.ru)

Abstract

The purpose of this article is to consider the epitaph as one of the important parts of folk culture in relation to the cemetery genre. These inscriptions emphasize cultural preferences of people and the linguistic tastes of the eras. The epitaph, as a kind of laudatory memorial text, is of great value as a cultural heritage with its flowing style and complimentary texts. The memory of the dead is "communicative" because it is common to all people. Consequently, the keepers of this memory - gravestones - also perform a communicative function. Memory is also "cultural", as it develops specific carriers, rituals, and institutions. The main thing is that the memory of the dead contributes to the creation of community. By addressing the dearly departed in memory, society confirms its identity.

Keywords: engravings, spiritual values, cemetery literature, thanatological approach, to reveal world outlook, epitaphs, cultural and historical heritage.

Introduction

The author supposes that the cemetery genre is very important because the tomb inscriptions represent the written language's evolution. They also show landmarks in historical and cultural development. "Cemeteries where they are concentrated are depositories of valuable historical documents" [1, P. 16].

The epitaph's analysis discovers even the stages of the people's thinking formation. Interest in epitaphs as a special part of cultural life has existed for a long time. They were first mentioned more than three thousand years ago in Ancient Egypt. Epitaphs became a literary genre after only two centuries [2, P. 21]. The epitaphs are usually used to commemorate the fact of burial. They bear information concerning the name and dates of a person's birth and death.

"Emotions, artistic features allowed epitaphs in the VII — VI centuries B.C. go from the memorial subject to the scroll and stand in a row with other genres of literature" [3, P. 17]. Some of the engravings have philosophical and religious ideas.

The study of epitaphs in Russia is associated with the name of Peter the Great. He ordered the Kazan governor, A. P. Saltykov, to make copies of some foreign engravings for the *Kunstkamera* [4, P. 67]. In 1771, academician I. I. Lepechin [5, P. 110] published the translation of gravestone texts into Russian. In 1846, a professor at Kazan University, I. N. Berezin [6, P. 58], studied the Bulgars' epigraphic monuments. A teacher of the Turkish-Tatar language of St. Petersburg University, Husain Faizkhanov, made significant contributions to this branch of science. He designated the dates of the monuments through the linguistic analysis of epitaphs [7, P. 20].

Methods

Death ends the process of human life. Birth is the beginning, and death is the end of it. Therefore, we can suppose that it has its own language. Beyond the obvious information inscribed on tombs, there are names, years of birth and death, and other important information. Epitaphs also offer brief flashes of people's lives. They no longer exist, but memories of them continue to live. This fact is evidently very important. The research is based on the most important methodological principles of objectivity and historicism. The specificity of the object, goals, and objectives led to the use of methods of macro-level linguistic research: comparative, typological, etc., supplemented by the examination of micro-objects, such as the placement of a necropolis, decoration of tombstones, etc., including identification by the author of lost inscriptions and attribution of monuments.

The Purpose of Study

The actuality of this theme lies in the fact that the spiritual life of society is impossible without consideration of the engraved inscriptions. Thus, the article presents the great historical and cultural role of these documents that may be considered as the storage place for written linguistic phenomena. It is also of great interest that they reflect the worldview of the sender. In addition, attention is drawn to the latent educational potential of cemeteries. It is here that a person in a special way realizes himself as a part of society, feels his involvement in the course of history, and reconsiders his own deeds and actions. The memory of death raises thoughts of the future, encourages self-improvement, and helps us look at the blessings and misfortunes of the world around us as preparation for eternal life. In this regard, cemeteries have become instructive places.

Findings and Results

The most important feature of epitaphs is their relation to living beings. These inscriptions glorify, recollect, and reaffirm the belonging of the deceased to a group, a family, a religion, or a moral system. Thus, among other things, they are real sources for invaluable historical, social, and cultural information. In semantic terms, attention is drawn to the selection of lexemes that implement the cemetery genre. Here, properties of the epitaph, such as solemnity, sublimity, severity, seriousness, penetration, expressiveness, and praise are clearly manifested. Here is the text on the tomb of the great physicist, Isaac Newton: *"Here rests Isaac Newton, who, with the unparalleled power of mind and the power of mathematics, was the first to explain the motion of planets, the paths of comets, the ebb and flow of the ocean."* There are only a few words on the tombstone of the great mathematician Leibniz: *"The genius of Leibniz"* [3, P. 11]. We cannot help but admire the solemn style and expressiveness of the epitaphs.

In syntactic terms, we can note compositional originality, brevity, narrative, and rhythm. *"Finally happy"* — this short phrase is placed on the grave of one of the creators of the doctrine of electricity — Ampere. On the monument to legendary Moscow physician Fyodor Gaaz, we read his famous motto: *"Hurry to do good!"* Analysis of these and similar epitaphs showed that the syntactic features are as follows: a) they usually consist of simple sentences; b) complex sentences are used no more than 25% of the time; c) the model of the narrative sentence is predominant (78%); d) interrogative sentences are widely used. Epitaphs "invite" readers to think of a vital issue: the transience of life and the need to do something useful before leaving.

Research methods

Research of the engravings can be considered as a "non-traditional source of information about the way of life, culture, world outlook and religious beliefs of the nation" [8, P. 73]. We can find practically the same conclusions in the works of many scholars. Thus, the members of the Archeological Society, Historical and Ethnographic departments of Kazan University proved this fact by studying epitaphs. In the fruitful period (XIX – XX centuries), the works of Ilidor Izoskov, Nikolai Katanov, and Gainutdin Akhmarov were remarkable [9]. Research done by N. F. Kalin and S. E. Malov [10] was also of great value and aroused great interest in the cultural heritage.

The tradition to leave memorable, kind words about the deceased spread throughout the world. This cemetery genre developed according to its own laws, traditions, and rules. It is based on the principle of not speaking badly about the dead.

The epitaph inscription is considered not only as an objective fact of human death but also as an event brought to life by the reader. The subjective modality (the attitude of the author) to the text and the objective modality (emotions of sadness, regret, and sympathy) are obligatory features of the genre. However, this is an optional sign of a statement (if expressed explicitly). The linguistic means of expressing subjective modality in epitaphs are the following: verb in the form of the imperative mood, such as *"remember"* and *"sleep well"*; verb in the personal form of the present tense, such as *"we swear"*, *"I ask"*, or *"we grieve"*; vocabulary characteristic of the solemn style, such as *"descendants"* or *"generation"*; and words-intensifiers, such as *"forever"*.

From the point of view of pragmalinguistics, we will discuss two sides of the gravestone inscription: its internal significance and external address communicative appeal. The gravestone inscription can be considered from the point of view of elocution, illocution, and perlocution. From the standpoint of elocution, the epitaph reflects the reference component of the information. In illocutionary terms, a number of problems are considered in the epitaph: positive (in rare cases, negative, ironic, and satirical) evaluation of the deceased and his deeds, such as gratitude, grief and sorrow, sincerity, and love.

One more important feature of the epitaph is its perlocutionary effect. It certainly has direct influence on the addressee. It is interesting to mention the implementation of this impact in speculation. This is the so-called "simultaneous application", i.e., imposition of signs of different semiotic nature [9, P. 170]. In other words, it is vividly shown in the context of giving an example of dignified life to the future generation. People remember the deceased by their good actions during their lives. In the focus of this research, an experiment on the actualization of the pragmatic potential of indirect speech acts with the illocution of "compulsion to sympathy" was conducted. Indirect speech acts with this illocution are analyzed from the point of view of pragmalinguistics [1, P. 21].

The study revealed the actualization of the pragmatic potential of indirect speech acts with the illocution of "compulsion to sympathy". According to this doctrine, the addresser tries to affect the recipient of the epitaph, causing the perlocutionary effect of sympathy / disfavour / neglect, which depends on the age, gender, and national characteristics of the recipients. These features (first of all, the attitude of the recipients to the concept of "death", which causes deeper and stronger feelings in older people and in women than in young people and men) determine the difference in the reactions of addressees to illocution's "compulsion to sympathy". Representatives of the CIS countries and the North Caucasus react differently to questions concerning leaving the world. For example, text recipients from the Chechen Republic, Dagestan, Ingushetia, and Ossetia do not always understand why sympathy is necessary because their religious beliefs suggest that life does not end with death. The difference is also manifested in the fact that the first group of addressees (50 people aged 18 to 25 years old) responds to the

epitaph texts in a more restrained way and shows sympathy almost half as much as the second group (50 text recipients from 60 years and older). Young people either remain indifferent, ignore the problem (38% of respondents), or do not show sympathy (42% of recipients). However, some young people show anxiety and even fear questions that are somehow related to death. Older people are more susceptible to issues of preserving the memory of themselves after their death. They do not remain indifferent, showing sympathy in 83% of cases. Women in both groups (25 of each) are more emotional in expressing sympathy. The percentage of sympathy expression is 58 and 76 in the first and second groups of recipients, respectively. Epitaphs encourage thinking about the most important thing. Today, the time has come to talk seriously “about the revival of spirituality” [11, P. 340]. Therefore, more attention should be given to the study of gravestone inscriptions.

Discussion Questions

The tomb chronicles are rich and diverse. The thanatological aspect attracted the attention of many thinkers, writers, and poets. We can witness some philosophical contemplations on mortal life and the immortality of the soul:

— “*My dust overwhelms the earth, the spirit ascends to the sky*” (Seneca)

— “*My death and life — from God are they, and I do not live myself, but God lives in me*” (Johannes Shefler),

— “*Immortality is the truth, filled with light, and death constantly proves it*” (Rabindranath Tagore). [12, P. 301].

Scholars of the history of the genre note that “over time, the old forms freeze, multiply, and the recognizable clichés become the most widespread” [13, P. 152]. This genre was added by lyrical poems [14, P.161]. Elegies of famous writers emerge, and church texts containing the eternal truths appeared often. The texts also provide the “guideline for doing the right thing and achieving value, which means peace and tranquility» [15, P. 202].

Conclusion

Such elements as explicit information speak for the deceased in a symbolic and metaphorical language. Experts of the funereal genre find in the brief passages on tombs syntactic, semantic, lexicological, and other important linguistic characteristics. They contain valuable, clear, and firm messages on belonging within a specific human community. The cemetery genre — the language of tomb inscriptions — provides more information about those who lie in the graves than we might see at first. Brief messages carved in stone tell stories of those who once lived.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Файзханов Х.А. Три болгарские надгробные надписи / Файзханов Х.А. – СПб.: АН, 2016. – с. 16.
2. Калини Н.Ф. Итоги работы комиссии по эпиграфии / Калини Н.Ф. - Казань: 2015. - С.21.
3. Гиллельсон Н. Русская эпитафия / Гиллельсон Н. - Советская Россия-Советская Россия 2017. – с. 15–18.
4. Антипов Г.А. Текст как культурный феномен / Антипов Г.А., Донских О.А., Марковина И.Ю. и др. – Новосибирск: Наука, 2016. – 97 с.
5. Амирова Т.А. К истории и теории графемики / Амирова Т.А. – М.: Наука, 2017. – 191 с.
6. Быкова Е. В. Многоканальный модульный мемориальный текст / Быкова Е. В. Эд. РГУ им. А.И. Герцен, 2016, № 130 – с. 96–101
7. Калинин Н.Ф. Итоги работы комиссии по эпиграфии / Калинин, Н.Ф. - Казань: 2015. – С.21.
8. Матвеева Г. Категориальная оценка с позиций прагмалингвистики / Матвеева, Г. // Личность, речь и юридическая практика. Ростов-на-Дону: ДУИ, 2017. – с. 169–173.
9. Зимняя И. А. Вероятностное прогнозирование смыслового восприятия / Зимняя И. А. // Планы и модели будущего в речи. Издательство Тбилисского университета, 2015. с. 18–26.
10. Карамзин Н.М. К истории государства Российского / Карамзин Н.М. – М.: Просвещение, 2015. с. 344.
11. Ковтунова И. Поэтическая речь как форма общения / Ковтунова, И. // Вопросы лингвистики-Вопросы языкознания. 2016, – № 1. – с. 313.
12. Колшанский Г. Семантика контекста / Колшанский Г. М.: Наука, 2015. – с. 86.
13. Колшанский Г. Коммуникативная функция и структура языка / Колшанский Г. М.: Наука, 2016. – 173 с.
14. Coleridge S.T. Selected Works / Coleridge, S.T. – М.: Art, 2017. – p. 231.
15. Лосев А.Ф. Знак, символ, миф / Лосев А.Ф. М.: Изд-во МГУ, 2016. – 47 с.

Список литературы на английском / References in English

1. Faizkhanov Kh.A. Tri bolgarskie nadgrobnye nadpisi [Three Bulgarian gravestone inscriptions] / Faizkhanov, Kh.A. – SPb.: AN, 2016. – p. 16. [in Russian]
2. Kalini N.F. Itogi raboty komissii po epigrafii [The results of the work of the commission on epigraphy] / Kalini, N.F. – Kazan: 2015. – P.21. [in Russian]
3. Gillelson N. Russkaya epitafiya [Russian epitaph] / Gillelson, N.I. – Sovetskaya Rossiya-Soviet Russia 2017. – p. 15-18. [in Russian]
4. Antipov G.A. Tekst kak kul'turnyj fenomen [Text as a cultural phenomenon] / Antipov, G.A., Donskikh, O.A., Markovina, I. Yu. et al. – Novosibirsk: Science, 2016. – 97 p. [in Russian]
5. Amirova T.A. K istorii i teorii grafemiki [On the History and Theory of Graphemics] / Amirova T.A. – М.: Science, 2017. – 191 p. [in Russian]
6. Bykova E.V. Mnogokanal'nyj modul'nyj memorial'nyj tekst [Multi-channel modular memorial text] / Bykova, E.V. Ed. RSU them. A.I. Herzen, 2016, No. 130 – p. 96 – 101 [in Russian]

7. Kalinin, N.F. Itogi raboty komissii po epigrafii [The results of the work of the commission on epigraphy] / Kalinin, N.F. - Kazan: 2015. – P.21. [in Russian]
8. Matveeva G.G. Kategorial'naya ocenka s pozicij pragmalingvistiki [Category evaluation from the standpoint of pragmalinguistics] / Matveeva, G.G. // Personality, speech and legal practice. Rostov-on-Don: DUI, 2017. – p. 169 – 173. [in Russian]
9. Winter I. A. Veroyatnostnoe prognozirovanie smyslovogo vospriyatiya [Probabilistic forecasting of semantic perception] / Winter I. A. // Plans and models of the future in speech. Tbilisi University Press, 2015. p. 18–26. [in Russian]
10. Karamzin N.M. K istorii gosudarstva Rossijskogo [On the history of the Russian state] / Karamzin, N.M. – M : Enlightenment, 2015. p. 344. [in Russian]
11. Kovtunova I.I. Poeticheskaya rech' kak forma obshcheniya [Poetic speech as a form of communication] / Kovtunova, I.I. // Voprosy lingvistiki-Questions of linguistics. 2016, – № I. – p. 313. [in Russian]
12. Kolshansky G.V. Semantika konteksta [Context semantics] / Kolshansky, G.V. – M.: Science, 2015. – p. 86. [in Russian]
13. Kolshansky G.V. Kommunikativnaya funkciya i struktura yazyka [Communicative function and structure of the language] / Kolshansky, G.V. – M.: Science, 2016. – 173 p. [in Russian]
14. Coleridge S.T. Selected Works / Coleridge, S.T. – M.: Art, 2017. – p. 231.
15. Losev, A.F. Znak, simvol, mif [Sign, symbol, myth] / Losev, A.F. – M.: Publishing House of Moscow State Univ., 2016. – 479 p. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.26.2.23>**СПОРТИВНЫЙ ДИСКУРС В СМИ: ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕРМИНОЛОГИИ БИАТЛОНА)**

Научная статья

Долженко Н.Г.^{1*}, Сулхаева А.А.²¹ ORCID: 0000-0002-4147-2595,^{1,2} Югорский государственный университет, Ханты-Мансийск, Россия

* Корреспондирующий автор (dng25101961[at]mail.ru)

Аннотация

Статья посвящена специфике употребления лексических единиц спортивного дискурса. В работе представлены особенности семантики и функционирования спортивного дискурса в региональных СМИ на примере такого вида спорта, как биатлон. На основе многоаспектного и разноструктурного подхода выделяются группы лексем, используемых в статьях регионального источника – АУ «ЮграМегаСпорт» и федерального – РИА Новости Спорт. Посредством приёмов сопоставительного анализа рассматриваются также отличительные черты использования терминов в региональных и федеральных средствах массовой информации. В результате проведённого исследования подтверждён тезис о необходимости и актуальности исследования специализированной лексики.

Ключевые слова: спортивный дискурс, спортивная публицистика, средства массовой информации, медиадискурс, лексическая единица, биатлон.

SPORTS DISCOURSE IN MEDIA: ASPECTS OF SEMANTICS AND FUNCTIONING (BASED ON BIATHLON TERMINOLOGY)

Research article

Dolzhenko N.G.^{1*}, Sulkhayeva A.A.²¹ ORCID: 0000-0002-4147-2595,^{1,2} Ugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia

* Corresponding author (dng25101961[at]mail.ru)

Abstract

The article discusses the specifics of using lexical units related to sports discourse. The paper presents the aspects of the semantics and functioning of sports discourse in the regional media on the example of biathlon. On the basis of a multi-aspect and multi-structural approach, the study distinguishes groups of tokens used in the articles of a regional media outlet, avtonomnoe uchrezhdenie (independent organization) "YugraMegaSport" and the federal news agency RIA Novosti Sport. By means of comparative analysis techniques, the study examines the distinctive features of the use of terms in regional and federal mass media. As a result of the conducted research, the author confirms the thesis about the necessity and relevance of studying specialized vocabulary.

Keywords: sports discourse, sports journalism, mass media, media discourse, lexical unit, biathlon.

Введение

Изучение прошлого человечества дает возможность уверенно говорить о том, что спорт и его роль имеет все большее значение в мире. Спорт является своего рода видом физической и интеллектуальной активности; он создан для формирования физических возможностей и улучшения физико-психических особенностей человека. В связи с этим, спорт находит широкое отражение в средствах массовой информации, тем самым став частью спортивной публицистики, совмещающей спортивный и медиа дискурсы.

Методы и принципы исследования

Материалом данного исследования послужили 137 статей биатлонной тематики с 2015 по 2019, а также 2021 год, написанных в период проведения Кубков мира по биатлону, Кубка IBU и Чемпионатов России по биатлону. Для анализа использовались статьи регионального источника – АУ «ЮграМегаСпорт» и федерального – РИА Новости Спорт. Их анализ осуществляется на основе применения совокупности методов и приемов, которые включают в себя систематизацию и классификацию, сплошную выборку, количественный подсчет, контекстуальный и сопоставительный анализ, интерпретацию.

При помощи приема сплошной выборки сформирован состав лексических единиц исследуемых 137 текстов с 514 наименованиями, 2307 словоупотреблениями, которые в дальнейшем были систематизированы.

Обсуждение

Спортивный дискурс является типом институционального сложного многофункционального образования, которое включает в себя другие виды дискурса, таких, как педагогический, выражающийся в общении пары «тренер–спортсмен», юридический, отражающийся в вопросах правил и нарушений проведения, участия, переноса или отмены соревнований, политический, полностью проходящий через крупные соревнования международного уровня, медицинский, являющийся неотъемлемой составляющей спортивного дискурса в рамках подготовки спортсменов, оказания им медицинской помощи в период проведения соревнований, и во время реабилитации. Немаловажное место в спортивном дискурсе занимают также дискурсы массово-информационный и рекламный, которые обращаются к теме спорта в своих общих и частных целях.

Нами предлагается следующее определение словосочетания «биатлонный дискурс»: **биатлонный дискурс – это разновидность спортивного дискурса, которая транслирует смыслы, определяющие деятельность в таком виде спорта, как биатлон.**

К спортивной публицистике относят труды по спортивной тематике, которые оказывают воздействие на мышление спортивного общества и затрагивают темы, являющиеся актуальными на сегодняшний день. Ее предметом являются спорт и физическая культура, а также явления общественной жизни вокруг них.

Одной из ведущих функций спортивной публицистики является освещение событий в мире спорта (международных, национальных, региональных), а также повышение уровня спортивной грамотности социума. При написании текстов интервью, статей журналисту необходимо на высоком уровне владеть спортивной терминологией, иметь фоновые знания о том или ином спортсмене или событии, а также соблюдать стиль, характерный передачи информации данному типу публицистики.

Значительно возросло количество работ по спортивной тематике. В своих публикациях авторы освещают такие вопросы, как: спортивный дискурс, спортивная терминология, передача различных наименований (название оборудования, процесс игры, положение на поле, и т. д.), английские заимствования в русской спортивной терминологии. К наиболее значимым следует отнести работы Э. К. Зиянгирова [2], Е. Г. Малышевой [3], К. В. Сняtkова [4], Н. А. Шафрановой [5].

В данной статье рассматривается лексическое наполнение текстов спортивных публикаций. Она посвящена изучению особенностей семантики и функционирования спортивного дискурса в региональных СМИ на примере биатлонной лексики в ХМАО-Югре. Предпринята попытка проведения сравнительного анализа и сопоставления на основе отличий особенностей биатлонного дискурса в региональных и федеральных СМИ.

Интерес представляют лексические единицы биатлонного дискурса.

Основные результаты

С учётом общей семантики, исторического формирования, социально-функциональной характеристики и стилистических особенностей обозначенных лексем можно условно выделить следующие их группы:

1. *англицизмы и американизмы в русском языке* – слова, заимствованные из британского и американского вариантов английского языка:

— biathlon – биатлон (зимний олимпийский вид спорта, сочетающий в себе лыжные гонки со стрельбой из винтовки);

— handicap – гандикап (полученный промежуток времени; время лидера, вычтенное из времени участника этапа);

— start list – старт-лист (стартовый состав гонки).

2. *спортивная терминология*:

— преимущество, стрельбище, квалификация;

— осечка, отсечка.

3. *спортивная лексика СМИ – биатлонная лексика, применяемая средствами массовой информации*:

— главные герои биатлонного сезона 2014/2015 годов;

— главные действующие лица предстоящих соревнований;

— Хостбродкастер Кубка мира.

4. *спортивные клише* – шаблонные фразы, используемые в текстах спортивной тематики:

— идти плечом к плечу – очень близко, рядом (в биатлоне: спортсмены на лыжной трассе, плотно идущие друг за другом);

— командный игрок – человек, который может прислушиваться и устанавливать взаимодействие с другими членами своей команды.

5. *спортивные речевые штампы* – выражения и слова, лишённые эмоциональной окраски:

— вырвался вперед;

— стал победителем;

— борьба за первое место.

6. *спортивные профессиональные жаргонизмы* – уже существующие слова с новыми значениями или новые слова, которые употребляются в сфере спорта:

— лёжка – стрельба из положения лежа;

— отстрелять на ноль – закрыть все пять мишеней с первого раза;

— на массе – период времени, в течение которого набирается мышечная масса с небольшим процентом жира (всё зависит от питания).

7. *метафоры* – слова и выражения, употребленные в переносном значении:

— отстрелять на ноль;

— броситься в погоню;

— быть на кураже.

Как видно, некоторые из наиболее распространённых лексем, в частности отстрелять /отстреляться на ноль, могут попадать сразу в две группы.

Учитывая сферу употребления и функционирования исследуемых словоформ, приведём некоторые из них, объединённые в группы по активному источнику и пользователю:

— *организаторы, волонтеры*: дистанция, подготовка лыжной трассы, мачта освещения, трансфер, аккредитация, исполнительная дирекция, допинг-контроль, косметический ремонт трасс, кураторы сборных команд.

— *представители IBU* (Международного союза биатлонистов): Большой хрустальный глобус, Кубок IBU, Малый хрустальный глобус, сезон Кубка IBU, финальный этап Кубка мира.

— *пресса, репортеры*: броситься в погоню, взрослый биатлон, удержать вторую позицию, в 30 секундах от лидера, "выцарапывать" каждый выстрел, человек открытие нынешнего этапа, осложнил себе жизнь, промахнувшись, на лыжню плечом к плечу, открыл стрельбу в гордом одиночестве.

— *тренеры*: быстр на лыжне, выбрала неправильную позицию, ветровая обстановка, квалификация, официальная тренировка, тренерский совет, справиться с лежкой.

— *спортсмены*: гонка явно не получилась, вторая сложилась для меня, идеально, борьба на лыжне, почувствовал себя в безопасности, дополнительные патроны.

— *судьи, секретариат, технический делегат*: аналитика гонки, квалификация, старт-лист, стартовый протокол, трасса, стрельбище, штрафной круг.

— *режиссеры*: бронированные кабинки, квадрокоптер (летающий дрон), камера-паук, мини-камеры, Super Slow Motion, замедленные повторы, передвижные телевизионные станции (ПТС).

Изучение семантических аспектов в области спортивного дискурса даст возможность лучше понять, как работает сознание человека при объективизации в языке спортивных понятий. Семантика – это раздел лингвистики, который анализирует «отношения между языковыми выражениями и миром, реальным или воображаемым, а также само это отношение и совокупность таких отношений» [2, С. 44].

Семантика оказывает прямое влияние на языковой характер дискурса и его концептуальное начало. В связи с этим возникает потребность исследовать и некоторые элементы дискурса, а также выявить их семантические функции. При использовании метода компонентного анализа выявляются семантические поля. Согласно Е. Н. Александровой, существуют три группы семантического поля: субъект, движение, действие [1]. Каждая из данных групп обладает своим микрополем. Проецируя данные группы только на спортивные тексты СМИ, а именно на тексты статей АУ «ЮграМегаСпорт» и РИА Новости Спорт биатлонной тематики, можно выделить следующее:

Микрополе «субъект»:

1. имена собственные (*Мартен Фуркад, Антон Шипулин*);
2. порядковые обозначения в соответствии с позицией на лыжной трассе, зоне старта / финиша (*со второй позиции, первая позиция*);
3. название позиции, которые занимают лица (*организатор, тренер, спортсмен, сервисмен*);
4. названия субъектов по принадлежности к национальности, региону, государству (*французы, тюменец, сборная Италии*).

Микрополе «движение» включает название деятельности субъектов, которые перемещаются в пространстве: *идти, бежать, стартовать, двигаться, ходить, гнаться, преследовать, финишировать*. Здесь обширной группой являются предикаты движения.

Проиллюстрируем отмеченное предложением из статьи АУ «ЮграМегаСпорт» о прошедшем масс-старте: «Десять секунд спустя в погоню бросилась россиянка Анастасия Егорова ...» [6], в котором выражение «броситься в погоню» имеет не прямое значение «бежать, преследовать кого-то с целью поимки», а «стартовать», так как речь идет о гонке преследования, когда спортсмены стартуют с определенными временными интервалами.

Еще одним примером может являться слово «лидер» в предложении: «Лучше всех справилась Каролин Хорхлер и взяла роль лидера на себя» [7]. В данном случае оно тождественно фразам «возглавить таблицу», «быть потенциальным победителем данной гонки». Здесь также можно пронаблюдать наличие такой фигуры речи как эллипсис: «справилась» должно сопровождаться словосочетанием «со стрельбой из положения лежа», одновременно подразумевая то, что спортсменка закрыла все мишени.

Микрополе «действие» присуще не всем видам спорта. Например, в некоторых видах спорта с «одним компонентом» (бег, плавание, лыжные гонки) движение уже является действием. Большинство видов спорта имеют два компонента: работа с шайбой или мячом, снарядам для тяжелой атлетики, стрельба и т.д. иногда случается так, что один предикат или субстантив может иметь разную семантику даже в рамках одного вида спорта.

В качестве такого примера можно привести предикат «отработать», которое происходит от слова «работа». Концепт «работа» соответствует ключевому понятию данного вида спорта. То есть, если речь идет о хоккее, то главным концептом является «игра», что отождествляет данные понятия: «отработать» и «отыграть». В биатлоне ключевыми понятиями являются «бег» и «стрельба», а это значит, что они тождественны понятию «работа». В таком случае, предикат «отработать», с одной стороны, приравнивается к значению «хорошо отстрелять» (если речь идет о стрельбе), а с другой стороны, к значению «хорошо пробежать на лыжах, откатать» (если речь идет о беге на лыжах).

Ярким примером являются следующие предложения из текстов статей, посвященных Кубку IBU 2018 года: «Впрочем, заминка не помешала девушке отработать чисто на огневом рубеже» [8] и «...что не совсем получилось, и пришлось отработать на лыжне» [9]. В первом предложении словосочетание «отработать чисто» подразумевает «отстрелять идеально», то есть закрыть все пять мишеней. Во втором высказывании речь уже идет о лыжном ходе, гонке.

В ходе работы выявлен ряд отличий в использовании рассматриваемых лексических единиц в региональных и федеральных СМИ. Для сравнения использовались статьи двух разных источников, посвященные одним и тем же гонкам; рассматривались словосочетания, выражения для описания одних и тех же событий мирового и российского биатлона. Так, название города «Ханты-Мансийск» в текстах АУ «ЮграМегаСпорт» (региональные СМИ) могло встречаться под перифразом «Югорская столица», в то время как в текстах РИА Новости Спорт (федеральные СМИ) такого явления не встречалось. Вместо этого, использовалась фраза «финальный этап Кубка мира», что уже подразумевает то, что это проводится в Ханты-Мансийске, так как Кубок мира по биатлону проводится в девять этапов, и финальный, традиционно, встречает Ханты-Мансийск.

Также отличие заключается в использовании сокращений. Федеральные СМИ использовали сокращения «КМ» вместо «Кубок мира», «ЧР» вместо «Чемпионат России». В текстах статей регионального источника таких сокращений не встречалось.

Еще одна особенность заключается в том, что тексты статей о прошедших событиях в мире биатлона АУ «ЮграМегаСпорт» отличаются использованием различных литературных средств, оборотов, что редко встречалось в текстах РИА Новости Спорт. Например, региональный источник описал следующее событие так: «...международный союз биатлонистов отметит «глобусами» лучших стреляющих лыжников» [10]. Эта же новость с позиции федерального источника: «Международный союз биатлонистов (IBU) отметит глобусами лучших в отдельных дисциплинах» [11]. В данном случае слово «биатлонисты» заменено словосочетанием «стреляющие лыжники».

Можно привести еще один пример: региональный источник – «... Фуркада-младшего. Именно он поднимал над головой главный трофей турнира» [11]; российский – «В прошлом году обладателем больших Хрустальных глобусов стал Мартен Фуркад» [11]. Получение главной награды сезона «Хрустальный глобус» было переименовано в «поднять над головой главный трофей сезона».

Заключение

Таким образом, в статье представлены особенности семантики и функционирования спортивного дискурса в региональных СМИ на примере такого вида спорта, как биатлон. На основе собранного материала предпринята попытка его разноаспектной систематизации, определены отличительные особенности в использовании лексических единиц спортивного дискурса в региональных и федеральных СМИ.

В заключение можно сказать, что спортивная публицистика развивается стремительными темпами. Данный материал региональных и федеральных масс-медиа позволяет отметить некоторые особенности текстов биатлонной тематики, которые заключаются в частом использовании спортивных клише, специальной терминологии, профессионализмов, и еще раз доказывает необходимость изучения специализированной лексики.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Александрова Е. Н. Речевая коммуникация в рамках ситуации (на материале спортивного телерепортажа) : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 : защищена 10.03.2011 / Александрова Елена Николаевна. – Уфа, 2011. – 196 с.
2. Зиянгиров Э. К. Семантические и функционально-стилистические параметры спортивного дискурса : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 : защищена 08.11.2017 / Зиянгиров Эмиль Камилевич. – Уфа, 2017. – 199 с.
3. Малышева Е. Г. Русский спортивный дискурс: лингвокогнитивное исследование: монография / Е. Г. Малышева. – 2-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2011. – 370 с.
4. Снятков К. В. Коммуникативно-прагматические характеристики телевизионного спортивного дискурса : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 : защищена 25.11.2008 / Снятков Константин Владимирович. – Вологда, 2008. – 245 с.
5. Шафранова Н. А. Семантико-функциональная характеристика спортивной лексики в современном английском языке : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04 : защищена 16.02.2005 / Шафранова Наталья Александровна. – Пятигорск, 2005. – 239 с.
6. Российские биатлонистки завоевали золото и серебро [Электронный ресурс]. – 2018. – URL: <http://biathlon.ugrasport.com/2018/03/rossijskie-biatlonistki-zavoevali-zoloto-i-serebro/?tournament=ibu2018> (дата обращения: 15.05.2021).
7. Двойной пьедестал сестер Хорхлер в суперспринте [Электронный ресурс]. – 2018. – URL: <http://biathlon.ugrasport.com/2018/03/dvojnnoj-pedestal-sester-horhler-v-supersprinte/?tournament=ibu2018> (дата обращения: 15.05.2021).
8. Спринт принес две медали сборной России [Электронный ресурс]. – 2018. – URL: <http://biathlon.ugrasport.com/2018/03/sprint-prines-dve-medali-sbornoj-rossii/?tournament=ibu2018> (дата обращения: 15.05.2021).
9. Ирина Услугина: Этот сезон был одним из самых интересных в моей карьере [Электронный ресурс]. – 2018. – URL: <http://biathlon.ugrasport.com/2018/03/irina-uslugina-etot-sezon-byl-odnim-iz-samyh-interesnyh-v-moej-karere/?tournament=ibu2018> (дата обращения: 15.05.2021).
10. Главные награды сезона прибыли в Ханты-Мансийск [Электронный ресурс]. – 2015. – URL: <https://biathlon2015.ugrasport.com/ru/glavnye-nagrady-mirovogo-biatlonogo-sezona-pribyli-v-hanty-mansijsk/> (дата обращения: 15.05.2021).
11. Главные награды сезона Кубка мира по биатлону доставлены в Ханты-Мансийск [Электронный ресурс]. – 2015. – URL: <https://rsport.ria.ru/20150311/813897614.html> (дата обращения: 15.05.2021).

Список литературы на английском / References in English

1. Aleksandrova E. N. Rechevaja komunikacija v ramkah situacii (na materiale sportivnogo telereportazha) [Speech communication in the context of the situation (on the material of a sports TV report)] : dis. ... of PhD in Philology : 10.02.01 : defense of the thesis 10.03.2011 / Aleksandrova Elena Nikolaevna. – Ufa, 2011. – 196 p.
2. Zijangirov Je. K. Semanticheskie i funkcional'no-stilisticheskie parametry sportivnogo diskursa [Semantic and functional-stylistic parameters of sports discourse] : dis. ... of PhD in Philology : 10.02.01 : defense of the thesis 08.11.2017 / Zijangirov Jemil' Kamilevich. – Ufa, 2017. – 199 p. [in Russian].
3. Malysheva E. G. Russkij sportivnyj diskurs: lingvokognitivnoe issledovanie: monografija [Russian sports discourse: linguocognitive research: monograph] / E. G. Malysheva. – 2-e izd., ster. – M.: FLINTA, 2011. – 370 p. [in Russian]

4. Snjatkov K. V. Kommunikativno-pragmaticheskie harakteristiki televizionnogo sportivnogo diskursa [Communicative and pragmatic characteristics of television sports discourse] : dis. ... of PhD in Philology : 10.02.01 : defense of the thesis 25.11.2008 / Snjatkov Konstantin Vladimirovich. – Vologda, 2008. – 245 p. [in Russian]
5. Shafranova N. A. Semantiko-funkcional'naja harakteristika sportivnoj leksiki v sovremennom anglijskom jazyke [Semantic and functional characteristics of sports vocabulary in modern English] : dis. ... of PhD in Philology: 10.02.04 : defense of the thesis 16.02.2005 / Shafranova Natal'ja Aleksandrovna. – Pjatigorsk, 2005. – 239 p. [in Russian]
6. Rossijskie biatlonistki zavoevali zoloto i srebro [Russian biathletes won gold and silver] [Electronic resource]. – 2018. – URL: <http://biathlon.ugrasport.com/2018/03/rossijskie-biatlonistki-zavoevali-zoloto-i-srebro/?tournament=ibu2018> (accessed: 15.05.2021). [in Russian]
7. Dvojnoj p'edestal sester Horhler v supersprinte [Double pedestal of the Horhler sisters in the super sprint] [Electronic resource]. – 2018. – URL: <http://biathlon.ugrasport.com/2018/03/dvojnoj-pedestal-sester-horhler-v-supersprinte/?tournament=ibu2018> (accessed: 15.05.2021). [in Russian]
8. Sprint prinis dve medali sbornoj Rossii [The sprint brought two medals to the Russian national team] [Electronic resource]. – 2018. – URL: <http://biathlon.ugrasport.com/2018/03/sprint-prinis-dve-medali-sbornoj-rossii/?tournament=ibu2018> (accessed: 15.05.2021). [in Russian]
9. Irina Uslugina: Jetot sezon byl odnim iz samyh interesnyh v moej kar'ere [Irina Uslugina: This season was one of the most interesting in my career] [Electronic resource]. – 2018. – URL: <http://biathlon.ugrasport.com/2018/03/irina-uslugina-etot-sezon-byl-odnim-iz-samyh-interesnyh-v-moej-karere/?tournament=ibu2018> (accessed: 15.05.2021). [in Russian]
10. Glavnye nagrody sezona pribyli v Hanty-Mansijsk [The main awards of the season arrived in Khanty-Mansiysk] [Electronic resource]. – 2015. – URL: <https://biathlon2015.ugrasport.com/ru/glavnye-nagrody-mirovogo-biatlonnogo-sezona-pribyli-v-hanty-mansijsk/> (accessed: 15.05.2021). [in Russian]
11. Glavnye nagrody sezona Kubka mira po biatlonu dostavleny v Hanty-Mansijsk [The main awards of the Biathlon World Cup season were delivered to Khanty-Mansiysk] [Electronic resource]. – 2015. – URL: <https://rsport.ria.ru/20150311/813897614.html> (accessed: 15.05.2021). [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.26.2.24>**К ВОПРОСУ О КАТЕГОРИАЛЬНОМ АППАРАТЕ ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ДИСКУРСА**

Научная статья

Старостина Ю.С. *

ORCID: 0000-0003-1578-7590,

Самарский национальный исследовательский университет имени ак. С.П. Королева, Самара, Россия

* Корреспондирующий автор (juliatic[at]mail.ru)

Аннотация

В статье представлены результаты теоретического исследования, направленного на уточнение категориального аппарата дискурсивной лингвоаксиологии как самостоятельного научного направления в пределах современного языкознания. Актуальность работы определяется тем, что в настоящее время наблюдается амбивалентность центральных номинаций лингвоаксиологической проблематики, что препятствует системности и последовательности при разработке перспективного исследовательского поля. Новизна исследования обусловлена тем, что несмотря на солидный объем проанализированных автором научных трудов по вопросу ценностно-оценочной акцентуализации в различных дискурсивных практиках, ранее не была предпринята попытка оформления теоретической платформы дискурсивной лингвоаксиологии в терминах разработки релевантного категориального аппарата. Цель исследования заключается в фиксации обозначенной категориальной системы при помощи комплекса критериев, позволяющих установить смысловое наполнение таких лингвоаксиологических категорий как «ценностная доминанта», «аксиосфера» и «лингвоаксиосфера» по сравнению с коррелирующими с ними лингвокогнитивными и лингвокультурологическими категориями, а именно «концепт», «ценностный компонент концепта», «концептосфера». Исследование также включает в себя анализ актуальных лингвокогнитивных и лингвокультурологических положений, составляющих теоретико-методологическую базу для лингвоаксиологических исследований дискурсивно-коммуникативного пространства. В качестве ведущих методов исследования выступили общенаучные методы сопоставительного контент-анализа и сравнительной систематизации, что позволило раскрыть имеющуюся на данный момент категориальную амбивалентность и предложить вариант ее устранения. Результатом анализа стал аргументативный комплекс, обосновывающий уникальное содержательное наполнение и самостоятельный статус категориальной парадигмы дискурсивной лингвоаксиологии и вывод о правомерности выделения дискурсивно-коммуникативного лингвоаксиологического подхода в качестве актуальной исследовательской схемы.

Ключевые слова: лингвоаксиология, концепт, ценностная доминанта, концептосфера, лингвоаксиосфера, дискурс.

ON THE ISSUE OF THE CATEGORICAL APPARATUS OF LINGUISTIC AND AXIOLOGICAL DISCOURSE RESEARCH

Research article

Starostina J.S. *

ORCID: 0000-0003-1578-7590,

Samara National Research University, Samara, Russia

* Corresponding author (juliatic[at]mail.ru)

Abstract

The article presents the results of a theoretical study aimed at clarifying the categorical apparatus of discursive linguistic axiology as an independent scientific trajectory within the framework of modern linguistics. The relevance of the study is determined by the fact that at present there is an ambivalence of the central nominations of linguistic and axiological problems, which prevents consistency in the development of a promising research field. The novelty of the research lies in the fact that despite the considerable volume of scientific works analyzed by the author on the issue of evaluative accentualization in various discursive practices, no attempt has previously been made to formalize the theoretical platform of discursive linguistic axiology in terms of developing a relevant categorical apparatus. The aim of the study is to fix the designated categorical system using a set of criteria that allow us to determine the semantic content of such linguistic-axiological categories as "value dominant", "axiosphere" and "linguistic axiosphere" in comparison with the linguistic-cognitive and linguistic-culturological categories that correlate with them, namely "concept", "value component of the concept", "conceptosphere". The study also includes an analysis of the current linguistic-cognitive and linguistic-culturological provisions that make up the theoretical and methodological basis for linguo-axiological studies of the discursive and communicative environment. As the main research methods, the study uses the general scientific methods of comparative content analysis and comparative systematization, which allowed for identifying the currently existing categorical ambivalence and propose a way to eliminate it. The result of the analysis is an argumentative complex that justifies the unique content and independent status of the categorical paradigm of discursive linguistic axiology and the conclusion that it is legitimate to single out the discursive-communicative linguistic-axiological approach as an actual research scheme.

Keywords: linguistic axiology, concept, value dominant, conceptosphere, linguistic axiosphere, discourse.

Введение

Современная лингвоаксиология находится в процессе своего активного развития и разработки перспективного понятийного и методологического аппарата, который позволил бы максимально достоверно соотносить уровень ценностных смыслов с уровнем их лингвистического выражения. С учетом внушительного количества научных статей и докладов, посвященных тем или иным аспектам лингвоаксиологических исследований, правомерно говорить о том, что лингвоаксиология постепенно переходит на новый этап, который возможно номинировать как дискурсивную лингвоаксиологию. Обозначенное научное направление основано на понимании современной антропоцентрической лингвистикой языка как инструмента коммуникативной деятельности, и соответственно, обусловлено научным интересом не столько к внутренним языковым закономерностям, сколько к дискурсивно-коммуникативной репрезентации динамичного социального развития. В результате фокус научного интереса в настоящее время смещается на активные процессы трансформации ценностно-оценочной парадигмы как на уровне социокультурного сообщества, так и в сознании индивида, что имеет определенную коммуникативную актуализацию. Современные исследователи [2], [10], [12], [22] и др., опираясь на положения аксиологии и функциональной семантики оценки, стремятся выявить варианты ценностно-оценочной акцентуализации в различных дискурсивных практиках с учетом лингвокультурологических и социолингвистических параметров коммуникативного пространства. Обозначенный вектор научных исследований во многом продиктован необходимостью анализа механизмов реализации ценностных значений в процессе речевого разноформатного взаимодействия, однако он существенно затруднен «релятивным характером ценностей» [21, С. 54], т.е. их способностью варьировать степень своей включенности в аксиологическую картину мира в зависимости от релевантных субъектно-объектных отношений. Реализация дискурсивно-коммуникативных исследований в пределах лингвоаксиологической научной парадигмы дополнительно осложняется недостаточной сформированностью категориального аппарата дискурсивной лингвоаксиологии и не до конца идентифицированным уровнем его корреляции с категориальной системой смежных лингвистических направлений, прежде всего лингвокогнитивистики и лингвокультурологии. В современных научных трудах наблюдается определенное расхождение в понимании центральных номинаций лингвоаксиологической проблематики, что препятствует последовательности в разработке перспективного научного направления. Проведенный нами теоретический анализ направлен на устранение обозначенной категориальной амбивалентности, что определяет его актуальность. Новизна исследования обусловлена тем фактом, что несмотря на солидный объем исследований по вопросу ценностно-оценочной актуализации на материале различных дискурсивных практик, ранее не была предпринята попытка систематизации и оформления теоретической платформы дискурсивной лингвоаксиологии в терминах разработки релевантного категориального аппарата.

При определении положения лингвоаксиологии в кругу актуальных лингвистических направлений целесообразно указать на ее тесную связь с лингвокогнитивистикой и лингвокультурологией, т.е. подчеркнуть необходимость изучения ценностных ментальных смыслов, которые выполняют роль ориентиров деятельности для представителей той или иной культуры. Ценности в таком случае определяются как субъективный набор идеалов и установок, которые сами носители лингвокультуры признают значимыми для этнокультурной общности. Более того, культуру можно определить через аксиологические понятия, как это успешно сделано Н.А. Сидоровой: «культура — это особое измерение духовной жизни, включающее в себя ценности, психические установки, стереотипы, образцы действий, ментальные программы, отличающие одну социальную группу от другой, реализуемые в деятельности субъекта и наследуемые внутри группы» [19, С. 12]. Концепт, выступающий в качестве центральной категории лингвокогнитивистики и лингвокультурологии, является в таком случае «структурой сознания, в которой зафиксированы ценности социума» [18, С. 213]. В некотором смысле можно утверждать, что все лингвокультурологические исследования являются в той или иной степени лингвоаксиологическими исследованиями, поскольку в ядре любой культуры в обязательном порядке фиксируется ценность.

Итак, в актуальной научной парадигме лингвоаксиологические исследования выстраиваются на основе теоретических положений лингвокогнитивистики и лингвокультурологии и оказываются так или иначе связанными с центральными категориями лингвоконцептологии. Для формирования теоретико-методологической базы лингвоаксиологического исследования дискурса представляется необходимым тем не менее обозначить соположение границ лингвоаксиологии и лингвоконцептологии, а также определить степень корреляции их исследовательских категорий, к которым относятся прежде всего такие категории как «концепт», «ценностный компонент концепта», «ценностный концепт», «ценностная доминанта», «концептосфера», «лингвоаксиосфера».

Цель нашего исследования предполагает уточнение категориального аппарата дискурсивной лингвоаксиологии как самостоятельного направления в современном языкознании при помощи разработки комплекса критериев, позволяющих зафиксировать уникальное содержательное наполнение лингвоаксиологических категорий по сравнению с коррелирующими с ними лингвокогнитивными и лингвокультурологическими категориями. Исследование также включает в себя анализ актуальных лингвокогнитивных и лингвокультурологических положений, формирующих теоретическо-методологическую базу для лингвоаксиологических исследований дискурсивно-коммуникативных практик. В качестве ведущих методов работы выступили общенаучные методы сопоставительного контент-анализа и сравнительной систематизации, что позволило раскрыть имеющуюся на данный момент категориальную амбивалентность и предложить вариант ее устранения.

Результаты и дискуссия

При анализе лингвоаксиологической концептуальной структуры в русле лингвокогнитивного подхода, в интерпретационном поле концепта, в числе прочих компонентов, выделяется «общеоценочная зона» [3, С. 26], выражающая оценочное отношение. Постольку оценка есть языковая апелляция к ценности, логично предположить, что аксиологический элемент является обязательным для концепта, изучаемого в терминах лингвокогнитивистики, но

при этом не входит в его ядро, а составляет один из многочисленных периферийных аспектов. Больше внимание к ценностной концептуальной составляющей уделяется при анализе концептов с позиций лингвокультурологии. Тем не менее, проблема единства концепта и ценности или их принципиального разделения остается нерешенной. С одной стороны, согласно разработанной В.И. Карасиком структурной композиции [9, С. 8], ценностная сторона формирует концепт, также как понятийная и образная. Ценностная грань концепта определяется как «выражение значимости ментального образования» [14, С. 30], причем как на уровне индивидуального сознания, так и на уровне коллективного когнитивного пространства, что акцентуализируется при оформлении вербально маркированного оценочного суждения. Кроме того, в пределах лингвокультурологии обозначается особая важность аксиологического компонента концепта в связи с его высокой этно-культурной значимостью (см., например, научные труды Л.В. Жуковой [6], Л.Г. Поповой и О.Н. Осадчей [16], Н.З. Паульзен [14]). Например, Т.С. Медведева в процессе изучения концепта «деньги» в русскоязычной и немецкоязычной культурах [13] доказывает, что его понятийная составляющая обнаруживает признаки универсальности, однако образная и ценностная составляющие отражают существенные лингвокультурные расхождения. Наличие ценностного компонента в концепте позволяет утверждать, что «любые концепты независимо от того, передают ли они ценность в обыденном или научном понимании, являются ценностями» [1, С. 101].

Признавая правомерность обозначенного тезиса с позиций лингвокогнитивистики, следует также отметить возможность более узкого лингвоаксиологического понимания связи между концептами и ценностями. В основе такого подхода находится идея о том, что ценности представляют собой особые концепты, требующие отдельного научного осмысления. В этом понимании, все ценности по сути являются концептами, однако не все концепты представляется целесообразным рассматривать как ценности. В пределах лингвоаксиологического исследования логичным было бы оперирование не понятиями «ценностный компонент концепта» [6], [16], «ценностный концепт» [8] или «аксиологический концепт» [2], [3], [4], т.к. они по сути относятся к реализации частных аспектов лингвокогнитивных и лингвокультурологических категорий, а категориальными номинациями «ценностная доминанта» [5], [7], [11] или «аксиологическая доминанта». Обозначенная позиция может быть аргументирована, во-первых, тем, что далеко не для всех концептов актуальным является первичность их ценностного компонента и, соответственно, «подчиненное» положение понятийного и образного аспектов. Ценностные доминанты, рассматриваемые в русле дискурсивно-коммуникативной лингвоаксиологии, — это по сути фундаментальные ценностные ориентиры социально-культурного сообщества, которые согласуются с общей концептуальной системой, но не дублируют ее.

Во-вторых, круг концептов значительно шире, в то время как количество ценностей велико, но не безгранично. Их число увеличивается соразмерно объему лингвокультурной социальной общности — лингвоаксиосфера социальной группы будет включать в себя существенно меньшее количество компонентов по сравнению с лингвоаксиосферой национально-культурного сообщества и т. п. Некоторые исследователи (см., например, [17]) также указывают, что для ценностей обязательна положительная маркированность, в то время как концепты могут быть маркированы отрицательно. Приведенный аргумент можно было бы считать несколько спорным, поскольку ценность зачастую предполагает наличие анти-ценности, актуализация которой, тем не менее, направлена на усиление собственно ценностных доминант за счет их антонимической лингво-репрезентации. Более весомым аргументом в пользу разделения категорий «концепт» и «ценность» нам кажется устойчивость и динамичность их соответственной иерархизации. Структурные характеристики системы ценностных доминант подвержены постоянным преобразованиям, причем приведенный тезис будет верен и на уровне индивидуальной лингвоаксиосферы, и на более высоких социально-культурных уровнях. Личность на протяжении жизни постоянно пребывает в ситуации ценностных трансформаций, которые заключаются не столько в переосмыслении содержательного наполнения аксиологических доминант, сколько в перестановке ценностных приоритетов. Аналогично можно далее провести с изменением структурно-содержательной специфики ценностной парадигмы социума при смене исторических эпох, а также ее варьированием в различных лингвокультурных сообществах. Система ценностей, которая обязательно организована иерархически, таким образом, не является константной в терминах композиции и смыслов ни на индивидуально-личностном уровне, ни на общественном, что отличает ее от общекультурного поля.

Кроме того, ценностные доминанты, в отличие от других концептов, выступают как ментальные структуры, выполняющие специфичную социальную функцию регулятивов поведения. Конкретные ценностные ориентиры и то место, которое они занимают в соответствующей лингвоаксиосферной иерархии, определяют стратегии и тактики деятельности индивида, социальных групп и социума в целом, они в прямом смысле доминируют в пространстве бытия. Именно такой функциональной направленностью можно объяснить чрезвычайно высокую интегрированность ценностей (прежде всего, в формате оценочных высказываний) в различные дискурсивные практики. Более того, возможно говорить о ценностных доминантах как о дискурсообразующих концептах, на это, в частности, справедливо указывает Н.Н. Казыдуб при исследовании аксиологической перспективизации англоязычного дискурса [8], отмечая, что ценностные концепты обладают серьезным потенциалом к запуску процесса дискурсивного конструирования, поскольку зачастую выступают в роли триггера эмоционально-оценочного осмысления действительности. При идентификации и анализе ценностных доминант в пределах дискурсивной практики также представляется правомерным учет эмоционального фактора как психического механизма ценностно-оценочного осмысления действительности, что также маркирует ценностные доминанты на фоне общего поля концептов как исключительно ментальных лингвокультурных образований.

Обозначенной спецификой можно объяснить феномен того, что ценностно-оценочные концепты с трудом поддаются систематизации в пределах уже сложившихся в лингвокогнитивистике и лингвокультурологии концептуальных классификаций. В ведущей лингвокультурологической таксономии В.И. Карасика [9, С. 31] ценности коррелируются с классом непараметрических регулятивов (примером могут выступать концепты «долг», «счастье»),

главное место в структуре которых занимает аксиологический компонент. Однако, эмпирический анализ лингвистического материала (см., например, исследования Т.С. Медведевой [13], Ю.А. Петровой [15] и др.) доказывает, что ценности могут выходить далеко за рамки непараметрических регулятивов, включая в свой круг нерегулятивы («здоровье», «отдых»), а также параметрические ментальные образования («время», «деньги»), что свидетельствует о необходимости и правомерности разработки отдельных классификаций для ценностных доминант в их лингвистическом преломлении, без соотнесения с общими концептуальными типологиями.

На основе сказанного, нам кажется также логичным разграничить категории концептосферы (уровень лингвокогнитивистики и лингвокультурологии) и лингвоаксиосферы (уровень лингвоаксиологии), которую в самом общем смысле трактуют как «ценностный компонент концептосферы» [15, С. 164] или «ценностную концептосферу» [20, С. 332] при выделении ее центральной позиции в концептуальной иерархии. Далее представляется возможным дополнительно уточнить понятия «аксиосфера» и «лингвоаксиосфера»: первая являет собой структурированную систему ценностных ориентиров индивида и социума, которая детерминируется накопленным личностным и культурным опытом. Аксиосфера выступает основой ценностной картины мира, которая образована концептуальным множеством сложных когнитивных структур, способных выступать в функции ценностных установок. Лингвоаксиосфера же, помимо ценностей как ментальных образований, включает в себя их лингвистическую актуализацию в дискурсивном пространстве, предопределяемую социально-коммуникативным контекстом ситуации. Лингвоаксиосфера, таким образом, определяется как иерархически организованная ценностная система, рефлексированная в языке и акцентуализированная в дискурсивно-коммуникативном пространстве.

Адекватная интерпретация лингвоаксиосферы возможна исключительно при синхронном изучении лингвистических параметров и социальных коммуникативных характеристик. Лингвоаксиосфера социума и личности формируется в значительной степени под воздействием экстралингвистических факторов и трансформируется при изменениях в политической, экономической, религиозной, социально-культурной и др. сфер общественной жизни. Соответственно, очевидно постоянное двустороннее взаимодействие социума и его системы ценностей, в то время как общая концептосфера в большей степени ориентирована на ментальное измерение лингвокультурной общности.

Заключение

В целом, можно говорить о мощном фундаменте современной лингвоаксиологии в виде совокупности лингвокогнитивных и лингвокультурологических исследований. Лингвоконцептология, наряду с появившейся чуть ранее теорией функциональной семантики оценки, формирует исследовательское поле дискурсивной лингвоаксиологии, но не исчерпывает его, что косвенным образом подтверждает тезис о правомерности выделения лингвоаксиологического подхода в качестве, как минимум, актуальной исследовательской схемы, а как максимум — новой научной парадигмы лингвистики.

Признавая принципиальную значимость положений лингвокогнитивистики и лингвокультурологии в качестве теоретических основ ценностно-оценочных лингвистических исследований, необходимо еще раз подчеркнуть самостоятельность лингвоаксиологического подхода при анализе языковых и коммуникативных феноменов. Целесообразность выделения дискурсивно-коммуникативного лингвоаксиологического подхода и, соответственно, комплекса исследовательских методов, технологий и алгоритмов в его пределах, обусловлена специфическим статусом ценностей, их особыми характеристиками, выделяющими их из бесконечного множества концептов в лингвокогнитивной и лингвокультурологической интерпретации. В лингвоаксиологических исследованиях дискурсивных практик правомерно оперирование категориями «ценностные доминанты» и «ценности», при признании их концептуальной природы в терминах ментальных структур, а также их культурологической обусловленности, однако без приравнивания их к типично-стандартным концептам. Представленный тезис актуален и для категорий «концептосфера» и «лингвоаксиосфера»: первая формируется концептуальным множеством; вторая — обширным, но не бесконечным числом ценностей, их содержательными компонентами и вариантами лингвистической репрезентации. В целом, динамическая структурно-уровневая композиция лингвоаксиосферы и специфическая функциональная парадигма каждого уровня при дискурсивно-коммуникативной актуализации предполагает необходимость их глубокого научного осмысления именно в русле обособленного лингвоаксиологического подхода.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка / Н. Ф. Алефиренко. – Москва: Флинта. Наука, 2016. – 288 с.
2. Арбузова Н. А. Отражение ценностей современного общества в песенном дискурсе / Н. А. Арбузова // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. – 2020. – No. 3(5). – С. 94–98.
3. Бобкова Е. А. Понятие оценочного концепта / Е. А. Бобкова // Теория и практика языковой коммуникации: материалы IX Международной научно-методической конференции 21–22 июня 2017 г., Уфа / Министерство образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. проф. образования «Уфимский государственный авиационный технический университет». – Уфа, 2017. – С. 25–30.
4. Буянова Л. Ю. Вербальная репрезентация понятия «жизнь»: концептуально-аксиологический аспект / Л. Ю. Буянова, В. В. Резуненко // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2017. – No. 2(26). – С. 66–72.

5. Гармаш Д. А. Концепт любовь как ценностная доминанта в английской и русской лингвокультурах / А. Д. Гармаш // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. – 2020. – No. 13. – С. 85–90.
6. Жукова Л. В. Образная и ценностная составляющие концепта FAMILIE (на материале шванков российских немцев) / Л. В. Жукова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Филологические науки. – 2020. – No. 6(149). – С. 154–159.
7. Зенкова Т. В. «Успешный человек» как ценностная доминанта американской лингвоаксиологической картины мира / Т. В. Зенкова // Полилингвильность и транскультурные практики. – 2019. – Т. 16. – No. 2. – С. 168–179.
8. Казыдуб Н. Н. Аксиологическая перспективизация как инструмент дискурсивного конструирования / Н. Н. Казыдуб // Вестник Красноярского государственного педагогического университета имени В. П. Астафьева. – 2020. – No. 4(54). – С. 143–152.
9. Карасик В. И. Иная ментальность / В. В. Карасик, О. Г. Прохвачева, Я. В. Зубкова и др. – Москва: Гнозис, 2005. – 352 с.
10. Карапетова И. Н. Особенности модально-оценочной лексики в газетном дискурсе политического характера / И. Н. Карапетова // Russian Linguistic Bulletin. – 2021. – No. 1(25). – С. 10–12.
11. Крашенинникова И. В. Деньги как ценностная доминанта в текстах англоязычных песен / И. В. Крашенинникова // Russian Linguistic Bulletin. – 2020. – No. 4(24). – С. 85–87.
12. Лебедева Н. Б. Тексты естественной письменной речи как проявление ценностных доминант рядового носителя языка (на материале родительских писем) / Н. Б. Лебедева, Т. Г. Рабенко // Культура и текст. – 2020. – No. 3(42). – С. 112–125.
13. Медведева Т. С. К вопросу о сопоставлении лингвокультурных концептов / Т. С. Медведева // Вестник Удмуртского университета. История и филология. – 2009. – No. 1. – С. 120–132.
14. Паульзен Н. С. Ценностный статус концепта VERANTWORTUNG в немецком языке / Н. С. Паульзен // Балтийский гуманитарный журнал. – 2016. – Т. 5. – No. 1(14). – С. 30–32.
15. Петрова Ю. А. Особенности лингвокультурологического подхода к исследованию ценностей молодежной субкультуры / Ю. А. Петрова // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2012. – No. 3. – С. 159–165.
16. Попова Л. Г. Вербализация ценностного компонента лингвокультурного концепта «милосердие» в русском и английском языках (проблемы и перспективы) / Л. Г. Попова, О. Н. Осадчая // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2, Филология и искусствоведение. – 2019. – No. 2(237). – С. 53–58.
17. Ремизова В. Ф. Концепт vs. Ценность / В. Ф. Ремизова, Н. Г. Костина // Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры: материалы Всероссийской научно-методической конференции 1–3 февраля 2017 г., Оренбург / Министерство образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. проф. образования «Оренбургский гос. ун-т». – Оренбург, 2017. – С. 2612–2619.
18. Семенов Н. Н. Аксиология паремий в фокусе проблемы когнитивно-дискурсивного моделирования семантики русских пословиц / Н. Н. Семенов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семантика. – 2020. – Т. 11. – No 2. – С. 213–232.
19. Сидорова Н. А. Основы лингвоаксиологической концепции речевой коммуникации : автореф. дисс. ... д. филол. н. : 10.02.19 : защищена 10.11.2011 / Сидорова Наталья Анатольевна. – Москва, 2011. – 49 с.
20. Чекулай И. В. Принципы функционально-деятельностного подхода к изучению лингвоаксиологических феноменов / И. В. Чекулай, О. Н. Прохорова // Язык, литература и культура как грани межкультурного общения: материалы международного научного семинара 26 октября 2014 г., Прага. – Москва: Градиент, 2015. – С. 324–332.
21. Чекулай И. В. Стабильность как категориальная область аксиологической стороны лингвистической семантики / И. В. Чекулай, О. Н. Прохорова // Язык: мультидисциплинарность научного знания: научный альманах Алтайской государственной педагогической академии. – Барнаул: Алтайская государственная педагогическая академия, 2013. – С. 52–58.
22. Benamara F. Evaluation in Discourse: a Corpus-Based Study / F. Benamara, N. Asher Nicholas, M. Y. Yannick // Dialogue and Discourse. – 2016. – Vol. 7(1). – P. 1–49.
23. Putri D. M. Evaluation on language attitude of presidential candidates in the discourse of debat capres 2019: appraisal analysis / D. M. Putri // Language Literacy: Journal of Linguistics, Literature and Language Teaching. – 2019. – Volume 4. – Issue 1. – P. 139–144.
24. Tupala M. Applying quantitative appraisal analysis to the study of institutional discourse: the case of EU migration documents / M. Tupala // Functional Linguistics. – 2019. – Vol. 6. – Issue 2. – P. 2–17.
25. Xiaqing Li. An Attitudinal Analysis of English Song Discourse from the Perspective of Appraisal Theory / Li Xiaqing // Journal of Language Teaching and Research. – 2016. – Vol. 7. – Issue. 3. – P. 559–565.

Список литературы на английском / References in English

1. Alefirenko N. F. Lingvokul'turologiya: tsennostno-smyslovoye prostranstvo yazyka [Linguoculturology: value-semantic space of language] / N. F. Alefirenko. – Moscow: Flinta. Nauka, 2016. – 288 p. [in Russian]
2. Arbuzova N. A. Otrazhenie cennostej sovremennogo obshchestva v pesennom diskurse [Reflection of the values of modern society in song discourse] / N. A. Arbuzova // Voенно-pravovye i gumanitarnye nauki Sibiri [Military-legal and humanitarian sciences of Siberia]. – 2020. – No. 3(5). – P. 94–98. [in Russian]
3. Bobkova Ye. A. Ponyatiye otsenochnogo kontsepta [The notion of the axiological concept] / Ye. A. Bobkova // Teoriya i praktika yazykovoy kommunikatsii: materialy IX Mezhdunarodnoy nauchno-metodicheskoy konferentsii 21–22 iyunya 2017, Ufa [Theory and practice of language communication: materials of the IX International Scientific and Methodological Conference June 21–22, 2017, Ufa] / Ministerstvo obrazovaniya i nauki Ros. Federatsii, Feder. gos. byudzh. obrazovat. uchrezhdeniye vyssh. prof. obrazovaniya «Ufimskiy gosudarstvennyy aviatsionnyy tekhnicheskyy universitet»

[Ministry of Education and Science Ros. Federation, Federal State Educational Institution of Higher Professional Education "Ufa State Aviation Technical University"]. – Ufa, 2017.–P. 25–30. [in Russian]

4. Buyanova L. YU. Verbal'naya reprezentatsiya ponyatiya «zhizn'»: kontseptual'no-aksiologicheskii aspekt [Verbal representation of the concept of "life": conceptual and axiological aspect] / L. YU. Buyanova, V. V. Rezunenko // Aktual'nyye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki [Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics]. – 2017. – No. 2(26). – P. 66–72. [in Russian]

5. Garmash D. A. Kontsept lyubov' kak tsennostnaya dominanta v angliyskoy i russkoy lingvokul'turakh [The concept of love as a value dominant in english and russian linguistic cultures] / A. D. Garmash // Professional'naya kommunikatsiya: aktual'nyye voprosy lingvistiki i metodiki [Professional communication: topical issues of linguistics and methodology]. – 2020. – No. 13. – P. 85–90. [in Russian]

6. Zhukova L. V. Obraznaya i tsennostnaya sostavlyayushchiye kontsepta FAMILIE (na materiale shvankov rossiyskikh nemtsev) [The figurative and value components of the FAMILIE concept (based on the schwanks of the Russian Germans)] / L. V. Zhukova // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskkiye nauki [Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University. Philological sciences]. – 2020. – No. 6(149). – P. 154–159. [in Russian]

7. Zenkova T. V. «Uspeshnyy chelovek» kak tsennostnaya dominanta amerikanskoy lingvoaksiologicheskoy kartiny mira ["Successful person" as a value dominant of the American linguoaxiological picture of the world] / T. V. Zenkova // Polilingvial'nost' i transkul'turnyye praktiki [Polylingualism and transcultural practices]. – 2019. – T. 16. – No. 2. – P. 168–179. [in Russian]

8. Kazydub N. N. Aksiologicheskaya perspektivizatsiya kak instrument diskursivnogo konstruirovaniya [Axiological perspectivation as a tool of discourse construction] / N. N. Kazydub // Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni V. P. Astaf'yeva [Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev]. – 2020. – No. 4(54). – P. 143–152. [in Russian]

9. Karasik V. I. Inaya mental'nost' [A different mentality] / V. V. Karasik, O. G. Prokhvacheva, YA. V. Zubkova and others. – Moscow: Gnozis, 2005. – 352 p. [in Russian]

10. Karapetova I. N. Osobennosti modal'no-otsennoy leksiki v gazetnom diskurse politicheskogo kharaktera [Aspects of the modal and evaluative vocabulary in the political newspaper discourse] / I. N. Karapetova // Russian Linguistic Bulletin. – 2021. – No. 1(25). – P. 10–12. [in Russian]

11. Krashennnikova I. V. Den'gi kak tsennostnaya dominanta v tekstakh angloyazychnykh pesen [Money as a valuable dominant in texts of English songs] / I. V. Krashennnikova // Russian Linguistic Bulletin. – 2020. – No. 4(24). – P. 85–87. [in Russian]

12. Lebedeva N. B. Teksty yestestvennoy pis'mennoy rechi kak proyavleniye tsennostnykh dominant ryadovogo nositelya yazyka (na materiale roditel'skikh pisem) [Texts of natural writing as a manifestation of the value dominants of an ordinary native speaker (based on parental letters)] / N. B. Lebedeva, T. G. Rabenko // Kul'tura i tekst [Culture and text]. – 2020. – No. 3(42). – P. 112–125. [in Russian]

13. Medvedeva T. S. K voprosu o sopostavlenii lingvokul'turnykh kontseptov [On the issue of comparing linguocultural concepts] / T. S. Medvedeva // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Istoriya i filologiya [Bulletin of the Udmurt University. History and Philology]. – 2009. – No. 1. – P. 120–132. [in Russian]

14. Paul'zen N. S. Tsennostnyy status kontsepta VERANTWORTUNG v nemetskom yazyke [The value status of the VERANTWORTUNG concept in German] / N. S. Paul'zen // Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal [Baltic Humanitarian Journal]. – 2016. – T. 5. – No. 1(14). – P. 30–32. [in Russian]

15. Petrova YU. A. Osobennosti lingvokul'turologicheskogo podkhoda k issledovaniyu tsennostey molodezhnoy subkul'tury [Features of the linguoculturological approach to the study of the values of youth subculture] / YU. A. Petrova // Ekonomicheskkiye i gumanitarnyye issledovaniya regionov [Economic and humanitarian studies of regions]. – 2012. – No. 3. – P. 159–165. [in Russian]

16. Popova L. G. Verbalizatsiya tsennostnogo komponenta lingvokul'turnogo kontsepta «miloserdie» v russkom i angliyskom yazykakh (problemy i perspektivy) [The verbalization of the valuable component of the linguistic cultural concept 'mercy' in the Russian and English languages (problems and prospects)] / L. G. Popova, O. N. Osadchaya // Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Filologiya i iskusstvovedeniye [Bulletin of the Adyghe State University. Series 2, Philology and History of Art]. – 2019. – No. 2(237). – P. 53–58. [in Russian]

17. Remizova V. F. Kontsept vs. Tsennost' [Concept vs. Value] / V. F. Remizova, N. G. Kostina // Universitetskiy kompleks kak regional'nyy tsentr obrazovaniya, nauki i kul'tury: materialy Vserossiyskoy nauchno-metodicheskoy konferentsii 1–3 fevralya 2017, Orenburg [University complex as a regional center of education, science and culture: materials of the All-Russian scientific and methodological conference, February 1–3, 2017, Orenburg] / Ministerstvo obrazovaniya i nauki Ros. Federatsii, Feder. gos. byudzh. obrazovat. uchrezhdeniye vyssh. prof. obrazovaniya «Orenburgskiy gos. un-t» [The Ministry of Education and Science, Federal State Educational Institution of Higher Professional Education "Orenburg State University"]. – Orenburg, 2017. – P. 2612–2619. [in Russian]

18. Semenenko N. N. Aksiologiya paremiy v fokuse problemy kognitivno-diskursivnogo modelirovaniya semantiki russkikh posloviy [Axiology Proverbs in the Focus of the Problem of Cognitive-Discursive Modeling of the Semantics of Russian Proverbs] / N. N. Semenenko // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics]. – 2020. – T. 11. – No 2. – P. 213–232. [in Russian]

19. Sidorova N. A. Osnovy lingvoaksiologicheskoy kontseptsii rechevoy kommunikatsii [Fundamentals of the linguoaxiological concept of speech communication]: abstract of dis. ... of PhD in Philology : 10.02.19 : defense of the thesis 10.11.2011 / Sidorova Natal'ya Anatol'yevna. – M., 2011. – 49 p.

20. Chekulay I. V. Printsipy funktsional'no-deyatel'nostnogo podkhoda k izucheniyu lingvoaksiologicheskikh fenomenov [Principles of functional and activity approach to the study of linguistic axiological phenomena] / I. V. Chekulay, O. N. Prokhorova // YAzyk, literatura i kul'tura kak grani mezhkul'turnogo obshcheniya: materialy mezhdunarodnogo nauchnogo seminara 26 oktyabrya 2014, Praga [Language, literature and culture as facets of intercultural communication: materials of the international scientific seminar on October 26, 2014, Prague]. – Moscow: Gradiyent, 2015. – P. 324–332. [in Russian]

21. Chekulay I. V. Stabil'nost' kak kategorial'naya oblast' aksiologicheskoy storony lingvisticheskoy semantiki [Stability as a categorical area of the axiological side of linguistic semantics] / I. V. Chekulay, O. N. Prokhorova // YAzyk: mul'tidistsiplinarnost' nauchnogo znaniya: nauchnyy al'manakh Altayskoy gosudarstvennoy pedagogicheskoy akademii [Language: multidisciplinary of scientific knowledge: scientific almanac of the Altai State Pedagogical Academy]. – Barnaul: Altayskaya gosudarstvennaya pedagogicheskaya akademiya [the Altai State Pedagogical Academy], 2013. – P. 52–58. [in Russian]

22. Benamara F. Evaluation in Discourse: a Corpus-Based Study / F. Benamara, N. Asher Nicholas, M. Y. Yannick // Dialogue and Discourse. – 2016. – Vol. 7(1). – P. 1–49.

23. Putri D. M. Evaluation on language attitude of presidential candidates in the discourse of debat capres 2019: appraisal analysis / D. M. Putri // Language Literacy: Journal of Linguistics, Literature and Language Teaching. – 2019. – Volume 4. – Issue 1. – P. 139–144.

24. Tupala M. Applying quantitative appraisal analysis to the study of institutional discourse: the case of EU migration documents / M. Tupala // Functional Linguistics. – 2019. – Vol. 6. – Issue 2. – P. 2–17.

25. Xiaqing Li. An Attitudinal Analysis of English Song Discourse from the Perspective of Appraisal Theory / Li Xiaqing // Journal of Language Teaching and Research. – 2016. – Vol. 7. – Issue. 3. – P. 559–565.

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.26.2.25>**КОЛОРАТИВНЫЕ МЕТАФОРЫ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ
АРХИТЕКТУРНЫХ ТЕРМИНОВ**

Научная статья

Карапетыян Т.А. *

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

* Корреспондирующий автор (tamu-09[at]mail.ru)

Аннотация

В статье рассматривается метафоризация как один из способов формирования терминологии архитектуры. Пристальное внимание уделяется колоративным метафорам, который являются продуктивным способом пополнения специальной лексики архитектуры. Цвет, играя важную роль в восприятии любого архитектурного стиля и формы, в рамках архитектурного дискурса требует особого внимания и тщательной трактовки. Приводятся примеры цветовых метафор и их особенности в рамках архитектурной терминологии. Наиболее частотными цветами, формирующими терминологические архитектурные единицы, являются белый, черный, зеленый и серый. Проводится сравнение и семантический анализ проанализированных метафор с общеупотребительными метафорами литературного языка со схожим цветовым компонентом. Это позволяет проиллюстрировать сходства и отличия двух систем, а также выделить дополнительные оттенки и смыслы колоративных метафор в архитектурной терминологии.

Ключевые слова: архитектура, метафора, цвет, термин, терминология, ЯСЦ.

COLOUR METAPHORS AS A MEANS OF COINING ARCHITECTURAL TERMS

Research article

Karapetyan T.A. *

Moscow State University, Moscow, Russia

* Corresponding author (tamu-09[at]mail.ru)

Abstract

The article addresses the issue of metaphorization as one of the ways of architectural terms' formation. The attention is paid to colour metaphors as a productive way of coining architectural terms. Colour playing a vital part in the perception of architectural styles and forms requires thorough analysis. The examples of colour metaphors as well as their features are also provided by the author of the article. The most recurrent colours that form Architectural Terminology are white, black, green and grey. The semantic analysis of the most common colour metaphors of General English is also provided to highlight the specific features of colour metaphors in architectural discourse. The comparison strives to illuminate both similarities and differences of two systems, highlighting additional connotations of colour metaphors in Architecture.

Keywords: architecture, metaphor, colour, term, terminology, ESP.

Терминология архитектуры, как и любая широко используемая терминосистема, находится в процессе интенсивного пополнения. Рост и развитие архитектурной мысли, а также нарастающее влияние данной сферы человеческого знания в современном мире, позволяют предположить, что специальные архитектурные лексемы возникают с устойчивой периодичностью.

Одним из наиболее продуктивных способов пополнения архитектурной терминологии является метафоризация. Существует множество определений данного концепта и, что немаловажно, проникновение метафоры из домена филологии во все отрасли научной мысли. О. С. Ахманова, например, определяет метафору как «троп, состоящий в употреблении слов и выражений в переносном смысле на основании сходства, аналогии и т.п.» [2, С. 231]. В ЛЭС под редакцией В. Н. Ярцевой метафора имеет следующее определение: «троп или механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений и т. п., для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс, либо наименования другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении» [6].

Важным является следующее дополнение: «в последнее время проблема метафоры стала, расширяясь подобно кругам по воде от брошенного камня, волновать специалистов по семантике, логической семантике и науковедению. В их исследованиях, проведенных с позиции этих отраслей знания, были получены новые сведения о роли метафоры в процессах познания и в организации знаковых систем науки, техники, искусства и естественного языка» [5, С. 173]. Согласно Н. Д. Арутюновой «рост теоретического интереса к метафоре был стимулирован увеличением ее присутствия в различных видах текстов, начиная с поэтической речи и публицистики и кончая языками разных отраслей научного знания» [1, С. 5].

Пристальное внимание стоит уделить цветовым метафорам в архитектурном дискурсе. Как было справедливо подчеркнута Т. С. Росяновой, «колоративная образность в терминологии изучена недостаточно, сведения о терминах, содержащих семы цвета, представляются разрозненными, и их роль в терминосистемах очевидно недооценена» [4, С.122].

Цвет как базисный декоративный элемент играет ключевую роль при восприятии и визуализации любого архитектурного объекта, вне зависимости от формы, стиля или состава. Именно поэтому колоративные метафоры являются достаточно продуктивным методом образования архитектурных терминов.

На материале англоязычной архитектурной терминологии были выделены следующие базовые цвета: белый (*white*), черный (*black*), зеленый (*green*) и серый (*grey*).

Примерами использования *белого цвета* как компонента термина могут послужить следующие единицы: **white noise** (букв. *белый шум*) – акустический шум, спектральные составляющие которого равномерно распределены по всему диапазону слышимых частот; **white room** (букв. *белая комната*) – стерильное помещение; **white spirit** (букв. *белый дух, чаще – уайт-спирит*) – растворитель для лаков. Каждый из приведенных терминов используется в архитектуре с практической точки зрения: **белый шум** – в архитектурной акустике, **уайт-спирит** – как инструмент для получения правильной консистенции лака, которая важна при отделочных работах, а **белая комната** – как тип особой постройки с специальным значением, что должен учитывать архитектор.

При образовании приведенных лексем семантика белого цвета имеет переносное значение – **шум** называется **белым** не из-за цвета, а из-за свойств белого цвета, так как последний представляет собой смесь всех цветов спектра. **Белая комната** используется в постройке медицинских учреждений, где белый понимается как совершенно чистый, абсолютно стерильный. Интересным представляется термин **уайт-спирит**, где белый несет значение неразбавленного, в чистом виде, а не цвет смеси.

При интерпретации цветовой метафоры в узкоспециальной лексике мыслится правильным рассматривать каждую специальную лексему отдельно. Так, согласно И. А. Жилиной и Е. А. Панкратовой «стоит обратить внимание, что в примерах семантика цвета может иметь как прямое, так и переносное значение, встречаются случаи символического употребления» [3, С. 92]. Например, в терминологии архитектуры можно встретить термин **green architecture** (букв. *зеленая архитектура*) – архитектурное направление, в основе которого лежит использование эргономичных и экоемких основ и ресурсов. Однако не все термины с цветовым компонентом *green* имеют такую семантику. Так, **green concrete** (букв. *зеленый цемент*) – свежий или невыдержанный слой бетона; **green lumber** (букв. *зеленый пиломатериал*) – свежеспиленный пиломатериал. В данных примерах семантика зеленого цвета обыграна следующим образом: составы и материалы, которые содержат компонент *green*, являются свежими, новыми, только что срубленными или замешанными.

Черный цвет также имеет двойственную семантику при формации архитектурных терминов: **black pipe** (букв. *черная труба*) – труба без покрытия; **black work** (букв. *черная работа*) – необработанная поковка; **black wire** (букв. *черный провод*) – обожженная проволока, которая становится после обжига особенно пластичной. Металл в необработанном виде не используется в качестве декоративного элемента, без полировки приобретая темный оттенок. Так, в приведенных примерах черный цвет только частично передает свою базисную цветовую функцию – наименование окраса элемента.

Наибольшую однородность семантического плана можно проследить, проанализировав термины с элементом *grey*: **grey scale** (букв. *серая шкала*) – полутоновое изображение или шкала тонов и **grey water** (букв. *серая вода*) – бытовые сточные воды.

Первый термин используется для «описания изображений, состоящих из точек, интенсивность которых находится на отрезке между черным и

белым цветами», [7] где серый – промежуточный цвет спектра между белым и черным, часто функционируя при проектировании архитектурных сооружений. Второй термин описывает состояние воды (уровень загрязнения), но не цвет, как один из факторов, который необходимо принимать во внимание при постройке или проектировании зданий. Так, серый цвет в использованных метафорах подчеркивает непрозрачность объектов.

Примечательно сравнение проанализированных цветовых компонентов с общелитературным языком. Белый цвет также проявляет семантическую неоднородность в следующих метафорах:

a white lie (букв. *белая ложь*) – невинная ложь

a white elephant (букв. *белый слон*) – ненужная вещь

raise a white flag (букв. *поднять белый флаг*) – признать поражение.

Указанные выше значения белого не совпадают с выделенной семантикой в архитектурном дискурсе.

Черный цвет, антонимично, объединяет следующие общеупотребительные метафоры:

a black day (букв. *черный день*) – зловещий день;

a black mark (букв. *черная метка*) – помета о неблагонадежности;

a black sheep (букв. *черная овца*) – человек, выделяющийся чем-то негативным из группы.

Очевидная негативная семантика может послужить унифицирующим признаком данных метафор. В архитектурной терминологии черный цвет не имеет пейоративных коннотаций.

Зеленый цвет в общелитературной метафоре **to have green fingers** описывает умение работать с природными компонентами, что роднит семантику с архитектурным **green architecture**, где на первый план выходит использование природных элементов. Некоторое семантическое совпадение можно проследить и сравнив метафоры **green years** (букв. *молодые годы*) и **green concrete** (букв. *свежий, «молодой» бетон*). Однако в метафоре **to be green with envy** зеленый ассоциируется с завистью, определяясь негативно, что не находит отражения в архитектурной терминологии. Антонимично, метафора **to give somebody green light** имеет положительные коннотации. В архитектурной терминологии колоративные метафоры с компонентом зеленого цвета не имеют ярко выраженных положительных или негативных ассоциаций.

Серый цвет в метафорах **grey matter** (букв. *серое вещество*) и **grey area** (букв. *серая зона*) трактуется по-разному. Так, в первом примере серый цвет означает серое вещество мозга и используется в юмористических целях. Во втором примере серый означает отсутствие четкости в решении вопроса или проблемы. Здесь, как и в большинстве рассмотренных случаев, объединения по цветовому компоненту не наблюдается. В терминологии архитектуры серый, напротив, имеет некоторую объединяющую семантику – непрозрачность объектов.

Таким образом, можно заключить, что колоративные метафоры в архитектурной терминологии могут трактоваться по-разному в зависимости от значения, которое скрывается за термином. Дополнительные смыслы и оттенки, которые видны в языке оригинала, также должны учитываться при трактовке термина. Унификация по

цветовому признаку без опоры на значение и внешнюю форму описываемого термина может привести к неправильной подаче и полному искажению специальной единицы.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс / Арутюнова Н. Д., Журиная М. А., Кронгауз М. А. // Теория метафоры. – 1990. – С. 5-32.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Издание второе / О. С. Ахманова. – М. – 2004. – 571 с.
3. Жилина И. А., Панкратова М. Е. Процесс метафоризации в англоязычной юридической терминологии / И. А. Жилина, М. Е. Панкратова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2020. – № 3. – С. 89–93.
4. Росянова Т. С. Колоративная экономическая терминология в современном английском языке / Т. С. Росянова // Управленческое консультирование. – 2016. – №3. – С.121-127.
5. Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В. Н.Телия // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова и др. – М. : Наука. – 1988. – С. 173–204.
6. Ярцева В. Н. Лингвистический Энциклопедический Словарь [Электронный ресурс] / В. Н. Ярцева. – URL: <http://tapemark.narod.ru/les/296c.html> (дата обращения: 13.04.2021)
7. Словарь DIC Academic [Электронный ресурс]. – URL: <https://academic.ru/> (дата обращения: 13.04.2021)

Список литературы на английском / References in English

1. Arutyunova N. D. Metaphora i diskurs [Metaphor and Discourse] / N. D. Arutyunova, Zhurinskaya M. A., Krongauz M. A. // Teoriya metaphori [The Theory of Metaphor] . – 1990. – P. 5-32.
2. Ahmanova O. S. Slovar' lingvisticheskikh terminov [The Dictionary of Linguistic Terms] / O.S.Ahmanova. – M. – 2004. – 571 p.
3. Zhilina I. A. Process metaphORIZACII v angloyazichnoy yuridicheskoy terminologii [The Process of Metaphorization in English Legal Terminology] / I. A. Zhilina, M. E. Pankratova//Vestnik Voronezhskogo universiteta.Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya [Bulletin of the Voronezh University. Series: Linguistics and Intercultural Communication]. – 2020. – № 3. – P. 89–93.
4. Rosyanova T. S. Kolorativnaya ekonomicheskaya terminologia v sovremennom angliiskom yazyke [Color-Symbolism in English Economic Terminology] / T. S. Rosyanova // Upravlencheskoe konsul'tirovanie [Administrative Consulting]. – 2016. – №3. – P.121-127.
5. Teliya V. N. Metaphorizaciya i rol' v sozdanii yazykovoy kartiny mira [Metaphor and its Role in the Formation of Linguistic Picture of the World] / V. N. Teliya // Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk y kartina mira [The Role of Human Factor in Language: Language and Picture of the World]/ B. A. Serebryanniko, E. S. Kubriakova, V. I. Postovalova and others. M. : Nauka [Science]. –1988. – P. 173–204.
6. Yartseva V. N. Lingvisticheskii Enciklopedicheskii Slovar' [Linguistic Encyclopedic Dictionary] [Electronic resource] / V. N. Yartseva. –URL: <http://tapemark.narod.ru/les/296c.html> (accessed: 13.04.2021).
7. Dic Academic [Electronic resource]. – URL: <https://academic.ru/> (дата обращения: 13.04.2021)

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.26.2.30>**КВАНТОРНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ ВКЛЮЧЕНИЯ, ИСКЛЮЧЕНИЯ, ЗАМЕЩЕНИЯ И ВЫДЕЛЕНИЯ В ТЕКСТЕ ПУТЕВОДИТЕЛЯ ПО МОНАСТЫРЯМ**

Научная статья

Тупкалова Л.Ю. *

ORCID: 0000-0002-0731-0891,

Южный Федеральный Университет, Ростов-на-Дону, Россия

* Корреспондирующий автор (frolowa.mila2009[at]yandex.ru)

Аннотация

В статье рассматриваются свойства тексто - и словообразования кванторных детерминантов со значением включения, исключения, замещения и выделения в тексте путеводителя. Очень часто целью литературного текста является определенное воздействие на читателя, он (текст) становится орудием идейной пропаганды и агитации, рекламной кампании и т.д., а используемые языковые средства - в нашем случае кванторные детерминанты, обладающие прагматической функцией, являются средством достижения такого (прагматического) влияния или воздействия. В статье также рассматривается текст жанра путеводитель как объект исследования и материал для поиска и анализа определенных групп кванторных детерминантов, обладающие интересными смысло- и текстообразующими функциями в синкретических условиях жанра путеводителя. Исследуемые нами в работе кванторные детерминанты способствуют введению в текст нового материала, выступают в роли «каркаса мысли», воздействуют на восприятие текста путеводителя реципиентом, и несут словообразующую, смысловодящую и смыслоутверждающую функцию, тем самым отвечая основной коммуникативной задаче текста.

Ключевые слова: жанр путеводителя, кванторные детерминанты со значением включения, исключения, замещения и выделения, смысло- и текстообразующими функциями, прагматическая функция текста, восприятие текста, «каркас мысли».

QUANTIFIER DETERMINANTS WITH THE MEANING OF INCLUSION, EXCLUSION, SUBSTITUTION AND EMPHASIS IN THE MONASTERY GUIDEBOOK TEXT

Research article

Tupkalova L.Y. *

ORCID: 0000-0002-0731-0891,

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

* Corresponding author (frolowa.mila2009[at]yandex.ru)

Abstract

The article deals with the properties of textual and semantic formation of quantifier determinants with the meaning of inclusion, exclusion, substitution and allocation in the text of the guidebook. The purpose of a literary text is often a certain impact on the reader, it (the text) becomes a tool of ideological propaganda and agitation, an advertising campaign, etc., and the linguistic means used - in our case quantifier determinants with pragmatic function - are the means of achieving such (pragmatic) influence or impact. The article also examines the text of the guidebook genre as an object of research and material for the search and analysis of certain groups of quantifier determinants, which have interesting semantic and text-forming functions in the syncretic conditions of the guidebook genre. The quantifier determinants that we investigated in our work contribute to the introduction of new material into the text, act as a "framework of thought", influence the recipient's perception of the guide text, and have a sense-forming, sense-guiding and sense-affirming function, thus fulfilling the main communicative task of the text.

Keywords: guidebook genre, quantifier determinants with the meaning of inclusion, exclusion, substitution and emphasis, semantic and text-forming functions, pragmatic function of the text, perception of the text, "framework of thought".

Вопросами познания мира через художественное творчество человека, а также изучением взаимосвязи речи и мышления занимались такие выдающиеся ученые как: Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев и др. Под мышлением понимается процесс опосредованного и целостного постижения окружающего мира [1, С. 170-173]. По мнению многих исследователей, слово является следствием и неким инструментом мысли. Из этого следует сделать вывод, что раз слово является порождением мысли, то искусство слова формирует образ мышления и миропонимание индивида. Очень часто целью литературного текста является определенное воздействие на читателя, он (текст) становится орудием идейной пропаганды и агитации, рекламной кампании и т.д., а используемые языковые средства — в нашем случае кванторные детерминанты, обладающие прагматической функцией, являются средством достижения такого (прагматического) влияния или воздействия. На основании вышесказанного мы можем сделать вывод, что исследуемые нами в работе кванторные детерминанты, как выделительные и ограничительные конструкции, способны выполнять функцию «каркаса» мысли, то есть влиять на образ и ход мысли читателя [2].

Целью данной статьи является рассмотрение свойств тексто — и словообразования кванторных детерминантов со значением включения, исключения, замещения и выделения в тексте путеводителя.

Проблемой детерминации занимались многие ученые: Н.Ю. Шведова, В.И. Чернов, О.А. Крылова, В.П. Малащенко, Е.Н. Клеменова и другие. Впервые тезис детерминанта как самостоятельного распространителя предложения был введен Н.Ю. Шведовой. «Детерминант, — отмечает она, — член предложения, относящийся ко всему составу предложения, распространяющий его в целом и не связанный ни с каким отдельным его членом [3].

Теоретической базой настоящей работы является научная статья «Ограничительно — выделительные детерминанты в научном тексте» Клеменовой Е.Н. Опираясь на материал данного исследования, дадим определение кванторным детерминантам. По мнению Клеменовой Е.Н., под кванторными детерминантами понимаются: «детерминанты, выражающие дифференциальный признак высказывания и помогающие человеку выразить свое отношение к миру». В своем исследовании Клеменова Е.Н. выделяет четыре соответствующие разновидности кванторных детерминантов: включения, исключения, выделения и замещения, которые участвуют в образовании особого вида высказываний с кванторными детерминантами выделительно-ограничительного значения. По мнению Радовель М.Р. исследуемые нами кванторные детерминанты относятся к так называемым «скрытым формам субъективности».

Если считать, что любой художественный текст является своего рода субъективным «отражением» картины мира автора, в какой — то степени, не завися от того, хочет составитель этого или нет, то текст формирует определенное отношение читателя к информации, заложенной изначально. Противостояние объективного и субъективного в миропознании человека и его процентное соотношение в произведении предопределяют отнесенность текста к определенной жанровой разновидности функционального стиля. Нами не случайно выбран жанр путеводителя как объект исследования и материал для анализа и поиска в его тексте (путеводителя) определенных групп кванторных детерминантов [4, С.159-206].

В последние годы мы видим стремительное развитие и изменения в туризме как экономически прибыльной сфере услуг. С возрастанием спроса на туристический продукт параллельно возрастает и предложение. Неотъемлемой частью данного процесса является и культурная составляющая: искусство, литература и др., которые также претерпевают определенные трансформации. Исследуемый нами текст путеводителя равным образом видоизменяется и адаптируется под запросы социума, что делает его интересным и привлекательным для изучения

Как нам известно, текст путеводителя сочетает в себе черты публицистического и научного стилей, это дает нам возможность изучить и проанализировать кванторные детерминанты, обладающие интересными смысло — и текстообразующими функциями в синкретических условиях жанра путеводителя. Прагматическая функция текста путеводителя ориентируется на привлечение внимания читателя, побуждение его приобрести туристический продукт. Сам текст приобретает рекламную задачу, что стремится к использованию определенных прагматических языковых единиц, способных повлиять на реципиента [5, С. 76-82]. По нашему мнению, путеводитель как жанр изучен недостаточно, что создает перспективы для его изучения, поиска и анализа определенных языковых единиц с ограничительно — выделительным значением. В тексте путеводителя снижена субъективность, оценка автора, то есть отсутствует авторское начало [6, С. 279]. Прямым намерением автора не является самовыражение. Главное вступить с читателем в «своего рода» диалог, передать необходимую информацию для достижения определенной цели; усилить интенциональность текста аттрактивностью, за счет особенности выбранных языковых единиц [7, С. 560]. Низкий уровень проявления личностного начала автора представлен волей института (в нашем случае религиозной организацией), форма повествования ведется от третьего лица единственного числа. Например: *«Особенности современного возрождения монашества обусловлены необходимостью восстановления традиций иночества, преемственности в монашеском делании»* [8] или от первого лица множественного числа, например: *«Поэтому мы обращаемся ко всем читателям (и в первую очередь к тем, кто связан своей жизнью с монастырями) с просьбой присылать свои отзывы и пожелания, замечания и, если есть необходимость, дополнения, — и может быть охарактеризована как лично — безличностная* [9, С. 10].

«Всем, кто прислал в издательство материалы о монастырях для книги, мы искренне признательны. Также благодарим сестёр Свято-Елисаветинского монастыря (Минск) за присланный текст и фотографии, посвященные обители» [8]. Здесь мы можем увидеть пример диалогичности текста путеводителя, основной задачей которого является снижение коммуникативной удаленности автора от читателя.

Характерными чертами текста путеводителя являются:

- диалогичность текста;
- информативность;
- интенциональность;
- отсутствие авторского начала в тексте путеводителя.

Несмотря на преобладание безличной формы в тексте путеводителя, автор с помощью кванторных детерминантов способен расширить информационное поле, сделать информацию более выразительной, выстроить компоненты текста связно и логично. Как упоминалось выше, текст путеводителя сочетает в себе характеристики научного и публицистического стилей. Отсюда следует вывод, что основной целью публицистического текста является предоставление достоверных научных фактов, донесение определенной информации об актуальных событиях до читателя, привлечение его (читателя) интереса и внимания к чему либо (предмету искусства, архитектуры и т.д.) как объекту рекламы, а также воздействие на читательскую аудиторию [10, С. 722].

Возвращаясь к анализируемым нами кванторным детерминантам в тексте путеводителя можно сделать вывод, что именно коммуникативная задача текста предопределяет выбор автором ограничительно — выделительных детерминантов, включение новой информации и ее подаче. Поэтапное раскрытие темы происходит за счет постепенного ввода нового материала, сохранения определенной структуры текста путеводителя: (название монастыря — историческая справка создания монастыря — адресно-справочная информация — расписание и т.д.) Основываясь на исследовании Клеменовой Е.Н. в коммуникативную задачу также входит построение нового смысла посредством старого знания как в коммуникативно-новом, так и в коммуникативно-старом. Ограничительно — выделительные конструкции выступают в роли своего рода помощников в развитии мысли.

Наш анализ выявил 4 категории кванторных детерминантов: группы детерминантов со значением включения, исключения, замещения и выделения. Проанализированные нами в тексте путеводителя кванторные детерминанты

представлены следующим процентным соотношением: детерминанты с отношением включения – 63,1 %, детерминанты с отношением исключения – 15,7%, детерминанты со значением замещения – 5 % и выделения – 21,05%.

Первая группа детерминантов со значением включения является наиболее объемной. Это связано со свойственным детерминантам включения расширением границ целого и добавление его частей.

Например:

1. *При подготовке издания были использованы ценные материалы, полученные из епархий и самих монастырей Русской Православной Церкви, различные другие источники – тематическая литература (включая дореволюционную), православные интернет-ресурсы, пресса, а также книги, брошюры и буклеты самих монастырей* [9].

В данном примере мы видим, что кванторный детерминант со значением включения уточняет целое «тематическая литература», выделяя значимую для понимания контекста часть «дореволюционная литература» с элементами: православные интернет-ресурсы, пресса, а также книги, брошюры и т.д.

2. *Особенно хотелось бы поблагодарить представителей епархий, которые прислали материалы, подготовленные на высоком уровне, как по содержанию, так и по своей полноте (включая фотографии) – это Астраханская, Барнаульская, Белгородская, Брянская, Бурятская, Владивостокская, Владимирская, Волгоградская, Вологодская, Вятская, Екатеринбургская, Иркутская, Калужская, Кемеровская, Костромская, Красноярская, Курская, Липецкая, Магаданская, Мурманская, Нижне-городская, Рязанская, Санкт-Петербургская, Саратовская, Смоленская, Ставропольская, Сыктывкарская, Тамбовская, Тверская, Тобольская, Уфимская, Челябинская и Чебоксарская* [9]. Здесь автор обращает наше внимание на то, что материалы были подготовлены на высоком уровне не по содержанию, так и по полноте, внося в это целое такой элемент как «фотографии» для смыслового наполнения.

3. *В наст. время в монастыре идёт активное строительство. Возведён жилой 2-этажный дом для насельниц обители. Кроме того, рядом с домом начато строительство монастырской каменной церкви. Средства на строительство монастырского храма жертвуют различные благотворители – руководители различных предприятий и простые люди. Сейчас насельницы обители молятся в домовом храме во имя св. ап. и еванг. Иоанна Богослова* [9]. В данном примере мы отчетливо угадываем интенцию автора привлечь внимание к теме пожертвований на начатое строительство монастырской каменной церкви. Неслучайно автором выбрано прилагательное «активное» строительство. Далее в тексте говорится о том, что жертвования совершают как руководители или более состоятельные благодетели, так и простые люди.

4. *В монастыре проживают: настоятельница монастыря – мон. Афанасия (Рудалёва), инокия Стефания (Вавилова), дети, в силу различных обстоятельств оказавшиеся в монастыре. Количество их колеблется от 8 до 10 чел. Главный труд детей – учёба. В монастыре также проживают послушницы и трудницы, которые помогают вести хозяйство и обрабатывать землю, за счёт которой монастырь и существует. Кроме этого, монастырь живёт на пожертвования, привозимые паломниками* [9]. Здесь прослеживается тот же авторский замысел, что и в вышеприведенном примере, а именно – привлечение паломников и побуждение их к жертве на нужды обители.

5. *В монастыре есть небольшая гостиница для паломников, рассчитанная на 4–5 чел. При монастыре уже 5 лет работает крупнейшая в городе православная библиотека. Фонд постоянно пополняется новыми поступлениями, помимо книг, в библиотеке хорошая коллекция CD и DVD* [9].

С помощью детерминанта со значением включения, автор конкретизирует понятие «православная библиотека», выделяя отдельные элементы, входящие в него (понятие) — хорошая коллекция CD и DVD.

6. *Широко развито хозяйство: разводятся куры, индюшки, кролики, кроме этого – черви для рыбалки и биогумуса (орган. удобрения), имеется 500 корней винограда, сад, огород и многое другое. Большая часть продукции реализуется. Доход от этого направляется на уставные нужды обители*

Автор привлекает внимание читателя с помощью детерминанта включения «кроме этого», подчеркивая тем самым, что в обители широко развито хозяйство: куры, индюшки, кролики и т.п., а кроме того – сад, огород и многое другое. Имплицитно можно услышать призыв к помощи, которую каждый паломник может оказать монастырю в качестве трудника.

Тем самым, он (автор) помогает читателю дозированно воспринимать новую информацию. Следует обратить внимание, что в вышеприведенных примерах детерминант вынесен в конец предложения.

7. *Особая благодарность устроителям храма и обители – Виктору Николаевичу и Галине Степановне Павловым. Благодаря им были построены с Божией помощью храм и все строения, имеющиеся на терр. скита, включая мост, и переданы Барнаульской епархии.* Детерминант со значением включения «включая мост» относит нас к восприятию пространства, а также к личностному отношению автора к устроителям храма и обители, а именно — Виктору Николаевичу и Галине Степановне Павловым. Уточняется понятие «храм и все строения», которые включают даже мост на территории скита.

8. *Есть гостиница для паломников, богатая аудиотека, хорошая библиотека, включая детскую, зал для просмотра видеофильмов.* Автор дает развернутое понятие гостиницы для паломников, подчеркивает ее достоинства, привлекая внимание читателя к тому, что также есть возможность посетить монастырь с детьми и смотреть видеофильмы в специально отведенном зале.

9. *Настоятель и священноархимандрит – архиепископ Белгородский и Старооскольский Иоанн. Благодочинный монастыря – иеромонах Никодим (Мирошниченко). Помимо благочинного, братию монастыря составляют: 2 иером., 2 иеродиакона, 1 мантийный монах, 2 инока, 1 рясофорный послушник и трудники.* С помощью данного примера можно проследить как происходит постепенное включение дополнительных элементов (иеромонахи,

иеродиаконы, мантийный монах, иноки, рясофорный послушник и трудники) для более легкого восприятия новой информации читателем с помощью детерминанта включения «*помимо благочинного*».

10. В своём обращении игум. Иувеналий излагал просьбу оставить Одрин монастырь на своём содержании. И лишь благодаря этому ходатайству Одрин не разделит участи 30-ти других монастырей Севской епархии, упразднённых при введении новых штатов. **Кроме этой главнейшей заслуги**, игум. Иувеналий в короткий срок своего управления Николо-Одринским монастырём (1763–67) сделал немало для его внешнего благоустройства. Состояние общего разрушения монастыря требовало от настоятеля усиленной деятельности и особых способностей. Игум. Иувеналий многое перестроил и привёл в цветущее состояние. Мы наблюдаем в данном образце особую интенцию автора привлечь внимание к достоинствам игумена Иувеналия, подчеркнув, что наряду с основной его заслугой — игумен сумел сохранить монастырь и предотвратить его разделение. То есть автор сообщает нечто крайне важное для реципиента — большая проделанная работа по внешнему благоустройству, а также указывает на его (игумена Иувеналия) особые способности как пути решения данной задачи.

11. В период с 1804 по 1808 г. строителем обители был прп. Лев Оптинский. Вместе с ним, **кроме старца Василия и ученика его монаха Арсения (Кирилова, †1844)**, в пустыни некоторое время подвизались ученики прп. Паисия Величковского: старцы схимонах Феодор (Пользиков, †1822) и иеросхимонах Клеопа Островский (Антонов, †1816). Нам представлена прекрасная возможность привести пример детерминанта обладающего ограничительно — выделительным значением и привлекающего наше внимание к святости людей, некогда подвизавшихся в данном монастыре.

В монастыре проживают: настоятельница монастыря – мон. Афанасия (Рудалёва), инокиня Стефания (Вавилова), дети, в силу различных обстоятельств оказавшиеся в монастыре. Количество их колеблется от 8 до 10 чел. Главный труд детей – учёба. В монастыре также проживают послушницы и трудницы, которые помогают вести хозяйство и обрабатывать землю, за счёт которой монастырь и существует. **Кроме этого монастырь живёт на пожертвования**, привозимые паломниками. Автор неслучайно перечисляет проживающих в монастыре людей: настоятельницу монастыря, инокиню, а также детей, оказавшихся, как мы можем понять из контекста, в сложной жизненной ситуации. Он (автор) сообщает, что послушницы и трудницы помогают вести хозяйство, за счет которого живет монастырь и далее, в последнем предложении, мы видим детерминант со значением включения, уточняя и конкретизируя ситуацию, говоря о том, что также монастырь живет и на пожертвования паломников.

Следующая группа детерминантов, представленная в тексте — детерминанты со значением исключения. Рассмотрим их подробнее на примерах:

1. *Проезд: в с. Коробейниково можно добраться авт. из г. Барнаула, который отправляется (летом ежедневно, зимой, **кроме вт. и чт.**) в 12.50 с автовокзала.*

2. *Богослужения совершаются ежедневно, **кроме пн. и вт.**: Божественная литургия в 8.00 и вечерня с утреней в 15.30.*

Внимание читателя привлечено детерминантом «**кроме пн. и вт.**», автор вводит его в текст с целью ограничить и привести к правильной дешифровке информации: можно добраться автобусом ежедневно летом, **кроме вторника и четверга**, Богослужения совершаются ежедневно, кроме понедельника и вторника. Предложная конструкция со значением исключения подчеркивает важность информации.

Очередная группа детерминантов, представленная в тексте – детерминанты со значением замещения.

Вместо деревянного корпуса трапезной было возведено здание из камня, и в нём были размещены (кроме трапезной) поварня, хлебня, несколько братских келий. Монастырь был обнесён деревянной стеной, библиотека постоянно пополнялась новыми церковно-богослужебными и духовно-назидательными книгами. В пустыни жили многие духоносные старцы: Леонид и Макарий Оптинские, Василий (Кишкин), Афанасий (Захаров), Иосиф (Березовский), свт. Игнатий Брянчанинов и др. Последний из них – монах Герман (Шевчук) – юродивый, чьим именем назван здешний св. источник, подвизался в обители уже в XX в. Данный пример иллюстрирует употребление детерминанта со значением замещения: «**Вместо деревянного корпуса трапезной**»

Интересен тот факт, что предлог «вместо» имеет множество оттенков контекстуального значения. В данном примере мы можем вычлнить функцию детерминанта с отношением замещения как целенаправленной замены одного объекта другим: деревянный корпус трапезной был заменен на каменный и в нем были размещены поварня, хлебня и несколько братских келий.

Следующими кванторными детерминантами, обнаруженными в тексте, являются детерминанты со значением выделения.

1. *На основании ходатайства еп. Брянского и Севского Феофилакта, определением Священного Синода от 7 окт. 2002 г. № 76 приход храма был преобразован в Горно-Никольский мужской епархиальный монастырь.*

2. *На основании ходатайства Преосвященного Феофилакта, еп. Брянского и Севского, определением Священного Синода РПЦ от 17 авг. 2004 г., Карачевский Воскресенский монастырь был возрождён.*

3. *На основании ходатайства еп. Брянского и Севского Феофилакта, определением Священного Синода от 7 окт. 2002 г. № 76 приход храма был преобразован в Горно-Никольский мужской епархиальный монастырь.*

Здесь мы видим, что составитель с помощью кванторного детерминанта **выделения «на основании ходатайства»**, помогает удержать в памяти важную информацию, осмыслить четкую позицию автора, проследить за ходом мысли и тонкостями рассуждения. Нужно отметить, что кванторный детерминант «на основании ходатайства» является анафорой и используется для придания тексту особой выразительности, подчеркивая тем самым наиболее значимую мысль автора, усиливает эмоциональный фон и объединяет различные элементы в единое целое. Здесь анафора несомненно обладает текстообразующей функцией [11].

Результаты нашего исследования подтверждают тот факт, что кванторные детерминанты со значениями включения, исключения замещения и выделения выполняют роль «каркаса» мысли, то есть могут воздействовать на

понимание и восприятие текста читателем, обладают прагматической функцией, выполнять смыслообразующую, смысловводящую и смыслоутверждающую функцию.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Дубровина И. В. Психология: Учебник для студ. сред. пед. учеб. заведений / И. В. Дубровина, Е. Е. Данилова, А. М. Прихожан; Под ред. И. В. Дубровиной. // - М.: Издательский центр «Академия», 2004. – С. 170-173.
2. Клемёнова Е.Н. Высказывание с кванторными детерминантами как феномен текста / Е.Н. Клемёнова. // Ростов-на-Дону: Изд-во РГААИ, 2006. – С. 320.
3. Русская грамматика: В 2 т. / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1980.
4. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Собр. соч. – М.: Русские словари, 1996. – Т.5: Работы 1940-1960 гг. – С.159-206.
5. Филатова Н. В. Жанровое пространство туристического дискурса /Н.В. Филатова // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова, №2. 2016. – С. 76-82.
6. Дускаева Л.Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров: монография / Л.Р. Дускаева. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2004. – С. 276.
7. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова.// — М.: Языки славянской культуры. 2004. – С. 560.
8. Монастыри русской Православной Церкви Справочник – путеводитель. Выпуск второй. – М.: О-во сохранения лит. наследия, 2011. – С. 3-4.
9. Валгина Н.С. Теория текста: учеб. пособие / Н.С. Валгина. // – М.: Логос, 2004. – С. 280.
10. Семенюк Н.Н. Жанр текста как лингвистическая реальность / Н.Н. Семенюк. // – М.: Языки славянских культур, 2009. – С. 713–722.
11. Словари и энциклопедии [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.endic.ru/linguistics/Anafora-1367.html> (дата обращения: 30.05.2021)

Список литературы на английском / References in English

1. Dubrovina I. V. Psihologiya: Uchebnik dlya stud. sred. ped. ucheb. zavedenij [Psychology: Textbook for students. wednesday ped. educational, institutions] / I. V. Dubrovina, E. E. Danilova, A. M. Prihozhan; Pod red. I. V. Dubrovinoj. // - М.: Izdatel'skij centr «Akademiya», 2004. – P. 170-173. [in Russian]
2. Klyemyonova E.N. Vyskazyvanie s kvantornymi determinantami kak fenomen teksta [Utterance with quantifier determinants as a text phenomenon] / E.N. Klyemyonova. // Rostov-na-Donu: Izd-vo RGAAI, 2006. – P. 320.
3. Russkaya grammatika: V 2 t. [Russian grammar: In 2 volumes.] / Edit. by N. YU. SHvedovoj. M., 1980.
4. Bahtin M.M. Problema rechevyh zhanrov [The problem of speech genres] // Bahtin M.M. Sobr. soch. – М.: Russkie slovari, 1996. – Vol.5: Works of 1940-1960. – P.159-206. [in Russian]
5. Filatova N. V. Zhanrovое prostranstvo turisticheskogo diskursa [Genre space of tourism discourse] /N.V. Filatova // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M.A. SHolohova, №2. 2016. – P. 76-82. [in Russian]
6. Duskaeva L.R. Dialogicheskaya priroda gazetnyh rechevyh zhanrov: monografiya [The dialogical nature of newspaper speech genres: monograph] / L.R. Duskaeva. Perm': Izd-vo Perm. un-ta, 2004. – P. 276. [in Russian]
7. Kubryakova E.S. YAzyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: CHasti rechi s kognitivnoj tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira [Language and Knowledge: Towards a Knowledge of Language: Parts of Speech from a Cognitive Perspective. The role of language in the knowledge of the world] / E.S. Kubryakova // — М.: YAzyki slavyanskoj kul'tury. 2004. – P. 560. [in Russian]
8. Monastyri russkoj Pravoslavnoj Cerkvi Spravochnik – putevoditel'. Vypusk vtoroj [Monasteries of the Russian Orthodox Church Reference - guide. Second edition]. – М.: О-во sohraneniya lit. naslediya, 2011. – P. 3-4. [in Russian]
9. Valgina N.S. Teoriya teksta: ucheb. posobie [Text theory: textbook. allowance] / N.S. Valgina. // – М.: Logos, 2004. – P. 280. [in Russian]
10. Semenyuk N.N. Zhanr teksta kak lingvisticheskaya real'nost [The genre of the text as a linguistic reality] / N.N. Semenyuk. // – М.: YAzyki slavyanskih kul'tur, 2009. – P. 713–722. [in Russian]
11. Slovari i enciklopedii [Dictionaries and encyclopedias] [Electronic resource]. – URL: <http://www.endic.ru/linguistics/Anafora-1367.html> (accessed: 30.05.2021) [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.26.2.7>**АСПЕКТЫ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПЕДАГОГА: СТАТИКА И ДИНАМИКА**

Научная статья

Сергеева О.В.¹, Семенова С.Н.²*¹ ORCID: 0000-0002-9950-000X;² ORCID: 0000-0003-3172-9198;^{1,2} Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

* Корреспондирующий автор (sofiya.semenova75[at]yandex.ru)

Аннотация

Цель исследования – выявление статики и динамики как соотносительных характеристик, определенной языковой личности педагога в аспекте ее речевых репрезентаций. Решены взаимосвязанные задачи исследования: 1) определены статические свойства, характеризующие языковую личность педагога; 2) выявлены корреляции между статикой и динамикой в представлении языковой личности педагога. Научная новизна работы заключается в выделении соответствия между статикой и динамикой в речевых репрезентациях языковой личности на примере языковой личности педагога. В результате представленные теоретические выводы заключаются в определенном вкладе в лингвоперсонологию, в уточнении наполнения терминов «статика» и «динамика» в аспекте теории языка.

Ключевые слова: общение, языковая личность, статика, динамика, дискурсивный анализ.

ASPECTS OF TEACHER'S LINGUISTIC PERSONALITY: STATICS AND DYNAMICS

Research article

Sergeeva O.V.¹, Semenova S.N.²*¹ ORCID: 0000-0002-9950-000X;² ORCID: 0000-0003-3172-9198;^{1,2} Kuban State University, Krasnodar, Russia

* Corresponding author (sofiya.semenova75[at]yandex.ru)

Abstract

The aim of the study is to identify statics and dynamics as correlative characteristics of a certain linguistic personality of a teacher in the aspect of speech representations. The interrelated tasks were identified in the work: 1) the determination of static properties characterizing the linguistic personality of a teacher; 2) the identification of correlations between statics and dynamics in the representation of the linguistic personality of a teacher. The scientific novelty of the work is to highlight the correlation between statics and dynamics in the speech representations of the linguistic personality on the example of the linguistic personality of a teacher. As a result, the theoretical significance of the obtained data is in a certain contribution to linguistic personology, in clarifying the content of the terms “statics” and “dynamics” in language theory aspect.

Keywords: communication, linguistic personality, statics, dynamics, discourse analysis.

Introduction

At the beginning of the 2010s, a general humanitarian trend is active in language theory. For a linguistic personality, it is essential to understand the connection between language-speech activity and society [1, P. 161], [4], [10], [11]. So, the concept is understood as “an operational unit of information in the mental lexicon, in long-term memory, with the help and on the basis of these units, people organize and store knowledge about the world and human” [3, P. 210], [5], [6].

Thus, the relevance of the chosen problems lies in the interaction of two main epistemological features in the field of language theory. They are connected implicitly and deeply. The first feature is the general significance of the linguistic personality as an object of philological science [9]. Accordingly, the second actualizing epistemological feature is the specificity of the explanatory potential of the “statics-dynamics” correlation.

The authors introduced the conceptual model of the linguistic personality as a starting point of describing the linguistic personality of the teacher and covered some constituents formed in the process of interaction Teacher-Student. Some of the LPT standardized verbal reactions, typical for T-S communication, are meant and under statics.

The descriptive method based on observation and the method of contextual analysis were used in the work.

The results of the present work can be used on linguistic lessons in the process of specialists' preparation and in the further studies of linguistic personality not only of the teacher but other professions.

The characteristic of statics / dynamics

In this regard, we will give the correlation of the considered aspects as conditions of statics / dynamics of the teacher's linguistic personality, which is characterized by such a combination of features: the language personality is represented in the status differentiation, namely teacher-pupil.

We can emphasize that tolerance, defined ethically, is internally related to the linguistic essence of the teacher's linguistic personality, with the features of professional communication. The role of dynamics is determined by the very tolerance diversity.

Linguistic personality of the teacher (hereinafter LPT) communication combines the recognition of the game element and a serious focus on “educational success” – to increase a pupil's (student's) motivation and, as a result, to improve training. This is served by a complex pragmeme, in which the positive interacts with the semantic element of insufficiency, which conveys

the connection of statics with the dynamics of the LPT: “to influence his self-esteem... by saying that today he is much better... if not...”.

The dynamics nature of the LPT thinking in such connection is conveyed by the expressive use of the language medium in a sphere that is extremely static, stable – in the sphere of writing and spelling rules. Graphon is a dynamic expressive means of spelling. It is highly compatible with statics as the basis of its consistency.

The main feature in this segment of the studied material is a systematic, versatile, amplified reflection. It can take on an ironic character, and then the LPT is travestied. Both the statics and the dynamics of the LPT are therefore presented strongly, pointedly. We will illustrate this position with fragments taken from original classical prose and drama by A. P. Chekhov, and then from the novel of contemporary American novelist S. Sheldon.

A. P. Chekhov’s context is:

«Дорогая сестра, позволь мне поздравить тебя с днем твоего ангела и пожелать искренно, от души, здоровья и всего того, что можно пожелать девушке твоих лет. И позволь поднести тебе в подарок вот эту книжку. (Подает книжку.) История нашей гимназии за пятьдесят лет, написанная мною. Пустынная книжка, написанная от нечего делать, но ты все-таки прочти. Здравствуйте, господа! (Вершинину.) Кулыгин, учитель здешней гимназии. Надворный советник. (Ирине.) В этой книжке ты найдешь список всех кончивших курс в нашей гимназии за эти пятьдесят лет.» [2].

At the same time, the description (“*You still read ... Hello ... Kulygin, court adviser*”) (which combines an incentive to one person, Irina, and a greeting with self-characterization, addressed to another person, Vershinin) expresses a systemic connection between statics and dynamics.

The ability to combine the statics and dynamics of the LPT is not limited to the presented combinations. The following situation from S. Sheldon’s novel “Windmills of the Gods” is close to the above given example, partly even verbatim:

«Студенты сидели полукругом лицом к Мэри. Очередь на запись к ней в группу была гораздо длиннее, чем к другим преподавателям. Она была замечательным специалистом, обладала чувством юмора и обаянием, поэтому находиться рядом с ней было удовольствием» [12, P. 33].

In the presentation of the LPT, as in A. P. Chekhov’s context, which is more than a century away from this one, a sense of humor and a versatile emotional positive side is significant. However, in this context, in contrast to the previous one, Chekhov’s self-perception of the LPT is difficult to interact with the specific situation of the lesson, with the reaction of a certain student.

The considered aspects of correlations between statics and dynamics make it possible to see linguistic-pragmatic determinants (educational-influencing and self-identification) as a static characteristic of the LPT, and then a tolerance as a dynamic feature of the teacher’s linguistic personality.

If statics is revealed primarily by the two above-mentioned linguistic-pragmatic determinants, then the dynamics of the LPT is organically correlated with the tolerance. The tolerance is a specifically dynamic characteristic that is manifested through non-verbal means. It is a multisided phenomenon and can contain an educational component. The tolerance turns out to be an ethical and behavioral space that brings together the ideals of the teacher and the student. It means that tolerance has some parameters, which make it closer to statics than dynamics. The weak development of this category actualizes the need for pedagogical research in this direction. Such component of communicative competence as speech communication is distinguished. The ability to speak is an essential condition not only for successful professional activity, but also for activity as a communication carried out in a democratically organized society. So, a personality is characterized by sociability, emotional attractiveness, a friendly attitude to people, the ability to find constructive mechanisms for resolving interpersonal contradictions and conflicts, knowledge of the ethics of communication, etc. and is closely related to the LPT. The teacher’s skill in the formation of speech communication, obviously, is the prerogative not only of specialized school lessons (for example, English), but also of any subject lessons. To teach how to speak correctly, freely and adequately express one’s thoughts is an equally important task for a linguist, as well as for a physicist, biologist, chemist, mathematician, etc. A theoretical development of this concept is necessary to make a program for the formation of communicative competence that is relevant for the LPT. In this sense, the modern researchers’ attention could be drawn to the concept of the “communicative core” of an individual. The structure of this concept includes, firstly, knowledge of the psychology of communication, personality, culture, society, etc.; secondly, the definition of experiences manifested in contact with other people in specific ethnic, social or religious communities; thirdly, the concept of all types of verbal and non-verbal processes.

Important features of successful lesson communication

So, what happens in a class? What form of communication is carried out here, and with the help of what categories can it be expressed? For example, on a math lesson, the speech, of course, is within the framework and in the language of the discipline. However, if we teach just objective knowledge, then mathematical discourse does not become necessary. It is important when not so much total knowledge is transmitted, but the ways of working with it, when the subject of training is: the work process, the link to knowledge or the forms and methods of receiving knowledge.

The ability to create a common communication field and discourse, to create them of a certain character depends on the skill of the LPT. Whether the teacher will ask authoritatively or use the tolerance potential in bringing the student to knowledge in such a way that he would freely and as if independently approach knowledge himself / herself. In any case, the student is the recipient. But it is one fact when the recipient is given an encyclopedic packed subject knowledge (mathematical, biological, historical, etc.), and the other, when he / she joins the discourse, acts freely on the communication field. The concept of the communication field assumes that the student can freely communicate on a given subject [7], [8, P. 59].

The main sources of the teacher’s acquisition of communicative competence are: the sociological normative experience of culture; his / her own life experience; knowledge of the communication language used by folk culture; experience of

interpersonal communication. The use of verbal, nonverbal and paralinguistic signals allow the LPT organizing the communication on two levels: direct and meta-level.

Consequently, the effectiveness of the communication process depends on how developed strategic, tactical and technical components of the teacher's communicative competence work.

Considering the communicative competence of the teacher as a necessary condition for his effective professional activity, the most significant features include the following: 1) sociability, 2) personality brightness, 3) emotional attractiveness, 4) communication skills, 5) need for communication, 6) love for people, 7) understanding, 8) constructive resolution of interpersonal contradictions, 9) communication ethics, 10) awareness. The whole system of given attributes and each one separately is relevant for the LPT.

Communicative culture is considered as the art of social interaction, mediated by pedagogical activity and the characteristics of the teacher's personality, including not only speech skills, ethics, but also the content side of communication. Being an important quality of the teacher's personality, the communicative culture is developed by him / her in a special way with special efforts. It is the communicative culture that determines the communicative potential of the teacher.

The teacher's personality is manifested on the lesson in all types of activities: mental, motor, and speech. In order that the teacher can understand the inner position of the pupil (student), he / she must have a set of psychological qualities, the most important of which is emotional attractiveness.

Since speech activity involves active thinking, it is necessary to activate the thinking process and speech activity of pupils (students) in the process of teaching. This is possible if he addresses real or close-to-reality communication situations. It is necessary to include the language units being studied, the corresponding speech patterns, which could then be included in the system of speech actions. Thus, by creating situations in which the norms of the use of language tools are reproduced, the teacher gets an opportunity to motivate the speech activity of pupils (students).

The system, connected with the manifestations, includes tolerant communication, which is the dynamics of the LPT, requires close attention to a special conceptualization, for example:

“Understand, I'm worried about you. Please be in my position and advise me what to do with such a student?”

The teacher himself takes the place of the student, and he convincingly, naturally puts him in the place of the teacher. This is a significant, versatile, and well-known way of the LPT empathy. However, here he manifests himself, obviously, at a higher level and in specific connections. The empathy is shown reversibly and due to this, the tolerance is important in the LPT.

Such statements confirm the generalization presented in the LPT communication:

“Teachers and students are primarily employees”.

Such contacts create conditions for meaningful solutions to specific, everyday pedagogical tasks, for example:

“Let's calm down. Sit down, let's talk. After all, you are not alone in the class”.

Analysis of results

The communicative abilities of the teacher in the set of pedagogical tools also contribute to the process of pupils' (students') communicative competence forming. The teacher is an integral system of his / her communicative properties and qualities, such as non-standard, flexible thinking, a culture of speech action (literacy of phrase construction, simplicity and accuracy of presentation of thoughts, figurative expressiveness, exact argumentation, adequacy of the communicative situation, tone, dynamics of the voice, intonation, good diction); a culture of self-adjustment to communication and psychologically-emotional regulation of his state; the culture of gestures and movement plasticity (self-management by psychophysical tension and relaxation, active self-activation, etc.); the culture of perception of students' communicative actions; the culture of emotions (as an expression of emotional and non-evaluative judgments in the communication, etc.). The above-mentioned features and the theoretical comments are interrelated.

Conclusion

In conclusion, we would like to note that the politeness that the teacher shows is that he / she takes into account the results of the impact of his speech behavior on the student. He / she constantly monitors and corrects his / her speech behavior in order to optimize communication, success.

In the future, we will continue further research and development of certain aspects of linguistic personology that will be of interest and importance for the theory and practice of discourse analysis.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Багиров Х. З. К вопросу о понятиях «родной язык» и «неродной язык» / Х. З. Багиров, З. У. Блягоз // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Филология и искусствоведение». – 2012. – Вып. 2. – С.161-165.
2. Чехов А. П. Три сестры / А. П. Чехов [Электронный ресурс]. – URL: <https://ilibrary.ru/text/973/p.1/index.html> (дата обращения 19.04.2021).
3. Ерохина Е. Л. Формирование новых мотивов в структуре языковой личности учителя-словесника / Е. Л. Ерохина // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. – Сочи: СГУ. – 2013. – С. 210–214.
4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепт, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена. – 2002. – 477 с.
5. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М.: Наука. – 1987. – 261 с.

6. Караулов Ю. Н. Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функционирования / Ю. Н. Караулов, Ю. Н. Филиппович. – М.: Азбуковник. – 2009. – 334 с.
7. Красилова И. Е. Активизация пассивного словарного запаса на уроках английского языка в старших классах / И. Е. Красилова, Т. М. Назаренко // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. – Тамбов: Грамота. – 2018. – № 6-1(84). – С. 198-202. – doi: 10.30853/filnauki.2018-6-1.44.
8. Подгурецкий Ю. Коммуникативно-деятельностная теория образования. / Ю. Подгурецкий. – М.; Познань: АПСН. – 2012. – 448 с.
9. Семенова С. Н. Когнитивно-прагматическая интерпретация языковой личности (на примере рыночно-экономической терминологии) / С. Н. Семенова, Л. Г. Аксютенкова // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. – 2020. – Т. 11. – №4. – С. 760–774. –doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-760-774.
10. Сергеева О. В. Языковая личность педагога в статике и динамике / О. В. Сергеева // *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение*. – 2013. – № 1(114). – С. 157–160.
11. Сергеева О. В. Языковая личность педагога: статика и динамика / О. В. Сергеева: Дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар. – 2013. – 187 с.
12. Шелдон С. Мельницы богов / С. Шелдон / Пер. И. С. Коноплевой, С. Л. Коноплева. – М.: АСТ; Астрель. – 2012. – 396 с.

Список литературы на английском / References in English

1. Bagirokov Kh. Z. K voprosy o ponyatiyakh “rodnoy yazyk” i “nerodnoy yazyk” [To the question of concepts “native language” “non-native language”] / Kh. Z. Bagirokov, Z. U. Blyagoz // *Vestnik Adygeiskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya “Filologiya i iskusstvovedenie”* [Bulletin of the Adyge State University. Series: “Philology and Art History”]. – 2012. – Issue. 2. – P. 161–165. [in Russian]
2. Chekhov A. P. Tri sestry. [Three sisters] [Electronic resource]. – URL: <https://ilibrary.ru/text/973/p.1/index.html> (accessed 19.04.2021). [in Russian]
3. Erokhina E. L. Formirovanie novykh motivov v strukture yazykovoy lichnosti uchitelya-slovnica [Formation of new motives in the structure of the language personality of a teacher-wordsmith] / E. L. Erokhina // *Lingvoritoricheskaya paradigma: teoreticheskie i prikladnye aspekty* [Linguo-rhetorical paradigm: theoretical and applied aspects]. – Sochi: SSU. – 2013. – P. 210–214. [in Russian]
4. Karasik V. I. Yazykovoy krug: lichnost', contsept, diskurs [Language circle: personality, concepts, discourse] / V. I. Karasik. – Volgograd: Peremena. – 2002. – 477 p.
5. Karaulov Yu. N. Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost' [Russian language and language personality] / Yu. N. Karaulov. – М.: Nauka. – 1987. – 261 p.
6. Karaulov Yu. N. Lingvokul'turnoe soznanie russkoy yazykovoy lichnosti. Modelirovanie sostoyaniya i funktsionirovaniya [Linguo-cultural consciousness of Russian language personality. Modeling of the state and functioning] / Yu. N. Karaulov, Yu. N. Filippovich. – М.: Azbukovnik. – 2009. – 334 p.
7. Krasilova I. E. Aktivizatsiya passivnogo slovarnogo zapasa na urokakh angliyskogo yazyka v starshikh klassakh [The activation of passive vocabulary in English language classes at senior school] / I. E. Krasilova, T. M. Nazarenko // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice]. – Тамбов: Грамота. – 2018. – № 6-1 (84). – P. 198–202. [in Russian]
8. Podguretsky Yu. Kommunikativno-deyatelnostnaya teoriya obrazovaniya [Communicate and activity theory of education] / Yu. Podguretsky. – М.; Poznań: APSN. – 2012. – 448 p. [in Russian]
9. Semenova S. N. Kognitivno-pragmaticheskaya interpretatsiya yazykovoy lichnosti (na primere rynochno-ekonomicheskoy terminologii) [Cognitive-pragmatic interpretation of linguistic personality (on the example of market-economic terminology)] / S. N. Semenova, L. G. Aksyutenkova L. G. // *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics]. – 2020. – Vol. 11. – №4. – P. 760–774. – doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-760-774.
10. Sergeeva O. V. Yazykovaya lichnost' pedagoga v statike i dinamike [Linguistic personality of a teacher in statics and dynamics] / O. V. Sergeeva // *Vestnik Adygeiskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya “Filologiya i iskusstvovedenie”* [Bulletin of the Adyge State University. Series 2: Philology and Art History]. – 2013. – №1(114). – P. 157–160. [in Russian]
11. Sergeeva O. V. Yazykovaya lichnost' pedagoga: statika i dinamika [Linguistic personality of the teacher: statics and dynamics] / O. V. Sergeeva: Dis. ... kand. nauk [Dis. ... candidate of Philology]. – Краснодар. – 2013. – 187 p. [in Russian]
12. Sheldon S. Mel'nitsy bogov [Windmills of the Gods] / S. Sheldon / Tr. I. S. Konopleva, S. L. Konoplev. – М.: AST; Astrel. – 2012. – 396 p. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.26.2.15>**ЭМПАТИЯ, КОНФЛИКТНОСТЬ И ЕЕ ПРЕОДОЛЕНИЕ: ЛИНГВО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ОБЩЕГО И ОСОБЕННОГО**

Научная статья

Сергеева О.В.¹, Семенова С.Н.²*¹ ORCID: 0000-0002-9950-000X;² ORCID: 0000-0003-3172-9198;^{1,2} Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

* Корреспондирующий автор (sofiya.semenova75[at]yandex.ru)

Аннотация

Цель статьи – раскрыть цельность языковой личности педагога в понятийной цепочке: «эмпатия – конфликтность – ее преодоление» как проявление единства между статикой и динамикой. Для решения поставленной задачи – представления конфликтности в характеристике языковой личности педагога – предлагаются два основных аспекта: представить текстовую характеристику конфликтности и оговорить аспекты теоретизации. Научная новизна заключается в том, что полученные результаты исследования могут быть рассмотрены как сфера фиксации окружающей реальности языковой личности педагога. В результате, подтвердилось влияние создаваемых педагогом языковых образов на формирование личности подрастающего поколения, его позитивное или негативное психическое состояние.

Ключевые слова: общение, языковая личность, дискурсивный анализ, эмпатия, конфликтность.

**EMPATHY, CONFLICT AND ITS OVERCOMING: LINGUO-PRAGMATIC ASPECTS OF GENERAL AND
SPECIAL**

Research article

Sergeeva O.V.¹, Semenova S.N.²*¹ ORCID: 0000-0002-9950-000X;² ORCID: 0000-0003-3172-9198;^{1,2} Kuban State University, Krasnodar, Russia

* Corresponding author (sofiya.semenova75[at]yandex.ru)

Abstract

The aim of the article is to reveal the integrity of the teacher's language personality in the conceptual chain: "empathy – conflict – its overcoming" as a manifestation of the unity between statics and dynamics. To solve the task – the representation of conflict in the characteristic of the teacher's language personality – main aspects are proposed: 1) to present the textual characteristic of conflict; 2) to specify the aspects of theorization. The novelty lies in the fact that the results of the study can be considered as a sphere of surrounding reality fixation of the teacher's language personality. As a result, the influence of the language images created by the teacher on the formation of the younger generation's personality, its positive or negative mental states were confirmed.

Keywords: communication, language personality, discourse analysis, empathy, conflict.

Introduction

Linguo-pragmatic aspects of general and special link the personological category of the teacher's language personality (TLP) with empathy, conflict and its overcoming. This connection follows from the specifics of pedagogical communication. One of the leading features of a communicative-competent personality is its empathy. For the TLP this characteristic is leading and important. The primary training of empathy is carried out in the classroom and has pedagogical significance, but later the property of understanding helps a person throughout life. People, thanks to empathy, gain the opportunity to directly look at the experiences and feelings of others. Therefore, empathy is recognized as a specific form of interpersonal relationship. It is believed that if we do not experience empathy, then self-serving considerations are to play an important role in human behavior. In the case of a high degree of empathy, people should be guided by an altruistic motivation and a desire to help, regardless of the profits and costs associated with the situation. So, in accordance with the hypothesis of empathy-altruism (the opinion that empathy experienced through the relation to another person) it inclines us to help, regardless of the consequences of the taken actions.

The *relevance* of this work is an accumulative sphere of fixation of surrounding reality of the teacher's language personality, and a cognitive-pragmatic aspect of human consciousness development.

To solve the *task* – the representation of conflict in the characteristic of the teacher's language personality – two main aspects are proposed:

- 1) to present the textual characteristic of conflict;
- 2) to specify the aspects of theorization.

For these aspects, the motivation of the speech act and its definite connection with the socio-professional characteristics are fundamental.

An interpretive *method* was used in the material studying.

Theoretical background. Ideas from scientific works on the theory of the language personality of such researchers as Yu N. Karaulov [4], V. I. Karasik [3], O. V. Sergeeva [8], S. N. Semenova and L. G. Aksyutenkova [7], E. N. Borisova and N. V. Letkina [10], G. V. Elokhova [11] served as the methodological basis of the present study.

Practical value. The results of the research can be used for the preparation of lecture and practical materials of linguistic courses for bachelors and masters.

Positive and negative aspects of empathy

For the TLP it is significant that the feeling of empathy leads, ultimately, to other person helping. Is the help always positive for both a provider and a recipient? The results of the assistance have a positive impact on those who are involved in such activities. It improves a person's self-esteem, his mood, and society rewards him with fame and recognition. One of the theories that explain behavior in favor of society promotes the view that people provide assistance only when it is in their own interests. So, getting the help is associated with some kind of benefits. In extreme cases, the help means lifesaving. The secular educational institution nowadays is concerned with the formation of abilities for empathy, personal participation and willingness to help others. Age-related aggressions in the modern world give rise to the questions: "How can we ourselves increase the number of benevolent actions we commit? How is this possible in the modern world, where egoism and individualism prevail?" The answers to these questions should certainly be sought in the educational processes. Empathy and openness are considered important determinants of all interpersonal contacts. Accordingly, they are increasingly relevant for the TLP.

In some studies, a lot of attention is devoted to empathy. In many cases, it is interpreted as a universal phenomenon in the life of society, in others – as a specific ability that determines the successful interaction in a certain social situation, for example, in the relationship of client – performer, patient – doctor, child – parents. There is no consensus about the nature of empathy as a psychological phenomenon. Despite such different positions, there is one general trend presented by many authors. It concerns the identification of two types of empathy – emotional and cognitive. In this conceptual system, emotional empathy is understood as an emotional reaction caused by observing the emotions of another person and bringing to the fact that the observer experiences as his own emotions of the person he is watching, sympathizing, transferring other people's emotions to himself. It is not necessary that these emotions will completely coincide. Cognitive empathy, especially important for the TLP is a process that consists of "having someone's place", and, in this regard, an adequate understanding of other people's feelings, thoughts, desires and a perception of other people's reactions. There were also no unambiguous results in studies of the relationship of empathy with aggressive behavior. Individuals with high levels of empathy show strong tendencies to both aggressive and help-oriented behavior. It follows that the level of empathy is a weak predictor of the probability of a particular behavior.

The aim of empathic abilities developing is to foster responsible, joyful, and creative people who treat others with respect despite the differences in their ages. A high level of empathy affects the formation of positive attitudes, assessments, and emotions. In addition, empathy prevents aggressive behavior, since there is identification with the victim and the anticipation of negative emotional states. A person who is empathically developed is pleasant, kind and tolerant. He respects himself and accepts himself as he is. Self-acceptance and self-respect are conditions of respect for others. Empathy takes an essential place in the education of the mutual understanding between people. Empathic ability, educational institutions (kindergartens, schools, institutes, universities) should work together with the family of each pupil (student). The development of empathy, carried out on lessons in music, drawing, storytelling, performing roles in children's acting, affects the behavior aimed at achieving the public kindness. Empathy should be considered as a natural form of personality's development, which manifests itself very early in the family environment and is further continued in preschool, school, and university education. The ability to establish an empathic relationship between people is indicative in a person's mental health and maturity. The holistic perception of the phenomenon of empathy emphasizes that the optimal program for the development of empathy should take into account the emotional, cognitive and motivational aspects of this phenomenon.

An interpretive approach to conflict and its overcoming

In a complex unity with empathy, we define the aspect of conflict, which can be characterized as the reverse side of empathy. This aspect is also important for the representation of the TLP in the correlation between statics and dynamics [8, P. 158]. How exactly does this aspect attract attention?

To solve this problem, we analyze in the present research two articles: "Kill the teacher" [9] and "Fight the first, Vasya" [2]. When analyzing the teacher's language personality represented in these materials, we consider the choice of language tools that he / she made up in a particular situation due to his / her skills, individual psychological characteristics, education and cultural level, social status, and the prevailing circumstances of a personal and social nature. At the same time, we do not limit ourselves to analyzing only the teacher's language personality and reveal, if necessary, the teenagers' and their parents' language personalities. In the materials under consideration, the influencing aims are defined on several main interrelated planes, which in different ways include the element of conflict.

The first article "Kill the teacher" [9], which describes an attempt to kill a strict teacher by an eleventh-grader, and the support of some of her colleagues. In this context, the influencing facts are determined by the following interrelated planes:

- 1) the teacher's impact on the eleventh-grader;
- 2) the pupil's impact on the teacher;
- 3) the impact of the journalist describing the situation on readers.

All three planes include an element of conflict, but in different ways.

For the language personality of the elderly teacher, Larisa Fisenko, negative assessments of the pupil, Yevgeny, are indicative: his behavior "was considered outrageous...".

For the language personality of Yevgeny, a conflict attitude is also strong, accompanied by the lies:

"She promised him a 'satisfactory mark'".

The most significant extralinguistic factors are: family, school, society, mass media, literature [1], [3], [6], [12], [13], [14, P. 220]. The conflict nature of the TLP is not limited to an elementary, direct representation. It is also indirectly represented by the linguistic personality of the journalist.

The next context, which also reflects a high degree of conflict, is the article "Fight the first, Vasya" [2]. It describes school fights in which, according to the results of the survey, every second young man and every seventh girl participate. In the article, the influencing parameters are also considered on three interrelated planes. The main one is the influence of the teacher on the pupils. Two others are interconnected with this plane: the impact of the aggressor (ninth-grader Irina) on the victim (ninth-grader Tanya), the impact of the victim (sixth-grader Kolya) on the aggressor (sixth-grader Andrey).

The language personality of the first aggressor – Irina – is characterized by 'selective swearing', aimed not only at classmates, but also at adults. She is the leader in the group of classmates, leads them and considers it possible to severely beating her classmate, Tanya. Irina's language personality is not formed. She does not know how to use the existing literary language means to solve the conflict, even without thinking about it. The reason for this conflict in communication with both classmates and teachers should be found in her family. Her mother is a very short-tempered person and is mainly occupied with her own personal problems. Irina has always been a pedagogically neglected child. She studied poorly. This is reported by the social teacher of the school. It also speaks about the insufficient influence of the teacher's language personality on the formation of this pupil's language personality.

The ratio of the aggressor and the victim is determined ambiguously in the next case, described in the article. At the very beginning, 12-year-old Kolya is the victim, who recently moved to a new school. The role of the victim was determined by his classmate Andrey, who bullied the newcomer, verbally insulted him. For the linguistic personality of the aggressor Andrey, the conflict attitude is fundamental and accompanied only by the consciousness of his rightness:

"Everyone treats you like this, ask anyone in the class!"

He feels the support of the whole class in beating Kolya. Again, the influence of the teacher's language personality on the formation of the teenager's language personality, its socio-psychological aspect, is obvious. Andrey's conflicting attitude provoked Kolya's aggressive actions (he broke the offender's nose). However, for Kolya's language personality, the conflict attitude is not typical and is only a defense:

"I'm sorry, but you drove me!"

Nevertheless, he knows how to find the means of language to convince the aggressor to admit his mistakes and wrongness.

In the complex unity with the above-mentioned conflict of schoolchildren, this media material systematically presents the teachers' language personalities. In the first case (with Irina and Tanya), for the social teacher's language personality, negative assessments of the 15-year-old Irina are indicative:

"She gathered a flock of the same brisk and capable of everything around herself: fights, hooliganism, and theft. If the girls don't come to their senses, the colony is open for them."

The teacher adequately chooses the means of expression to characterize the teenager and the situation as a whole.

In the second case (with Kolya and Andrey), the "negotiator" from the School Reconciliation Service skillfully uses language tools in his statements, which characterizes him as a competent language personality.

So, the unity of the general and the special was shown within the framework of the integrity. Linguo-personological analysis of conflict confirms that the concept of "personality" denotes the integrity of a person in the unity of his individual abilities to perform social functions (roles). We emphasize that this attitude should not be absolutized, but to ignore it is to abandon knowledge and multiply situations and problems as described above.

It is important to develop the logical structure of "language personality" concept. One of the founders of the theory of the language personality, Yu. N. Karaulov, emphasized that the language personality is "any native speaker of a particular language... reflecting his vision of the surrounding reality and achieving certain aims in the world" [5, p. 184].

Today the question of the language personality is actively studied by such relatively young sciences as sociolinguistics and psycholinguistics. These disciplines emphasize the special importance of the perception and understanding of speech in the teacher's language personality, namely in the aspect of conflict.

The conflict aspect in the characterization of the teacher's language personality indicates that the teacher has difficulties in choosing adequate language means in various situations. The understanding itself is psychologically characterized by different depth and quality.

Research findings

The data found in the studied material (the newspaper "Izvestia" articles [2, 9]) provide the basis for the following:

1. The obtained results clarify the orientation in the entire state of knowledge about pedagogical communication
2. The linguo-pragmatic essence of pedagogical communication is given. Communicative relations in education, taking into account statics and dynamics, contribute to the formation of a communicative-competent personality. Theories, norms, principles, or types of communication are particularly important for group consolidation.
3. The material confirmed the influence of the language images created by the teacher on the formation of the personality of the younger generation, its positive or negative mental state. It is also in various media materials that reflect the extremely acute degree of the conflict.

Conclusion

To sum all up we came to the conclusion that the analysis of the teacher's language personality in the aspect of statics and dynamics allowed to justify the system of basic generalizations. These generalizations, described in two articles of the "Izvestia" newspaper materials, helped us to proceed the analysis of general and special conditions that determine the types of relations "static-dynamics". At the same time, empathy is specifically characterized, as well as conflict and its overcoming in the TLP speech realization.

The next stage of the authors' further research perspectives of certain aspects of the language personality will be presented and described in articles that will be of interest and importance for the theory and practice of discourse analysis.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Баранов А. Г. Порождающий потенциал языковой личности / А. Г. Баранов // Филологические науки в XXI веке: актуальность, многополярность, перспективы развития. Сб. научн. тр. / под ред. В. И. Тхорика, В. В. Катерминой, А. М. Прима, А. В. Самойловой. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т. – 2018. – С. 5–10.
2. Бей первым, Вася // Известия. – 15.07.2008. – № 127.
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепт, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена. – 2002. – 477 с.
4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М.: Наука. – 1987. – 261 с.
5. Караулов Ю. Н., Филиппович Ю. Н. Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функционирования / Ю. Н. Караулов, Ю. Н. Филиппович. – М.: Азбуковник. – 2009. – 334 с.
6. Подольный И. А. Школы моей жизни. Из записок счастливого человека. / И. А. Подольный. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.booksite.ru/fulltext/shkol/text.pdf> – (дата обращения: 12.05.2021).
7. Семенова С. Н. Когнитивно-прагматическая интерпретация языковой личности (на примере рыночно-экономической терминологии) / С. Н. Семенова, Л. Г. Аксютенкова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2020. – Т. 11. – №4. – С. 760–774. –doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-760-774.
8. Сергеева О. В. Языковая личность педагога в статике и динамике / О. В. Сергеева // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2013. – № 1(114). – С. 157–160.
9. Убить учительницу // Известия. – 26.12.2007. – № 238.
10. Borisova E. N. English for Professional Communication: A Project-Based Approach to Teaching University Students (a Case Study of Music Students) / E. N. Borisova, N. V. Letkina // Integration of Education. – 2019. – Vol. 23. – № 4(97). – P. 607–627. – doi: 10.15507/1991-9468.097.023.201904.607-627.
11. Elokhova G. V. The Professional language personality of a future engineer: theoretical aspect / G. V. Elokhova // Issues of Cognitive Linguistics. – 2016. – № 1(46). – P. 117–120. – doi: 10.20916/1812-3228-2016-1-117-120.
12. Iswandari D. C. Effect of Environmental Problem-Based Learning on the Indonesian EFL Students' Environment-Related Vocabulary Mastery and Writing Ability / D. C. Iswandari, J. A. Prayogo, B. Y. Cahyono // Theory and Practice in Language Studies. – 2018. – Vol. 7. – № 8. – P. 608–616. – doi: 10.17507/tpls.0708.02.
13. Shatalova O. V. Semantic neutralization of current socio-political terms as a factor of psychological adaptation in present-day communicative conditions / O. V. Shatalova, T. Yu. Paveleva // Amazonia Investiga. – 2019. – Vol. 8. – № 23. – P. 517–525.
14. Srailova A. B. Linguostylistic specifics of the pragmatical and symbolic realization of the English poetic discourse. / A. B. Srailova, K. M. Baranova, A. K. Kalioppin et al. // XLinguae. – April 2021. – Vol. 14. – Issue 2. – P. 215–226. doi: 10.18355/XL.2021.14.02.16.

Список литературы на английском / References in English

1. Baranov A. G. Porozhdayuschiy potentsial yazykovoy lichnosti [Generative potential of the language personality] / A. G. Baranov // Filologicheskie nauki v XXI veke: aktual'nost', mnogopolyarnost', perspektivy razvitiya [Philological sciences in the XXIst century: relevance, multipolarity, prospects of development] Collection of scientific works / ed. by V. I. Tchorik, V. V. Katermina, A. M. Prima, A. V. Samoilova. – Krasnodar: Kuban State University. – 2018. – P. 5–10. [in Russian]
2. Bey pervym, Vasya [Fight the first, Vasya] // Izvestia [Izvestia]. – 15.07.2008. – № 127. [in Russian]
3. Karasik V. I. Yazykovoy krug: lichnost', contsept, diskurs [Language circle: personality, concepts, discourse] / V. I. Karasik. – Volgograd: Peremena. – 2002. – 477 p. [in Russian]
4. Karaulov Yu. N. Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost' [Russian language and language personality] / Yu. N. Karaulov. – M.: Nauka. – 1987. – 261 p. [in Russian]
5. Karaulov Yu. N. Lingvokul'turnoe soznanie russkoy yazykovoy lichnosti. Modelirovanie sostoyaniya i funktsionirovaniya [Linguo-cultural consciousness of Russian language personality. Modeling of the state and functioning] / Yu. N. Karaulov, Yu. N. Filippovich. – M.: Azbukovnik. – 2009. – 334 p. [in Russian]
6. Podolny I. A. Shkoly moey zhizni. Iz zapisok schastlivogo cheloveka [Schools of my life. From the notes of a happy person] / I. A. Podolny. – [Electronic resource]. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/shkol/text.pdf> (accessed 12.05.2021) [in Russian]
7. Semenova S. N. Kognitivno-pragmaticheskaya interpretatsiya yazykovoy lichnosti (na primere rynochno-ekonomicheskoy terminologii) [Cognitive-pragmatic interpretation of linguistic personality (on the example of market-economic terminology)] / S. N. Semenova, L. G. Aksyutenkova // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics]. – 2020. – Vol. 11. – №4. – P. 760–774. – doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-760-774.
8. Sergeeva O. V. Yazykovaya lichnost' pedagoga v statike i dinamike [Linguistic personality of a teacher in statics and dynamics] / O. V. Sergeeva // Vestnik Adygeiskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya "Filologiya i iskusstvovedenie" [Bulletin of the Adyge State University. Series 2: Philology and Art History]. – 2013. – №1(114). – P. 157–160. [in Russian]
9. Ubit' uchitel'nitsu [Kill the teacher] // Izvestia [Izvestiya]. – 26.12.2007. – № 238. [in Russian]

10. Borisova E. N. English for Professional Communication: A Project-Based Approach to Teaching University Students (a Case Study of Music Students) / E. N. Borisova, N. V. Letkina // *Integration of Education*. – 2019. – Vol. 23. – № 4(97). – P. 607–627. – doi: 10.15507/1991-9468.097.023.201904.607-627.
11. Elokhova G. V. The Professional language personality of a future engineer: theoretical aspect / G. V. Elokhova // *Issues of Cognitive Linguistics*. – 2016. – № 1(46). – P. 117–120. – doi: 10.20916/1812-3228-2016-1-117-120.
12. Iswandari D. C. Effect of Environmental Problem-Based Learning on the Indonesian EFL Students' Environment-Related Vocabulary Mastery and Writing Ability / D. C. Iswandari, J. A. Prayogo, B. Y. Cahyono // *Theory and Practice in Language Studies*. – 2018. – Vol. 7. – № 8. – P. 608–616. – doi: 10.17507/tpls.0708.02.
13. Shatalova O. V. Semantic neutralization of current socio-political terms as a factor of psychological adaptation in present-day communicative conditions / O. V. Shatalova, T. Yu. Paveleva // *Amazonia Investiga*. – 2019. – Vol. 8. – № 23. – P. 517–525.
14. Srailova A. B. Linguostylistic specifics of the pragmatical and symbolic realization of the English poetic discourse. / A. B. Srailova, K. M. Baranova, A. K. Kalioppin et al. // *XLinguae*. – April 2021. – Vol. 14. – Issue 2. – P. 215–226. doi: 10.18355/XL.2021.14.02.16.

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.26.2.6>**НАУЧНЫЕ ТЕРМИНЫ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДЖ. ЛОНДОНА «ЛЮДИ БЕЗДНЫ» НА АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ)**

Научная статья

Сергеева О.В.¹, Семенова С.Н.²*¹ ORCID: 0000-0002-9950-000X;² ORCID: 0000-0003-3172-9198;^{1,2} Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

* Корреспондирующий автор (sofiya.semenova75[at]yandex.ru)

Аннотация

Цель исследования – выявить лексико-семантические отношения и установить сходства и отличия в вариантах произведения Дж. Лондона “The People of the Abyss” («Люди бездны») на английском и русском языках. Научная новизна исследования заключается в классификации и интерпретации выделенных примеров слов, словосочетаний, метафор и фразеологизмов в текстах произведения. В ходе работы были применены методы сплошной выборки лексики из текстов произведения, сравнительного и статистического анализа, позволившие выявить расхождения между английским и русским вариантами слов и словосочетаний. В результате составлены и проанализированы таблицы и диаграммы, созданные на основе данных, полученных в процессе изучения материала на русском и английском языках.

Ключевые слова: Джек Лондон, систематизация, описание, метафора, фразеологические единицы.

SCIENTIFIC TERMS IN SOCIOLOGICAL TEXT (ON MATERIAL OF J. LONDON’S WORK “THE PEOPLE OF THE ABYSS” IN ENGLISH AND RUSSIAN)

Research article

Sergeeva O.V.¹, Semenova S.N.²*¹ ORCID: 0000-0002-9950-000X;² ORCID: 0000-0003-3172-9198;^{1,2} Kuban State University, Krasnodar, Russia

* Corresponding author (sofiya.semenova75[at]yandex.ru)

Abstract

The aim of the research is the lexical and semantic relations identification of similarities and differences in both versions of Jack London’s work “The People of the Abyss” in English and Russian. The scientific novelty of the article is the classification and commentaries on words, phrases, metaphors and phraseological units in both texts. Continuous selection of lexical units from the texts of the work, comparative and statistical analysis methods were used, which allowed identifying discrepancies between the English and Russian versions of words and phrases. As a result, tables and diagrams based on the obtained data were systematized.

Keywords: Jack London, systematization, description, metaphor, phraseological units.

Introduction

The relevance of this work lies in the fact that the study of sociological texts in foreign languages is promising in terms of obtaining various results for both the theory and practice of any language learning in the modern linguistic surrounding.

The following **tasks** were solved to achieve the aim of the present research:

1) to find out the lexical and semantic relations in Russian and English texts, which take place in Jack London’s work “The People of the Abyss” in English [3], as well as in Russian, done by G. P. Zlobin and S. S. Ivanko [4];

2) to identify examples of words (terms) and phrases in Geography and Biology in the Russian and English texts and give our understanding of each unit.

The works of the following scientists dealing with various linguistic questions and directions are the **methodological basis** of the study:

1) L. N. Lunkova and M. S. Pavlova considered the issues of interpretation of texts due to the cognitive analysis of metaphors; described the main problems of their translation and understanding [6, P. 905]; 2) O. V. Sergeeva, S. N. Semenova, and other specialists investigated texts of a number of genres containing different cognitive-pragmatic aspects and offered models of classification of the selected material [1], [2, P. 115], [7, P. 67], [10, P. 58]; 3) T. S. Nifanova proposed and described the methodology of metaphorical statements study with the help of a derivational approach in her article [8, P. 138].

The obtained data can be of great **practical significance** and can be used in teaching activities to improve the educational process; also contribute good results to the development of fruitful cooperation between teachers and students.

So, “The People of the Abyss” is a book of sociological essays by the American writer about the life of the lower strata of London population. He went to the ‘bottom’ of London in order to see and understand what brings longevity, guarantees physical and moral health; what shortens the human age, generates suffering, makes people unhappy. Finally, he saw people, understood everything and described it in his book in order to show poor men’s life difficulties to prosperous human society of the world.

Description and classification of the results

The approach given in the research is driven by a set of materials viewed as the main method of the study. It should be added, that at the contemporary stage of science development it is important to present the results of research, including foreign language. So, our work consisted of several stages. Firstly, we studied J. London's sociological texts "The People of the Abyss" in English and Russian. Secondly, we selected words (terms), phrases in both versions of the text referring to Geography and Biology. Thirdly, we classified the examples in the tables and diagrams with the calculation of the quantity and percentage ratios of vocabulary to define the most frequently used words. And fourthly, we identified the examples of metaphors and phraseological units from the original work and the translated version, and gave our explanations on each given unit.

The table 1 is structured according to the obtained data. It can be underlined that the main blocks are terms in such sciences as Geography and Biology. Examples of words were taken from English and Russian texts selected by continuous sampling. The English examples are highlighted in italics; the translations made by professionals are given in parentheses.

Table 1 – Classification of words from J. London's work "The People of the Abyss" in English and Russian

Words		Examples	Quantity	Ratio, %
1. Geographical		<i>East</i> (восточный); <i>East End</i> (восточная сторона); <i>London</i> (Лондон); <i>Sun</i> (Солнце); <i>Earth</i> (Земной шар); <i>Travelers</i> (путешественники); <i>Africa</i> (Африка); <i>Thibet</i> (Тибет); <i>Streets</i> (улицы); <i>Ludgate Circus</i> (Ладгейт-Серкус); <i>Cheapside</i> (Чипсайд); <i>routes</i> (маршруты); <i>Water</i> (вода); <i>American</i> (американец); <i>Wilderness</i> (пустыня); <i>City</i> (Сити); <i>Miles</i> (Мили); <i>City</i> (город); <i>Air</i> (воздух); <i>Way</i> (путь); <i>World</i> (мир); <i>Pavements</i> (мостовые); <i>Sea</i> (морская); <i>Stepney Station</i> (станция Степни); <i>Railroad station</i> (железнодорожная станция); <i>coal</i> (уголь); <i>Petticut Lane</i> (Петтикот Лейн); <i>The ends of the earth</i> (край света); <i>Highbury Vale</i> (Хайбери-Вейл); <i>North London</i> (Северная часть Лондона); <i>Day</i> (день); <i>Years</i> (годы); <i>Twenty-four hours</i> (сутки); <i>European traveler</i> (путешествующий по Европе); <i>State</i> (штаты); <i>English</i> (англичане).	36	69,23
2. Biological	2.1. Fauna	<i>Horse</i> (лошадь); <i>Flies</i> (мухи).	2	3,85
	2.2. Anatomy	<i>Eye</i> (глаза); <i>Hands</i> (руки); <i>Hand</i> (рука); <i>Head</i> (голова); <i>Cadaver</i> (труп); <i>Brows</i> (брови); <i>Shoulders</i> (плечи); <i>Leather</i> (кожа); <i>Fists</i> (кулаки); <i>Feet</i> (ступни); <i>Throat</i> (горло); <i>Elbows</i> (локти); <i>Palm</i> (ладонь); <i>Under my arm</i> (у меня под мышкой).	14	26,92
Total:			52	100

The diagram (figure1) was built based on the data in the table 1, obtained through the classification of words and phrases in English and in Russian. It can be concluded that the most used sector refers to geographical terms, less commonly used – biological (terms related to fauna). We think, that the author wanted to draw readers' attention to the description of the location of the main character's active life shown in the material of the fiction text.

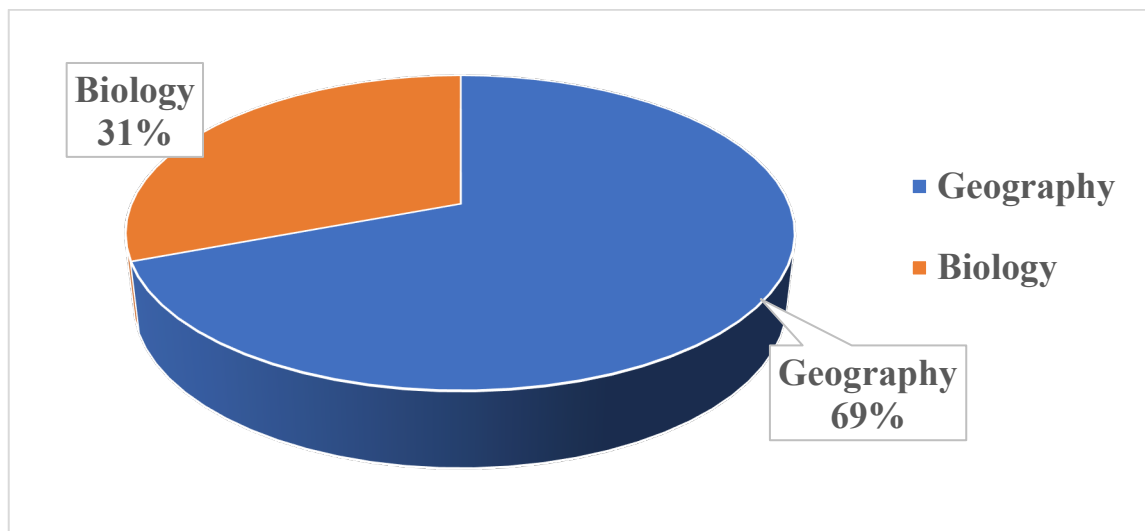

Figure 1 – Ratio of word examples

Interpretation of metaphors and phraseological units

The next step is the identification, classification and interpretation of the following metaphors and phraseological units. So, due to V. N. Yartseva's a *metaphor* is: "... the structure of speech consisting in the use of words, phrases or expressions in a figurative sense based on analogy, similarity or comparison..."; and *phraseological unit* is: "... semantically related combinations of words in a sentence that ... are reproduced in a speech in a fixed ratio of semantic structure and in a certain lexical and grammatical composition..." [5].

Thus, we will give a comment on each selected example. Phrases from the original English version of the work are highlighted in italics, translations made by professionals are given in parentheses, and then our explanations follow.

Metaphors:

- *Everybody said* (кричали все в один голос) – to speak loudly at the same time;
- *With disapprobation writ large upon their faces* (я читал решительное неодобрение на их лицах) – to see negative reaction;
- *Isn't worth tu'pence* (ни в грош ни ставят) – do not attach importance;
- *A stone's throw* (рукой подать) – very closely, nearby;
- *Looked me over* (оглядел меня с головы до ног) – fully examined;
- *Instantly* (в мгновение ока) – immediately;
- *Having burnt my ships behind me* (теперь мои корабли были сожжены) – to leave everything in the past (as a rule in Russian instead of 'ships' is used 'bridges' ('мосты')).

Phraseological units:

- *Innermost Thibet* (в самое сердце Тибета) – in the center of Thibet;
- *He said it so cold-bloodedly* (он сказал это так хладнокровно) – to say something without feeling;
- *Cool waters trickle ceaselessly* (журчит без умолку холодная вода) – the cold water flows without stopping;
- *Again, he hemmed and hawed* (но он всё же колебался) – was indecisive;
- *Human wilderness* (человеческие джунгли) – people's crowd;
- *At once* (да поживей) – to do quicker;
- *The streets were filled with a new and different race of people* (улицы были запружены людьми незнакомой мне породы) – there were many people of unknown nationality on the streets;
- *Little children clustered like flies* (ребятишки облепили, точно мухи) – children stood close together from all sides;
- *The fear of the crowd smote me* (толпа внушила мне страх) – the crowd was very noisy;
- *It was like the fear of the sea; and the miserable multitudes, street upon street, seemed so many waves of a vast and malodorous sea, lapping about me and threatening to well up and over me* (такой страх внушает морская стихия: сонмы бедняков на улицах представлялись мне волнами необъятного зловонного моря, грозящими нахлынуть и затопить меня) – in this example the author used the comparison technique to show the state of poor people at that time;
- *Looked very miserable* (вид у него был самый жалкий) – to look very unhappy;
- *He managed to articulate* (наконец выдал из себя) – he managed to formulate his point of view;
- *He was growing dubious of his fare* (его начинают одолевать сомнения насчет моей личности) – he's starting to trust me less;
- *It would be the last I'd see of you* (вас и след простынет) – disappear;
- *Paying heavily for my purchases* (содрать с меня втридорога) – to specify a price higher than the actual price;
- *Disabused him of the notion* (развёл его сомнения на мой счёт) – to trust;
- *Come, it's a go* (по рукам) – to agree on something;
- *To wax mutinous* (кипеть гневом) – to get very angry;
- *And not a step would he budge* (не тронулся с места) – do not move;
- *Been indeed unfortunate* (здорово не повезло) – to be very unlucky;
- *Moralised upon* (прочёл сам себе мораль) – to come to a personal conclusion;
- *As if made of wood* (словно выдолблены из дерева) – very solid;

— *I thumped down the stairs* (прогромычал по лестнице) – to come down the stairs loudly;

— *From dawn till dark* (с утра до ночи) – very long.

In the composition of some metaphors and phraseological units we found geographical (sea, waves, stone, water, dawn, Thibet (proper noun)) and biological (people, wood, flies) terms.

So, due to the above-mentioned examples the received results were put in the table 2 and the diagram (fig. 2).

Table 2 – General information on semantic relations in the text

Semantic relations	Quantity	Ratio, %
1. Metaphors	7	22,6
2. Phraseological units	24	77,4
Total:	31	100

The greater proportion of semantic relations refers to “Phraseological units” sector as it is seen on the illustrative material (table 2 and figure 2).

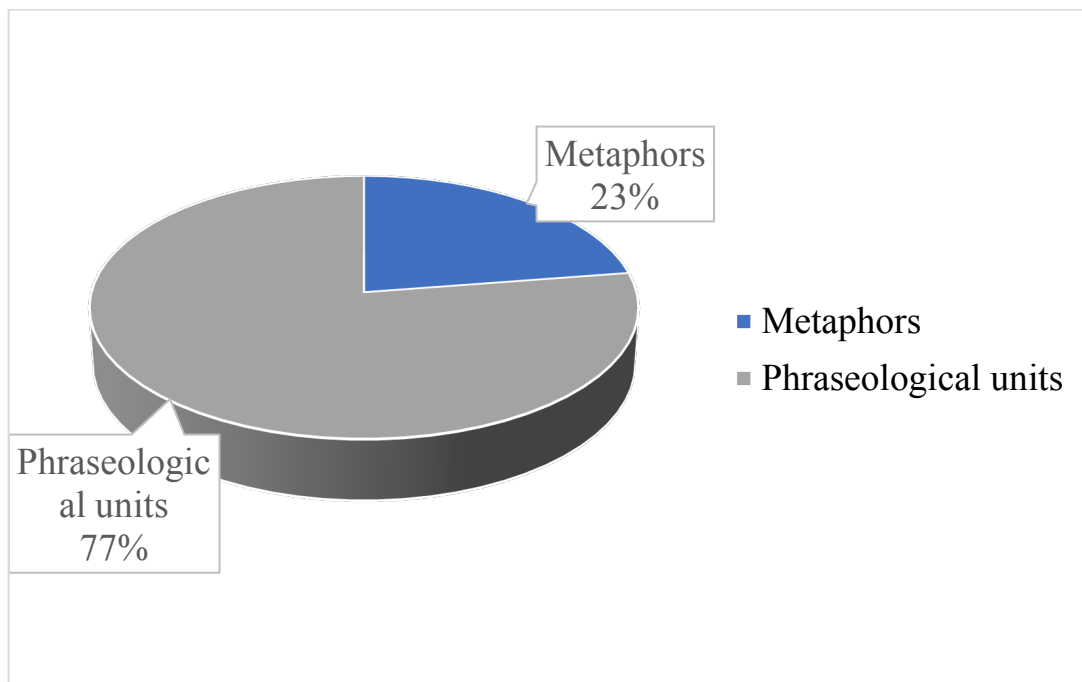

Figure 2 – Semantic relations ratio in the text

Analysis of results

The results of our study of Jack London’s original sociological text “The People of the Abyss” bring us nicely to our concluding note: in the context of this work, the translation of metaphors and phraseological units is considered as a complicated process based on the translators’ ability to immerse themselves in the content of another language and show the interaction of the author’s thoughts and ideas, as well as their understanding and transmission into their native language.

In the study of Jack London’s original text “The People of the Abyss” in English we highlighted metaphors, phraseological units, geographical and biological terms, and then the same units were selected in the text of Russian version. Having studied the use of metaphors and phraseological units in the work, we have an opinion that they are necessary elements for a figurative characters’ image creation, which leads readers to a deeper understanding of the author’s intention.

Conclusion

In almost every separate text it is possible to find words, terms, phrases from different science spheres. We suppose that it is an interesting process to reveal an author’s idea put in a story or to form one’s own opinion. Every time reading the same novel, story or fairy-tale one can find something new and important due to his life experience, level of education, nature and traditions. In conclusion it should be emphasized that despite the significant difficulties that arise in the process of studying and understanding of a text, the need to solve a number of problems is complicated and urgent. The search for effective and rational ways of interpreting the hidden and complicated meanings in a text requires detailing the lexical, grammatical and semantic units and specifying the complex of linguistic means used by an author in his work.

Thus, the received data can be useful in creation of didactic materials for practical classes in English and Russian, as well as in preparation of teaching complex books.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Авдеевна О. Ю. Перцептивно-семантические доминанты в художественном стилеобразовании / О. Ю. Авдеевна // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. – 2015. – Т. 15. – №4. – С. 45–52.
2. Коршунова Е. С. Особенности художественного перевода сложных эпитетов (на примере романа О. Уальда «Портрет Дориана Грея») / Е. С. Коршунова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. – 2018. – № 4(82). – Ч. 1. – С. 115–118.
3. Лондон Дж. Люди бездны [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.marxists.org/archive/london/abyss/ch01.htm> (дата обращения: 15.11.2020).
4. Лондон Дж. Люди бездны (перевод Г. П. Злобина и С. С. Иванько) [Электронный ресурс]. – URL: https://librebook.me/the_people_of_the_abyss (дата обращения: 15.11.2020).
5. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия. – 1998. – 685 с.
6. Лунькова Л. Н. Когнитивный аспект перевода метафоры на материале романа Дж. Барнса «Как все было» / Л. Н. Лунькова, М. С. Павлова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2018. – Т. 9. – №4. – С. 904–910. – doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-4-904-910
7. Makoshenets A. A. To the Question of Identification, Systematization and Analysis of Nouns (on Edgar Allan Poe's Short Story "The Gold Bug" in English and Russian) / A. A. Makoshenets, S. N. Semenova, O. V. Sergeeva // Тенденции развития науки и образования. Самара: НИЦ «Л-Журнал». – 2021. – №71. – Ч. 4. – С. 63–68. – doi: 10.18411/lj-03-2021-137.
8. Нифанова Т. С. Сопоставительное исследование метафорических высказываний, содержащих имя денотативного класса (на материале английского, французского и русского языков) / Т. С. Нифанова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. – 2018. – № 4(82). – Ч. 1. – С. 137–141.
9. Рябых Е. Б. Индивидуально-авторская метафорическая картина мира, отраженная в художественном тексте, и проблема понимания метафоры / Е. Б. Рябых // Когнитивные исследования языка. – 2017. – № 29. – С. 170–177.
10. Семенова С. Н. Композиционно-тематические блоки содержания жанра научно-популярной статьи, характеризующей предметную область «География» (на материале журнала "National Geographic") / С. Н. Семенова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2016. – № 2. – С. 56–61.

Список литературы на английском / References in English

1. Avdevnina O. Yu. Perceptivno-semantichekie dominanty v khudozhestvennom stileobrazovanii [Perceptual and semantic dominants in artistic style formation] / O. Yu. Avdevnina // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika [Saratov University Bulletin. New Episode. Series: Philology. Journalism]. – 2015. – 15 (4). – pp. 45–52. [in Russian]
2. Korshunova E. S. Osobennosti khudozhestvennogo perevoda slozhnykh epititov (na primere romana O. Ual'da "Portret Dorian Gray") [The peculiarities of the literary translation of the compound epithets (by the example of the novel "The Picture of Dorian Gray" by Oscar Wilde)] / E. S. Korshunova // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice]. Tambov: Gramota. – 2018. – № 4 (82). – V. 1. – P. 115–118. [in Russian]
3. London J. People of the Abyss [Electronic resource]. – URL: <https://www.marxists.org/archive/london/abyss/ch01.htm>. (accessed: 15.11.2020)
4. London J. People of the Abyss (translated by G.P. Zlobin and S.S. Ivanko) [Electronic resource]. – URL: https://librebook.me/the_people_of_the_abyss (accessed: 15.11.2020). [in Russian]
5. Yazykoznanie. Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar' [Linguistics. The Great Encyclopedia] / Ed. by V. N. Yartseva. 2nd ed. Moscow: Bolshaya Rossiyskaya enciklopediya. – 1998. – 685 p. [in Russian]
6. Lunkova L. N., Pavlova M. S. Kognitivnyi aspekt perevoda metafory na materiale romana Dzh. Barnsa "Kak vse bylo" [Cognitive aspect of English-Russian metaphor translation in Julian Barnes's Talking it over] / L. N. Lunkova, M. S. Pavlova // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics]. – 2018. – V. 9. – №4. – P. 904–910. – doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-4-904-910. [in Russian]
7. Makoshenets A. A. To the Question of Identification, Systematization and Analysis of Nouns (on Edgar Allan Poe's Short Story "The Gold Bug" in English and Russian) / A. A. Makoshenets, S. N. Semenova, O. V. Sergeeva // Тенденции развития науки и образования. Самара: НИЦ «Л-Журнал». – 2021. – №71. – Ч. 4. – С. 63–68. – doi: 10.18411/lj-03-2021-137.
8. Nifanova T. S. Sopostavitel'noe issledovanie metaforicheskikh vyskazyvaniy, sodержaschikh imya denotativnogo klassa (na materiale angliyskogo, frantsuzskogo i russkogo yazykov) [A comparative study of metaphorical statements containing the name of a denotative class (by the material of English, French and Russian Languages)] / T. S. Nifanova // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice]. Tambov: Gramota. – 2018. – № 4 (82). – V. 1, pp. 137–141. [in Russian]
9. Ryabykh E. B. Individual'no-avtorskaya metaforicheskaya kartina mira, otrazhennaya v khudozhestvennom tekste, i problema ponimaniya metafory [Individual author's metaphorical picture of the world, reflected in a literary text, and the problem of understanding metaphors] / E. B. Ryabykh // Kognitivnye issledovaniya yazyka [Cognitive Studies of Language]. – 2017. – №29. – P. 170–177. [in Russian]
10. Semenova S. N. Kompozitsionno-tematicheskie bloki sodержaniya zhanra nauchno-populyarnoy stat'i, kharakterizuyushey predmetnyuyu oblast' "Geografiya" (na materiale zhurnala "National Geographic") [Compositional-topical modules of content of scientific-popular genre, characterizing subject area "Geography" (on the material of "National Geographic")] // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics]. – 2016. – №2. – P. 56–61. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.26.2.26>**КОНВЕНЦИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА АНГЛОЯЗЫЧНОЙ НАУЧНОЙ СТАТЬИ ПО ЛИНГВИСТИКЕ**

Научная статья

Кузьменко П.Б. *

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

* Корреспондирующий автор (p.kuzmenko2012[at]yandex.ru)

Аннотация

В статье проводится анализ внешней структуры англоязычной статьи по лингвистике, созданной носителем языка. Автор рассматривает конвенционализированную структуру текста, опираясь на формально обособленные разделы текста статьи. Доказывается, что внешняя структура текста обусловлена, с одной стороны, редакционно-издательскими требованиями, а с другой – определенными конвенциями, регулирующими способы построения текста в определённой лингвокультуре. На материале статей различной дисциплинарной принадлежности устанавливается специфичность текстов англоязычных статей по лингвистике в части обозначения основных разделов текста.

Ключевые слова: структура статьи, раздел статьи, культурная специфика, научный текст, английский язык, конвенции.

ON THE CONVENTIONAL STRUCTURE OF AN ENGLISH-LANGUAGE RESEARCH ARTICLE ON LINGUISTICS

Research article

Kuzmenko P.B. *

Voronezh State University, Voronezh, Russia

* Corresponding author (p.kuzmenko2012[at]yandex.ru)

Abstract

The current article analyzes the external structure of an English-language research article on linguistics written by a native speaker. The author of the article examines the conventionalized structure of the text, relying on its formally separated sections. The study proves that the external structure of the text is determined, on the one hand, by editorial and publishing requirements, and, on the other hand, by certain conventions regulating the ways of constructing the text within a certain linguistic culture. Based on the material of articles in various disciplines, the study establishes the specificity of the English-language articles on linguistics in terms of the designation of the main sections of the text.

Keywords: article structure, article section, cultural specifics, research text, English, conventions.

Актуальность предпринятого исследования продиктована такими тенденциями в современной науке, как становление английского языка *lingua franca* международного общения, доминирование англоязычных форматов научного общения, а также необходимостью интеграции полученных результатов в международное научное сообщество посредством публикации статей на английском языке. В связи с этим особую важность приобретает не только знание английского языка, но и знание того, *как* следует описывать проведенное исследование: какую информацию необходимо помещать в статью, каким образом она должна быть организована, какие формально обособленные разделы в неё должны быть включены [1] и т.д. Названные феномены наряду с языковыми особенностями текстов составляют формат текста научной статьи, к которому зарубежные издатели предъявляют не меньшие требования, чем к качеству описываемого исследования в статье, предполагаемой к публикации.

Целью настоящей статьи является выявление специфических особенностей структуры англоязычных лингвистических статей, созданных носителями английского языка.

Для выяснения специфики структуры лингвистических статей, созданных носителями английского языка, необходимо решить следующие задачи: во-первых, выяснить, насколько структура аутентичных англоязычных лингвистических статей отличается от структуры англоязычных аутентичных статей другой дисциплинарной принадлежности (естественно-научной, философской и экономической), а во-вторых, установить отличия аутентичной лингвистической статьи, созданной в русскоязычном культурном пространстве.

Каждая задача включает в себя две более частные задачи: установление требований со стороны редакций журналов к принимаемым материалам и выяснение соответствия опубликованных статей заявленным требованиям в тех или иных журналах. Полагаем, что таким образом мы получим доступ к механизмам, регулирующим структурную организацию статей по лингвистике.

Постановка проблемы. Культурная специфичность научной коммуникации привлекает внимание учёных уже достаточно давно. По мнению ряда исследователей, в частности, Д. Уиддоусона, научная коммуникация в разных культурных пространствах обладает универсальными чертами, т.к. сама по себе исследовательская деятельность осуществляется в соответствии с установленным порядком, который, несомненно, во всех культурах один (постановка цели, отбор материала, проведение анализа, формулирование выводов) [2]. Противоположную точку зрения высказывают В.Е. Чернявская [3,4] Д. Гальтунг [5], П. Блументаль [6], М. Клайн [7], Д. Хаус [8], Р. Каплан [9], полагающие, что в каждой культуре существуют определенные особенности научных текстов, что, в свою очередь, отразилось в формировании когнитивных (интеллектуальных) стилей учёных, создающих собственные работы [5]. О любом тексте как о факте определённой культуры говорит и Е.С. Кубрякова, доказывая существование критерия культуральности текста [10].

В настоящей работе специфика внешней структуры англоязычной статьи по лингвистике устанавливается посредством сопоставления данных статей со статьями, созданными специалистами в области естественно-научного знания, а также со статьями, созданными специалистами в других областях гуманитарного знания – философии и экономики. Анализируемые статьи были созданы носителями английского языка и опубликованы в зарубежных издательствах (Sage Publications, OUP). Представляется, что анализ черт специфичности внешней структуры англоязычной статьи по лингвистике, созданной носителем английского языка, целесообразно осуществлять именно с помощью статей различной дисциплинарной принадлежности. Невключение статей другой дисциплинарной принадлежности привело бы к простой констатации свойств статьи, что не дало бы понять общее и различное в статьях. Для установления особенностей структуры этих статей необходимо рассмотреть научное «пространство», в котором эти статьи будут опубликованы. Наиболее надёжными данными, на наш взгляд, в этом случае являются требования журналов, в соответствии с которыми должны оформляться направляемые к публикации материалы.

Несмотря на множество дисциплин, существующих в науке, и многообразии подходов к исследовательскому материалу, в англоязычном научном общении существует понятие *IMRAD* (*Introduction, Methods, Results, and Discussion*), обозначающее основные этапы любого научного исследования, и соответственно, содержательную структуру описывающей это исследование научной статьи [11]. Эти структурно-содержательные элементы текста научной статьи устанавливаются в качестве обязательных разделов, принимаемых к публикации текстов, о чем авторы обычно информируются в требованиях к публикациям. Многие журналы ограничиваются этим списком разделов. Однако в рамках настоящего исследования было бы интересно проверить, насколько устойчивой в каждой дисциплине является модель *IMRAD*, в связи с чем мы обратились к требованиям журналов, а также изучили, насколько каждый журнал (и каждая опубликованная статья) соответствует этой модели.

Более детальное рассмотрение рекомендаций по созданию текстов такого формата в разных журналах позволило установить дополнительные разделы, которые авторы должны включать в текст. Мы обратились к 25 естественно-научным журналам и обобщили требования к созданию текстов научных статей (список изданий помещен в таблице 1). Так, были выявлены следующие самостоятельные разделы (структурно-содержательные элементы): *Data Description, Analyses, Potential Implications* и *Conclusions*. Таким образом, в естественно-научных публикациях набор содержательных элементов включает следующие разделы текста, эксплицитно обозначаемые следующими заголовками:

- *Introduction*
- *Data Description*
- *Methods*
- *Analyses*
- *Results*
- *Discussion/ Potential Implications*
- *Conclusions*

Для установления обязательных и факультативных элементов статьи необходимо выяснить, насколько часто тот или иной раздел реализуется в статье. Мы проанализировали 20 статей в каждом научном журнале, для которых выделили степень актуализации раздел (таблица 1).

Таблица 1 – Представленность разделов в статьях естественнонаучных журналов
(всего 20 статей в каждом журнале)

Журнал/ Раздел	Introduction	Data Description	Methods	Analyses	Results	Discussion/ Potential Implications	Conclusions
AOB Plants	20	20	20		20	20	20
Biology Methods and Protocols	20	12	20		20	19	20
Biohorizons	20	3	3		3	3	20
Current Zoology	20						20
DNA	20	17	17		17	20	19
Dynamics and Statistics of the Climate System	20					7	20
Environmental epigenetics	20	4	4	3			20
Public Health	20		14		13	12	9

Окончание таблицы 1 – Представленность разделов в статьях естественнонаучных журналов
(всего 20 статей в каждом журнале)

Журнал/ Раздел	Introduction	Data Description	Methods	Analyses	Results	Discussion/ Potential Implications	Conclusions
Food quality	20	6	18		14	15	20
Giga science	20	16	8	5		19	10
European Journal of Information Systems	20					17	20
Health System	20						18
Journal of Public Health Policy							
FEMS Microbiology Ecology	20	20	19	18	18	18	
Geophysical Journal International	20						
ICES Journal of Marine Science	20						20
Innovation in Aging	20		18		18	18	
The Journal of Biochemistry	20		20		19	19	
Journal of Medical Entomology	20		20		20	20	
International Mathematics Research Notices	20		20	19	19		20
Journal of Cybersecurity	20		3				20
Journal of Experimental Botany	20	3	20		18	19	
Journal of Integrable Systems	20		1				19
Journal of Computational Physics	20						19
CAAI Transactions on Intelligence Technology	20		19		20		19

Сопоставление требований различных естественно-научных журналов, предъявляемых к представляемым материалам, позволяет установить обязательные и факультативные элементы содержания. Так, сведения в таблице, представляющей результаты количественного подсчёта, позволяют установить, что обязательными разделами естественно-научных статей являются введение (выявлено у всех статей), методология исследования, результаты и выводы. Другими словами, авторы этих статей неуклонно следуют выставленным требованиям, в основе которых лежит конвенционализованная структура статьи IMRAD.

Перейдём к рассмотрению гуманитарных научных журналов. Исследовательский корпус был ограничен тремя дисциплинами гуманитарного знания, в который наряду с лингвистикой вошли философия и экономика (всего 24 издания, их наименования представлены в таблицах 2,3,4).

Анализ 20 журналов по философии показал отсутствие жёстких требований к материалам. Однако рассмотрение статей показало, что во всех текстах выделяются только два раздела – введение и заключение.

Таблица 2 – Количество эксплицитно выделенных разделов в англоязычных статьях по философии

Журнал/ Раздел	Introduction	Data Description	Methods	Analyses	Results	Discussion/ Potential Implications	Conclusions
Journal of Applied Philosophy	20						20
The British Journal for the Philosophy of Science	20						20
Journal of the History of Philosophy	20						20
Journal of Political Philosophy	20						20
Analytic Philosophy	20						20
Dialectica	20						20
European Journal of Philosophy	20						20
Journal of Social Philosophy	20						20

Типичные для текстов естественных статей содержательные элементы (методы, результаты, анализ) в философских текстах не обнаружены.

Рассмотрение 8 научных журналов по экономике также показало отсутствие требований к направляемым материалам. В каждом журнале мы проанализировали 20 статей по уже описанному алгоритму – всего было обработано 160 статей. Анализ выявил, что в текстах экономических статей наиболее устойчиво актуализируются только *Introduction* и *Conclusions* (по 100% соответственно). Структурно-содержательные элементы, выделяемые в естественно-научных статьях – *Methods*, *Results*, *Discussion*, – присутствуют в сравнительно малом количестве экономических статей. *Methods* и *Analysis* обнаруживаются в 12,5% статей обработанного корпуса, разделы *Results* и *Discussion* выделяются в 11,2% и 22,5 % статей соответственно.

В таблице 3 отражены наши наблюдения за структурно-содержательной организацией англоязычных экономических статей.

Таблица 3 – Количество эксплицитно выделенных разделов в англоязычных статьях по экономике

Журнал/ Элемент содержания	Introduction	Data Description	Methods	Analysis	Results	Discussion/ Potential Implications	Conclusions
Oxford Economic Papers	20		12		12	10	20
Economic Affairs	20					14	20
Economic Geography	20		5				20
Metroeconomica	20					12	20
Journal of Public Economic Theory	20						20
Economis Enquiry	20				3		20
Public Administration and Development	20		3	3	3		20
Disasters	20						20
Итого, %	100	0	12,5	12,5	11,5	22,5	100

Представляется, что эту особенность экономических статей, проявляющуюся в обособлении в ряде случаев некоторых элементов (*Methods*, *Results*) можно отчасти объяснить тем, что научные журналы не выдвигают строгих требований к формату экономических статей. С другой стороны, экономика как наука может быть теоретической и

прикладной, что отражается на содержании публикаций. В соответствии с этим статьи, описывающие прикладные исследования, в рамках которых разрабатываются какие-либо новые методики или изучаются какие-либо статистические данные, могут иметь в своей структуре такие структурно-содержательные элементы, как *Methods, Data Description, Results*. В свою очередь, в статьях, описывающих какие-либо фундаментальные, теоретические исследования, названные выше разделы могут отсутствовать.

Наконец, обратимся к лингвистическим статьям в целях выявления их структурно-содержательных особенностей. Корпус лингвистических статей составили следующие журналы (таблица 4). Обработав корпус объемом 160 статей, по 20 статей из каждого журнала, представим результаты в таблице 4:

Таблица 4 – Количество эксплицитно выделенных разделов в англоязычных статьях по экономике

Журнал/ элемент	Introduction	Data	Methods	Analyses	Results	Discussion	Conclusion
International Journal of Applied Linguistics	20	12	4			19	20
Journal of Language and Social Psychology	20		13		13	12	20
Applied Linguistics	20		13		12	12	20
Discourse and Society	20		10		12	9	
Lexicography	20		14		11	12	14
Discourse & Communication	20		12		13	14	14
Journal of Semantics	20		14			15	15
Language and Speech	20		16		12	9	18
Journal of English Linguistics	20		15			20	

В таблице приведены данные, показывающие, что структурно-содержательная организация лингвистических статей, в целом, сохраняет разделы, присущие текстам естественно-научных статей. Однако в некоторых журналах обнаружены отклонения от принятой структуры, заключающиеся во введении дополнительных содержательных элементов. Актуализированные содержательные элементы приведены в таблице 5 отдельно для каждого журнала (в скобках указано количество журналов):

Таблица 5 – Дополнительные структурно-содержательные элементы в англоязычных статьях по лингвистике

Журнал	Дополнительные структурно-содержательные элементы (с указанием количества статей из 20)
International Journal of Applied Linguistics	Theoretical Framework (3) Approaches to the Problem/Issue (1) Neighbouring Fields (1) Разделы, связанные с проблемной темой (20)
Journal of Language and Social Psychology	Literature Review (2) Разделы, связанные с проблемной темой (20)
Applied Linguistics	Разделы, связанные с проблемной темой (20)
Discourse and Society	Разделы, связанные с проблемной темой (20)
Lexicography	Aims (2) Разделы, связанные с проблемной темой (20)
Discourse & Communication	Разделы, связанные с проблемной темой (20)
Journal of Semantics	Разделы, связанные с проблемной темой (20)
Language and Speech	Preliminaries (1) Broader significance (2)
Journal of English Linguistics	Theoretical Background (3) Research Context (2)

Из данных, представленных в таблицах 4-5, следует, что структурно-содержательные элементы лингвистических статей могут быть облигаторными (введение, методы, результаты, обсуждение и вывод), а также факультативными (теоретическое обоснование исследования, смежные области, обзор источников, информация о значении результатов исследования в теоретическом и практическом плане). В связи с этим можно заключить, что обязательные разделы лингвистических статей являются системообразующими и жёстко организуют тексты такого типа.

Таким образом, рассмотрев требования к созданию англоязычных естественно-научных, философских и экономических статей, а также опубликованные в них отдельные статьи, мы сравнили их с англоязычными статьями по лингвистике и пришли к следующим выводам.

1) Несмотря на то, что формально разделы гуманитарной публикации не заданы издательствами и журналами, её структура тем не менее подчиняется *конвенционализированным* правилам создания таких текстов, которые обусловлены ожиданиями относительно структуры и содержания научных публикаций такого формата. Лингвистические статьи в большей степени соответствуют существующей модели IMRAD (более 50% проанализированных текстов), 93% экономических текстов реализуют модель IMRAD только частично, имея в себе лишь введение и заключение. 100 % текстов философских статей также ограничено следуют этой модели, имея в себе введение и заключение.

2) Сходство лингвистических и естественно-научных статей объясняется тем, что в современной лингвистике преобладают точные методы исследования языка и проникают подходы точных наук, что обуславливает использование структурно-содержательной организации как референтной рамки при построении статьи по лингвистике в англоязычном культурном пространстве.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Цурикова Л.В. Сопоставление содержательного наполнения англоязычных и русскоязычных статей по лингвистике / Л. В. Цурикова, П. Б. Кузьменко // Культура и текст. — Барнаул, 2020. — С. 144-158.
2. Widdowson H.G. Teaching English as Communication / Widdowson H.G. OUP, 1978. — 168 p.
3. Чернявская В.Е. Коммуникация в науке: нормативное и девиантное: лингвистический и социокультурный анализ: [монография] / В.Е. Чернявская. — М.: URSS: ЛИБРОКОМ, 2011. — 240 с.
4. Чернявская В.Е. Культурная маркированность текста: лингвистика текста в межкультурной проекции [Текст] / В.Е. Чернявская, С.С. Закарян // Филологические науки (Научные доклады высшей школы). — 2014. — № 2. — С. 10–16.
5. Galtung J. Structure, Culture and Intellectual Style. Social Science Formation / Galtung J. 1985. — P. 817–856.
6. Blumenthal P. Sprachvergleich Deutsch – Französisch / Blumenthal P. Tübingen: Niemeyer. Grimshaw, 1997. — 152 S.
7. Clyne M. Cultural differences in the organization of academic text / Clyne M. // Journal of pragmatics, — 1987 — № 11. — P. 211–247.
8. House J. Translation quality assessment: A model revisited / House J. Tübingen, Narr, 1997. — 202 p.
9. Kaplan R.B. Culture and the Written Language. Culture Bound. Bridging the Cultural Gap in Language Teaching / Kaplan R.B. — Cambridge: Cambridge University Press, 1998. — P. 8–19.
10. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Кубрякова Е.С. Рос. академия наук. Ин-т языкознания. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 560 с.
11. Mogull S.A. Scientific and Medical Communication: A Guide for Effective Practice / Mogull S.A. New York: Routledge, 2017. — 360 p.

Список литературы на английском / References in English

1. Czurikova L.V. Sopotavlenie soderzhatel'nogo napolneniya angloyazychnyh i russkoyazychnyh statej po lingvistike [Comparison of the content of English-language and Russian-language articles on linguistics] / L. V. Czurikova, P. B. Kuz'menko // Kultura i tekst. — Barnaul, 2020. — P. 144-158. [in Russian]
2. Widdowson H.G. Teaching English as Communication / Widdowson H.G. OUP, 1978. — 168 p.
3. CHernyavskaya V.E. Kommunikaciya v nauke: normativnoe i deviantnoe: lingvisticheskij i sociokul'turnyj analiz: [Communication in Science: Normative and Deviant: Linguistic and Sociocultural Analysis] [monograph] / V.E. CHernyavskaya. — M.: URSS: LIBROKOM, 2011. — 240 p. [in Russian]
4. CHernyavskaya V.E. Kul'turnaya markirovannost' teksta: lingvistika teksta v mezhkul'turnoj proekcii [Tekst] [Cultural Markedness of the Text: Linguistics of the Text in Intercultural Projection [Text]] / V.E. CHernyavskaya, S.S. Zakaryan // Filologicheskie nauki (Nauchnye doklady vysshej shkoly). — 2014. — № 2. — P. 10–16. [in Russian]
5. Galtung J. Structure, Culture and Intellectual Style. Social Science Formation / Galtung J. 1985. — P. 817–856.
6. Blumenthal P. Sprachvergleich Deutsch – Französisch [Language comparison German - French] / Blumenthal P. Tübingen: Niemeyer. Grimshaw, 1997. — 152 P. [in German]
7. Clyne M. Cultural differences in the organization of academic text / Clyne M. // Journal of pragmatics, — 1987 — № 11. — P. 211–247.
8. House J. Translation quality assessment: A model revisited / House J. Tübingen, Narr, 1997. — 202 p.
9. Kaplan R.B. Culture and the Written Language. Culture Bound. Bridging the Cultural Gap in Language Teaching / Kaplan R.B. — Cambridge: Cambridge University Press, 1998. — P. 8–19.
10. Kubryakova E.S. YAzyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: CHasti rechi s kognitivnoj točki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira [Language and Knowledge: Towards a Knowledge of Language: Parts of Speech from a Cognitive Perspective. The role of language in the knowledge of the world] / Kubryakova E.S. Ros. akademiya nauk. In-t yazykoznanija. — M.: YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2004. — 560 p. [in Russian]
11. Mogull S.A. Scientific and Medical Communication: A Guide for Effective Practice / Mogull S.A. New York: Routledge, 2017. — 360 p.

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.26.2.29>

АНАЛИЗ РУССКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В БУРЯТСКОМ ЯЗЫКЕ

Научная статья

Бальжинимаева Б.Д.¹*, Лувсандагва Ганчимэг²¹ Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, Улан-Удэ, Россия;² Монгольский государственный университет, Улан-Батор, Монголия

* Корреспондирующий автор (bairka2002[at]list.ru)

Аннотация

В истории любого языка происходит процесс пополнения словарного запаса. Основными причинами заимствования иноязычных элементов являются внешние, основанные на тесных политических, экономических, культурных связях и внутренних, которые сводятся к необходимости называть новые вещи, понятия. Ранние русизмы почти полностью адаптированы с полным соблюдением фонетической нормы языка-реципиента, новые заимствования практически полностью сохраняют звуковой образ исходного языка, вопреки фонетической норме языка заимствования. В статье дается характеристика заимствованной лексики, определяются тематические группы заимствований, приводятся примеры.

Ключевые слова: бурятский язык, лексика, языковые контакты, язык-реципиент, заимствования.

AN ANALYSIS OF RUSSIAN LOANWORDS IN THE BURYAT LANGUAGE

Research article

Balzhinimaeva B.D.¹*, Luvsandagva Ganchimeg²¹ Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia;² Mongolian State University, Ulaanbaatar, Mongolia

* Corresponding author (bairka2002[at]list.ru)

Abstract

There is a process of vocabulary replenishment that can be observed in the history of any language. The main reasons for borrowing foreign language elements are divided into external, which are based on close political, economic, and cultural ties, and internal, which are reduced to the need to provide names for new things and concepts. Early Russian loanwords are almost completely adapted with full compliance with the phonetic norms of the recipient language, new borrowings almost completely retain the sound qualities of the source language, contrary to the phonetic norm of the recipient language. The article describes the borrowed vocabulary, defines the thematic groups of loanwords, and provides examples.

Keywords: Buryat language, vocabulary, language contacts, language-recipient, borrowing.

Любой язык тесно связан с историей народа. Русско-бурятские языковые контакты имеют длительную историю, начиная с официального вхождения бурят в начале XVII в. в состав России. Территориальная близость и тесные культурно-экономические связи между русскими и бурятами сыграли решающую роль в исторических взаимоотношениях. Буряты обучали русских уходу за скотом в сибирских условиях, охотничьему промыслу, которым они занимались. Русские научили бурят хлебопашеству и огородничеству.

Вопрос о заимствованиях из русского языка давно уже начал привлекать внимание исследователей бурятского языка. Первым ученым, обратившим внимание на русские заимствования в бурятском языке, был А. Орлов. В своей «Грамматике монголо-бурятского разговорного языка» он отмечал, что «бурятами, особенно живущими вблизи русских городов и деревень, заимствовано много русских слов с произношением, приносившим к бурятскому языку: *архира* «архиерей», *уйлинсэ* «улица», *деребен* «деревня», *замая* «зимовье» и т.д.» [10, С. 15].

В работе А. Д. Руднева приводится перечень заимствованных из русского языка слов с их хори-бурятским произношением: *блоха* – *булутха*, *вилка* – *билхэ*, *голубь* – *гуланха*, *клоп* – *хултā*, *лепешка* – *лпдиха* и др.» [12, С. 37].

В статье А. Н. Боржоновой «К вопросу о взаимоотношении между бурятами и русскими (о влиянии русского языка на бурятский)» рассматриваются слова, заимствованные из русского языка в дореволюционный период [5, С. 17-30].

К проблеме влияния русского языка на развитие бурятского языка обращались многие исследователи, такие как: Т. А. Бертагаев [1935, 1948], Ц. Б. Цыдендамбаев [1959, 1978], К. М. Черемисов [1956], Д. А. Алексеев [1965], Л. Д. Шагдаров [1978, 1983], А. А. Дарбеева [1976], Д. Д. Санжина [2000] и др.

Работа У.-Ж. Ш. Дондукова представляет собой первую монографию, в которой сделана попытка всесторонне рассмотреть вопрос о бурятских лексических заимствованиях из русского языка [1974].

Типология процессов развития лексики бурятского и русского языков рассмотрена Базаровой В. В. [1995].

Диссертационное исследование Сономжамцын Бат-Эрдэнэ посвящено комплексному рассмотрению фонетического и морфологического освоения русских заимствованных слов в монгольских языках [2014].

Целью данной статьи является анализ и выявление лексических заимствований из русского языка. Задачи исследования: — определение основных этапов заимствования из русского языка; — рассмотреть общие тенденции развития русизмов; — рассмотреть преимущества, сферы употребления данной лексики.

В словаре лингвистических терминов О. С. Ахмановой дается такое определение заимствования: 1. Обращение к лексическому фонду других языков для выражения новых понятий, дальнейшей дифференциации уже имеющихся и обозначение неизвестных прежде предметов (нередко сами эти понятия и предметы становятся известными носителям данного языка лишь вследствие контактов с теми народами, из чьих языков заимствуются соответствующие слова). 2.

Слова, словообразовательные аффиксы и конструкции, вошедшие в данный язык в результате заимствования» [2, С. 150-151].

Термин «лексическое заимствование», пишет Л. П. Крысин, в языкознании России имеет как широкое, так и узкое толкование. В широком смысле – это все слова, взятые из какого-либо языка, что позволяет говорить о синонимичности данного термина термину «иноязычное слово». В узком смысле заимствование – это иноязычное слово, отвечающее критериям освоенности» [8, С. 23].

Таким образом, под русским заимствованным словом нами понимается слово, которое подверглось фонетическому, грамматическому и семантическому освоению и стало единицей лексики монгольских языков.

В процессе заимствования русизмов можно выделить два периода: дореволюционный, послереволюционный.

До Октябрьской революции русские слова проникали в бурятские говоры устным путем, поэтому адаптировались согласно фонетическим и морфологическим нормам бурятского языка.

Дореволюционный период характеризуется паритетным двуязычием. Как отмечал Ц. Б. Цыдендамбаев в своей статье «К взаимовлиянию русского и бурятского языков»: «Первый этап русско-бурятского контактирования условно назовем дореволюционным. Он характерен тем, что взаимовлияние русского и бурятского языков шло медленными темпами, обусловленными нерегулярностью связи носителей языков, значительной замкнутостью жизни русских в своих селах и бурят в своих улусах. Этому вполне соответствовало то, что из русского языка в разговорный бурятский, а также, наоборот, из бурятского языка в разговорный русский вошли почти одни словарные заимствования. В русских лексических заимствованиях в разговорном бурятском языке преобладают обиходно-бытовые и производственно-хозяйственные слова» [19, С. 51-52].

Заимствование этих слов вызвано заимствованием самих предметов, вещей и понятий, прежде отсутствовавших у бурят. У.-Ж. Ш. Дондуков пишет: «Жизненная необходимость этих слов, определяющаяся взаимодействием людей в процессе труда и освоения окружающей обстановки, устойчивость их в течение длительного времени, возможность от них образовать новые слова путем словопроизводства являются непосредственным доказательством того, что они прочно вошли в словарный состав бурятского языка» [7, С. 11].

Русские заимствования дореволюционного периода в бурятском языке можно разделить на 10 лексико-семантических групп:

1) заимствования, относящиеся к области земледелия. Буряты перенимая у русских методы ведения земледельческого хозяйства, позаимствовали соответствующие русские названия: *загуун* «загон», *мужа* «межа», *сүшэ эг/шүшээг* «сусек», *сүшылэ* «сушило», *бураздаа* «борозда», *ладуун/лодоон* «ток для молотбы хлеба», *паар* «пар», «пары», *паарлаха*, *паархахалха* «вспашка паров», *партаава* «потрава», *заалис* «залежь», *ижнийбэ* «жнива», *дистиинэ* «десятина», *голоомон* «солома», *залууг* «залог (пахотная земля)»; слова, обозначающие хлебные и другие растения: *хилээмэн* «хлеб», *шэнийсэ* «пшеница», *ешмээн* «ячмень», *ороохон* «рожь», *яарса* «ярица», *обёос* «овес», *гэр шүүхэ* «гречиха», *пааданха* «паданка», *зелёнхо* «зелёнка», *хоолос*, *хоолсо* «колос, колосья», *оожом* «озимь», *ороод* «о зимая рожь» и т.д. У.-Ж.Ш. Дондуков, ссылаясь на исторические сведения, пишет, что «проникновение русских слов «рожь», «пшеница», «гречиха», «овес», «ячмень», «конопля», «редька», «морковь», «репа», «капуста», «лук», и «чеснок» в бурятский язык можно датировать первой половиной XVIII» [7, С. 28].

Вместе с новой хозяйственной культурой буряты восприняли у русских орудия производства, более совершенные приемы ведения сельского хозяйства: *борной* «борона», *сээрнэ* «серп», *ольтообхо* «литовка, коса», *соха* «соха», *молтии* «молотило», *нүлүүг* «плуг», *молотишлхо* «молотилка». Секоношение среди бурят начало развиваться в XIX веке и были заимствованы слова *обин* «овин», *тээлниг* «тельник», *посхоодниг*, *посхоод* «поскотина, изгородь вокруг выгона», *ханааб* «канава для орошения сенокосного угодья» и т.д.

2) названия продуктов питания: *забарууха* «заваруха, кушанье из теста с водой и маслом», *шааньди* «шаньги», *сал амаад* «саламат», *лабшаа* «лапша», *хүрпээ* «крупа», *сахар* «сахар», *үстүүдин/үстүүжэн* «студень». С развитием земледелия в быт бурят начинают входить такие названия, как: *хартаабха* «картофель», *ханууста* «капуста», *үгэрсэ* «огу рцы», *морхообхо* «морковь», *лүүг* «лук», *шисноог* «чеснок», *эрээдхэ* «редька», *эрээбхэ* «репа», а также мучные изделия: *хилээмэн* «хлеб», *алаади* «оладья», *халааша* «калач», *хүбэрэг*, *хүбэриг* «коврига», *хүбэриг хилээмэ* «хлеб, коврига», *с ухаари* «сухарь», *сүүихэ* «сушки».

3) слова, обозначающие жилище: *сээниг* «сени», *амбаар* «амбар», *сарай* «сарай», *зэмьез* «зимовье», *теэлниг* «телятник», *онгоошхо* «окошко», *араама* «рама», *хэрэлсээ* «крыльцо», *потолоог* «потолок», *палааха* «плаха», *маатинса* «матица», *дарнииса* «драница», *хулууда* «колода», *пезиэн* «печь», *пильтаа* «плита», *забаалин* «завалинка», *оохолуб/оохол иб* «гребень крыши, конек».

4) слова, обозначающие домашнюю утварь, посуду, мебель: *харбаад* «кровать», *сүндүүг* «сундук», *уихааб* «шкаф», *остоол* «стол», *үстүүл* «стул», *биинэг* «веник», *бидруу* «ведро», *горшоог* «горшок», *бутылхэ* «бутылка», *блюдэ* «блюдо», *мэшээг* «мешок», *мылэ* «мыло», *бооихо* «бочка», *тахан* «стакан», *булюусэ* «блюдец», *самбаар* «самовар», *сээлинсэ* «сеяльница», *хабаашня* «квашня», *ухбаад* «кухват», *хульхаа* «клюка», *хорыто* «корыто», *подноос*, *боднос* «поднос», *шүгүүнхэ*, *шобуунха* «чугунный горшок», *лампа* «лампа», *замаг* «замок», *лоом* «лом», *шайниг* «чайник», *бороонхо* «воронка», *хаструул* «кастрюля». Названия домашней утвари, посуды и мебели составляют наиболее многочисленную группу.

5) названия одежды и обуви: *сарпаан* «сарафан», *дожбииг* «дождевик», *жэбхүүн* «зипун», *сабхи* «сапоги», *ишигэ* «ичиги», *пэнии* «пимы», *хураашиха* «фуражка», *шарабаара* «шаровары», *пулаад* «платок», *шаали* «шаль», *хартууз* «картуз», *пумаажан* «бумазея», *хаблуг* «каблук», *хоондорь* «кондырь».

6) названия средств передвижения, конской упряжи: *однохоол* «одноколка», *тарантаас тэргэ* «тарантас», *тарат айха* «таратайка», *ходоог тэргэ* «дрожки, четырехколесная телега», *побоосхо* «повозка», *боожо* «вожжи», *хомууд* «хомут», *шожоолхо* «седелка», *оглёобо* «оглобли», *хольсоо* «колесо», *сэртээниг* «чересседельник», *үстүүниисэ* «ступица».

», *сопоон* «супонь», *паар* «пары», *гүүжэ* «гужи», *хоозол* «козлы», *шобоорин* «шкворень», *туулхэ* «втулка», *шильяа* «шля», *дугааг* «дуга», *построонхо* «постромка».

7) слова, обозначающие торговлю, товары, деньги: *солхооб* «целковый», *шарбуунса* «червонец», *полтезиг* «полтинник», *хонеехэ* «копейка», *базар* «базар», *лаабха/алаабха* «лавка», *яармаг* «ярмарка», *сатиин* «сатин», *сохноо* «сукно». По мнению У.-Ж. Ш. Дондукова «слова, обозначающие торговлю, товары, деньги начинают проникать из русского языка в бурятский в начале XVIII века. Однако интенсивный приток подобных русских слов начинается со второй четверти XVIII века, когда Бурятия стала играть активную роль в торговле между Россией и Китаем через город Кяхту» [7, С. 35]. Г. Ринчинэ в работе «К проблеме бурят-монгольской терминологии» относительно проникновения русских торгово-промышленных терминов в бурятский язык пишет следующее: «Русский торговый капитал через своих агентов-мясопромышленников привил бурятскому языку следующие понятия и термины: *купеес* «купец», *торго обой* «торговец», *задаадха* «задаток», *араспишса* «расписка», *подпишса* «подписка», *хонтараагта* «контракт» и т.д. [11, С. 41].

8) понятия административного управления и суда: *янараал* «генерал», *пирхаашаг* «приказчик», *намиистниг* «наместник», *губирнаатур* «губернатор», *ханцалишири* «канцелярия», *приштэб* «пристав».

9) заимствования, связанные с христианской религией: *хэрээс*, *хэрээхэн* «крест», *пооб* «поп», *хэрээснэг* «крещенный», *сээрхэб* «церковь», *собоор* «собор», *арихирээ* «архиерей», *Ильезн үдэр* «Ильин день», *похрооб* «покров».

10) названия меры веса, времени: *пууд* «пуд», *хүүнтэ* «фунт», *арам* «аршин», *сүүдхэ* «сутки», *минут* «минута», *осьмууха* «осьмушка», *сажан* «сажень», *дооли* «доля», *биршоог* «вершок», *дистиинэ* «десятина».

В языке бурятских исторических памятников XVIII-XIX в. встречается немало русских административных терминов, связанных с государственным и социальным устройством: *цаари* «царь», *импишири* «империя», *импираатур* «император», *приказчик* «приказчик», *гулбаа* «голова рода, глава (должность)», *атаман* «атаман», *кинас* «князь», *оброг* «оброк», *доюмхи* «недоимки», *үеэздэ* «уезд», *боебоодо* «воевода», *острог* «острог», *хазнашээ* «казначей», *пишсар* «писарь», *дүүмэ* «дума», *хаатарчин* «каторжник»; термины, слова и обороты военного дела: *атаман* «атаман», *штаб* «штаб», *гинараал* «генерал», *рикруд* «рекрут», *прапорчиг* «прапорщик» и т.д.

В данный период звуковая форма русских слов полностью адаптировалась в соответствии с закономерностями бурятской фонологии и оценивается как достаточно продуктивный для бурятского языка, поскольку адаптированная лексика обогащала его, усиливала выразительные средства.

Займствованная русская лексика вышеперечисленными основными лексико-семантическими группами не исчерпываются, так как имеются слова, обозначающие действия и отвлеченные понятия, например: *нихлаадтаха* «быть

накладе», *угартаха* «угореть», *шүүд* «чуть», *үшөө* «еще», *оошор* «очередь», *жээрэб* «жребий», *сэн* «цена» и др.

Во второй период, который относится к советскому времени и продолжается по настоящее время, усилилось воздействие русского языка на бурятский, когда общественный подъем, начавшийся в России, отразился и на культурной жизни бурят. Русские заимствования охватывают очень широкий круг понятий и обогащают все пласты бурятского словаря.

Если ранние русизмы проникали в язык местного населения устным путем, то в послереволюционное время происходит активное воздействие русского литературного языка через печать, литературу, также радио, телевидение и заимствование данного периода сохраняют фонетический облик языка-источника.

В советскую эпоху в бурятский язык перешло так много слов, что не представляется возможным перечислить их. К таким относятся слова, охватывая общественно-политическую, сельскохозяйственную, научно-техническую и учебную терминологию, а также была широко заимствована терминологическая лексика, не поддающаяся удовлетворительному переводу: *материализм*, *идеализм*, *социализм*, *коммунизм*, *диктатура*, *биологи*, *зоологи*, *кибернетикэ*, *куб*, *молекула*, *этикэ*, *эстетикэ* и др.

В годы Великой Отечественной войны в бурятский язык вошло много русских слов, относящихся к военной тематике: *автомат*, *адмирал*, *атака*, *блиндаж*, *блокада*, *дивизи*.

Русские и иностранные заимствования во многих случаях употребляются параллельно с бурятскими терминами, например: *түсэб/план* «план», *заһабари/ремонт* «ремонт», *түрүүлэгшэ/председатель* «председатель», *наци/үндэнһэ яһатан* «нация», *событи/ушар хэрэг* «событие». В этот период ранее употреблявшиеся оригинальные общественно-политические и другие термины и слова часто без надобности систематически заменялись заимствованиями: *элидхэл* – доклад, *тоосоон* – отчет, *түсэб* – план, *мурысөөн* – соревнование, *байгуулалта* – строй, *түүхэ* – истории, *хуули* – закон.

Л. Д. Шагдаров пишет, что «в общенародном разговорном языке такие слова и термины, как *новатор*, *сверовицик*, *смена*, *букет*, *раздельная уборка*, *нападающий*, *защитник*, *удобрение*, *соревнование*, *осеменение*, *опытный участок*, *самоходный комбайн*, *шагающий экскаватор*, употребляются в заимствованном виде, тогда как в литературном языке они обычно переводятся: *шэнье* (или *шэнэюумэ*) *үүсхэшиэ*, *үрэмдэгшэ*, *халаан*, *баглаа сэсэг*, *амяарлан хурялга*, *добтологшо*, *хамгаалагша*, *үтэгжүүлэгэ*, *мурысөөн*, *үрэгжүүлэгэ*, *туриалгын участок*, *өөрөө ябадаг комбайн*, *алхалдаг экскаватор*» [17, С. 27].

В бурятском языке по русскому образцу возникло многочисленное калькирование, обогатившее бурятскую лексику. В кальках заимствованным является не само слово, а лишь его морфологическое строение. К калькам, созданным в дореволюционное время относятся такие, как: *тэмдэглэлэгэ* «отметка», *уялга* «обязательства», *захиралта* «предписание», *байгууламжа* «устройство», *хэблэлэгэ* «печатание», *хүргэлтэ* «донесение» и др. Кальки, созданные в советскую эпоху: *улаан булан* «красный уголок», *бурхангүйшүүл* «безбожники», *хабарай тарилга* «весенний сев», *хоохон хөөрөөн* «пустой разговор», *хүндүүлхэй асуудал* «больной вопрос», *хүйтэн дайн* «холодная война» и др. Калькируются не только фразеологические термины, но и целые выражения: *Долоо дахин хэмжээд, нэгэ дахин тайра* «Семь раз отмерь, один раз отрежь». *Долоон хүн нэгээ хүлээжэ байдаггүй* «Семеро одного не ждут».

Дондуков У.-Ж. Ш. выделяет два вида семантических калек: лексико-семантические и фразеолого-семантические. К лексико-семантическим калекам относятся: *барунайхин* «правые», *зүүнэйхин* «левые», *сагаантан* «белые», *улаантан* «красные», *холбоон* «союз», *шүүмжээлэл* «критика» и др. Фразеолого-семантические калекы: *дай үүдхэгшэ* «поджигатель войны», *буу зэбсэг хурялгалга* «разоружение», *ганса хүндэ хүгэдэн шүтэлгэ* «культ личности» и др. [8, С. 104].

Т. А. Бертагаев отмечает, что встречаются случаи калькирования грамматических и служебных слов, даже отдельных морфем: «Копируются также отдельные суффиксы-морфемы и в результате создается новое слово по образцу соответствующего русского. Можно сказать, в этих случаях мы имеем дело с фактами подлинной калекы: *хабтагайхан* – дощечка, *саһахан* – снежинки, снежные кристаллики» [4, С. 37].

Русский язык стал важным источником пополнения бурятской фразеологии, из которой заимствуются и по образцу которого создаются многие бурятские фразеологизмы: *Октябриин революци* «Октябрьская революция», *мүнгэнэй эрьесэ* «денежный оборот», *үбһэ хурялгалга* «сеноуборка», *ажалта үдэр* «трудодень». Как видно из примеров, в подавляющем большинстве случаев заимствуются фразеологизмы терминологического характера и являются одним из путей обозначения новых понятий, возникших в связи с изменениями в социальной действительности, развитием науки и техники. Большое место занимают фразеологические полукалекы: *оёдоллой машина* «швейная машина», *политическэ үзэл* «политический взгляд», *Совет засаг* «Советская власть» и др. До революции бурятская фразеология пополнялась и обогащалась главным образом за счет устного народного творчества.

Таким образом, русские заимствования составляют довольно значительный пласт в системе бурятского языка, они пронизывают все языковые ярусы. Больше всего заимствованных элементов в лексике как самой подвижной части языка. Жизненная необходимость этих слов и устойчивость в течение длительного времени, возможность образовывать от заимствований новые слова путем словопроизводства – все это является непосредственным доказательством того, что русские заимствования прочно вошли в лексический состав бурятского языка и являются основным путем пополнения терминологической системы. Процесс взаимодействия бурятского языка с русским языком продолжается, влияние русского языка значительное, и остается таковым и сейчас.

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ-МинОКН в рамках научного проекта № 19-512-44006.

Funding

Research completed with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research-Ministry of Education, Culture and Science in the framework of the research project No. 19-512-44006.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Алексеев Д.А. Обогащение словарного состава бурят-монгольского литературного языка за советский период / Алексеев Д.А. // Записки ВМНИИ. – Вып. 20. – Улан-Удэ, 1965.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / Ахманова О.С. - М., 1966. - С. 150-151.
3. Бертагаев Т.А. Заимствованные русские слова в бурятском языке / Бертагаев Т.А. // Записки БМ ГИЯЛИ. – Вып. 1. – Улан-Удэ, 1935.
4. Бертагаев Т.А. Влияние русского языка на развитие смысловой системы литературного бурятского языка / Бертагаев Т.А. // Сб. тр. по филологии. - Вып. 1. Улан-Удэ, 1948. - С. 31–77.
5. Боржонова А.Н. К вопросу о влиянии русского языка на бурятский / Боржонова А.Н. // Бурятоведческий сборник. - Иркутск, 1927. - Вып. 3–4. - С. 17–30.
6. Дарбеева А.А. Бурятско-русское двуязычие / Дарбеева А.А. // Развитие национально-русского двуязычия. М., 1976.
7. Дондуков У.-Ж. Ш. Влияние русского языка на развитие и обогащение лексического состава бурятского языка / Дондуков У.-Ж. Ш. - Улан-Удэ, 1974. - 100 с.
8. Дондуков У.-Ж.Ш. Калькирование в бурятском литературном языке / Дондуков У.-Ж.Ш. // Стилистика и лексикология бурятского языка. Улан-Удэ, 1972. – С. 99-106.
9. Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке / Крысин Л.П. - М., 1968. – 336 с.
10. Орлов А. Грамматика монголо-бурятского разговорного языка / Орлов А. - Казань, 1878. - 265 с.
11. Ринчинэ Г.К. проблеме бурят-монгольской терминологии / Ринчинэ Г.К. // Вестник Института культуры Бурят-Монгольской АССР. – Бургосиздат, 1931. - № 2-3. - С. 37–43.
12. Руднев А.Д. Хори-бурятский говор. Опыт исследования. Тексты, перевод и примечания / Руднев А.Д. В. I—III, Пг., 1913—1914. – 186 с.
13. Санжина Д.Д. Язык бурятской художественной литературы / Санжина Д.Д. – Улан-Удэ, 2000. – С. 157-158.
14. Сономжамцын Бат-Эрдэнэ. Фонетико-морфологическое освоение русизмов в монгольских языках. Дисс. на соискание ученой степени канд. фил. наук. – Москва, 2014. – 213 с.
15. Шагдаров Л.Д. О возрастании роли русского языка в развитии национально-русского двуязычия в Бурятии / Шагдаров Л.Д. // Исследования по бурятской филологии. - Улан-Удэ, 1978. - С. 3–10.
16. Шагдаров Л.Д. Развитие бурятского национального языка и двуязычия / Шагдаров Л.Д. // Культура Бурятии в условиях развитого социализма. - М.: Наука, 1983. - С. 191–211.
17. Шагдаров Л.Д. Формирование и развитие национального языка у бурят / Шагдаров Л.Д. // Исследования по истории монгольских языков: Сб. ст.- Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1993. - С. 11-37.

18. Цыдендамбаев Ц.Б. Влияние русского языка на развитие бурятского / Цыдендамбаев Ц.Б. // Тр. БКНИИ. - Улан-Удэ, 1959. - Вып. 1. - С. 100–111.
19. Цыдендамбаев Ц.Б. К взаимовлиянию русского и бурятского языков / Цыдендамбаев Ц.Б. // Взаимовлияние языков в Бурятии. - Улан-Удэ, 1978. - С. 49–54.
20. Черемисов К.М. О ранних заимствованиях в бурятском языке / Черемисов К.М. // Свет над Байкалом. – 1956. - № 4.

Список литературы на английском / References in English

1. Alekseev D.A. Obogashhenie slovarnogo sostava burjat-mongol'skogo literaturnogo jazyka za sovetskij period [Enriching the Vocabulary of the Buryat-Mongolian Literary Language for the Soviet Period] / D.A. Alekseev // Zapiski VMNIIK [Proceedings of All-Union Interdisciplinary Research Institute for the Protection of Metals from Corrosion]. – Vol. 20. – Ulan-Ude, 1965 [in Russian]
2. Akhmanova O.S. Slovar' lingvisticheskikh terminov [Dictionary of Linguistic Terms] / O.S. Akhmanova // M., 1966. - pp. 150-151 [in Russian]
3. Bertagaev T.A. Zaimstvovannye russkie slova v burjatskom jazyke [Borrowed Russian Words in the Buryat Language] / T.A. Bertagaev // Zapiski BM GIJaLI [Proceedings of Buryat-Mongol Institute of Language, Literature and History]. – Vol. 1. – Ulan-Ude, 1935 [in Russian]
4. Bertagaev T.A. Vlijanie russkogo jazyka na razvitie smyslovoj sistemy literaturnogo burjatskogo jazyka [The Influence of the Russian Language on the Development of the Semantic System of the Literary Buryat Language] / T.A. Bertagaev // Sb. tr. po filologii [Collection of Works on Philology]. - Vol. 1. Ulan-Ude, 1948. - pp. 31–77 [in Russian]
5. Borzhonova A.N. K voprosu o vlijanii russkogo jazyka na burjatskij [On the Question of the Influence of the Russian Language on Buryat] / A.N. Borzhonova // Burjatovedcheskij sbornik [Buryat Studies Collection]. - Irkutsk, 1927. - Vol. 3–4. - pp. 17–30 [in Russian]
6. Darbeeva A.A. Burjatsko-russkoe dvujazychie [Buryat-Russian Bilingualism] / A.A. Darbeeva // Razvitie nacional'no-russkogo dvujazychija [Development of National-Russian Bilingualism]. M., 1976 [in Russian]
7. Dondukov U.-Zh.Sh. Vlijanie russkogo jazyka na razvitie i obogashhenie leksicheskogo sostava burjatskogo jazyka [The Influence of the Russian Language on the Development and Enrichment of the Lexical Composition of the Buryat Language] / U.-Zh.Sh. Dondukov // Ulan-Ude, 1974. - p. 100 [in Russian]
8. Dondukov U.-Zh.Sh. Kal'kirovanie v burjatskom literaturnom jazyke [Calcification in the Buryat Literary Language] / U.-Zh.Sh. Dondukov // Stilistika i leksikologija burjatskogo jazyka [Stylistics and Lexicology of the Buryat Language]. Ulan-Ude, 1972. – pp. 99-106 [in Russian]
9. Krysin L.P. Inozazychnye slova v sovremennom russkom jazyke [Foreign Words in the Modern Russian Language] / L.P. Krysin // M., 1968. – p. 336 [in Russian]
10. Orlov A. Grammatika mongolo-burjatskogo razgovornogo jazyka [Grammar of the Mongol-Buryat Spoken Language] / A. Orlov // Kazan', 1878. - p. 265 [in Russian]
11. Rinchine G. K probleme burjat-mongol'skoj terminologii [On the Problem of Buryat-Mongolian Terminology] / G. Rinchine // Vestnik Instituta kul'tury Burjat-Mongol'skoj ASSR [Bulletin of Institute of Culture of Buryat-Mongol ASSR]. – Burgosizdat, 1931. - № 2-3. - pp. 37–43 [in Russian]
12. Rudnev A.D. Hori-burjatskij govor. Opyt issledovanija. Teksty, perevod i primechanija [Khori-Buryat Dialect. Research Experience. Texts, Translation and Notes] / Rudnev A.D. // V. I—III, Pg., 1913—1914. – p. 186 [in Russian]
13. Sanzhina D.D. Jazyk burjatskoj hudozhestvennoj literatury [The Language of Buryat Fiction] / D.D. Sanzhina // Ulan-Ude, 2000. – pp. 157-158 [in Russian]
14. Sonomzhamtsyn Bat-Erdene. Fonetiko-morfologicheskoe osvoenie rusizmov v mongol'skikh jazykah. Diss. na soiskanie uchenoj stepeni kand.fil.nauk. [Phonetic and Morphological Development of Rusisms in Mongolian Languages. Dissertation for the Degree of Candidate of Philology] – Moskva, 2014. – p. 213 [in Russian]
15. Shagdarov L.D. O vozrastanii roli russkogo jazyka v razvitanii nacional'no-russkogo dvujazychija v Burjatii [Russian Language in the Development of National-Russian Bilingualism in Buryatia] / L.D. Shagdarov // Issledovanija po burjatskoj filologii [Studies in Buryat Philology]. - Ulan-Ude, 1978. - pp. 3–10 [in Russian]
16. Shagdarov L.D. Razvitie burjatskogo nacional'nogo jazyka i dvujazychija [Development of the Buryat National Language and Bilingualism] / L.D. Shagdarov // Kul'tura Burjatii v uslovijah razvitogo socializma [Culture of Buryatia in the Conditions of Developed Socialism]. - M.: Nauka, 1983. - pp. 191–211 [in Russian]
17. Shagdarov L.D. Formirovanie i razvitie nacional'nogo jazyka u burjat [Formation and Development of the National Language among the Buryats] / L.D. Shagdarov // Issledovanija po istorii mongol'skikh jazykov: Sb. st. [Studies in the History of Mongolian Languages: Collected Articles] - Ulan-Ude: BNC SO RAN, 1993. - pp. 11-37 [in Russian]
18. Cydendambaev C.B. Vlijanie russkogo jazyka na razvitie burjatskogo [The Influence of the Russian Language on the Development of Buryat] / C.B. Cydendambaev // Tr. BKNII [Proceedings of Buryat Comprehensive Research Institute]. - Ulan-Ude, 1959. - Vol. 1. - pp. 100–111 [in Russian]
19. Cydendambaev C.B. K vzaimovlijaniju russkogo i burjatskogo jazykov [On the Mutual Influence of the Russian and Buryat Languages] / C.B. Cydendambaev // Vzaimovlijanie jazykov v Burjatii [Mutual Influence of Languages in Buryatia]. - Ulan-Ude, 1978. - pp. 49–54 [in Russian]
20. Cheremisov K.M. O rannih zaimstvovanijah v burjatskom jazyke [On Early Borrowings in the Buryat Language] / K.M. Cheremisov // Svet nad Bajkalom [Light Above Baikal]. – 1956. - № 4 [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.26.2.33>**БИЛИНГВИЗМ КАК ТИПИЧНОЕ ЯВЛЕНИЕ В ТОПОНИМИИ РУССКОГО СЕВЕРА**

Научная статья

Михайлова Л.В. *

Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия

* Корреспондирующий автор (larisa.mihailova[at]gmail.com)

Аннотация

В данной статье отражены результаты многолетнего исследования названий объектов Русского Севера, расположенных как на территории современной Республики Карелия: в районе Северо-Западного Приладожья, на островах Валаамского архипелага, в Карельском Поморье, так и на островах Соловецкого архипелага. Актуальность исследования связана с необходимостью восстановления исторически сложившихся пластов культурного ландшафта, содержащих такие элементы как топонимы. Целью работы является определение объектов с двойными названиями. К задачам исследования относятся: изучение объектов на местности, выявление топонимов из архивных и других источников. В статье исследованы двойные названия различных объектов: урбанонимы, гидронимы, ландшафтные топонимы. Результатом исследования является классификация названий объектов, их описание, составление карт и картотеки топонимов.

Ключевые слова: Валаам, Соловки, билингвизм, топоним, культурный ландшафт, финский, русский, карельский, язык, монастырь.

BILINGUALISM IS AS THE TYPICAL PHENOMENON IN TOPONYMY OF RUSSIAN NORTH

Research article

Mikhailova L.V. *

Petrozavodsk State University Petrozavodsk, Republic of Karelia, Russia

* Corresponding author (larisa.mihailova[at]gmail.com)

Abstract

This article reflects the results of long-term research of names of Russian North objects, located as on territory of modern Republic of Karelia: in the district of North-Western Priladozhye, on the islands of Valaam archipelago, in Karelian Pomorye, so on the Solovetsky archipelago islands. Research actuality is related to the necessity of renewal of the historically folded layers of cultural landscape, containing such elements as toponyms. The aim of work is determination of objects with double names. To the tasks researches behave: study of objects on locality, exposure of place-names from archival and other sources. In the article the double names of different objects are investigated: urbanonyms, hydronyms, landscape toponyms. A research result is classification of the names of objects, their description, drafting of maps and card index of toponyms.

Keywords: Valaam, Solovki, bilingualism, toponym, cultural landscape, Finnish, Russian, Karelian, language, monastery.

Introduction

Bilingualism, phenomenon characteristic for regions with a mixed composition of population, is widespread everywhere on territories of Karelia. Research of bilingualism was conducted on the territory of Republic of Karelia: in North-Western Priladozhye, including islands of Valaam archipelago, in Karelian Pomorye and also on the Solovetsky archipelago islands, entering in the formation of Russian North region.

As I.E. Abramova marks, when the degree of prevalence and use of the second language takes up the criterion of selection, then differentiate individual (when two languages are owned by individuals), collective or mass bilingualism (when two languages are owned by all people or its part), and also regional and national types of bilingualism [1, P. 15]. B.A. Bulgarova, M.A. Bragina, N.V. Novoselova, E.A. Zolotikh's study of contemporary achievements in the sphere of bilingualism deepens the understanding of such phenomena as diglossia and language interference. According to the authors, bilingualism (as a phenomenon) has a number of common and specific features depending on many social indexes [2, P. 391].

N.A. Sverdlova researches the formation of communicative competence in bilinguals in the process of acquiring professional knowledge. She paid particular attention to sociolinguistic competence, based on knowledge and understanding of the national-cultural features of communication. In her opinion, in addition to the knowledge of the language system, a person has to develop two of the main types of speech activities, namely productive and receptive skills. Thus, communicative competence is a prerequisite for communication in all areas of bilingual activity [17, P. 122]. O.V. Nagel, I.G. Temnikova discuss the conditions ensuring language system stability and defining the laws of language interactions. They consider that close economic and cultural connections of Russia with territorial neighbours during all history of its existence defined the terms of contact of Russian with other languages, that abandoned imprints in language of each of parties of cooperation [11, P. 214].

Research actuality is related to the necessity of renewal of the historically folded layers of cultural landscape, containing such elements as toponyms. The aim of work is the determination of objects with double names. To the tasks of the research behave: study of objects on locality, exposure of toponyms from archival and other sources. In the article the double names of different objects are investigated: urbanonyms, hydronyms, landscape toponyms, microtoponyms. The research result is classification of the names of objects, their description, drafting of maps and card index of toponyms.

Research methods

For determination of objects with the double names the methods of supervision, collection of information, linguistic analysis, comparison, classification, mapping are used. Basis of work is made by the field materials, archival and other sources.

Research results are reflected partly in scientific publications, monographs: “Valaam: City of the Earth – City of Heaven” [8], “The Transfiguration of the Russian North” [10] and in maps [7]. The map “Valaam = Valamo = Valaam” of publishing house “Petropress” [9] is included in the “Cartographic chronicle of Russian Federation” [4, P. 8]. It has binominal objects: on the Finnish and Russian languages.

Discussion

The basic population of modern Karelia, descendants of the Baltic-Finnish and Slavic tribes, talks on Russian, Karelian, Ves and Finnish languages. And it is the main reason of appearance here objects with the double names. So, for example: the name of republic “Republic of Karelia” has the second Finnish name “Karjalän Tašavalta” (see Figure 1.) [16].

Figure 1 – Double names of Republic of Karelia [16]

As a result of the research four basic groups of objects with the double name are determined by the authors: urbanonyms, hydronyms, landscape toponyms, microtoponyms.

Urbanonyms. To this group behave the names of a few biggest towns of Republic of Karelia. The capital of Republic of Karelia is Petrozavodsk. It is spread out along the bank of Lake Onega. The city was founded in 1703 by tsar Peter the Great. It is well-known now as Petrozavodsk (“Petr” it is Peter, “zavod” it is “work”) and it has the second Finnish name “Petroskoi” (see Figure 2).

Figure 2 – Map of Republic of Karelia in Finnish [18, P. 23]

Karelia was in the past an Olonets province. From the 17th century the town Olonets became the administrative center. It was originally a boundary fortress, then a large trade center with the Baltic-Finnish name: Aunus (Finnish name), Aunus (Karelian name).

There are a few versions which confirm the ancient origin of toponym Olonets. G. Kert, N. Mamontova consider that convincing is a hypothesis, which finds this word productive from Vepsen alanukse “low place, lowland”, through the chain of phonetic transitions: alanukse → alanus → aunus. The geographical location of Olonets testifies in behalf on this hypothesis [5, P. 71].

In our opinion, the name of city Olonets resulted from the name of the river Olonka, that is situated on its riverside. “Ala” means the “lower” both in the Karelian and in Finnish languages, “alanko” is in translation from Finnish “low ground”. Maybe, the name of the river Alankojoki (Finnish joki is the “river”) was primary, word for word it is “The low ground river”. At borrowing by Russian, the second part of the name “joki” (“river”) is not used, there are also phonetic changes of “a” in “o”: Alanko → Olanka → Olonka.

The center of North-Western Priladozhye is the town Sortavala. It was founded on the bank of gulf of Lake Ladoga. However, we can see in many sources the second name of the town Serdobol. M. Fasmer explains the origin of toponym Serdobol from an adjective tender-hearted [15, P. 605]. N.Ja. Ozeretskovsky wrote, that the town Serdobol is named in Finnish language as Sordavala [12, P. 74].

It is known that there are two types of writing of the second name of town Sortavala: Serdobol and Serdovol. In opinion of E.A. Levashov, passing of toponym Serdovol to Serdobol happened in XVIIth century, when North Priladozhye entered in the formation of Sweden. He marks that name Serdovola (Serdovol) is written in the Swedish certificate of XVIIth century as Sordevalla [6, P. 75].

In our opinion, names Sortavala, Serdobol have the Karelian origin. Both names were adapted by Russian and Swedish languages and acquired modern writing and sounding. If to suppose that originally a toponym had forms Šortuavaal (Karelian language), Sorduavaal (Karelian language), Sortuavaal (Finnish language), that change it took place as follows: Šortuavaal → Sortuavaal → Sortavala.

Maybe, Swedish adopted the Karelian toponym Sorduavaal as Serdovola: Sorduavaal → Sorduavala → Sordovola → Sordevalla → Serdovola. The Swedish toponym Serdovola was perceived, obviously, by Russian as Serdovol. In course of time the toponym Serdovol was substituted for Serdobol, the name is more clear for the Russian-language population of Priladozhye: Serdovola → Serdovol → Serdobol.

Hydronyms. This group includes water bodies: rivers, lakes with double names: Vodlozero (lake) – Vodlajärvi (Finnish language), Muezero (lake) – Mujejärvi (Finnish language), Kojtajoki (river) – Koitajoki (Finnish language), Suoyoki (river) – Suojoki (Finnish language). The largest reservoirs in Karelia are Lake Ladoga and Lake Onega.

Lake Ladoga is the largest freshwater lake in Europe, with an area of almost 18 thousand km² and a maximum depth of 233 m. It is known, that Ladoga is the name also of the river and the town. T.N. Jackson considers that first appeared ancient Finnish name Alode-jogi (joki) “lower river”, after a name of city Aldeigja, that was adopted by the Slavic population and regenerated through metathesis of ald → lad in into the ancient Russian Ladoga [3, PP. 77–79].

Our research has shown that the first may be a Karelian name of the lake Aaltokas (Karelian language aalto “wave”; aaltokas “wavy”). This name could be borrowed by the Slavic population as Laatokas. So Laatokas → Latokas → Latoka → Ladoka → Ladoga (metathesis aalt → laati). Thus at first, in our opinion, was the name of the lake, then names of the river and the town.

The hydronym Ladoga is also adapted by the Karelian language as Luadogu (cf. Ladoga → Ladogu → Luadogu). On Finnish maps of the 19th-20th centuries the lake is called Laatokka (see Figure 2). The appearance of hydronyms: Alda, Aldagas, Aldoga in the XIII century apparently connected with the beginning of the Swedish expansion on the Karelian Isthmus and in the Northern Priladozhye (Karelian language Aaltokas → Aldagas → Alda; Russian Ladoga → Aldoga). In various sources, Lake Ladoga is also called Nevo. So, in the “Tale of Ancient Rus” of the XII century, it is written that along Lovoti you can enter Ilmen, from the same lake the Volkhov flows out and flows into the Great Nevo Lake [13, P. 25].

Lake Onega is the second largest (after Lake Ladoga) interior body of water in Europe. The area of its surface is approximately 10 thousand km². The second name of the lake is Finnish Ääninen. As G. Kert and N. Mamontova note, the name may have come from the Baltic-Finnish änine “big, significant” [5, P. 74].

Landscape toponyms. To this group belong toponyms with the double names, characterizing the geographical objects of Russian North: mountains, rocks, capes, bays, islands, and other. For example: Onezhsky (cape) has the Finnish name Äänisniemi (Finnish niemi “cape”), Bear (mountain) – Finnish name Karhumäki (Finnish karhu “bear”, mäki “mountain”) (see Figure 2).

If we look at the map of Valaam (see Figure 3), we will see that many objects located on the islands of Valaam archipelago, have the names both on Russian and on Finnish languages: Blacksmith's (islands) – Sepänsaaret (Finnish seppä “blacksmith”, saari “island”), White-fish (island) – Siikasaari (Finnish siika “white-fish”, saari “island”), Turnip (bay) – (Finnish nauris “turnip”, lahti “bay”), Peter (cape) – Petrovskinniemi (Finnish Petr “Peter”, niemi “cape”), Deer (cape) – Poronniemi (Finnish poro “deer”, niemi “cape”).

Figure 3 – Map of Valaam with double names in Russian and Finnish languages [9]

On the map of the Solovki archipelago we see that some objects have the double names in Russian language: Deep – Long (lip), Island – Loon (lake), Lopskije – Lobskije (lakes) and other (see Figure 4).

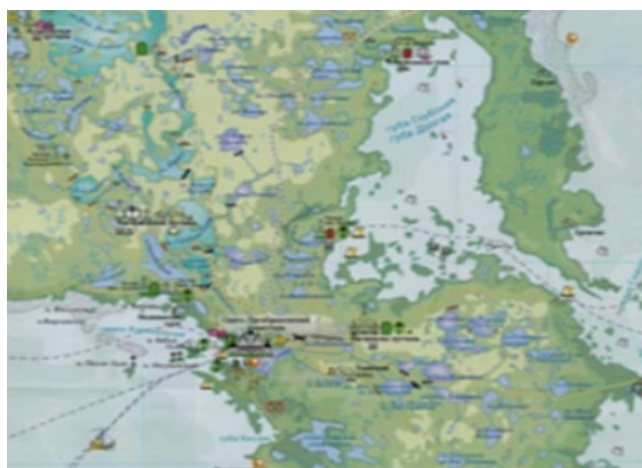

Figure 4 – Map of the Solovki archipelago with double names in Russian language [14]

Microtoponyms. The modern names that the locals give to the objects of certain district are included in this group. They contain typical for an object description: size, soil, color: Small Isainskoje – Small Peat (lake), Large Isainskoje – Large Peat (lake) (Large Solovki island) (see Figure 4). The local population of Valaam even now names Resurrection skete, Gethsemane skete, All Saints skete in color: Red, Yellow, White (see Figure 5, 6).

Figure 5 – Valaam monastery. Gethsemane skete (Yellow). XXI century

Figure 6 – Valaam monastery. All Saints skete (White). XXI century

Conclusion

Research of bilingualism on the basis of study of toponyms showed that this phenomenon is widespread in different districts of Russian North and is met both in the names of cities, lakes and rivers and in the names of different geographical objects that can be united in the group of landscape toponyms.

Microtoponyms are mostly the second name of object, because created by the local population for more comfortable use, they characterize a size, color and other properties of object, therefore easier memorized and simpler for communication. They are sometimes a riddle for an outsider and little secret is well-known only to the locals, therefore, uniting them.

The double names of objects confirm the fact of the protracted existence of Baltic-Finnish and Russian cultures in the region of Russian North and, on the example of adaptation of the names, their cooperation and interaction.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Абрамова И.Е. Овладение произносительной нормой иностранного языка вне естественной языковой среды: монография / Абрамова И.Е. – М.: ФЛИНТА, 2012. – 222 с.
2. Булгарова Б.А. Теоретико-методологические основы классификации и типологизации билингвизма / Булгарова Б.А., Брагина М.А. и др. // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2017. Т. 14. № 3. – С. 384–392. DOI 10.22363/23128011-2017-14-3-384-392.
3. Джаксон Т.Н. Альдейгьюборг: археология и топонимика / Джаксон Т.Н. // Памятники средневековой культуры: Открытия и версии. – СПб., 1994. – С. 77–79.
4. Картографическая летопись. Государственный библиографический указатель Российской Федерации. – М.: Российская книжная палата, 1992. – 24 с.
5. Керт Г. М. Загадки карельской топонимики. Рассказ о географических названиях Карелии / Керт Г. М., Мамонтова Н. Н. – Петрозаводск: Карелия, 2007. – 120 с.
6. Левашов Е.А. Сортавала (Материалы к этимологии топонима) / Левашов Е.А. // Прибалтийско-финское языкознание. – Петрозаводск. 1988. – С. 66–77.
7. Михайлова, Л. В. Валаам в географических названиях. Топонимическая карта / Михайлова, Л. В. – Петрозаводск: ООО «Издательство «Острова», 2012.
8. Михайлова Л. В. Валаам: Град Земной – Град Небесный: монография / Михайлова Л. В. – Петрозаводск: Издательство КГПА, 2013. – 180 с.
9. Михайлова Л. В. Валаам = Valamo = Valaam: [буклет с картой острова] / Михайлова Л. В. – Петрозаводск: Петропресс, 1992.
10. Михайлова Л. В. Преображение Русского Севера: монография / Михайлова Л. В. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. – 112 с.
11. Нагель О.В. Интерферентное влияние татарского языка в речевых практиках татарско-русских билингвов / Нагель О.В., Темников И.Г. // Международный исторический журнал Русин. Лингвистика и язык. 2019. Том 56. – С. 213–225. DOI: 10.17223/18572685/56/13.
12. Озерцовский Н.Я. Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому / Озерцовский Н.Я. – Петрозаводск: Карелия, 1989. – 207 с.
13. Повести Древней Руси. – М.: «Художественная литература», 1986. 447 с.
14. Соловецкий монастырь. Карта. – М.: Роскартография, 2008.
15. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Фасмер М. – М.: Азбука-Терра, 1996. Т. 3. – 832 с.
16. Karjalan tašavalta [Электронный ресурс] – URL: <http://heninen.net/karjalantasavalta/suomeksi.htm> (дата обращения: 10. 03. 2020).

17. Sverdlova N.A. Sociolinguistic competence of Russian-Chinese bilinguals: features of the formation (on the example of the figure of seech etiquette “Greeting”) / Sverdlova N.A., Piao M. // Russian Linguistic Bulletin. 2020. 2 (22). – P. 122–125. DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2020.22.2.37>.

18. Varis E. Karjalan Tasavalta tänään. – Joensuu: Joensuun yliopisto. 1993. – 50 s.

Список литературы на английском / References in English

1. Abramova I.E. Ovladenie proiznositelnoy normoy inostrannogo yazyika vne estestvennoy yazyikovoy sredy: monografiya [Capture by the pronounce norm of foreign language out of natural language environment: monograph] / Abramova I.E. – Moscow, FLINTA, 2012. 222 p. [in Russian]

2. Bulgarova B.A. Teoretiko-metodologicheskie osnovy klassifikatsii i tipologizatsii bilingvizma [Theoretical-methodological bases of classification and typology bilingualism] / Bulgarova B.A., Bragina M.A. et al. // Vestnik RUDN. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyiki i spetsialnost [RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices]. – 2017. 14 (3), – pp. 384–392. DOI 10.22363/23128011-2017-14-3-384-392 [in Russian].

3. Dzhakson T.N. Aldegyuborg: arheologiya i toponimika [Aldegyuborg: archaeology and toponymy] / Dzhakson T.N. // Pamyatniki srednevekovoy kultury: Otkryitiya i versii [Monuments of medieval culture : Opening and versions] / Dzhakson T.N. – Sankt-Peterburg, Art-Kontakt, 1994. – pp. 77–79 [in Russian]

4. Kartograficheskaya letopis. Gosudarstvennyy bibliograficheskyy ukazatel Rossiyskoy Federatsii [Cartographic chronicle. State bibliographic pointer of Russian Federation]. – Moscow, Russian book chamber, 1992. – 24 p. [in Russian].

5. Kert G. M. Zagadki karelskoy toponimiki. Rasskaz o geograficheskikh nazvaniyakh Karelii [Riddles of Karelia toponymy. Recital of place-names Karelia] / Kert G. M., Mamontova N. N. – Petrozavodsk, Karelia, 2007. – 120 p. [in Russian].

6. Levashov E.A. Sortavala (Materialyi k etimologii toponima) [Sortavala (Materials to etymology of toponym)] // Pribaltiysko-finskoe yazyikoznanie [Baltic-Finnish linguistics] / Levashov E.A. – Petrozavodsk, RAN, 1988. – P. 66–77. [in Russian]

7. Mihaylova L.V. Valaam v geograficheskikh nazvaniyakh. Toponimicheskaya karta [Valaam in geographical names. Toponym's map]. Mihajlova L. V. – Petrozavodsk, LTD. publishing "House "Islands", 2012 [in Russian].

8. Mihaylova L.V. Valaam: Grad Zemnoy – Grad Nebesnyy: monografiya [Valaam: City of the Earth – City of Heaven: monograph] / Mihaylova L. V. – Petrozavodsk, KSPA Publishing House, 2013. – 180 p. [in Russian].

9. Mihaylova L.V. Valaam = Valamo = Valaam: [buklet s kartoy ostrova] [Valaam = Valamo = Valaam: [booklet with a map of the island]] / Mihaylova L. V. – Petrozavodsk, Petropress, 1992 [in Russian].

10. Mihaylova L.V. Preobrazhenie Russkogo Severa: monografiya [The Transfiguration of the Russian North: monograph] / Mihajlova L.V. – Petrozavodsk, PetrGU, 215. – p. 112 [in Russian].

11. Nagel O.V. Interferentnoe vliyanie tatarskogo yazyika v rechevyykh praktikakh tatarsko-russkikh bilingvov [The Tatar language transfer in the speech of Tatar-Russian bilinguals] / Nagel O.V., Temnikov I.G. // Mezhdunarodnyy istoricheskiy zhurnal Rusin. Lingvistika i yazyik [International Historical Journal RUSIN. Linguistic and Language] – 2019, 56, – pp. 213–225. DOI: 10.17223/18572685/56/13 [in Russian]

12. Ozeretskovskiy N.Ya. Puteshestvie po ozeram Ladozhskomu i Onezhskomu [Trip on Lake Ladoga and Lake Onega] / Ozeretskovskiy N.Ya. – Petrozavodsk, Karelia, 1989. – 207 p. [in Russian]

13. Povesti Drevney Rusi [Tale of Ancient Rus] – Moscow, Hudozhestvennaya literatura, 1986. – 447 p. [in Russian]

14. Solovetskiy monastyr. Karta [Solovki monastery. Map] – Moscow, Roskartografiya, 2008 [in Russian]

15. Fasmer M. Etimologicheskyy slovar russkogo yazyika [The Etymologic dictionary of Russian] – Fasmer M. – Moscow, Azbuka-Terra, 1996. Vol. 3. 832 p. [in Russian]

16. Respublika Kareliya [Electronic resource] [Republic of Karelia [Electronic resource] – URL: <http://heninen.net/karjalantasavalta/suomeksi.htm> (accessed: 10. 03. 2020) [in Finnish].

17. Sverdlova N.A. Sociolinguistic competence of Russian-Chinese bilinguals: features of the formation (on the example of the figure of seech etiquette “Greeting”) / Sverdlova N.A., Piao M. // Russian Linguistic Bulletin. 2020. 2 (22). P. 122–125. DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2020.22.2.37>

18. Varis E. Karjalan Tasavalta tänään [Republic of Karelia today]. – Varis E. – Joensuu, Joensuun yliopisto. 1993. – 50 p. [in Finnish].

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.26.2.32>**ОСОБЕННОСТИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА. ПЕРЕВОД НЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННЫХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ**

Научная статья

Семашко Н.В. *

Тихоокеанский государственный университет, Педагогический институт, Хабаровск, Россия

* Корреспондирующий автор (malin487[at]mail.ru)

Аннотация

В статье рассматривается специфика перевода на русский язык неологизмов китайского языка, функционирующих в современных публицистических текстах. В работе применялись следующие методы исследования: наблюдение, методы компонентного анализа и лингвистического описания.

В статье дано краткое описание процесса неологизации, описаны особенности понятия «неологизм» и особенности, связанные с его переводом на русский язык, проведен анализ статей современной китайской прессы, выявлены основные типы неологизмов, характерных для публицистики и способы их образования, рассмотрены трудности перевода неологизмов и проанализирован их перевод на русский язык (на материале газеты «Женьминь жибао»).

Ключевые слова: китайский язык, неологизм, специфика перевода, публицистический дискурс, лингвистика, лексика, способы, анализ.

ASPECTS OF THE JOURNALISTIC DISCOURSE IN THE CHINESE LANGUAGE. TRANSLATION OF NEOLOGISMS IN MODERN JOURNALISTIC TEXTS

Research article

Semashko N.V. *

Pacific State University, Pedagogical Institute, Khabarovsk, Russia

* Corresponding author (malin487[at]mail.ru)

Abstract

The article deals with the specifics of translating Chinese neologisms into Russian that can be found in modern journalistic texts. The study uses the following research methods: observation, methods of component analysis and linguistic description.

The author briefly describes the process of neologization, the aspects of the concept of "neologism" as well as the features associated with their translation into Russian; the author also analyzes the articles of the modern Chinese press, identifies the main types of neologisms characteristic of journalism and the ways of their formation, considers the difficulties of translating neologisms and analyzes their translation into Russian (based on "The People's Daily").

Keywords: Chinese language, neologism, translation specifics, journalistic discourse, linguistics, vocabulary, methods, analysis.

Введение

Слово «публицистический» образовано от латинского слова *publicus*, что означает «общественный, государственный». Важное отличие публицистического слова заключается в том, что в рамках газетно-публицистического стиля оно приобретает оценочный характер. Предметом публицистики является жизнь в обществе, политика, экономика и это касается интересов каждого человека. Публицистика призвана вмешиваться в жизнь, формировать общественное мнение. Поэтому целью публицистического стиля является передача значимой информации с одновременным воздействием на читателя, в некоторых случаях убеждение его в чем-либо, внушение каких-либо идей, побуждение к определенным поступкам и действиям.

Газетные и журнальные статьи являются достоверными источниками информации о новых языковых явлениях, новой лексике, сокращениях, неологизмах. Поэтому изучение прессы – неотъемлемое условие для развития навыков перевода публицистических текстов.

Важной особенностью публицистического стиля современного китайского языка можно считать то, что он является одним из наиболее открытых для проникновения элементов других стилей. По мнению Н.И.Клушиной, «он открыт для элементов научного и делового стилей, в нем находят применение разговорные способы выражения и нередко используются художественные средства» [6, С. 41].

Хотя с момента начала проведения политики реформ и открытости язык современной китайской прессы и стал более демократичным, он тем не менее сохраняет свои консервативные черты. Китайская газетная лексика очень неоднородна и включает в себя большое количество книжных слов, различной терминологии, а также использует разговорную и порой просторечную лексику, как правило, для определенных стилистических целей. Современные исследователи обычно называют некоторые разряды слов, которые являются характерными для газеты, например: общественно-политическая терминология, специальная газетная лексика (интервью, репортаж, информация и т.п.), а также большое количество заимствований и неологизмов.

Неологизмы создаются для понятий политического, научного общеупотребительного характера, образуются по действующим в языке словообразовательным моделям и законам или заимствованы из других языков. Создание новых слов – отражение потребностей общества в выражении новых понятий, которые постоянно возникают в результате развития науки, техники, культуры, общественных отношений и т.д.

Большое количество новых лексических единиц обусловлено постоянным развитием различных аспектов жизни общества. Основным источником пополнения словарного запаса является образование лексических единиц на базе родного языка путем использования различных способов словообразования. Правильный перевод неологизмов является довольно сложной проблемой и для наилучшего результата переводчику следует использовать алгоритмы и действовать согласно каждому конкретному случаю.

Газетные и журнальные статьи относятся к жанровым разновидностям публицистического стиля. Выявленные в публицистическом стиле неологизмы отвечают требованиям современного языка. Следует отметить некоторые особенности неологизмов в публицистическом стиле:

— употребление неологизмов, входящих в состав специальной лексики, требующей пояснений и иногда развернутых комментариев, становится необходимым из-за широкой тематики публицистики.

— употребление неологизмов из нейтральной, общестилевой лексики, в которой особую роль играет политическая, экономическая и в целом концептуальная лексика, обусловлено функцией сообщения

— публицистика преобразует, трансформирует неологизмы из разных сфер языка, придавая им оценочное звучание.

Для качественного и количественного анализа использования неологизмов в современной публицистической литературе была выбрана газета «人民日报» (Renmin Ribao, «Жэньминь жибао»), дословно переводимая как «Народная газета» — китайская ежедневная газета, выходящая на нескольких языках и являющаяся официальным печатным изданием ЦК КПК.

Принципом выборки послужило стремление проанализировать свежие выпуски газеты с целью обнаружения новых слов, возможно, тех, что еще не зафиксированы в словарях.

В данной работе к неологизмам относятся слова и выражения, возникшие в китайском языке за последние 25 лет, то есть в период осуществления курса «реформ и открытости», а также слова, которые уже существовали ранее, но в настоящее время приобрели новое значение и широко употребляются в лексике.

Для анализа перевода неологизмов был применен алгоритм их перевода. В отдельных случаях решающую роль играл контекст, в других — знания о способах словообразования в китайском языке. Последнее было особенно актуально, так как позволило убедиться, что новые слова возникают, как правило, на базе уже существующих в языке слов и морфем. Анализ этих элементов может оказать переводчику серьезную помощь в понимании значения неологизма.

Основными методами образования выявленных в материале газеты неологизмов являются:

1) Метод морфемной контракции — выпадение из многоморфемного слова или словосочетания тех или иных значимых компонентов (морфем) [7, С. 25]:

Например:

— 返乡 fan xiang образовано от 返回家乡 fanhui jiaxiang «возвращаться в родные края, вернуться». В данном случае применим функциональный перевод.

Например:

— 破例 po li образовано от 突破常例 tu po chang li дословно «преодолеть общепринятый порядок» — здесь «преодоление». При переводе применялся метод конкретизации.

Например:

— 小额贷款 xiao e dai kuan 较小的数额贷款 jiao xiao de shu e dai kuan «сравнительно небольшая сумма денег» — здесь «кредит».

При переводе применен метод генерализации.

2) Словосложение:

Например:

— 习得专长 xi de zhuan chang — квалифицированный, дословно «овладеть специализацией, приобрести знания»

— 第四媒体 di si mei ti — Интернет, Всемирная сеть (дословно «четвертое медийное средство»)

В данном случае использовался метод конкретизации.

3) Заимствования:

— Фонетические: 微信 weixin Вичат, Вэйсинь (китайский мессенджер)

— 密克罗尼西亚联邦 mi ke luo ni xi ya lian bang Федеративные штаты Микронезии.

При переводе фонетических заимствований был использован метод транскрибирования.

— Семантико-фонетические:

— 沙文主义 sha wen zhu yi (沙文 sha wen — фонозапись+ 住义 zhu yi — доктрина) — шовинизм

— Буквенные заимствования:

— DPI — сокращение от Department of Public information — департамент общественной информации (ДОИ) ООН

Относительно сфер употребления неологизмов, проанализированных в современной публицистике, можно выделить следующие группы как основные:

— компьютерные термины

Например: QQ- китайский сервис обмена мгновенными сообщениями, 微博 weibo — микроблог

— описание новейших социальных явлений

Например: 自由译者 zi you yi zhe — фриланс, 城归 cheng gui — городские мигранты.

— экономические термины

Например: 全球化 quanqiuhua — глобализация, 贷款 daikuan — кредит.

В ходе анализа статей китайской публицистики встретилось несколько неологизмов, не входящих в состав словарей. Рассмотрим некоторые из них.

1) 城归 chenggui – городские мигранты. Также созвучно с 成鬼 chenggui, что переводится как «становиться духом» или «покидать мир живых». Городские мигранты – новое понятие китайского общества, определенный слой людей, квалифицированных рабочих, переезжающих из города в свои родные края с целью организации собственного дела.

Например: 刚刚结束的全国两会上, “城归”成为不少代表委员关注的现象。什么是“城归”? 近年来, 不少在城市积累了资金, 习得专长的农民工, 开始逆向流动, 返乡创业—这类人, 被媒体称为“成鬼”

На недавно завершившемся Всекитайском собрании народных представителей и Китайского народного политического консультативного совета особое внимание было уделено феномену «городских мигрантов». Кто такие городские мигранты? В последние годы немало квалифицированных рабочих-мигрантов из деревни, накопивших в городе средства, начинают возвращаться обратно в свои родные края с целью стартапа – эта категория людей средствами массовой информации названа «городские мигранты».

Перевод осуществлялся методом конкретизации, так как ни одно из словарных соответствий не подходило к данному контексту.

2) 习得专长 xi de zhuan chang — квалифицированный, дословно «овладеть специальностью, приобрести знания». Относим данное выражение к неологизмам по денотативному признаку как выражающее новые реалии. При переводе использовался прием генерализации значения.

Например:

«...习得专长的农民工, 开始逆向流动, 返乡创业—这类人, 被媒体称为“成鬼».

3) 行稳致远 xingwen zhi yuan – перспективы (в плане перспективного сотрудничества). Неологизм образован методом словосложения: дословно 行 – входить, идти+稳 wen- стабильный +致远 zhi yuan- удаленное место/даль. В данном случае был использован метод генерализации значения, основанный на контексте, «двигаться по направлению к стабильному месту» à «стабильная даль» = перспектива.

Например:

亚洲命运共同体建设行稳致远.....

Азиатское общество с единой судьбой создает перспективы для развития мира....

Таким образом, проанализировав статьи современной китайской прессы, удалось выявить основные типы неологизмов, характерные публицистике, и способы их образования.

В процессе работы было выявлено 122 неологизма, большинство из них представлены трех- и четырехсложными словами. По способам образования наиболее часто применялась морфемная контракция и заимствования. По типам заимствований анализ выявил наибольшее количество фонетических и буквенных заимствований. В процессе перевода были применены различные переводческие трансформации, основные из которых конкретизация, генерализация, описательный перевод и транскрибирование.

Заключение

Тесное взаимодействие китайского общества с международными организациями и компаниями породило в Китае необходимость говорить на иностранных языках, что привело к появлению в китайском языке большого количества неологизмов.

Исторически сформированная тенденция к отстраненности и закрытости китайского языка ясно прослеживается в способах образования новых слов, поэтому пополнение словарного запаса идет в основном путем использования разных способов словообразования на базе родного языка. Подавляющее число неологизмов – производные слова.

Основными сложностями при анализе неологизмов, употребляемых в современной публицистике, оказались новые языковые явления, авторская речь, перевод специализированной лексики.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Борисова О.С. О природе фонетико-семантического заимствования в китайском языке./ О.С.Борисова // Общетеоретические и типологические проблемы языкознания. – Бийск, 2007. – с.3-10.
2. Буров О.С. Китайско-русский словарь новых слов и выражений / В.Г. Буров// – М.: Восточная книга. – 2007. – 736 с.
3. Ван Цзюньси. Словарь неологизмов китайского языка / Ван Цзюньси. – Шанхай: Сю-элинь. – 2011.- 266 с.
4. Земская Е.А. Словообразование как деятельность / Е.А. Земская // – М. – 1972. – 245 с.
5. Кан Ш. Словарь неологизмов современного китайского языка / Ш.Кан // – Шанхай: Шанхайское издательство словарей.- 2009.- 429 с.
6. Клушина Н.И. Стилистика публицистического текста / Н.И. Клушина // – М.- 200 с.
7. Кленин И.Д. Лексикология и фразеология китайского языка: монография / И.Д.Кленин, В.Ф.Щичко // – М.: ВИИЯ, 1978. – 191 с.
8. Котелова Н.З. Неологизмы / Н. З. Котелова // – М.: Большая рос.энцикл. – 2002.- 709 с.
9. Курбанова Н.А. Лексические черты публицистического стиля / Курбанова Н.А. // Молодой ученый. – 2014. - №12. – с. 924-926.
10. Ли Сяндун. Языковые различия и их отражение в лексической семантике китайского и русского языков / Ли Сяндун // Вопросы филологии.- М.,2003 - №2(14). – с 30-34.

11. Семенов А.Л. Особенности лексических заимствований в китайском языке / Семенов А.Л. // Вопросы языкознания .- 1997.- №1.- с.48-57

Список литературы на английском / References in English

1. Borisova O. S. O prirode fonetiko-semanticheskogo zaimstvovaniya v kitajjskom jazyke [On the nature of phonetic-semantic borrowing in the Chinese language] / O. S. Borisova // Obshhetheoreticheskie i tipologicheskie problemy jazykoznanija [General theoretical and typological problems of linguistics]. - Biysk, 2007, pp. 3-10 [in Russian]
2. Burov O. S. Kitajjsko-russkij slovar' novykh slov i vyrazhenij [Chinese-Russian dictionary of new words and expressions] / O. S. Burov // – Moscow: Vostochnaya kniga. - 2007. - 736 p. [in Russian]
3. Wang Junxi. Slovar' neologizmov kitajjskogo jazyka [Dictionary of Neologisms of the Chinese language]. – Shanghai: Xiu-elin. - 2011. - 266 p. [in Russian]
4. Zemskaya E. A. Slovoobrazovanie kak dejatel'nost' [Word Formation as an Activity] / E. A. Zemskaya // – M.-1972 – 245 p. [in Russian]
5. Kang Sh. Slovar' neologizmov sovremennogo kitajjskogo jazyka [Dictionary of Neologisms of the modern Chinese language] / Sh. Kang // – Shanghai: Shanghai Dictionary Publishing House.- 2009. - 429 p. [in Russian]
6. Klushina N. I. Stilistika publicisticheskogo teksta [Stylistics of a Journalistic Text] / N. I. Klushina // – M. - 200 p. [in Russian]
7. Klenin I. D. Leksikologija i frazeologija kitajjskogo jazyka: monografija [Lexicology and Phraseology of the Chinese Language: A Monograph] / I. D. Klenin, V. F. Shchichko // – Moscow: VIIYa, 1978 – 191 p. [in Russian]
8. Kotelova N. Z. Neologizmy [Neologisms] / N. Z. Kotelova // – M.: Bolshaya rus. encikl. - 2002. - 709 p. [in Russian]
9. Kurbanova N. A. Leksicheskie cherty publicisticheskogo stilja [Lexical Features of the Journalistic Style] / N. A. Kurbanova // Molodoy uchyonyi [Young scientist]. - 2014. - No. 12, pp. 924-926 [in Russian]
10. Li Xiangdong. Jazykovye razlichija i ikh otrazhenie v leksicheskoyj semantike kitajjskogo i russkogo jazykov [Language differences and their reflection in the lexical semantics of Chinese and Russian languages] / Li Xiangdong., 2003 - №2(14). – pp. 30-34 [in Russian]
11. Semenas A. L. Osobennosti leksicheskikh zaimstvovaniij v kitajjskom jazyke [Features of lexical borrowings in the Chinese language] / A. L. Semenas // Voprosy yazykoznanija [Issues of Linguistics] .- 1997. - No. 1, pp. 48-57 [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.26.2.5>**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ КОННОТАЦИИ, ВЫРАЖЕННОЙ РУССКИМ СЛОВОМ «СЕМЬЯ» И КИТАЙСКИМ СЛОВОМ «ДОМ»**

Научная статья

Нурутдинова А.Р.^{1*}, Сабаетва Э.К.², Панфилова Е.В.³, Чжэн Ч.⁴, Чжэн М.Ф.⁵¹ ORCID: 0000-0001-5759-0820;^{1, 4, 5} Казанский (Приволжский) Федеральный Университет, Казань, Россия;² Альметьевский государственный нефтяной институт, Альметьевск, Россия;³ АНО ДПО «Международный» Академический Центр Образования», Казань, Россия

* Корреспондирующий автор (airnurutdinova[at]kpfu.ru)

Аннотация

Коммуникация между носителями разных культур возможна при условии понимания национально обусловленных особенностей иностранного языка, в том числе тех языковых единиц, которые определяют культурный код. Язык служит в качестве уникального мира между человеком и природой, однако из-за различий в языке, языковая картина мира каждой нации отличается. Именно лингвистическая и культурная теории объясняют взаимосвязь языка и языковой картины мира. В условиях глобализации обмен между различными этническими группами постепенно углублялся, а формирование межкультурной коммуникации приобретало всё большую важность. В научной статье исследуются общие черты и различия между русскими и китайскими национально-культурными концепциями «семья» с точки зрения лингвокультурологического анализа. В данной работе также рассматривается концепт «семья» как ключевой концепт в русской и китайской лингвокультурах, определяется сходство и расхождения, обусловленные национально-культурной спецификой данного концепта.

Ключевые слова: лингвокультурологический анализ, китайский язык, национальная особенность, региональный компонент, сравнительная концепция, семантика, сходства и различия.

A COMPARATIVE LINGUISTIC AND CULTUROLOGICAL ANALYSIS OF NATIONAL AND CULTURAL CONNOTATION REFLECTED IN THE RUSSIAN WORD**“FAMILY 家” AND THE CHINESE WORD “HOUSE 家”**

Research article

Nurutdinova A.R.^{1*}, Sabaeva E.K.², Panfilova E.V.³, Zheng Z.⁴, Zheng M.F.⁵¹ ORCID: 0000-0001-5759-0820;^{1, 4, 5} Kazan Federal University, Kazan, Russia;² Almeteyevsk State Petroleum Institute, Almeteyevsk Russia;³ ANCO CPE «International» Academic Centre for Language and Development», Kazan, Russia

* Corresponding author (airnurutdinova[at]kpfu.ru)

Abstract

Communication between speakers of different cultures is possible provided that the nationally determined characteristics of a foreign language are understood, including those linguistic units that determine the cultural code of a given culture. Language is a unique world between man and nature, but due to differences, the linguistic world of each nation is different. Linguistic and cultural theories explain the relationship between language and culture. In the context of globalization, exchanges between different ethnic groups have gradually deepened and intercultural communication has gained importance. The aim of the research is to explore the common features and differences between Russian and Chinese national cultural concepts «family» from the point of view of linguistic and culturological analysis. In this work, the concept of «family» is considered as a key concept in Russian and Chinese linguistics. The study defines the similarity and discrepancies, which are determined by the national cultural specificity of this concept.

Keywords: linguocultural analysis, Chinese language, Russian Language, national identity, regional components, comparative concepts, semantics, similarities and differences.

Введение

Взаимосвязь между языком и культурой — это тема междисциплинарных исследований, охватывающая широкий круг вопросов, включая не только макроанализ взаимоотношений между языком и культурой, но также конкретные введения в языковые и культурные характеристики, такие как культурная психология, обычаи и литературные произведения разных народов, а также различные социальные функции. Характер осмысления соотношения языка и культуры зависит от многих факторов, в том числе и от экстралингвистических, и от экстранаучных, как духовная и материальная культура общества.

Теория лингвистической картины мира рассматривает каждый язык как способ восприятия и познания мира, с помощью которого можно концептуализировать и выразить реальный мир, формируя, таким образом, единую концептуальную систему для познания мира наций. Основываясь на принципе теории антропоморфизма, люди, культура и мир объединяются в единое целое с помощью языка, и через призму языка реализуется универсальная троичность: человек, культура, мир. Язык — символ отражения определенной культуры и мост между людьми и культурой.

Представитель лингвокультурологических исследований Ю. С. Степанов назвал национально-культурные коннотации «культурной конденсацией в человеческом сознании», которая представляет собой культуру проникающую в человеческий разум, и «всеобъемлющую совокупность знаний, понятий, ассоциаций и чувств» (Степанов 2000: 43). Китайско-русские исследования привлекли большое внимание, главным образом потому, что они не только раскрывают глубокое понимание и чувства в языковом тексте, но также отражают национальный дух. «Использование языковых символов показывает эмоциональные ассоциации и поведение конкретного языка, культуры людей и идеи, которые воспринимаются как микропредставления культуры. Тогда как, культура — это макропредставление идей» [37]. Необходимо одновременное изучение идей и культуры, что способствует эффективному изучению национального сознания. Таким образом, данная статья играет определенную роль в содействии глубокому пониманию культурной коннотации двух национальностей посредством национальных концепций. С точки зрения изучающих язык более глубокое понимание национальной культурной коннотации может быть лучше при изучении текстовых материалов, таких как литературные произведения.

Понятие «семья» является важной частью концептуального мира. Хотя семья является самой маленькой единицей, она дает людям первое представление о мире. Семья играет важную роль в формировании представления о людях. Каждый год 15 мая отмечается праздник «Международный день семьи». Россия также провозгласила 2008 год «годом семьи», а в 2015 году Китай также провозгласил «всеобъемлющую политику двух детей». Все это свидетельствует о том, что россияне, китайцы и весь мир придают большое значение семье, а также отражают разноплановые семейные концепции, поэтому изучение национально-культурной коннотации «семья» в русской и китайской культурах имеет определенную социальную ценность. Результаты исследования в этой области заложили основу для более глубокого исследования национально-культурной коннотации «семья» в русской и китайской культурах.

Цель научной статьи — выяснить, есть ли причины сходства и различия в национально-культурной коннотации между русским и китайским народами, для чего следует провести сравнительно-сопоставительный анализ понятий «семья/дом». С теоретической точки зрения изучается семантическое сравнение русского слова «семья» и китайского слова «家», анализируются «семья» и «家» с точки зрения языка и культуры, а также национально-культурная коннотация слова «дом».

Предметом научной статьи является актуальная проблема взаимодействия культур в современном мире, выявление русских и китайских языковых реалий, отражающих представление о семье.

Данная научная статья является сравнительно-сопоставительным исследованием полиэтнических концепций, результаты которого расширят знания изучающих язык и улучшают понимание этнических культур. Посредством концептуального сравнения двух этнических групп, а именно от анализа единой этнической лексики до сравнительного исследования многоэтнической культурной коннотации, исследование языка и культуры русских и китайских этнических групп может быть изменено с одностороннего к двустороннему. С практической точки зрения результаты сравнительного исследования национально-культурной коннотации могут быть применены во многих сферах.

Научная статья уделяет большое внимание национально-культурной коннотации, которая раскрывается через глубокое понимание и чувства языкового текста и отражает национальный дух. Именно использование языковых символов показывает оценку и эмоции конкретного языкового и культурного сообщества [37], ассоциации и поведение людей.

Теоретическая значимость заключается в возможности расширения уже имеющихся представлений об особенностях национально-культурной коннотации.

Практическая значимость состоит в возможности использования результатов исследования в практике преподавания русского языка как иностранного, а также курсах по лингвокультурологии.

Сравнительно-сопоставительный анализ словарных единиц

В данной научной статье мы рассматриваем внутренний мир человека через его родной язык, слово, в котором отображаются мировоззренческие установки и основные представления человека, нормы его поведения. Языковая картина мира как совокупность особенностей национального языка фиксирует уникальный общественный и исторический опыт, который мы рассматриваем единство сознания.

Методология исследования языковой культуры «изучение взаимосвязи между языком и культурой» требует не только исследования макротейоретических методов, но и микроуровня, систематического описания культурных явлений в мире, т.е. специфические языковые единицы [12]. Поэтому на микроуровне в данной статье используется семантическое сравнение русского слова «семья» и китайского «家» в разных языковых единицах, а на макроуровне применяется метод анализа концептов (с использованием лингвистического представления идей как средств). Лексическая семантика или текстовая семантика идей анализируются для объяснения семантических различий в использовании слов или текстов [7]. Самая большая разница между языковой культурой и языковыми национальными условиями заключается в том, что метод исследования изменяется от описания к интерпретации.

«Лингвокультурная интерпретация языка берет текст как базовую единицу, начиная с диалогового анализа текста, указывая на конечную цель понимания и интерпретации смысла, тем самым достигая единства онтологии, эпистемологии и методологии лингвистики. Культурологические исследования основаны на лингвистической природе человеческого познания, понимания и деятельности по интерпретации» [35]. Метод интерпретации меняет исследование языка от простого понимания языковых явлений к глубокому анализу культуры, отражаемой языковыми явлениями, включая политику, религию, историю, общество и т. д. Статья объясняет языковые феномены с точки зрения культуры, объясняет причины сходства и различий в русской и китайской концепции «семья», а также тесно интегрирует язык и культуру. Таким образом, с помощью описательного метода (анализ языкового феномена) и последующего использования метода интерпретации (для объяснения коннотации), описание и интерпретация

дополняют друг друга и сочетают языковые исследования с человеческим пониманием мира, раскрывают представление языкового феномена и выделяют особенности каждой нации.

В первую очередь для анализа национально-культурной коннотации «дом», «семья» были проанализированы словарные статьи китайского и русского языков. Для работы были взяты следующие словари русского языка: Толковый словарь Даля (1863–1866 гг.), Толковый словарь Ожегова, Толковый словарь русского языка Дмитриева, Большой толковый словарь русского языка Кузнецова, Этнолингвистический словарь, Словарь русского языка. А также словари китайского языка: Большой китайско-русский словарь, Новый китайско-русский словарь А.В. Котова, Большой китайско-русский словарь З.И. Барановой.

В китайском языке слово «дом» может быть обозначено двумя иероглифами «家», а также «房子». Рассматривая значения двух иероглифов «家» и «房子», представленных в китайско-китайском словаре современного китайского языка и переведенных самостоятельно на русский язык, мы обнаружили в нем семь определений слова «家»:

1. члены семьи, совместно проживающие в одном месте;
2. место, в котором проживает вся семья;
3. местожительство;
4. обращение к старшему лицу, а также к супругу или супруге;
5. выращенный дома, не дикий (о скоте), домашнее хозяйство;
6. знатный род; династия.

Семантическое сравнение русского слова «семья» и китайского слова «家»: семантический объём слова «家» в китайском языке синонимичен: например, 家乡, 人烟, 家属, 住户, 宅门, 回家, 家人, 您老人家, 两家旅, чем в русском языке. Среди основных понятий лингвистической культуры первичным понятием является культурная семантика. Благодаря этому значению мы можем узнать, что культурологические исследования неотделимы от изучения семантики слов. Лингвисты суммировали множество моделей анализа для исследований в области национально-культурной коннотации, но в данной статье выбираются модели «систематического» концептуального анализа Поповой для сравнения понятий «семья».

Для изучения национально-культурной коннотации «семья» в русской и китайской культурах требуется анализ семантики ключевых слов «семья» и «家», и последующего идентифицирования их через культурный фон, таким образом мы выделили общие значения, присущие как русскому, так и китайскому языкам.

Общим семантическим признаком концепта «家» в русской и китайской культуре является их восприятия:

- 家庭所在的地方 (дом-строение для житья);
- 对人称自己的尊长 (семья, род, поколение);
- 经营某种行业的人家或有某种身份的人家 (домашнее хозяйство).

Рассмотрев слово 房子, авторы заметили, что оно обладает меньшей частотой употребления и имеет три значения:

1. 房屋 (дом, здание, постройка);
2. 屋 (комната, помещение);
3. фанза — тип традиционного китайского жилища.

Таким образом, слово «дом» обширно по своему значению и во многом схоже (например, в обеих культурах дом — это семья, а также люди, живущие вместе в одном месте).

Однако отличительными особенностями «家» в китайской языковой картине мира является то, что «家» выступает в роли счётного слова и суффикса, тогда как в русском языке не существует такого понятия, как счётные слова, они применимы лишь для китайского:

- 两家饭馆 (два ресторана, две столовые);
- 三家商店 (три магазина);
- 一家人 (вся семья, единомышленники).

Также отличительными особенностями «家» в китайской языковой картине мира является то, что «家» обычно находится в конце слов для формирования существительных выражений:

- 艺术家 (художник);
- 数学家 (математик);
- 科学家 (ученый);
- 汉学家 (китаист);
- 音乐家 (музыкант);
- 艺术家 (искусствовед);
- 孩子家 (дети) и т.д.

Для анализа производных в китайском языке были рассмотрены следующие словари: Большой китайско-русский словарь, Современный словарь китайского языка. Производные лексемы «家» встречаются во всех проанализированных словарях. Так, количество производных в китайском языке и количество производных в русском языке практически одинаковое.

Концепт «семья» и «家» является одним из центральных концептов в русской и китайской культуре. «Семья» и «家» является центром освоения пространства и «по дому можно изучать воззрение народа на мир — как он его понимает» [2, С. 38]

Ассоциации и сходство со словом «家» в русском и китайском языках выражаются в следующих выражениях: 家和万事兴 — в гостях хорошо, а дома лучше; 家和万事兴 — если дома все хорошо, то и вне дома все хорошо; 家徒四壁 — хоть худ дом, да крыша крепка.

Следует отметить тот факт, что в китайском языке слово «家», ассоциируется только с благополучием, и всегда имеет положительное значение: 家和万事兴 (гармония в семье помогает во всех начинаниях), 宜室宜家 (приносить счастье всей семье); 金窝银窝不如自己的草窝 (Каждая птица любит свое гнездо); тогда как в русском языке имеют и отрицательный характер (*хорош бы дом, да черт живет в нем, в прилежном доме густо, а в ленивом доме пусто*).

«Семья» оказывает огромное и неизгладимое влияние на каждого и отношения между членами семьи также являются важной её частью, например:

— в значении, что домашний уют не может быть создан лишь мужчиной или женщиной в одиночку 男人无妻家无主, 女人无夫家无梁 (Мужчина без жены, как дом без хозяина; Женщина без мужа, как дом без балок)

— в значении, что нужно правильно выбирать партнёра для жизни 秧好一年谷, 妻贤一福 (Хороший урожай соберешь – год кушать будешь, добродетельную (талантливую) жену найдешь – будешь счастлив всю жизнь);

— 家无二主 (В семье не бывает двух хозяев);

— 家无主 屋倒竖 (Если в семье нет главы, то дом перевернут вверх дном);

— 牝鸡司晨, 惟家之索 (Если жена управляет мужем и его делами, это плохо);

— 家有千口, 主事一人 (Сколько бы ни было людей в семье, а хозяин один).

— 当家人, 恶水缸 和 当家人, 泔水缸 (Глава семьи должен обладать терпением и снисходительностью);

— 家里的顶梁柱 (Муж – опора семьи);

— 成家容易养家难 (Жениться легко, а кормить семью трудно).

Подобные патриархальные устои, отражающие важность хозяина в доме, также встречаются и в русской культуре: *порядок в доме есть – хозяину честь, хозяин в доме – что медведь в бору, дом красится хозяином, без хозяина дом плачет, всякий дом хозяином славится, без хозяина дом – сирота, хлеб-соль кушай, а хозяина слушай*.

В русской языковой картине мира методы воспитания, слова и поступки родителей, а также воспитание нравственных чувств и личностных навыков играют жизненно важную роль. Во многих пословицах отражена роль родителей, так, например, считается, что воспитание мальчиков связано с отцом 有其父必有其子 (каков батька, таков и сын), а развитие девочек зависит от матери. Забота и уважение к родителям является стержнем нравственности в обществе и признаются в языковой картине мира как русских, так и китайцев 家有一老, 如有一宝 (Старик в семье, что драгоценность в доме) – у кого есть бабушка и дед, тот не ведает бед.

Заключение

Построенные на базе ассоциативных реакций национально-культурные коннотации «Семья» / «家» посредством языкового выражения способствуют пониманию языковой картины мира и позволили выявить специфику представлений о семье и о доме в различных языковых картинах мира. Таким образом, национально-культурные коннотации демонстрируют

— вариативность представлений;

— принадлежность к лингвокультурному сообществу;

— гендерную и социальную принадлежности носителя языка;

— историческую и этническую взаимосвязь.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Большой китайско-русский словарь З. И. Барановой. – М.: Русский язык, 1990 – 566 с.
2. Большой китайско-русский словарь [Электронный ресурс]. – URL: <http://bkrs.info/> (дата обращения: 02.04.2021)
3. Большой толковый словарь русского языка Кузнецова [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.alleng.ru/d/rusl/rusl56.htm> (дата обращения: 02.04.2021)
4. Даль В.И. Пословицы русского народа: сборник. / В.И. Даль. – Москва, 1957. - 36 с.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 2 тт. / В.И. Даль. – Москва, 2002. - 87 с.
6. Епишева К.Д. Лингводидактические основы обучения грамматическим навыкам по китайскому и английскому языкам: на основе «счетных слов» и «партитивных выражений» / Епишева К.Д., Нурутдинова А.Р., Сабаева Э.К. и др. // Успехи гуманитарных наук. 2020. № 7. С. 204-210.
7. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. 7-е изд., стер. / В.П. Жуков. – Москва: Русский язык, 2000. - 256 с.
8. Зимин В.И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. / В.И. Зимин. – Москва, 2008. - 729 с.
9. Кострубина Е. А. Гиперконцепт Семья. Дом. Family/Номе в русской и английской лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02. Омск, 2011. 159 с.
10. Ли Ли. Культурный смысл в русских пословицах / Ли Ли // Вестник гуманитарной науки Цзилиньского университета. – Чанчунь: Изд-во Цзилиньского университета, 2003. с. 287-291.
11. Ли Ли. Сопоставление русских и китайских пословиц о деньгах / Ли Ли // Объединенный научный журнал. – М.: «Тезарус», 2004. с. 56-58.
12. Ли Ли. Универсальное и уникальное в языковой картине мира / Ли Ли // Шести национален педагогически форум. Стара Затора: Изд-во Тракийски университета, 2005. с. 130-134.

13. Матназаров, Т. У. Концепт «Дом» в русской и китайской языковых картинах мира [Электронный ресурс] / Т. У. Матназаров, У. В. Хоречко // Молодой ученый. – 2015. – № 5 (85). – С. 654-657. – URL: <https://moluch.ru/archive/85/16068/> (дата обращения: 01.04.2021).
14. Новый китайско-русский словарь А. В. Котова [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.livelib.ru/book/1000073531> (дата обращения: 02.04.2021)
15. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка (С-Я). / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова, 1949-1992, - 184 с.
16. Славянские древности: Этнолингвистический словарь, т.1. – М., 1995 с.116
17. Словарь русского языка (1949, 22-е издание, 1990; с 1992 – «Толковый словарь русского языка», совместно с Н. Ю. Шведовой).
18. Снегирев И.М. Словарь русских пословиц и поговорок. Русские в своих пословицах. / И.М. Снегирев. – Нижний Новгород, 1996. - 620с.
19. Тарланов З.К. Русские пословицы: синтаксис и поэтика. / З.К. Тарланов. – Петрозаводск: [б.и.], 1999. - 447с.
20. Телия В.Н. Большой паремиологический словарь русского языка. Значение. / В.Н. Телия. // Употребление. Культурологический комментарий. Москва, 2006. - 776с.
21. Тихомирова Е.Е. Культурные универсалии и концепт «дом - семья» [Электронный ресурс] / Тихомирова Е.Е., Чжао Цзиннань // Электронный журнал «Вестник Новосибирского государственного педагогического университета». 2012. С. 73–79. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/kulturnye-universalii-i-kontsept-dom-semya> (дата обращения: 21.09.2018).
22. Тихонов А.Н. Паремиологический словарь русского языка. / А.Н. Тихонов. – Москва, 2007. - 245 с.
23. Толковый словарь живого великорусского языка, Даль В. И.: В 4 т. – М.: Русский язык, 1978- 1980.
24. Толковый словарь русского языка под редакцией Д. В. Дмитриева. – М.: Астрель: АСТ, 2003. – 1578 с. – (Серия: Словари Академии Российской).
25. Толковый словарь русского языка. Ожегов, С.И. – 4-е изд. – М., 2005. – 944 с.
26. У Синьют. Лингвокультурологическая специфика концепта «семья» в русской и китайской культурах / У Синьют // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. С. 110–115.
27. Челнокова-Щейка А.В. Трансформация семейных ценностей в современном Китае / Челнокова-Щейка А.В. // Научный потенциал: работы молодых ученых. 2013. No 4. С. 309–312.
28. Шанский Н.М. Этимологический словарь русского языка. // Н.М. Шанский, А.Ф. Журавлев. Этимологический словарь русского языка. 1999.- 241с.
29. Ян Фан. Концепт «семья» в русской и китайской языковых картинах мира / Ян Фан // Известия Томского политехнического университета. 2013. Т. 323. No 6. С. 250–254
30. Liu Qin Lin. Russian and Chinese Linguistic and Cultural Concept “Family” / Liu Qin Lin // Language and Text, 2019, vol. 6, no. 4, pp. 53-59. doi: 10.17759/langt. 2019060407
31. Nurutdinova A.R. Linguo-didactic fundamentals of grammar skills mastering: The structure and stages of the formation of a foreign language grammar skill (English and Chinese) / Nurutdinova A.R., Dmitrieva E.V., Fazlyeva Z.K. // Astra Salvensis. - 2020. - Vol. I. - P.331-341.
32. Nurutdinova, A.R. Linguocultural specificity of phraseological units in the process of teaching languages / Nurutdinova, A.R.; Sheinina, D.P.; Gagarina, V.R. et al. Rev. EntreLinguas, Araraquara, v. 7, n. esp. 1, p. 126-134, fev. 2021. DOI: <https://doi.org/10.29051/el.v7iEsp1.14879>
33. Nurutdinova, A.R. Linguistic and didactic aspects of the “linguistic consciousness” formation in teaching foreign languages: grammar skills formation / Nurutdinova, A.R., Shelestova O.V., Baez, I.V. Rev. EntreLinguas, Araraquara, v. 7, n. esp. 1, p. 105-114, fev. 2021. DOI: <https://doi.org/10.29051/el.v7iEsp1.14877>
34. Sabaeva E.K. Language and speech classification of phraseological units and their role in the representation of the linguistic view of the world (case study of phraseological units with the religious component) / Sabaeva E.K., Nurutdinova A.R. // Russian linguistic Bulletin. 2020. № 1 (21). P. 34-41.
35. Pang Wenzhao. Linguistic and Cultural Studies / Pang Wenzhao, Zhao Liang. 2006. P. 59-60
36. Xinhua Dictionary Business Printing Press. 2001. – 1525 p.
37. Yang Xiugai. Foreign Language Journal: A Series of Studies on Linguistic and Cultural Concepts and Research Methods / Yang Xiugai. 2010. P. 24-29.
38. Modern Chinese Dictionary Business Press, 2012. P. 1052.
39. East Han China Drama Press, 2010. P. 586.

Список литературы на английском / References in English

1. Bol'shojj kitajjsko-russkijj slovar' Z. I. Baranovojj [Z. I. Baranova's Unabridged Chinese-Russian Dictionary], Moscow: Russkiy yazyk, 1990-566 p. [in Russian]
2. Bol'shojj kitajjsko-russkijj slovar' [Unabridged Chinese-Russian Dictionary] [Electronic resource]. - URL: <http://bkrs.info/> (accessed: 02.04.2021) [in Russian]
3. Bol'shojj tolkovyj slovar' russkogo jazyka Kuznecova [Kuznetsov's Unabridged Explanatory Dictionary of the Russian Language] [Electronic resource]. - URL: <http://www.alleng.ru/d/rusl/rusl56.htm> (accessed: 02.04.2021) [in Russian]
4. Dal V. I. Posloviy russkogo naroda: sbornik [Proverbs of the Russian People: A Collection] / V. I. Dal. - Moscow, 1957. - 36 p. [in Russian]
5. Dal V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]: in 2 volumes. / V. I. Dal. - Moscow, 2002. - 87 p. [in Russian]
6. Episheva K. D. Lingvodidakticheskie osnovy obuchenija grammaticheskim navykam po kitajjskomu i anglijskomu jazykam: na osnove «schetnykh slov» i «partitivnykh vyrazhenijj» [Linguodidactic bases of teaching grammatical skills in

- Chinese and English: on the basis of "counting words" and "partitive expressions" / K. D. Episheva, A. R. Nurutdinova, E. K. Sabaeva et al. // *Uspekhi gumanitarnykh nauk* [Modern Humanities Success]. 2020. № 7, pp. 204-210 [in Russian]
7. Zhukov V. P. Slovar' russkikh poslovic i pogovorok [Dictionary of Russian proverbs and sayings]. 7th edition / V. P. Zhukov. - Moscow: Russkiy yazyk, 2000. - 256 p. [in Russian]
8. Zimin V. I. Slovar'-tezaurus russkikh poslovic, pogovorok i metkikh vyrazhenij [Dictionary-Thesaurus of Russian Proverbs, Sayings and Apt Expressions] / V. I. Zimin. - Moscow, 2008. - 729 p. [in Russian]
9. Kostrubina E. A. Giperkoncept Sem'ja. Dom. Family/Home v russkoj i anglijskoj lingvokul'turakh [Hyperconcept Family. House. Family / Home in Russian and English linguocultures]: extended abstract of Candidate's thesis. Philology: 10.02.02 / E. A. Kostrubina. Omsk, 2011. 159 p. [in Russian]
10. Li Li. Kul'turnyj smysl v russkikh poslovicakh [Cultural meaning in Russian proverbs] / Li Li // *Vestnik gumanitarnoj nauki Czilinskogo universiteta* [Bulletin of the Humanities of Jilin University]. Changchun: Jilin University Press, 2003, pp. 287-291 [in Russian]
11. Li Li. Sopostavlenie russkikh i kitajjskikh poslovic o den'gakh [Comparison of Russian and Chinese proverbs about money] / Li Li // *Ob'edinennyj nauchnyj zhurnal* [United Scientific Journal]. - M.: "Tezarus", 2004, pp. 56-58 [in Russian]
12. Li Li. [Universal and unique in the language worldview] / Li Li // *Shesti nacionalen pedagogicheski forum* [Sixth National Pedagogical Forum With International Participation]. Stara Zagora: Trakia University Press, 2005, pp. 130-134 [in Russian]
13. Matnazarov, T. K. Koncept «Dom» v russkoj i kitajjskoj jazykovykh kartinakh mira [The concept of "House" in the Russian and Chinese language worldviews] [Electronic resource] / T. K. Matnazarov, U. V. Horechko // *Molodoy uchenyy* [Young Scientist]. - 2015. - № 5 (85), pp. 654-657. - URL: <https://moluch.ru/archive/85/16068/> (accessed: 01.04.2021) [in Russian]
14. Novyy kitajjsko-russkiy slovar' A. V. Kotova [A. V. Kotov's New Chinese-Russian Dictionary] [Electronic resource]. - URL: <http://www.livelib.ru/book/1000073531> (accessed: 02.04.2021) [in Russian]
15. Ozhegov S. I. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka (S-Ja) [Explanatory dictionary of the Russian language (S-Ya)] / S. I. Ozhegov, N. Yu. Shvedova, 1949-1992, - 184 p. [in Russian]
16. Slavjanskije drevnosti: Ehtnolingvistikeskij slovar' [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary], vol. 1. - M., 1995, p. 116 [in Russian]
17. Slovar' russkogo jazyka (1949, 22-e izdanie, 1990; s 1992 – «Tolkovyj slovar' russkogo jazyka», sovmestno s N. Ju. Shvedovoj). [Russian Dictionary (1949, 22nd edition, 1990; since 1992 - "Explanatory Dictionary of the Russian language", with N. Yu. Shvedova)] [in Russian]
18. Snegirev I. M. Slovar' russkikh poslovic i pogovorok. Russkie v svoikh poslovicakh [Dictionary of Russian proverbs and sayings. Russians in their proverbs] / I. M. Snegirev. - Nizhny Novgorod, 1996. - 620 p. [in Russian]
19. Tarlanov Z. K. Russkie poslovice: sintaksis i poetika [Russian Proverbs: Syntax and Poetics] / Z. K. Tarlanov. - Petrozavodsk, 1999. - 447 p. [in Russian]
20. Teliya V. N. Bolshoy paremiologicheskiy slovar' russkogo jazyka [Large paremiological dictionary of Russian. Meaning] / V. N. Teliya. // *Upotreblenie. Kul'turologicheskij kommentarij* [Use. Cultural commentary]. Moscow, 2006. - 776 p. [in Russian]
21. Tikhomirova E. E. Kul'turnye universalii i koncept «dom - sem'ja» [Cultural universals and the concept of "home-family"] [Electronic resource] / E. E. Tikhomirova, Zhao Jingnan // *Ehlektronnyj zhurnal «Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta»* [Electronic journal "Bulletin of the Novosibirsk State Pedagogical University]. 2012, pp. 73-79. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/kulturnye-universalii-i-kontsept-dom-semya> (accessed: 21.09.2018). [in Russian]
22. Tikhonov A. N. Paremiologicheskiy slovar' russkogo jazyka [Russian Language Paremiological Dictionary] / A. N. Tikhonov. - Moscow, 2007. - 245 p. [in Russian]
23. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language] / Dal V. I.: In 4 volumes. - M.: Russkiy yazyk, 1978-1980 [in Russian]
24. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka pod redakciej D. V. Dmitrieva [Explanatory Dictionary of the Russian language edited by D. V. Dmitrieva]. - M.: Astrel: AST, 2003 – 1578 p. - (Serija: Slovarei Akademii Rossijskoj) [(Series: Dictionaries of the Russian Academy of Sciences)] [in Russian]
25. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Explanatory dictionary of the Russian language] / S. I. Ozhegov - 4th edition. - M., 2005 – 944 p. [in Russian]
26. Wu Xinyu. Lingvokul'turologicheskaja specifika koncepta «sem'ja» v russkoj i kitajjskoj kul'turakh [Linguoculturological specifics of the concept "family" in Russian and Chinese Cultures] / Wu Xinyu // *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. a. I. Herzen* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences]. 2009, pp. 110-115 [in Russian]
27. Chelnokova-Shcheyka A.V. Transformacija semejnykh cennostej v sovremennom Kitae [Transformation of family values in modern China] / A.V. Chelnokova-Shcheyka // *Nauchnyj potencial: raboty molodykh uchenykh* [Scientific Potential: Works of Young Scientists]. 2013. No 4, pp. 309-312 [in Russian]
28. Shansky N. M. Ehtimologicheskij slovar' russkogo jazyka [Etymological Dictionary of the Russian Language] / N. M. Shansky, A. F. Zhuravlev // *Ehtimologicheskij slovar' russkogo jazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. 1999. - 241 p. [in Russian]
29. Yang Fang. Koncept «sem'ja» v russkoj i kitajjskoj jazykovykh kartinakh mira [The concept of "family" in the Russian and Chinese Language worldviews] / Yang Fang // *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk Polytechnic University]. 2013. Vol. 323. No 6, pp. 250-254 [in Russian]

30. Liu Qin Lin. Russian and Chinese Linguistic and Cultural Concept “Family” / Liu Qin Lin // *Language and Text*, 2019, vol. 6, no. 4, pp. 53-59. doi: 10.17759/langt. 2019060407
31. Nurutdinova A.R. Linguo-didactic fundamentals of grammar skills mastering: The structure and stages of the formation of a foreign language grammar skill (English and Chinese) / Nurutdinova A.R., Dmitrieva E.V., Fazlyeva Z.K. // *Astra Salvensis*. - 2020. - Vol. I. - P.331-341.
32. Nurutdinova, A.R. Linguocultural specificity of phraseological units in the process of teaching languages / Nurutdinova, A.R.; Sheinina, D.P.; Gagarina, V.R. et al. *Rev. EntreLinguas*, Araraquara, v. 7, n. esp. 1, p. 126-134, fev. 2021. DOI: <https://doi.org/10.29051/el.v7iEsp1.14879>
33. Nurutdinova, A.R. Linguistic and didactic aspects of the “linguistic consciousness” formation in teaching foreign languages: grammar skills formation / Nurutdinova, A.R., Shelestova O.V., Baez, I.V. *Rev. EntreLinguas*, Araraquara, v. 7, n. esp. 1, p. 105-114, fev. 2021. DOI: <https://doi.org/10.29051/el.v7iEsp1.14877>
34. Sabaeva E.K. Language and speech classification of phraseological units and their role in the representation of the linguistic view of the world (case study of phraseological units with the religious component) / Sabaeva E.K., Nurutdinova A.R. // *Russian linguistic Bulletin*. 2020. № 1 (21). P. 34-41.
35. Pang Wenzhao. *Linguistic and Cultural Studies* / Pang Wenzhao, Zhao Liang. 2006. P. 59-60
36. *Xinhua Dictionary* Business Printing Press. 2001. – 1525 p.
37. Yang Xiugai. *Foreign Language Journal: A Series of Studies on Linguistic and Cultural Concepts and Research Methods* / Yang Xiugai. 2010. P. 24-29.
38. *Modern Chinese Dictionary* Business Press, 2012. P. 1052.
39. *East Han China Drama Press*, 2010. P. 586.

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.26.2.34>**ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ СИНОНИМОВ И МЕТАФОР**

Научная статья

Багирова С. *

Гянджинский государственный университет, Гянджа, Азербайджан

* Корреспондирующий автор (mirzoyevasevinj[at]mail.ru)

Аннотация

Актуальность исследования определяется необходимостью изучения вопросов синонимии, не получивших однозначного толкования в лингвистике, необходимостью расширения и систематизации знаний об основных группах, структурно-семантических характеристиках и употреблении лексических единиц, в частности, синонимов и метафор. Наряду с изучением синонимических отношений на языковом уровне возникает необходимость учитывать их в речевом использовании, чтобы выявить динамику разнообразных семантических отношений. В работе определены основные типы этих связей, предложена методика выявления структурно-семантических характеристик понятийных синонимов и метафор, а также особенностей их функционирования в контексте и речи. Научная новизна статьи заключается в том, что в ней предпринята попытка прояснить сущность взаимозависимости и взаимосвязи явлений синонимии и метафоризации на лексическом уровне. Практическая ценность статьи заключается в том, что ее результаты могут быть использованы на лекциях и семинарах по лексикологии, в спецкурсах по синонимии, на практических занятиях азербайджанским языком в вузе и школе, при написании дипломных и курсовых работ, при разработке учебников по лексикологии современного азербайджанского языка. Целью работы является изучение структурно-семантических особенностей лексических синонимов в языке, а также выявление специфики реализации синонимов и метафор в речи.

Ключевые слова: язык, контекст, полисемантизм, концептуальные синонимы, метафоры.

ARTISTIC LITERATURE AS A SOURCE OF FORMATION OF CONCEPTUAL SYNONYMS AND METAPHORS

Research article

Bagirova S. *

Ganja State University, Ganja, Azerbaijan

* Corresponding author (mirzoyevasevinj[at]mail.ru)

Abstract

The relevance of the research is determined by the need to study issues of synonymy that have not received an unambiguous interpretation in linguistics, the need to expand and systematize knowledge about the main groups, structural and semantic characteristics and usage of lexical units, in particular, synonyms and metaphors. Along with the study of synonymous relations at the language level, it becomes necessary to consider them in speech use in order to identify the dynamics of diverse semantic relations. The work defines the main types of these connections, proposes a methodology for identifying the structural and semantic characteristics of conceptual synonyms and metaphors, as well as the peculiarities of the functioning of their context and in speech. The scientific novelty of the article lies in the fact that it attempts to clarify the essence of the interdependence and interconnection of the phenomena of synonymy and metaphors at the lexical level. The practical value of the article lies in the fact that its results can be used in lectures and seminars on lexicology, in special courses on synonymy in practical classes in the Azerbaijani language at a university and school, when writing diploma and term papers, when developing textbooks on lexicology of modern the Azerbaijani language, as well as in lexicographic practice. The aim of the work is to study the structural and semantic features of lexical synonyms in the language, as well as to identify the specifics of the implementation of synonyms and metaphors in speech. In this way the relevance of the study is determined by a number of points: the fruitfulness of studying the problem of the closeness of word meanings within different contexts, since contextually conditioned connections between the meanings of lexical units reflect the process of individual, creative experience of a person of the surrounding reality and open access to the subjective perception of a semantic community by a native speaker; the need to investigate the active state of language in society, which is realized in the study of the use and functioning of language in fiction, influencing the spread of language norms, reflecting the natural state of the language.

Keywords: language, context, polysemantism, contextual synonyms, metaphors.

Introduction

It is generally accepted that language, inheriting its material and structure from previous eras, must express something that is constantly changing in composition and volume. For this he uses his old material, subordinating it to new tasks of expression, introduces new units, or metaphorization takes place. The use of synonyms and metaphors in works of fiction stems from factors such as the compositional requirements of the text, the need for a more detailed disclosure of the plot and clarification of the character's characteristics. The use of synonyms and metaphors in fiction stems from factors related to the compositional requirements of the text, the need for a more complete opening of the plot, the need to clarify the characteristics of the character. The fact that words that are not lexically synonymous in a certain position of clarification have a close and related meaning is due to the fact that the creative person delivers more accurate, precise and adequate information to his addressee, ie the reader. Contextual synonyms include similarities that, in reality, cannot exist outside of a given verbal situation, are conditioned only by that context, and are not distinguished by their constant activity. They are purely occasional. One of the reasons that contextual synonyms are merely semantic carriers nailed to a particular situation is due to their

polysemantism, which can be realized within the context. More precisely, a group of synonymous pairs can be distinguished between them, so that both sides or only one of their components is expressed in ambiguous words, and the semantic tone that creates this similarity can become a reality only in a certain local situation. Interestingly, the analysis of this group of synonyms reveals that they do not belong to a specific phraseological unit, to a “winged word”, to any petrified work of art. It is possible that some of these couples were once the product of the artistic imagination of a particular person, and over time, that background disappeared, and as a result, the source of allusion disappeared. However, in many cases, based on the analysis, we can say that there is no shortage of similarities between such synonyms, which are based on the empirical observation of the people, the potential for metaphorical derivation.

An interesting fact is that when analyzing this group of synonyms, it is revealed that they do not refer to a specific phraseological unit, or a “winged word” or a petrified quotation from any literary work. Perhaps some of these pairs were once a product of the artistic imagination of a particular person, but over time, this lower background disappears, and as a result, allusive sources of quotation disappear. But in many cases, based on the analysis, it can be said that a special form of similarity formed on the basis of the talent of empirical observation of the people and the potential of metaphorical creativity is not a minority. The process of combining experience that needs to be conceptualized and already conceptualized is possible if there is a similarity between the event structures of both types of experience. This is done in the process of metaphorization. In other words, metaphorization occurs when two similar or highly similar event structures that represent two types of perceptual experience of an individual are combined.

The aim of the work is to study the structural and semantic features of contextual synonyms and metaphors of the modern Azerbaijani language, as well as to identify the specifics of the implementation of their constituents in speech. Achieving this goal involves solving the following tasks:

- to develop a methodology for identifying contextual synonyms and metaphors;
- determine the category of synonyms and metaphors.
- to investigate the semantic structure of synonyms;
- to identify common and differential components of the meanings of words that form a given semantic group;
- describe the main types of structural organization of synonyms;
- to find out the specifics of the functioning of contextual synonyms in the works of art of the modern Azerbaijani language

Methods and Materials

The theoretical basis of the article was the scientific research of both Azerbaijani and foreign scientists-linguists. The versatility and depth of the problem of contextual synonyms is vividly illuminated in the works of Azerbaijani and foreign linguists A. Damirchizade, F. Veyselli, D. Shmelev, V.Gak, etc. The works of art by I.Shykhly, Y Chemenzemely were used as practical material.

Since the article is devoted equally to both theoretical and communicative-speech problems, it uses a variety of methods of linguistic analysis, which are directly dependent on the tasks being solved. Descriptive, transformational and seminal analysis occupy a special place in the range of methods used. The first is widely used when describing factual material. The second is in the process of experimental modeling. The third is when analyzing linguistic units. The material of the research was works of art, synonyms, metaphors belonging to the main parts of speech. The solution of the tasks is carried out using a comprehensive research methodology, which is based on the method of component analysis, the method of dictionary definitions, the method of contextological analysis.

Results

In the modern Azerbaijani language, scientists offer different principles for the classification of synonyms. Since distinguishes two subgroups of synonyms, "which is explained by the differences in the functions that they perform in the language, namely: 1) ideographic synonyms and 2) stylistic and stylistic synonyms. “In their works, H. Hasanov, A. Kurbanov, on the basis of varieties of synonymous relations, distinguishes the following categories of synonyms: “1) absolute synonyms, between which there are relations of identity, complete coincidence of meanings; 2) ideographic synonyms, between which there are differences in some shades of the actual lexical meaning; 3) stylistic synonyms, distinguished by belonging to colloquial or book speech, by the presence of emotional and expressive coloration, by referring to the national, dialect, slang, etc. vocabulary”. Babayev A. *Dilçiliyə giriş*, Bakı: Maarif, 504 s. Həsənov H. *Müasir Azərbaycan dilinin leksikası*, Bakı: Bakı Universiteti nəşriyyatı, 2000, 399 s.

Absolute synonyms are also called lexical doublets. Defining this type of synonyms, H. Hasanov writes that these are “synonyms that do not differ completely in their meaning and relation to the context,” according to the scientist, the existence of such synonyms in the language “is a transitional, temporary phenomenon.

Thus, synonyms can differ in shades of meaning, in style, in the degree of activity in modern speech, in the sphere of use, in compatibility with different words and in the degree of complexity.

Research of materials about the Azerbaijani language gives every right to say that the contextual synonyms of the Azerbaijani language are distinguished by quite interesting specifics. And this is because the field of syntactic expressiveness and semantic meaning of a word allows it to be expressed in various forms, depending on the conditions of any thought, stylistic setting, subjective position” [8, P. 315], [11, P. 99]. And in this case, the trajectory of the “semantic field”, which is the basis for the formation of synonymy, is limited by the individual imagination of the writer and poet, the author of this line of synonyms.

Thus, in addition to the types of synonyms mentioned above, contextual synonyms are also distinguished in modern Russian, which are “the individual stylistic use of a word, not fixed by the general public use”. Contextual synonyms are understood as words referring to “the same object and phenomenon” in a specific text.

In general, it should be noted that in the Azerbaijani language, the constituent components of synonymous series are different in functionality and contextuality. "Often in a language, true synonyms have social and expressive equivalents" [14, P. 152]. A literary text, especially a poetic text, is the object of close attention of linguists.

Let's look at the stylistic use of the contextual synonym formed in the language of works of art, including Y.V. Chamanzaminli's "Between Two Fires" ("In the Blood"). The work describes how the tyrant Shah ordered the blacksmiths to nail a large number of nails with the intention of building a minaret from the skulls tomorrow. The blacksmiths worked hard at night, and if they did not do so on time, their heads would be handed over to the executioner. The whole country was in trouble tomorrow. But at night the king is killed. When Dan's place was demolished, the news of the king's death had already spread. The blacksmiths were told that they did not need a nail, but a few nails for the king's body. Knowing this news, the chief blacksmith wiped the sweat from his forehead; — *Ey mixi mismara döndərən Allah — Oh God, who turned the pegs into nails.* he said, turning his face to the sky.

In this example, the formation of the contextual synonymous line "great god", "divine" and "omnipotent God" from the expression "God who turns the nail into a nail" took place at the "order" of the emotional expression of that context. It is not the point of clarification that is important here, but the point of increasing the impact of the text through enumeration. The expression is metaphorical and increases the power of emotional impact.

Çoxdandır bu cür ətirli, təzə çörək yemirəm [13, P. 110] — *"I haven't eaten this fragrant, fresh bread for a long time"*. There is no doubt that the stylistic synonymy of the words fresh and fragrant in the context of a given context, that is, in the characterization of freshly baked bread. However, if we examine the facts of this contextual rapprochement written by I.Shikhly within the dictionary of synonyms, we will encounter a different picture. Within one context, the use of synonyms can be characterized in a variety of ways, synonyms can be used for different stylistic purposes: on the one hand, the desire to avoid tautology; on the other hand, we want the speaker to express this or that concept in detail.

Speaking about contextual synonyms, we can give an example when, in one context, the proximity of words that are far from the point of view of semantics in a common language is created. Thus, referring to the "Dictionary of synonyms of the Azerbaijani language", the synonyms of the word "fresh" are "fresh, sweaty, new" [7, P. 369]. Interestingly, the word sweat, which is considered a lexical synonym of the word fresh, according to the explanatory dictionary of the Azerbaijani language, has the following meanings: 1) Clear liquid secreted by special subcutaneous glands. 2) Formed on objects when in contact with air at higher temperatures age, (italics are ours. —SB) II adj. and an envelope. Not yet withered, fresh, fresh (about flowers, greens, etc.). *Sweaty blue onions; Sweat purple.* That is, the ability of an association to be synonymous with the wet, wet nature of a fresh plant is recognized. However, the same privilege is not recognized for the fresh and fragrant properties of fresh bread. There is a very simple explanation for this: the potential for metaphorization of natural phenomena observed in flora and fauna is much stronger than local phenomena occurring in everyday life. In this sense, the connection between the freshness of fragrant bread cannot be as easily deciphered as the connection with the freshness of a freshly peeled flower, its age. It should be noted that if, according to the intonation of the enumeration, the side synonyms are side by side, references to synonyms referring to additional explanatory points are more prevalent in prose works. The analysis of contextual synonyms of works of art written in the Azerbaijani language, including the work of I.Shikhly, clearly shows that the latter is preferred here. For comparison, the ability to express a broad stylistic tone of contextual synonyms does not mean that the stylistic possibilities of lexical synonyms in works of art are limited. Thus, idiographic synonyms in the language of works of art can serve to strengthen expression as well as to clarify the meaning with equal success.

For example: *Salatın anasının ani olaraq köks ötürdüyünü, qollarını yanına salıb dayandığını və beləliklə də Mələyin daha gözəl, daha cazibədar* olduğunu dərk etdiyini duydu [13, P. 52] — he heard that Salatyn's mother suddenly passed out, put her arms around him, and thus realized that the angel was more beautiful and more attractive. However, it must be acknowledged that the exceptional role of stylistic-contextual synonyms in enriching the language of works of art significantly distinguishes it from other groups of synonyms.

The stylistic use of contextual synonyms in I.Shikhly's "Deli Kur" attracts a lot of attention. Consider some examples: *Gördün bu çərahaya, qızıışmış köpək qızını?! — Did you see this crazy, bitch?!*

In this example, the arrangement of a contextual synonymous line from the words charhaya (impudent) and agitating draws attention to the point of increasing the impact of the text through enumeration.

But at the same time, it should be recognized that the exceptional role of stylistic-contextual synonyms in enriching the language of literary works significantly distinguishes them from other groups of synonyms.

Discussion

As noted, contextual synonyms in themselves are simply "remotely related" to the standards adopted for synonyms in linguistics, and the examples presented in such studies in the context of such explanations reaffirm this view. This above sample will clearly confirm the general opinion of many linguists. Thus, as noted in many normative grammars, contextual synonyms themselves are simply "remotely linked" to the standards adopted for synonyms in linguistics, and the examples presented in these studies once again confirm the correctness of this argument. Exit from the study of A. Demirchizadeh under the title "Stylistics of the Azerbaijani language" can be traced to the above-mentioned fact in the lyrics of the immortal Mollah Panah Vagif.

Zövqüm, səfam, seyrim, bağım, çəmənim,

Süsənim, sünbülüm, ləlim, səmənim.

...*Sözüm, ixtilatım, hər qal-ü-qeylim,*

Mətləbim, muradım, xatirim, meylim. (Vagif) (italics belong to A. Demirchizade. —S.B.) [12, P. 12].

My taste, my pleasure, my journey, my garden, my meadow,

My iris, my spike, my lily, my malt.

My word, my rebellion, every my desire

My goal, memory, propensity

As you can see, in a real language, for the formation of synonyms, lexical units that do not imply general or close denotativity are only stylistic synonyms. That is, in the context of this text, the synonymy of lexemes, my goal, desire, memory, inclination or, thorn, lime is conditional. And only the author is under the creative imagination can form a “synonymous row”.

That contextual synonyms express semantic closeness only under certain conditions, that is, at the request of the discursive environment. The fact that the lexemes used in these studies, which have been used in many studies as almost standardized examples of contextual synonyms, do not appear in real synonymous dictionaries of the Azerbaijani language, leaves no doubt that contextual synonyms demonstrate closeness of meaning only to certain conditions [4, P. 59].

The main characteristics of the nuclear, nominative meaning are its direct focus on objects of extra-linguistic reality, the greatest paradigmatic fixation and relative independence from the context. Derived meanings, on the contrary, are distinguished on the basis of semantic dependence, deduction from the original, original meaning. They show the greatest syntagmatic fixation and are not determined to a significant extent by paradigmatic relations [1, P. 202], [12, P. 133-138].

For such a metaphor to “work”, the addressee must be aware of the expansion of meaning and refer to the old and new meanings simultaneously; — the desire to more accurately express the expressive intentions of the individual. Metaphor, as a result of the relationship between two meanings of a word, of which one acts as the original and the other as a derivative, is a vivid example of dynamics in the field of lexical semantics [2, P. 11].

Let us remind that linguists emphasized the importance of paying attention to “two points of using synonyms”, which consist of “1) *a moment of additional clarification*, 2) *a moment of enhancing color or impact*” [10, P. 100]. *Red faces. Muddy intoxicated, obscene looks and smiles* [9].

Conclusion

Based on the foregoing, it can be concluded that the widespread use of contextual synonyms and metaphors in the art style is the norm, and the appeal to stylistic synonyms that demonstrate semantic convergence within a particular context is governed by both the goal of the author and the formal standards of the artwork.

Thus, the following conditions for the emergence of metaphor in the linguistic field can be distinguished — semantic transformation of the original linguistic unit with modification of the meaning towards figurativeness by complete or partial abstraction from the lexical meaning of the original lexeme. This causes the “loss” of the direct meaning of the corresponding linguistic unit and provides an opportunity for the direct application of this lexeme in a logically “contradictory” context.

The purpose of the metaphor in the linguistic field is the formation of an image, and the nominative basis of the metaphor is connotative or descriptive vocabulary; violation of the rules of formal logical thinking and the emergence of a metaphor as a product of insight, objectifying the result of clear logical procedures and multi-stage cognitive operations. In this case, the metaphor is the result of the qualifying activity of consciousness, which manifests itself in the linguistic field. In such metaphors, the dependence of connotative features on the discursive environment is objectified, manifesting the ability of the phenomenon under study to appear in a specific context, function in it, and disintegrate together with the latter; the need to designate a new concept with the help of already known linguistic units in order to make it more accessible for speech interaction. For such a metaphor to “work”, the addressee must be aware of the expansion of meaning and referring to the old and new meanings simultaneously; the desire to more accurately express the expressive and stylistic intentions of the individual. Contextual synonyms, in contrast to metaphors, are quite often used in newspaper — journalistic style, although their number is much less than the number of cases of using system synonyms.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Будагов Р. А. Язык – реальность – язык / Р. А. Будагов. – М.: Наука, 1983. – 262 с.
2. Гак В. Г. Метафора: универсальное и специфическое / В. Г. Гак // В кн.: Метафора в языке и в тексте. – М., 1988. – С. 11-26.
3. Герви О. Ю. Виды лексической полисемии в структуре дискурса: На материале английского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04: защищена 12.03.2001: утв. 27.10.2001 / Герви Оксана Юрьевна. – М., 2001. — 242 с.
4. Зубкова О. С. Условия возникновения метафоры / О. С. Зубкова // Вестник Нижегородского университета им. Лобачевского. – 2011. – № 5(1). – С. 306-312.
5. Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика / Д.Н. Шмелев. — М.: Просвещение, 1977. — 336 с.
6. Azərbaycan dilinin izahlı lüğəti. 4 cildə. IV c. — Bakı: Şərq-Qərb, 2006. — 540 s.
7. Azərbaycan dilinin sinonimlər lüğəti. — Bakı: Şərq-Qərb, 2007. — 340 s.
8. Babayev A. DİLÇİLİYƏ GİRİŞ. — Bakı: Maarif, 2001. — 504 s.
9. Çəmənşəminli Y. V. İki od arasında [Elektron resurs] / Y. V. Çəmənşəminli. URL: <https://necminkamil.files.wordpress.com/2014/04/yusif-vc999zir-c3a7c999mc999nzc999minli-qan-ic3a7indc999-romanc4b1.pdf> (дата обращения: 14.02.2021)
10. Dəmirçizadə Ə. Azərbaycan dilinin üslubiyatı / Ə. Dəmirçizadə. — Bakı, 1962. — 272 s.
11. Həsənov H. Müasir Azərbaycan dilinin leksikası. — Bakı: Bakı Universiteti nəşriyyatı, 2000. — 399 s.
12. Mednikova E.M. The meaning of the word and methods of its description / E. M. Mednikova. — M. — 1974. — 140 p.
13. Şıxlı İ. Dəli Kür [Elektron resurs] / İ. Şıxlı // URL: http://www.anl.az/el/alf25/shi_se2.pdf (дата обращения: 14.02.2021)

14. Veysəlli F. Dil / F. Veysəlli. — Bakı: Nurlan, 2007. — 298 s.

Список литературы на английском / References in English

1. Budaqov R. A. Jazyk — real'nost — jazyk [Language — reality — language] / R. A. Budaqov. — M.: Nauka, 1983. — 262 p.
2. Gak V. G. Metafora: universal'noe i spetsificheskoe [Metaphor: universal and specific] / V. G. Gak // V kn: Metafora v jazyke i tekste [At the book: Metaphor in language and text] — M., 1988. — P. 11-26. [in Russian]
3. Gervi O. Yu. Vidy leksicheskoy polisemii v strukture diskursa: Na material anqlijskoqo jazyka [Types of lexical polysemy in the structure of discourse]: dis. ... of PhD in philology: 10.02.04: defence of the thesis 12.03.2001: approved 27.0.2001 / Gervi Oksana Yuryevna. — M., 2001. — 242 p. [in Russian]
4. Zubkova O. S. Uslovija viznikovenija metafory [Conditions for the occurrence of a metaphor] / O. S. Zubkova // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. Lobachevskogo [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after Lobachevsky]. — 2011. — № 5(1). — P. 306-312. [in Russian]
5. Shmelev D. N. Sovremennyj russkij jazyk. Leksika [Modern Russian language. Vocabulary] / D. N. Shmelev. — M.: Prosvesheniye, 1977. — 336 p. [in Russian]
6. Azerbajdzhan dilinin izahly lugati. 4 dzhildde. IV dzh. [Explanatory dictionary of the Azerbaijani language] — Bakı: Sharq-Qarb, 2006. — 540 p. [in Azerbaijani]
7. Azerbajdzhan dilinin sinonimler lugati [Dictionary of synonyms of the Azerbaijani language] — Bakı: Sharq-Qarb, 2007. — 340 p. [in Azerbaijani]
8. Babajev A. Dilchilija girish [Introduction to Linguistics] — Bakı: Maarif, 2001. — 504 p. [in Azerbaijani]
9. Chamanzaminli J. V. İki ad arasynda [Between two fires] [Electronic resource] / J. V. Chamanzaminli. URL: <https://necminkamil.files.wordpress.com/2014/04/yusif-vc999zir-c3a7c999mc999nzc999minli-qan-ic3a7indc999-romanc4b1.pdf> (accessed: 14.02.2021) [in Azerbaijani]
10. Damirchizade A. Azerbajdzhan dilinin uslubijjaty [Stylistics of the Azerbaijani language] / A. Demirchizade. — Bakı: 1962. — 272 p. [in Azerbaijani]
11. Hasanov H. Azerbajdzhan dilinin leksikasy [Vocabulary of modern Azerbaijani language.] — Bakı: Bakı Universiteti nəşriyyatı, 2000. — 399 p s. [in Azerbaijani]
12. Mednikova E.M. The meaning of the word and methods of its description / E. M. Mednikova. — M. — 1974. — 140 p.
13. Shikhly I. Deli Kur [Crazy Kura] [Electronic resource] / I. Shikhly // URL: http://www.anl.az/el/alf25/shi_se2.pdf (accessed: 14.02.2021) [in Azerbaijani]
14. Veysəlli F. Dil [Language] / F. Veysəlli. — Bakı: Nurlan, 2007. — 298 p. [in Azerbaijani]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.26.2.31>**СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АНТРОПОНИМОВ В АНГЛИЙСКИХ
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ ДЖ. ГОЛСУОРСИ**

Научная статья

Ахметзадина З.Р.^{1*}, Абсальямова Л.Ф.²^{1,2} Сибайский институт (филиал) Башкирского государственного университета, Сибай, Россия

* Корреспондирующий автор (linguist-2017[at]mail.ru)

Аннотация

В статье рассматриваются особенности функционирования антропонимов как элемента сложной образной системы художественного текста. В ходе исследования был проведен анализ теоретических положений, была изучена специфика реализации антропонимов в художественном произведении. В качестве иллюстрации данного явления послужили художественные произведения Дж. Голсуорси. В результате анализа были выявлены структурные особенности функционирования антропонимов в образной системе художественного текста.

Ключевые слова: антропонимы, художественный текст, структурные особенности.

**THE STRUCTURAL FEATURES OF ANTHROPNYMS IN ENGLISH
FICTION TEXTS BY J. GALSWORTHY**

Research article

Akhmetzadina Z.R.^{1*}, Absalyamova L.F.²^{1,2} Sibay institute (branch) of Bashkir State University, Sibay, Russia

* Corresponding author (linguist-2017[at]mail.ru)

Abstract

The article deals with the features of the functioning of anthroponyms as an element of a complex figurative system of a literary text. In the course of the study, the analysis of theoretical positions was carried out, the specifics of the implementation of anthroponyms in a fiction text were studied. As an illustration of this phenomenon, the fiction texts by J. Galsworthy were used. As a result of the analysis, the structural features of the functioning of anthroponyms in the figurative system of the literary text were revealed.

Keywords: anthroponyms, a literary text, structural features.

Introduction

Anthroponyms as units of language connected with the characteristics of the person have been studied from the viewpoint of various aspects (the history of separate categories of onyms, their functioning etc.).

Anthroponyms, as it is known, occupy an important place in the lexicon of any language. In spite of the fact that anthroponyms mean the names of persons, they are considered as extremely important and difficult category of names connected with the history of culture, with psychology of nations, with their traditions and customs. General and special issues of the theory of proper names and methods of onomastic studies are regarded in the works by C.J. Mill, B. Russell, K. Donnellan, H. Dorion, L. Duchesne, A. Gardiner, R. Jacob, O. Jespersen, S. Kripke, M. Picard, J. Poirier, C. Tanguay and others.

Such researchers as N.F. Alefirenko, Yu.A. Karpenko, V.A. Kuharenko, V.N. Mihajlova, A.B. Superanskaya, O.I. Fonjakova consider that "every name is an important element of the text".

Anthroponimics (from Greek. anthropo — the person and ónyma — a name) is a section of onomastics, that studies personal names of people, their origin, changes of these names, geographical distribution and social functioning, the structure and development of anthroponomical system [3, P. 154]. The study of the structure of proper names in general and anthroponyms in particular are represented in the works of A.V. Superanskaya [1969], J.N. Hrinenko [1981], A.A. Zhivogljadova [1987], O.G. Kaverinoy [1991], etc.

Discussion

One of the leading trends in modern onomastics is proper names research in the fiction text. The works of T.V. Bakastova, V.I. Bolotova, V.D. Bondaletova, Yu.A. Karpenko, V.A. Nikonova, G.A. Silaeva are devoted to the investigation of anthroponyms functioning in fiction texts [2, P. 330].

In fiction texts proper names are filled with the contents which involve all knowledge of communicants about the named object, distinguishing in completeness of the qualitative and quantitative information, but involving the subjective attitude to the reviewer.

It is known that anthroponyms as an element of fiction texts are one of important instrument for creating an image. At the same time onyms play a significant role in formation of idea of work as a whole. According to I.B. Hodyreva's remark, "The exact choice of anthroponym in many respects defines the semantic and emotional task of the text as a whole" [4, P. 174-175.] Being an element of the fiction text, the proper names bring a contribution in folding of that set of meanings which are concluded in work. Nevertheless, it is not necessary for the author to realize this variety because ingenious work always larger is than its creator is. According to V.G. Belinsky's remark «... in the name which the real poet gives to the hero, there is a reasonable necessity, which, at the same, time is invisible for the poet» [1, P. 32].

Results

The English fiction texts ("The Forsyte Saga", "The Apple Tree", "The First and Last", "A Stoic", "The Juryman", "The Show: A Drama in Three Acts") by J. Galsworthy served as the **material** for the investigation of the structural features of anthroponyms.

According to the investigated anthroponyms we can distinguish two subgroups which engage the initial and derivational forms of personal names.

It should be noted that a lot of anthroponyms have the initial forms:

For example: 1. *Behind him his cousin, the tall **George**, son of the fifth Forsyte, **Roger**, had a *Quilpish* look on his fleshy face, pondering one of his sardonic jests* [8].

2. *He wished it were vacation and **Maisie** back from school* [7].

3. ***Phyllis**, who had taken her brother by the ear to lead him to the door, let him go to clasp her injured self* [5].

Speaking about the derivational forms of anthroponyms in English fiction text by J. Galsworthy we can determine the derivatives of 14 anthroponyms:

Nick < Nicholas; Phil < Philip; Hol < Holly; Annet < Annette; Tom < Thomas; Larry < Laurence; Ed < Edgar; Will < William; Tom < Tommy; Kat < Kathleen; Rosa < Rosamund; Rob < Robert; Ann < Annie; Mol < Molly.

For example: 1. *Ashurst, on a rock at the edge of the beech clump, watched them, and listened to the cuckoos, till **Nick**, the elder and less persevering, came up and stood beside him* [6].

2. ***Rosa** was one of those precarious ladies who make uncertain incomes by writing full-bodied storyettes* [5].

3. ***Larry**, leaving his brother's house in the Adelphi, walked northwards, rapidly, slowly, rapidly again* [7].

Structurally, anthroponyms are presented by one and two-componential names.

1. One-componential anthroponyms. To this group we can refer the following names:

Ann — "gracious", Emily — "industrious", James — "supplanter", Susan — "lily", Irene — "peace", Annette — "gracious", Imogen — "innocent", Nicolle — "victorious", Thomas — "twin", Megan — "a real", Victoria — "Victory", Ernest — "Earnest", Ellen — "Light", Phyllis — "A leaf", Charles — "Manly" and so on.

2. Two-componential anthroponyms. We can see the following examples:

Timothy — from time "honor, respect" + theos "God"

Nicholas — from nike "victory" + laos "people"

We pay attention to that fact that J. Galsworthy used such foreign names as *Hester, Montague, Imogen, Roger, Annette, Anthony, Nicholas, Venera, Diana, Sabina, etc.* in his fiction texts. The use of borrowings is connected with fact after the invasion of Britain by other countries Old English names gradually began to lose their popularity, and they were replaced by onomastic constructions borrowed from the French, Latin languages. Such names as Richard, Robert, William, Hugo, as well as names of biblical origin – Thomas, John and Peter – began to be used in the naming system more and more. The most intensive assimilation of names with "Old French" roots took place in the ruling circles and the upper level of society.

We can see such anthroponyms in the following extracts:

1. *She took off her cloak, and **Imogen**, with an understanding look, did not even open the drawing-room door for her, but ran downstairs* [8].

2. *On it lay a piece of paper with an effigy drawn in blood, and the three names *Stella Halliday, Sabina Halliday, Freda Halliday*—also in blood, running towards it like the rays of a star* [6].

The fiction world of the English texts is rich in characters having such occasional names, as *Adela, Parfitt, Smither, Warmson, Bilson, Prosper Profond, Jago, Enid, Coles, Crow, Donkin, Scriven, Livinska* etc. Some of these names characterize the hero's social status. For example, *Adela* means "noble", *Prosper* means "fortunate, successful". The social status of the character allows us to refer to it to derivative versions of the anthroponym in various social spheres.

We can see them in the following examples: 1. *Pleasant the touch of her lips on his forehead, the sound of her clear voice, the sight of her slim movements, the feeling that she did him credit-clean-run stock, she and that young scamp *Jock*-better than the holy woman, his daughter **Adela**, would produce if anyone were ever fool enough to marry her, or that pragmatical fellow, his son *Ernest*.*

2. ***Livinska**—I just call myself* [7].

3. *But **Crow & Donkin**, not **Scriven & Coles**, were old *Heythorp's* solicitors* [5].

We should note that there are not any examples of using patronymic names in fiction texts by J. Galsworthy, which can be explained by the historical development of English anthroponymic system.

We can see the realization of surnames in simple structures in English fiction texts. We have revealed such surnames as *Forsyte, Dartie, Mont, Bosinney, Profond, Darrant, Anthony, Foggart, Pillin, Bosengate, Garton, Heythorp, Ashurst* and so on.

For example: 1. *At the head of it, in the Chairman's seat, sits John **Anthony**, an old man.*

2. *Mid-theatre-hour, and the 'Great Parasite'— as Sir James **Foggart** called it — was lying inert, and bright* [10].

3. *"My dear fellow," **Garton** was saying, "pity's only an effect of self-consciousness; it's a disease of the last five thousand years. The world was happier without."* [6].

4. *Two faces looked at her from round the door; she heard Bob **Pillin's** smothered chuckle; her mother's rich and feathery laugh.*

5. *And old **Heythorp**, digesting his osyters, snuffed the scent of the hyacinths, and thought of the *St. Germain*, his favourite soup* [5].

As a result of the consideration the "internal" structures of proper names in the novel are used as the basic resource in disclosing of the author's plan, we manage to open «multi-layer» and multi-dimensionality of author's anthroponyms game of "clashing" senses. They help to open the basic idea of the novel consisting in necessity for the person in the conscious choice between good and bad.

We have divided anthroponyms into two groups: central and peripheral.

We can refer the names of main characters of English fiction texts to the central group, for example: *Jolyon, Ann, James, Emily, Roger, Soames, June, Holly, Stella, Keith, Laurence, Sylvanus, Henry, John* and others.

In English fiction texts we come across the following examples: 1. *In the centre of the room, under the chandelier, as became a host, stood the head of the family, old Jolyon himself* [8].

2. *This was the idea of Stella Ashurst, whose character contained a streak of sentiment* [6].

3. *But that was what Keith Darrant liked, after his day's work-the hard early morning study of his "cases," the fret and strain of the day in court* [7].

4. *And, lonely, in his chairman's seat at the top end old Sylvanus Heythorp sat, with closed eyes, still and heavy as an image* [5].

5. *Mr. Henry Bosengate, of the London Stock Exchange, seated himself in his car that morning during the Great War with a sense of injury* [9].

6. *At the head of it, in the Chairman's seat, sits John Anthony, an old man* [10].

We can refer the names of the minor and incidental heroes to the peripheral group. The meanings of their names develop from some sphere of the interconnected general and united meanings which degree of expressiveness depends on the peculiarities of dictionary registration of every plot structure in which they are used and on the adequacy of degree of readers' awareness. Thus, the group of anthroponyms of minor and incidental characters we have divided into two subgroups:

— Names with open semantics: *Hester, Timothy, Philip, Montague and so on.*

For example: 1. *Philip Bosinney was known to be a young man without fortune, but Forsyte girls had become engaged to such before, and had actually married them.*

2. *"But where," he asked, "was Timothy? Hadn't he come with them?"*

3. *When his son-in-law Montague Dartie had that financial crisis, due to speculation in Oil Shares, James made himself ill worrying over it; the knell of all prosperity seemed to have sounded* [8].

— Names with closed semantics: *Parfitt, Smither, Warmson, Bilson, Prosper, Profond, Asches, Livinska, Megan, Guardy, Grow, Donkin, Coles, Lewis and so on.*

For example: 1. *"And what's your name?" — "Megan David."* [6].

2. *It is hard, Guardy; I worked my brain silly over that story* [5].

3. *I won't stand by and let poor Annie Roberts suffer like this!*

4. *Madge Thomas, daughter of Henry Thomas* [10].

Conclusion

So, the names with open semantics don't demand additional interpretation since their meanings are obvious from the text. Unlike them, the symbolics of names with closed semantics "is more veiled". Here their interpretation depends on knowledge of history, myths, creativity of J. Galsworthy, and also the English language.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Белинский А.А. Лексикология / Белинский А.А. – М., 1984. – С. 32.
2. Никонов В.А. Антропонимика / Никонов В.А., Суперанская А.В. – М.: Наука, 1970. – С. 330.
3. Тупиков Н.М. Заметки к древнерусским именам / Тупиков Н.М. – СПб., 1903. – С. 154.
4. Ходырева И.Б. Имя собственное в художественной прозе / Ходырева И.Б. – Екатеринбург: изд.-во Урал. ун.-та, 1997. – С. 174-175.
5. Galsworthy J. A Stoic / Galsworthy J. – 1916.
6. Galsworthy J. The Apple Tree / Galsworthy J. – 1916
7. Galsworthy J. The First and Last / Galsworthy J. – 1914
8. Galsworthy J. The Forsyte Saga / Galsworthy J. – 1906
9. Galsworthy J. The Juryman / Galsworthy J. – 1918
10. Galsworthy J. The Show: A Drama in Three Acts / Galsworthy J. – 1925

Список литературы на английском / References in English

1. Belinskij A.A. Leksikologiya [Lexicology] / Belinskij A.A. – М., 1984. – P. 32. [in Russian]
2. Nikonov V.A. Antroponimika [Anthroponymics] / Nikonov V.A., Superanskaya A.B. – М.: Nauka, 1970. – P. 330. [in Russian]
3. Tupikov N.M. Zametki k drevnerusskim imenam [Notes on Old Russian names] / Tupikov N.M. – SPb., 1903. – P. 154. [in Russian]
4. Hodyreva I.B. Imya sobstvennoe v hudozhestvennoj proze [Proper name in fiction] / Hodyreva I.B. – Ekaterinburg: izd.-vo Ural. un.-ta, 1997. – P. 174-175. [in Russian]
5. Galsworthy J. A Stoic / Galsworthy J. – 1916.
6. Galsworthy J. The Apple Tree / Galsworthy J. – 1916
7. Galsworthy J. The First and Last / Galsworthy J. – 1914
8. Galsworthy J. The Forsyte Saga / Galsworthy J. – 1906
9. Galsworthy J. The Juryman / Galsworthy J. – 1918
10. Galsworthy J. The Show: A Drama in Three Acts / Galsworthy J. – 1925

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.26.2.28>**ЦИКЛИЧЕСКАЯ ФАБУЛЬНАЯ МОДЕЛЬ В ГОТИЧЕСКОМ РАССКАЗЕ Х. УОЛПОЛА
«МАЛЕНЬКОЕ ПРИВИДЕНИЕ»**

Научная статья

Бурцева М.А. *

ORCID: 0000-0003-2801-2604,

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, Якутск, Россия

* Корреспондирующий автор (donnarosa36912[at]mail.ru)

Аннотация

В статье проводится анализ фабулы рассказа английского писателя Х. Уолпола «Маленькое привидение» в соответствии с циклической моделью сюжетосложения. Последовательно выделяются: отправка главного героя в графство Глебесшир после смерти близкого друга; пребывание в старинном доме семьи Болдуинов в поисках тишины и уединения; счастливое возвращение в Лондон, знаменующее восстановление исходной ситуации. Основной этап циклической схемы гипертрофируется в кумулятивный сюжет испытаний, ключевыми элементами которого становятся столкновения героя с холодным рационализмом хозяев, стихийным волюнтаризмом детей и контактом с существом из потустороннего мира. Редуцированная кумулятивная схема испытаний реализуется в пределах сюжетной линии призрака, совмещающейся с линией героя, что обуславливает идентичность художественного итога произведения в отношении этих персонажей. Аналитическое исследование рассказа Х. Уолпола на основании универсальной фабульной схемы позволяет, с одной стороны, рассматривать его в русле готической традиции, с другой - полнее раскрыть его художественное своеобразие.

Ключевые слова: готический рассказ, фабула, циклическая модель, кумулятивная схема, Х. Уолпол.

THE CYCLIC FABULA MODEL IN THE GOTHIC STORY “THE LITTLE GHOST” BY H. WALPOLE

Research article

Burtseva M.A. *

ORCID: 0000-0003-2801-2604,

North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, Yakutsk, Russia

* Corresponding author (donnarosa36912[at]mail.ru)

Abstract

The article analyzes the fabula of the story “The Little Ghost” by an English writer Hugh Walpole following the cyclical model of plot construction. The sequence of events is as follows: the main character setting off to the County of Glebesshire after the death of a close friend; his stay at the old house of the Baldwin family in search of peace and solitude; his happy return to London, marking the restoration of the original situation. The main stage of the cyclic scheme is hypertrophied into a cumulative plot of tests, the key elements of which being the hero's encounters with the cold rationalism of the owners and the spontaneous voluntarism of the children, as well as a contact with a creature from the other world. The reduced cumulative test scheme is also implemented within the ghost storyline, combined with the hero's line, which determines the identical artistic outcomes in relation to these characters of the story. Based on the universal fabula scheme, an analytical study of H. Walpole's story allows, on the one hand, to consider it in the context of the Gothic tradition and on the other hand – to reveal its artistic originality in full.

Keywords: Gothic story, fabula, cyclic model, cumulative scheme, H. Walpole.

Введение

Английская готическая литература как группа преимущественно прозаических жанров оформилась во второй половине XVIII в. на основе длительной традиции и характеризуется атмосферой ужаса и тайны, связанной с изображением особых мест действия (замок, заброшенный дом, монастырь, кладбище и т.п.), а также контактами персонажей с миром сверхъестественного (появление призраков, видения, галлюцинации, кошмары и т.д.) [5, С. 49]. Произведения классиков готической прозы — Х. Уолпола, А. Радклиф, М. Г. Льюиса, Ч. Метьюрина и др. — во многих отношениях подготовили «ренессанс чудесного» на рубеже XVIII — XIX вв. в условиях кризиса просветительского сознания, «в период, когда категория воображения завоевывала равноправные с разумом позиции» [7, С. 88], сыграв существенную роль в формировании эстетики романтизма.

Готическую традицию в английской литературе XIX столетия продолжил «рассказ с привидением», эмоционально-художественной задачей которого было не только «испугать», но и развлечь читателя [2, С. 7]. «Писатели очень скоро осознали, что наибольший эффект производят достаточно небольшие по объему произведения» [14, Р. 94]. Как особая литературная форма, «рассказ с привидением» имеет свой жанровый канон, традиционными элементами которого остаются, в частности, фигурирование в повествовании призрака, призванного способствовать созданию таинственной атмосферы, отдаленное, уединенное место действия, в истории которого было некое зловещее событие [13, С. 9]. При этом произведения отличаются более тонкие, психологически и художественно изощренные подходы к трактовке сюжетов о привидениях [13, С. 10]. Кроме того, согласно А. А. Липинской, готическая новелла предполагает несколько иную картину мира (вторжение сверхъестественного в жизнь обычных людей, потенциальная множественность интерпретаций и т. д.) [4].

Расцвет жанра готического рассказа приходится на рубеж XIX — XX веков и представлен творчеством Э. Несбит, В. Ли, Б. Стокера, Э. Уортона, У. У. Джейкобса, М. Р. Джеймса, Э. Ф. Бенсона, Э. Блэквуда, Э. Г. Суэйна, Э. Норткота,

Х. Уолпола и др. Не изменяя своей исконной природе, «рассказ с привидением» усилиями названных авторов обретает новые грани и оттенки, обогащается неожиданными темами и мотивами [13, С. 16], среди которых одиночество человека в современном мире, психические тревоги, разрушительные, антигуманистические тенденции в жизни общества, «но сама пружина жанра — чувство страха — бесспорно осталась, а может быть, стала осязаемой» [2, С. 10].

Английский писатель Хью Уолпол (Hugh Walpole, 1884-1941), потомок знаменитого Горация Уолпола, автора первого готического романа «Замок Отранто» (1764), продолжил традицию «литературы страха и ужаса», создав несколько произведений в духе мистической прозы. Наиболее известные из них — рассказы «Миссис Лант» (1927), «Снег» (1929), «Тарнхельм» (1929), а также романы «Портрет человека с рыжими волосами» (1925) и «Убийца и убитый» (1941) [1, С. 873].

В настоящей статье проводится анализ фабульной организации рассказа Х. Уолпола «Маленькое привидение» («The Little Ghost», 1922), входящего в авторский сборник «Ночь всех душ» («All Souls Night»). Цель исследования — на основании анализа структуры готического текста проследить художественную специфику «этого непритязательного “малого жанра”» [13, С. 18]. В основе сюжета рассказа — череда таинственных событий, произошедших с лондонским журналистом в старинном доме в графстве Глестершир, куда он приезжает после смерти близкого друга. В течение нескольких ночей его комнату посещает призрак маленькой девочки, общение с которым позволяет ему примириться с утратой и вновь обрести душевный покой.

Методы и принципы исследования

По мысли П. Рикера, «история, чтобы стать логикой рассказа, должна обратиться к закрепленным в культуре конфигурациям, к схематизму повествования, оперирующему в типах интриг, воспринятых из традиции. Только благодаря этому схематизму действие может быть рассказано» [6, С. 50]. Этот тезис получает подтверждение со стороны одного из корифеев готической прозы М. Р. Джеймса, который в предисловии к сборнику рассказов «Призраки и чудеса: Избранные рассказы ужасов от Даниэля Дефо до Эдджертона Блэквуда» (1924), в частности, писал: «Истории о привидениях представляют собой не более чем разновидность рассказа и подчиняются тем же правилам, что и любой другой рассказ» [3, С. 5].

По определению Б. В. Томашевского, «фабулой называется совокупность событий, связанных между собой, о которых сообщается в произведении... Фабуле противостоит сюжет: те же события, но в их изложении, в том порядке, в каком они сообщены в произведении, в той связи, в какой даны в произведении сообщения о них» [9, С. 119]. С точки зрения исторической поэтики гораздо эффективнее при анализе сюжета с оригинальной фабулой пользоваться системой исторически сложившихся фаз сюжетного развертывания текста [10, С. 39]. Одной из универсальных моделей сюжетосложения является циклическая модель восстановления исходной ситуации [11, С. 66], имеющая трехчастную структуру: «среднее звено связано с пребыванием персонажа в чужом для него мире и /или прохождением через смерть (в том или ином смысле — от буквального до всего лишь инсказательного), первое и третье представляют собой либо отправку в чужой мир и возврат, либо смену состояния, предшествующего кризису, последующим возрождением» [8, С. 204].

Основные результаты

В рассказе «Маленькое привидение» повествование складывается из отправки главного героя на юго-восточное побережье Англии после утраты близкого друга, его двухнедельного пребывания в старинном доме семьи Болдуинов в поисках тишины и уединения и счастливого возвращения в Лондон, представляя собой совмещение двух инвариантов циклической сюжетной схемы: «утрата — поиск — обретение» и «отправка — пребывание — возврат». Также следует отметить, что центральная фаза пребывания в чужом мире, в свою очередь, разворачивается для героя в кумулятивную схему прохождения через испытания.

Начальный этап сюжетного развертывания открывается известием о скоропостижной смерти Чарльза Бонда и представлен в форме ситуации утраты: «*Неожиданно я потерял своего лучшего друга*» [12, С. 580] (Перевод М.В. Куренной), главным образом, с позиции главного героя. Последующая развернутая характеристика давнего друга: «*Добродушие, свобода от всякой зависти, естественность поведения, чувство юмора...*» [12, С. 581], а также медитативные размышления о собственной судьбе: «*до последнего дня жизни мне всегда будет так сильно не хватать Чарльза*» [12, С. 581] также раскрываются в пассивном ракурсе страдания. Кроме того, в воспоминаниях героя о друге, помимо передачи своего настоящего душевного состояния, содержится описание предшествующей ситуации: «*именно эта дружба носила характер глубокий и счастливый, как никакая другая*» [12, С. 580]. Переломный характер события подчеркивается чередой фаталистических рассуждений героя: «*я не понимал еще, что отныне и навсегда все изменилось в моей жизни*» [12, С. 582] с четким разделением категорий прошлого, настоящего и будущего, завершающихся печальной констатацией, что смерть друга «*стала кризисом моей жизни*» («*was a crisis in my human experience*») [15].

Исходная ситуация получает наиболее яркое воплощение в связи с описанием психологического состояния главного героя, в рамках которого, в частности, упоминаются беспокойство: «*С тех пор я не ведал покоя*», апатия: «*Весь мир казался мне серым, бесполезным и бессмысленным*», утрата связи с реальностью: «*С тех пор я перестал понимать, что со мной происходит*» [12, С. 582]. В дальнейшем душевные страдания усугубляются физиологическими нарушениями: «*I lost my appetite*» («*Я потерял аппетит*») [15], проявляющимися в форме утраты естественных ощущений. Описания разнокачественных состояний страдания героя существенно усиливают композиционно-смысловую значимость исходной ситуации утраты и обуславливают как дальнейшее развитие сюжетного действия, так и его переход в новую вариативную форму.

Ситуация утраты сюжетно мотивирует последующую ситуацию отправки в чужой мир, которая в рассказе представлена поездкой героя на юго-восточное побережье Англии: «*взял в редакции газеты двухнедельный отпуск и уехал в Глебешшир*» [12, С. 582]. Переезд героя на новое место жительства сопровождается описанием изменения его душевного состояния: «*Свежий воздух, широкие пространства пустоши и запах моря привели меня в восторг*» [12, С. 582]. Однако первоначальное воодушевление в связи с переменной обстановки скоро сменяется еще одним приступом уныния: «*радость моя оказалась непродолжительной*», которое вновь заостряется до мучительных физических проявлений: «*Ночь за ночью я не мог заснуть*» [12, С. 582].

Доминирующий и на этом этапе повествования мотив утраты: «*я тосковал по умершему другу*» [12, С. 582] дополняется мотивом вины, которую он испытывает при воспоминании о своем прежнем несправедливом отношении к Чарльзу Бонду: «*вспомнил свой покровительственный, снисходительный тон и легкое презрение*» [12, С. 583] и запоздалым сожалением об утраченной возможности отдать должное его дружеской привязанности: «*я бы изо всех сил постарался показать ему <...> что именно мне, а не ему, повезло с другом!*» [12, С. 583]. В дальнейшем переживания героя, которые, вопреки его ожиданиям, только усиливаются на новом месте пребывания: «*очень скоро мне стала ненавистна сверх всякой меры эта деревушка*» [12, С. 583], способствуют формированию новой сюжетной ситуации отправки, на этот раз, в вполне конкретном направлении — в северную часть графства Глебешшир, в дом семьи Болдуин, дальних родственников героя: «*Из письма пожилой леди я узнал <...> что они с радостью примут меня в качестве гостя*» [12, С. 583]. Примечательно, что в высказывании героя-рассказчика относительно перспективы новой поездки впервые содержится неявное указание на характер предстоящих необыкновенных событий: «*...experienced one of those strange journeys*» («*...пустился в одно из тех странных путешествий*») [15] задолго до их начала в повествовании. Одновременно в тексте возникает качественно иное описание внутреннего состояния героя, включающее, в частности, весьма характерный для готической литературы мотив предчувствия: «*на меня снизошли непонятные покой и умиротворение*»; «*я зашагал вниз по улице <...> томимый какими-то неясными предчувствиями*» [12, С. 584]. Дублирование сюжетного этапа отправки явственно перекликается с двойным планом развертывания циклической сюжетной схемы, представленной, с одной стороны, пространственным перемещением героя, с другой — духовными поисками, о чем недвусмысленно свидетельствует его последняя фраза перед началом путешествия: «*я направляюсь к Болдуинам и, вероятно, буду счастлив там*» [12, С. 584].

Как было уже указано, этап пребывания героя в новом жизненном пространстве, сопровождающийся поисками душевного равновесия, разворачивается для него в самостоятельный кумулятивный сюжет испытаний. В пределах этой сюжетной схемы начальную экспозицию действия составляет, прежде всего, ситуация, сложившаяся в доме Болдуинов к его приезду: «*дом казался полным народа: взрослых и детей*» [12, С. 585], которую можно расценивать как неблагоприятную, поскольку она противоречит главной цели — поиску покоя и уединения. При этом ее ключевым элементом становится присутствие в доме большого количества детей, буйное поведение которых явно беспокоит пребывающего в унынии рассказчика, чем, в частности, вызвано его глубокомысленное замечание: «*Многое можно сказать в пользу свободы современных детей. Многое можно сказать и против нее*» [12, С. 585]. Бестактное поведение юных представителей семейства Болдуинов, которые «*вопили, визжали, опрокидывали взрослых, словно мебель*» [12, С. 585], их бесцеремонное вторжение в личное пространство гостя выступает, с одной стороны, средством маргинализации образов детей, с другой — разрушением традиционного жизненного уклада: «*со взрослыми совершенно не считаются и за людей их не держат*» [12, С. 585], неприемлемого с позиции главного героя. Однако в этой малозначительной в сюжетном отношении локальной ситуации противостояния содержится также и неявное указание на центральный художественный конфликт произведения: столкновение беспокойной энергии современности и безмятежного, упорядоченного прошлого, с которым соотносится, в частности, мистический план повествования.

Еще одним элементом экспозиции, питающим меланхолическое настроение главного героя неожиданно становится поведение хозяйки дома, которая: «*в тот вечер по какой-то неясной мне причине раздражала меня*» [12, С. 585], несмотря на прежнюю привязанность к ней: «*Я всегда любил миссис Болдуин*» [12, С. 585]. Начальное непонимание природы этой странной неприязни затем вновь получает обоснование на уровне противостояния прошлого и настоящего: «*я почувствовал, что старые стены отторгают новую хозяйку*» [12, С. 585], в котором позиция главного героя обусловлена тоской по безвозвратно ушедшим счастливым временам. Кроме того, обособление героя вызвано абсолютным непониманием со стороны миссис Болдуин душевного состояния своего племянника, которое, в частности, позволяет ей с полной уверенностью заявить: «*Вы по-настоящему отдохнете здесь. И дети позаботятся о том, чтобы вы не скучали*» [12, С. 586]. Свидетельством окончательного разрыва их прежних связей становится следующее безрадостное высказывание гостя: «*я остро осознал, что никогда не смогу говорить с ней о вещах, действительно имеющих для меня значение*» [12, С. 586].

К числу благоприятных элементов экспозиции следует отнести, прежде всего, внутреннее пространство действия рассказа — комнату героя в старинном доме, которую он, по собственному выражению, «*loved at once*» («*сразу полюбил*») [15]. При этом немаловажным фактором восхищения героя снова становится явственное отнесение к прошлому, в частности, традиционная обстановка спальни, включающая «*an old four-poster*» («*старинную кровать с четырьмя столбиками*»), «*charming hangings of some old rose-coloured damask*» («*очаровательный полог из старого розового дамаста*»), «*an old gold mirror*» («*старинное зеркало в золоченой раме*»), «*an oak cabinet*» («*старое дубовое бюро*») [15] и прочие предметы мебели, отмеченные налетом благородной старины. Примечательно, что первые же минуты пребывания в комнате позволяют герою испытать если не душевное, то физическое облегчение: «*Я подтащил к камину кресло, уютно устроился в нем и мгновенно погрузился в сон*» [12, С. 586]. После короткого отдыха благотворное влияние старомодной респектабельной обстановки становится еще более выраженным не только внешне, но и внутренне: «*я пробудился с чувством всепоглощающего покоя и умиротворения*» [12, С. 586] и в некоторой степени смягчает состояние опустошенности и уныния, в котором пребывает гость: «*я <...> самым*

странным образом угадывал в ней ту атмосферу любви и дружбы, которой мне так не хватало последние несколько недель» [12, С. 586]. Использованное рассказчиком выражение «*I had a curious sence*» («у меня было странное чувство») [15] получает обоснование в следующей сцене экспозиции, определяющей характер дальнейшего развития событий в повествовании.

Наконец, начальная экспозиция действия включает первое таинственное событие: «*Неожиданно мне показалось, что, кроме меня, в комнате находится еще кто-то*» [12, С. 587], проявляющееся в форме необычного аудиального эффекта: «*Мне послышался некий легкий шорох*» [12, С. 587], который при других обстоятельствах мог вызвать у героя вполне закономерный испуг. Однако этого не происходит, более того, к общему ощущению умиротворения добавляется конкретное чувство, которое испытывает человек, «*находясь в одной комнате с очень близким другом*» [12, С. 587]. Таким образом, последний элемент экспозиции, с одной стороны, демонстрирует перемену душевного состояния героя и переводит сюжетное действие в сферу сверхъестественного, с другой — структурно подготавливает развертывание нового этапа кумулятивной цепи событий.

Этап кумуляции, представленный в форме различных испытаний, через которые проходит главный герой, включает, прежде всего, конфликтную ситуацию с семейством Болдуинов, задавшихся целью во что бы то ни стало избавиться свой дом от налета старины и придать ему современный вид. Это становится настоящим испытанием для чувств главного героя, в глазах которого и без новомодных переделок «*это был чудесный старый дом*» [12, С. 587]. Следует отметить, что это испытание герою преодолеть не удастся, и в итоге «*дом никогда больше не казался мне таким, каким впервые предстал моему взору*» [12, С. 587]. Потенциальную конфликтность ситуации подчеркивают использованные в отношении хозяев выражения рассказчика: «*fought a battle*» («*вступили в схватку*») и «*defeated it*» («*вышли победителями*») [15]. Отношение к триумфаторам сражения отчасти раскрывается в характеризующем Болдуинов медитативном высказывании героя: «*основная их задача в этом мире — подчинять все вещи своему влиянию и заставлять их работать на благо общества*» [12, С. 587], смысл которого заключается в утверждении индивидуализма новых хозяев, а также присущей им жизненной позиции прагматизма. В безрадостных размышлениях гостя снова возникает указание на центральный конфликт произведения — на этот раз, в форме столкновения категорий рационального и возвышенного.

Отношение хозяйки дома к сверхъестественным явлениям демонстрирует ее короткий рассказ о якобы обитающем в доме призраке: «*О, привидения здесь есть, конечно <...> В нем был убит один из самых опасных контрабандистов, и его призрак до сих пор обитает в подвале*» [12, С. 588], имеющий ярко выраженное ироническое звучание: «*Впоследствии, конечно, выяснилось, что в подвале обитал сам дворецкий, а вовсе не призрак*» [12, С. 588]. Однако возмущение героя вызывает не сколько неуместный юмор миссис Болдуин, сколько расхождение во взглядах относительно старинного поместья, очарование которого с ее стороны безжалостно принижается: «*это не очень уютный дом*» [12, С. 588]. Сам он принимает ситуацию настолько близко к сердцу, что это порой вынуждает его открыто выражать свое возмущение: «*Совершенно беспричинный гнев закипел в моей душе, когда я однажды случайно услышал, как Болдуины обсуждают планы перестройки особняка*» [12, С. 590], рискуя утратить доброе отношение любящих родственников. Однако именно такие эмоциональные всплески позволяют составить истинное представление о герое, который «*по общему мнению, не был одарен богатым воображением*» [12, С. 589], но при этом обнаруживает живую сопричастность судьбе старого дома и думает о нем «*словно о живом существе*». В дальнейшем именно это свойство характера позволит ему войти в контакт с существом из потустороннего мира и проникнуться его печалью.

Помимо обозначенной ситуации, расхождение точек зрения хозяйки и гостя наблюдается и в других вопросах. Так, например, миссис Болдуин поощряет поведение детей в доме и находит оправдания их бесчисленным шалостям. Более того, она уверена в благотворном влиянии детского общества на окружающих, в том числе и на мрачного гостя, и, вопреки его мнению, «*все мы должны были снова стать на десять лет моложе*» [12, С. 592]. В этом отношении не вызывает удивления сдержанная реакция гостя на ее слова и высказанное им саркастическое замечание: «*Сам я не чувствовал себя особенно молодым в тот вечер (в действительности мне было лет эдак девятьсот)*» [12, С. 585].

Губительное противостояние с детьми формирует в пределах сюжетной линии главного героя очередную ситуацию испытания, значительно превосходящую предыдущую по сложности преодоления. Образы детей раскрываются в повествовании в качестве носителей некоей разрушительной стихийной силы: «*Они казались свирепей и необузданней дикарей*» [12, С. 588]. Использованные рассказчиком выражения «*things*» («*существа*»), «*the wildest savages*» («*дикари*»), «*devils*» («*дьяволята*») [15] придают им явственный демонический колорит, который получает конкретное воплощение в отношении отдельных персонажей. Так, в рассказе упоминаются два маленьких мальчика с «*холодными настороженными глазами*», проявляющие недетскую искусственность в разного рода циничных манипуляциях: «*никогда не протестовали в ответ на упреки и ругань, но затем плели интриги, в сети которых непременно попадался обидчик*» [12, С. 588]. Этот эпизод, мнимо избыточный в конструктивном плане, по мысли автора, обладает существенной семантической значимостью в плане раскрытия обманчивой природы зла, которое может принимать самый невинный облик.

Наивысшего напряжения конфликтная ситуация с детьми достигает в эпизоде дня (точнее, ночи) рождения одного из них, когда слабость героя перед их энергичным натиском становится особенно очевидной: «*Я <...> исключительно из соображений самозащиты вынужден был бегать взад-вперед по коридорам и прятаться за дверьми*» [12, С. 592]. Наглядной демонстрацией неспособности героя преодолеть этот этап кумулятивной цепи становится его поспешное бегство: «*Я скрылся в свою комнату, зажег одну свечу и запер дверь*» [12, С. 593].

Очередным испытанием героя становится обозначенная на этапе экспозиции ситуация столкновения со сверхъестественными явлениями. Начальная сцена в спальне, когда ему послышался странный шорох, повторяется в последующие ночи: «*Я вздохнул, и мне почудилось, что кто-то тихо вздохнул за моей спиной*» [12, С. 589]. В дальнейшем аудиальные эффекты дополняются таинственными визуальными: «*Затем я с особым вниманием*

взгляделся в дальний угол, и мне померещилось, что там кто-то есть» [12, С. 589] и психологическими проявлениями: «мне чудилось, что новые дружеские узы связывают меня не только с Бондом, но еще с кем-то» [12, С. 590]. Восприятие героем этой необычной ситуации в положительном ключе обуславливает установление новых межсубъектных связей, а именно, инициированный им контакт с призрачным существом: «Если здесь есть кто-нибудь, — громко сказал я, — то знайте: я чувствую вашу близость и рад ей» [12, С. 590]. Дальнейшая последовательность мистических событий разворачивается по установленному принципу нарастания: сначала в комнате появляется привидение («на меня смотрело некое призрачное существо») [12, С. 591], которое затем приобретает более определенную форму («из тьмы как будто выступили еле различимые очертания детской фигуры») [12, С. 591], наконец, становится ясно, кем именно оно является («я увидел перед собой парившую в воздухе фигуру маленькой девочки») [12, С. 591]. При этом описание призрака: «хрупкая и легкая, как лист серебристой березы, как призрачный шлейф вечернего облачка» [12, С. 591] разительно контрастирует с более ранней передачей детских образов и отличается подчеркнутой поэтичностью. Портретная характеристика привидения включает «огромные черные, широко распахнутые глаза» [12, С. 591], описание которых перекликается с «холодным настороженным взглядом» злобных близнецов, а его «застенчивая улыбка» [12, С. 591] — с «визгами и воплями» малолетних исчадий. Помимо этого, рассказчик упоминает «выражение страха, удивления и беззащитности, взывавшее о добром участии» [12, С. 591], немаловажную деталь, во многом обуславливающую характер последнего испытания главного героя.

В напряженном эпизоде детского праздника спокойствие и безопасность гостя вновь оказываются под угрозой, когда у его дверей раздаются шум, смех и громкие крики детей, требующих впустить их в спальню. Однако на этот раз реакция героя на их вторжение обусловлена, прежде всего, стремлением оградить от опасности испуганное привидение: «я осознал необходимость защитить и успокоить кого-то» [12, С. 593]. Повторение ситуации противостояния и качественное изменение в ее рамках поведения героя: «Они не войдут сюда. Я позабочусь о том, чтобы никто не тронул тебя» [12, С. 593], не только компенсируют его раннюю несостоятельность, но и определяют характер надвигающейся финальной катастрофы. Дополнительным свидетельством восстановления его статуса становится утверждение, что, успокаивая и утешая призрак девочки, «он сам находил утешение в ее близости» [12, С. 593].

Завершением линии главного героя в пределах основного этапа сюжетного развития становится ясное осознание того, что «горькое чувство утраты» [12, С. 593] отныне не владеет им, а его уверенность в том, что это чувство «больше никогда не вернется» [12, С. 593], перекликается с ранним пессимистическим утверждением, что отныне он никогда не будет счастлив в дружбе, манифестируя кардинальные изменения его сознания. Помимо этого, обновленное состояние духа главного героя подпитывается открывшейся ему истиной о том, что «сильную любовь смерть уничтожит не в силах» [12, С. 593], которая может быть в равной степени отнесена как к его собственной жизненной драме, так и к трагедии неупокоенного призрака.

Сюжетная линия привидения также реализует редуцированную трехчастную кумулятивную схему, при этом на этапе экспозиции действия она совпадает с линией главного героя (ситуация таинственного шороха в спальне). Что касается нарастания напряжения, также представленного в форме испытаний, на этот раз выпавших на долю потустороннего существа, то к нему могут быть отнесены содержащиеся в рассуждениях гостя объяснения причин полночных явлений призрака: «я <...> имею дело с крепкой привязанностью, которая родилась из нужды куда более острой, чем моя» [12, С. 592]. Перечисление факторов страдания: «нашел в заброшенном уголке старого дома какого-то ребенка», «забытого прежними жильцами», «страшно напуганного шумным весельем и жестоким эгоизмом новых обитателей» [12, С. 592] выстраивается по принципу кумулятивной цепи, элементы которой приобретают все более определенные и печальные черты. Примечательно, что в сцене размышлений о мертвой девочке герой отказывается от свойственной ему позиции мрачного индивидуализма и впервые после смерти Чарльза Бонда приближается к судьбе другого существа. Этот незаметный в свете разворачивающихся вокруг таинственных событий микроэпизод на деле может составлять своеобразный художественный итог всего произведения. Парадоксальным образом душевно и физически опустошенный герой, жаждущий тишины и уединения, возрождается к жизни путем соприкосновения к бытию иной, inferнальной личности: «я почувствовал, как некое потустороннее сердце бьется в такт моему» [12, С. 594], заново открывая для себя ценность близости «другого» и, таким образом, вновь обретая утраченную целостность.

Ключевым эпизодом кумуляции, в котором линии героев вновь совмещаются, является ночная сцена в спальне. Степень напряжения на этом этапе обуславливает возникновение нетипичных для передачи образа призрака телесных характеристик: «Она <...> смотрела на меня расширенными от ужаса глазами», «узкая грудь девочки тяжело и часто вздымалась», «маленькие ручки судорожно стиснуты» [12, С. 593], образующих примечательное, смыслоуказывающее отступление от традиции представления бестелесных существ в готической литературе. Дело в том, что по мере развития событий inferнальная природа персонажа в глазах героя все больше отступает на задний план, уступая место его человеческой сущности.

Финальная катастрофа в пределах сюжетной линии призрака снова представлена в ракурсе восприятия героя и включает предположение, что, несмотря на привязанность призрачной девочки к старому дому, рационализм и бездушие новых хозяев в конечном итоге вынуждают ее покинуть привычное место обитания, и в ту ночь она в последний раз приходила «попрощаться не только со мной, но и со всем, что было ей дорого в этом мире» [12, С. 593].

Наконец, заключительный этап внешней циклической модели повествования венчается возвращением героя в Лондон «счастливым как никогда прежде» [12, С. 594], знаменуя не только восстановление исходной сюжетной ситуации, но и гармонии миропорядка. Ситуация обретения, помимо обновленного вкуса к жизни, получает конкретное воплощение в последней сцене рассказа, когда он получает по почте старинную деревянную куклу,

«раскрашенную красками и наряженную, как мне показалось, по моде времен королевы Анны» [12, С. 594]. Функционирование мотива обретения в этой сцене распространяется и на сюжетную линию инфернального персонажа, поскольку вышитое на платье куклы имя «Энн Трелони, 1710» [12, С. 594], позволяет наделить маленькое привидение индивидуальным человеческим статусом, что, в свою очередь, перекликается с итоговым восстановлением целостности личностного бытия главного героя.

Заключение

Таким образом, фабульная организация рассказа «Маленькое привидение» соответствует циклической модели сюжетосложения и состоит из начальной ситуации отправки главного героя в графство Глебесшир после постигшей его утраты, ситуации пребывания в старинном доме семьи Болдуинов в поисках душевного покоя, а также ситуации возврата, ознаменованной новым возрождением к жизни. Основной этап циклической сюжетной схемы разворачивается в самостоятельный кумулятивный сюжет испытаний, ключевыми элементами которого последовательно становятся столкновения героя с холодным рационализмом хозяев, стихийным волонтаризмом детей и контактом с существом из потустороннего мира. Редуцированная кумулятивная цепь испытаний реализуется и пределах сюжетной линии маленького привидения, которая совмещается с линией главного героя, демонстрируя не только их тесное сюжетное взаимодействие, но и равноценность художественного итога произведения в отношении этих персонажей.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Брилова Л. Ю. Хью Уолпол / Л. Ю. Брилова // Церковное привидение: Собрание готических рассказов. - СПб.: Азбука, 2010. - С. 858-862.
2. Васильева И. Н. Причуды готики / И. Н. Васильева // Шедевры английского готического рассказа: в 2-х т. Т. 1. - М.: Слово/Slovo, 1994. - С. 5-10.
3. Джеймс М. Р. Из предисловия к сборнику «Призраки и чудеса: Избранные рассказы ужасов. От Даниэля Дефо до Эдджернона Блэквуда» / М. Р. Джеймс // Клуб Привидений: Рассказы. - СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2008. - С. 5-6.
4. Липинская А. А. «Злой граф»: к истории одного типажа в британской готической новелле [Электронный ресурс]. – URL: <https://conference-spbu.ru/conference/40/reports/10132/> (дата обращения: 08.06.2021)
5. Полякова А. А. Готическая проза / А. А. Полякова // Поэтика: слов. актуал. терминов и понятий. - М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. - С. 49-50.
6. Рикер П. Время и рассказ. Т. 2 / П. Рикер. - М.; СПб.: Университетская книга, 2000. - 224 с.
7. Соловьева Н. А. У истоков английского романтизма / Н. А. Соловьева. - М.: Изд-во Московского ун-та, 1988. - 232 с.
8. Тмарченко Н. Д. Теория литературы: в 2 т. Т. 1. / Н. Д. Тмарченко, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтман. - М.: Издательский центр «Академия», 2010. – 512 с.
9. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика / Б. В. Томашевский. - М.: Аспект Пресс, 1999. - 334 с.
10. Тюпа В. И. Анализ художественного текста / В. И. Тюпа. - М.: Издательский центр «Академия», 2008. - 336 с.
11. Тюпа В. И. Введение в сравнительную нарратологию / В. И. Тюпа. - М.: Intrada, 2016. - 145 с.
12. Уолпол Х. Маленькое привидение / Х. Уолпол // Маленькое привидение: Рассказы. - М.: Эксмо, 2008. - С. 579-595.
13. Чамеев А. А. В традициях «старого доброго страха», или об одном несерьезном жанре британской литературы / А. А. Чамеев // Дом с призраками: Английские готические рассказы. - СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2007. - С. 5-18.
14. Freeman N. The Victorian Ghost Story / N. Freeman // Victorian Gothic: An Edinburgh Companion. - Edinburgh: Edinburgh University Press, 2012. - P. 93-107.
15. Walpole H. The Little Ghost [Электронный ресурс]. – URL: <http://gutenberg.net.au/ebooks06/0604071h.html#s10> (дата обращения 15.05.2021).

Список литературы на английском / References in English

1. Brilova L. Y. Hew Walpole [Hew Walpole] / L. Y. Brilova // Cerkovnoe privedenie: sobranie goticheskikh rasskazov [The Kirk Spook: collection of Gothic tales]. - SPb.: Azbuka, 2010. - P. 858-862 [in Russian]
2. Vasil'eva I. N. Prichudy gotiki [Quirks of Gothic] / I. N. Vasil'eva // Shedevry angliiskogo goticheskogo rasskaza [Masterpieces of English Gothic story]: in 2 v. Vol. 1. - M.: Slovo/Slovo, 1994. - P. 5-10 [in Russian]
3. James M. R. Iz predisloviya k sborniku "Prizraki i chudes: Izbrannye rasskazy uzhasov. Ot Daniela Defo do Eldzhernona Blekvuda» [From the preface to the collection: "Ghosts and Wonders: selected horror stories. From Daniel Defoe to Algernon Blackwood"] / M. R. James // Klub privedeniy: Rasskazy [Ghost Club: Stories] - SPb.: Izdatelskiy dom "Azbuka-klassika", 2008. - P. 5-6 [in Russian]
4. Lipinskaya A. A. Zloi graf: k istorii odnogo tipazha v britanskoi goticheskoi novelle [The Wicked Count: towards the history of a literary character in British Gothic stories] [Electronic source]. – URL: <https://conference-spbu.ru/conference/40/reports/10132/> (accessed: 08.06.2021)
5. Polyakova A. A. Goticheskaya proza [Gothic proze] / A. A. Polyakova // Poetika: slov. aktual. terminov i poniaty [Poetics: dict. of act. terms and concepts]. - M.: Izdatelstvo Kulaginoy, Intrada, 2008. - P. 49-50 [in Russian]

6. Riker P. Vremya i rasskaz [Time and story]: in 2 v. Vol. 2 / P. Riker. - M.; SPb: Universitetskaya kniga, 2000. - 224 p. [in Russian]
7. Solovieva N. A. U istokov angliyskogo romantizma [At the origins of English Romanticism] / N. A. Solovieva. - M.: Izd-vo Moskovskogo un-ta, 1988. - 232 p. [in Russian]
8. Tamarchenko N. D. Teoriya literatury [Theory of literature]: in 2 v. Vol. 1. / N. D. Tamarchenko, V. I. Tyupa, S. N. Broitman. - M.: Izdatelsky centr Akademiya, 2010. - 512 p. [in Russian]
9. Tomashevsky B. V. Teoriya literatury. Poetika [Theory of Literature. Poetics] / B. V. Tomashevsky. - M.: Aspekt Press, 1999. - 334 p. [in Russian]
10. Tyupa V. I. Analiz hudozhestvennogo teksta [Analysis of literary text] / V. I. Tyupa. - M.: Izdatelskiy centr "Akademiya", 2008. - 336 p. [in Russian]
11. Tyupa V. I. Vvedenie v sravnitel'nuyu narratologiyu [Introduction to comparative narratology] / V. I. Tyupa. - M.: Intrada, 2016. - 145 p. [in Russian]
12. Walpole H. Malenkoe prividenie [The Little Ghost] / Hew Walpole // Malenkoe prividenie: Rasskazy [The Little Ghost: Stories]. - M.: Eksmo, 2008. - P. 579-595 [in Russian]
13. Chameev A. A. V traditsiyah "starogo dobrego straha", ili ob odnom neser'eznom zhanre britanskoi literatury [In the traditions of "old good fear", or about one unserious genre of British literature] / A. A. Chameev // Dom s prizrakami: angliiskie goticheskie rasskazy [Hunted house: English Gothic stories]. - SPb.: Izdatelsky Dom "Azbuka-klassika", 2007. - P. 5-18 [in Russian]
14. Freeman N. The Victorian Ghost Story / N. Freeman // Victorian Gothic: An Edinburgh Companion. - Edinburgh: Edinburgh University Press, 2012. - P. 93-107.
15. Walpole H. The Little Ghost [Electronic source]. - URL: <http://gutenberg.net.au/ebooks06/0604071h.html#s10> (accessed: 15.05.2021).

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.26.2.19>

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ МЕТОНИМИИ В ПРОИЗВЕДЕНИИ ДЖОНА ГРИШЭМА «ВЕРДИКТ»

Научная статья

Молчанова С.Е.^{1*}, Лысенко Н.А.²^{1,2} Российский государственный университет правосудия, Ростов-на-Дону, Россия

* Корреспондирующий автор (coliseum2006[at]yandex.ru)

Аннотация

Статья посвящена выявлению особенностей употребления различных видов метонимии в произведении Джона Гришэма «Вердикт». Результаты проведенного исследования позволили выделить четырнадцать типов метонимических отношений, используемых автором в данном произведении. Все они анализируются и иллюстрируются примерами. Приводятся статистические данные частотности их употребления. Анализ примеров показал, что выявленные типы метонимических отношений выполняют в указанном произведении шесть функций. Статистические данные о частотности выполнения различными типами метонимических отношений упомянутых функций также содержатся в статье.

Ключевые слова: метонимия, типы метонимических отношений, функции метонимии, художественный стиль.

CHARACTERISTICS OF THE USE OF METONYMY IN JOHN GRISHAM'S THE RUNAWAY JURY

Research article

Molchanova S.E.^{1*}, Lysenko N.A.²^{1,2} Rostov Branch of the Russian State University of justice, Rostov-on-Don, Russia

* Corresponding author (coliseum2006[at]yandex.ru)

Abstract

The article deals with identifying the characteristics of the use of various types of metonymy in John Grisham's novel "The Runaway Jury". The results of the study allowed for identifying fourteen types of metonymic relations used in the work under study. All of them are analyzed and illustrated with examples. The study also provides statistical data on the frequency of their use. The analysis of the examples demonstrates that the identified types of metonymic relations in this work perform six functions. Statistical data on the frequency of performance of the mentioned functions by different types of metonymic relations are also included in the article.

Keywords: metonymy, types of metonymic relations, functions of metonymy, artistic style.

Введение

Метонимия в художественных произведениях часто используется авторами с целью усиления экспрессивности, выразительности, а также как средство косвенной характеристики какого-либо явления. Изучением различных аспектов данного стилистического приёма занимались многие лингвисты [1], [2], [3], [4] и др.

В юридическом детективе «Вердикт» писателя, политика и адвоката Джона Гришэма описывается судебный процесс по иску, предъявленному табачной компании вдовой умершего от рака легких среднестатистического американца. Различные типы метонимических отношений способствуют четкой передаче особенностей описываемого судебного разбирательства, его участников и взаимоотношений.

Результаты проведенного исследования показали, что в рассматриваемом произведении встречаются следующие типы метонимических отношений: характерный признак вместо его носителя (22%), частное – целое (17%), содержащее – содержимое (12%), действие – его результат (10%), символ вместо того, что он обозначает (8%), инструмент вместо действия (7%), метонимия прилагательного (5,5%), абстрактные существительные, выражающие эмоцию, состояние, процесс вместо названия их субъекта или объекта (4,5%), метонимия глагола (4%), материал – изделие из него (3%), локальная метонимия (3%), каузальная метонимия (2%), субъект – свойство субъекта (1%), темпоральная метонимия (1%).

Самый частоупотребимый тип метонимических отношений – название характерного признака вместо названия его носителя — используется преимущественно с целью придания особой экспрессивности описанию внешности героев по наиболее яркому признаку. В произведении важная роль отводится темному костюму, который, с одной стороны, свидетельствует об официальной и строгости судебного процесса, с другой — об интригах адвокатов табачных компаний. Например: *The dark suits from the first group became still and watched the potential jurors* [10, С. 22].

К употреблению этого же типа метонимического переноса автор прибегает при создании одного из женских образов. Например: *The same blonde who first met him at the Computer Hut... carried a small gum bag over her shoulder* [10, С. 16]. Акцент на цвете волос подчеркивает яркую внешность и одновременно безликость персонажа, который может легко перевоплощаться в кого угодно.

В судебном разбирательстве адвокатом человек не важен как личность, они обращают внимание только на то, что он может либо помочь, либо помешать им выиграть очередное дело, поэтому встречаются случаи употребления метонимии, при которой присвоенные потенциальным присяжным номера обозначают самих присяжных. Например: *...we'll take number fifty—seven* [10, С. 5]. По вышеуказанной причине внешность героев описывается также лишь по цвету кожи. Например: *There were nine whites, three blacks, seven women, five men and one blind* [10, С. 27].

Помимо внешности героев, при помощи данного типа метонимического переноса автор характеризует их интеллектуальные и моральные качества. Например: *Assembled at this moment in his courtroom were some of the brightest*

legal minds and largest egos in the country [10, С. 14]. В данном примере подчёркиваются выдающиеся интеллектуальные способности и амбициозность юристов.

Такой тип метонимических отношений как обозначение частного через целое (синекдоха) употребляется при описании интриг, связанных с судебным разбирательством, вокруг которого разворачиваются описываемые в романе события: вдова погибшего от рака лёгких американца судится с табачной компанией. Автор приводит мнения различных участников процесса, а также сторонних наблюдателей. Например: *Cooler heads laid heavy odds that it was the work of the tobacco boys* [10, С. 12]. При рассматриваемом типе метонимии очень часто употребляется слово *face*, поскольку именно лицо человека привлекает наибольшее внимание, когда от него хотят получить ответную реакцию или понять его характер: Например: *He paused and waited for fifteen faces to nod awkwardly* [10, С. 18].

Метонимия с одной стороны помогает избежать тавтологии, с другой – подчёркивает участие в табачных судебных процессах многочисленных юристов, что говорит о важности исхода дела для стороны, которая их нанимает. Например: *It was a similar case, but with a different widow and a different tobacco company, and though there'd been a hundred lawyers involved, they were all different from this bunch* [10, С. 8]. Данная метонимия встречается на протяжении всего анализируемого произведения.

Указанное метонимическое отношение используется также с целью обобщения ситуации или указания на масштабность явления. Например: *He was hiding his past* [10, С. 7]. На самом деле герой скрывал не все своё прошлое, а определённые события из него.

Метонимическое отношение содержащее – содержимое часто встречается в произведении при создании общей эмоциональной атмосферы в каком-либо месте (*courtroom, room, building*). Например: *When satisfied that the entire building was aware of his presence and terrified of his movements, Fitch left* [10, С. 16].

Вышеуказанный тип метонимии автор нередко использует при описании процесса курения. Например: *He soon had the habit and was up to two packs a day* [10, С. 16]. В данном примере акцентируется высокая степень зависимости, которую вызывает продукция табачных компаний.

Джон Гришэм прибегает к употреблению такого типа метонимического переноса, при котором действие обозначает результат действия, чтобы сконцентрировать внимание именно на результате. Например: *They watched and waited anxiously for arms to fold across the chest...* [10, С. 13]. Опытные юристы, отбирая присяжных для предстоящего судебного разбирательства, обращают внимание даже на малейшие проявления их эмоций, в данном случае на показатель того, что они нервничают. В некоторых случаях при помощи данного типа метонимического переноса передаются мысли, эмоции и чувства людей, которые считываются с выражения их лиц. Например: *At the moment, there were no less than eight people in the courtroom trying desperately to read every lifted eyebrow and curved lip* [10, С. 22]. Описываемый тип метонимии способствует конкретизации и интенсификации характеристики героя. Например: *He moved and talked with great deliberation, but between steps and sentences his gray eyes missed nothing* [10, С. 10].

Такой тип метонимии, при котором название символа употребляется вместо названия того, что он обозначает, встречается довольно часто при упоминании особенностей адвокатской или судебной деятельности. Например: *His luck had paid off with an appointment to the bench* [10, С. 6].

Часто под названием компании подразумеваются люди, владеющие этой компанией или представляющие её. Например: *Sixteen trials so far, and Big Tobacco had won them all, but the pressure was mounting* [10, С. 6]. В данном примере название крупнейших мировых компаний по производству табачной продукции означает владельцев и их адвокатов. Подобное употребление встречается также в примерах, в которых говорится о марке сигарет: *Mr. Jacob Wood ... developed lung cancer after smoking Bristols for almost thirty years* [10, С. 13].

Такой тип метонимического переноса, как название инструмента вместо названия действия используется при передаче либо характерных черт персонажа, либо его профессиональной деятельности. Например: *... he had young Holly, and Jol Foy, a local private eye with incredibly soft feet ...* [10, С. 93]. В данном случае суть профессии Джоза Фоя – частный сыщик — передаётся инструментом *eye*.

При метонимии прилагательного данная часть речи характеризует предмет не по признаку этого предмета, а по признаку другого предмета, смежного с ним. Например: *She kept the permanent look of someone in silent pain, and she proved difficult to talk to* [10, С. 93]. В приведённом примере прилагательное *silent* характеризует существительное *pain* не по его признаку, а по признаку человека, который молча эту боль переносит. *It was no ordinary tobacco case, and everyone in the room knew it* [10, С. 9]. Название судебного процесса сокращается и при этом подчёркивается, что подобные дела стали нормой для американского общества.

С целью усиления или ослабления эмоциональности или интенсивности описываемого события автор использует абстрактные существительные, обозначающие эмоцию, состояние, процесс, вместо названия их субъекта или объекта. Например: *Paperwork ruffled around the table* [10, С. 93]. Данное существительное подчёркивает интенсивность процесса работы с документами. *The tedium had set in* [10, С. 7]. Метонимия подчёркивает насколько однообразным и утомительным был процесс отбора присяжных. *Gloria Lane was instructed to immediately phone these newest deletions and tell them the good news* [10, С. 9]. Хорошую новость нужно было сообщить потенциальным присяжным, имена которых были вычеркнуты из списка.

Посредством употребления указанных существительных, часто передаётся эмоциональная атмосфера в зале суда. Например: *A gentle laugh came from all quarters of the courtroom, and Cable knew he had his hands full* [10, С. 120].

Метонимия глагола употребляется для более точной передачи действий героев. Например: *In fact, they have unlimited funds to fight these cases with* [10, С. 85]; *...to strike portions of the autopsy report, motions to exclude addiction evidence* [10, С. 65].

Метонимическое отношение материал — изделие из этого материала используется в основном при описании столовых приборов. Например: *China and silver for lunch* [10, С. 173].

Упоминание об отдыхе в произведении встречается довольно редко, его недостаток и недоступность передается с помощью употребления рассматриваемого типа метонимии. Например: *...but the nearest sand was two miles away...* [10, С. 6].

Автор иногда прибегает к использованию локальной метонимии, при которой название какой-либо местности употребляется вместо людей, проживающих в ней. Например: *Fitch clung to the unspoken belief that the Gulf Coast, with its topless joints and casinos and proximity to New Orleans, was not a bad place to be right now because of its tolerance for vice* [10, С. 12].

Каузальный тип метонимии, при котором по инструменту назван объект используется нечасто. Например: *The carefully printed, block-style hand Easter had used was obviously designed to distinguish itself from earlier trail* [10, С. 137]. Слово *hand* употреблено в значении *handwriting*.

Такой тип метонимических отношений, как субъект — свойство субъекта встречается в романе довольно редко. Например: *He'd been hired as a token, not as talent, and he'd been forced to claw his way upward* [10, С. 81]. Под словом *talent* подразумевается талантливый, одаренный человек.

При темпоральном типе метонимии по событию называется время. Например: *He had called two friends in Biloxi, both of whom reported that Mr. Dupree was a harmless sort who sold fruitcakes at Christmas for the Rotary Club* [10, С. 134].

Как показали результаты проведённого анализа в произведении Джона Гришэма «Вердикт» метонимия выполняет следующие функции: символизирующая — 25%, изобразительная — 22%, прагматическая — 20%, интенсификации — 17%, эвфемистическая — 9%, когнитивная — 7%.

В подавляющем большинстве случаев метонимия выполняет несколько функций одновременно в их различных сочетаниях. При статистическом подсчёте учитывалась доминирующая функция.

Следует отметить, что символизирующую функцию метонимия выполняет практически во всех случаях своего употребления. Например: *The blonde had recorded their little chat at Burger King* [10, Р. 19].

Наряду с символизирующей функцией, довольно часто метонимия выполняет изобразительную функцию. Например: *All eyes watched the door beside the jury box* [10, С. 31]. *Brains and eyelids grew sluggish* [10, С. 37]. Из данных примеров видно, что посредством использования метонимического переноса частное — целое автор передаёт напряжённую эмоциональную атмосферу в зале суда.

Прагматическая функция свойственна метонимическим переносам практически во всех случаях их употребления, поскольку они оказывают определенное воздействие на читателя. Например: *Her entire face was one massive smile* [10, С. 135]. В данном примере с помощью метонимии автор вызывает отрицательные чувства к героине, подчёркивая её лицемерие.

Во многих случаях метонимия выступает как интенсификатор определенных чувств и эмоций, переживаемых героями романа, и их личностных характеристик. Например: *Smiles everywhere ...* [10, С. 58].

Довольно часто в романе встречаются метонимические переносы, выполняющие эвфемистическую функцию, при которой детали номинации скрываются посредством обобщения. Например: *After 16 victories, they sometimes asked among themselves, if there was anything the Fund couldn't do* [10, С. 7]. Под фондом понимается нелегальная сумма денег, которая тратится на то, чтобы выигрывать судебные процессы.

В рассматриваемом произведении метонимические переносы выполняют также когнитивную функцию. Например: *The waiter set the fresh glass in front of Fitch ...* [10, С. 14].

Проведенный анализ подтверждает предположение о том, что метонимия является довольно продуктивным экспрессивным и образным средством в произведении Джона Гришэма «Вердикт».

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык / И.В. Арнольд. - М. :Флинта; Наука, 2010. - 384 с.
2. Гальперин И.Р. Стилистика английского языка / И.Р. Гальперин. - М. : Либроком, 2010, 2014. - 336 с.
3. Зайцева В.В. Метонимия как способ вторичной номинации в языке печатных средств массовой информации : дис. ... канд. филол. наук / В.В. Зайцева. - Днепропетровск, 2009. - 213 с.
4. Кубрак А. Контекстная реализация метонимии в художественной прозе английского модернизма / А. Кубрак // Лингвистика. - 2011. - № 2. - С. 157-163.
5. Реформатский А.А. Введение в языковедение / А.А. Реформатский. - М. : Аспект Пресс, 2004. - 536 с.
6. Скребнев Ю.М. Основы стилистики английского языка / Ю.М. Скребнев. - М. : Астрель, 2003. - 221 с.
7. Толочин И.В. Метафора и интертекст в англоязычной поэзии / И.В. Толочин. - СПб. : Издательство С.-Петербургского университета, 1996. - 96 с.
8. Удинская А.Г. Метонимичные переносы каузального типа для обозначения человека в английском и украинском языках : автореф. дис. кандидат филол. наук / А.Г. Удинская. - Донецк, 2007. - 27 с.
9. Харитончик З.А. Лексикология английского языка. Учебное пособие / З.А. Харитончик. - Минск : Высшая школа, 1992. - 228 с.
10. Grisham J. The Runaway Jury [Электронный ресурс] / J. Grisham. - URL: <http://www.bookscafe.net> (дата обращения 21-29.03.2021).

Список литературы на английском / References in English

1. Arnold I.V. Stilistika. Sovremennyj anglijskij yazyk [Stylistics. Modern English] / I.V. Arnold. - M. : Flinta; Nauka, 2010. - 384 p. [in Russian]
2. Galperin I.R. Stilistika anglijskogo yazyka [Stylistics] / I.R. Galperin. - M. : Librocom, 2010, 2014. - 336 p. [in Russian]
3. Zaytseva V.V. Metonimiya kak sposob vtorichnoj nominacii v yazyke pechatnyh sredstv massovoj informacii [Metonymy as a way of secondary nomination in the language of printed mass media]: dis. ... of Phd. in Philology / V.V. Zaytseva. - Dnepropetrovsk, 2009. - 213 p. [in Russian]
4. Kubrak A. Kontekstnaya realizaciya metonimii v hudozhestvennoj proze anglijskogo modernizma [Contextual realization of metonymy in belles-lettres prose of English Modernism] / A. Kubrak. // Linguistics. - 2011. - № 2. - P. 157-163. [in Russian]
5. Reformatsky A.A. Vvedenie v yazykovedenie [An Introduction into Linguistics] / A.A. Reformatsky. - M. : Aspect Press, 2004. - 536 p. [in Russian]
6. Skrebnev Y.M. Osnovy stilistiki anglijskogo yazyka [Fundamentals of the English Stylistics] / Y.M. Skrebnev. - M. : Astrel, 2003. - 221 p. [in Russian]
7. Tolochin I.V. Metafora i intertekst v angloyazychnoj poezii [Metaphor and Intertext in the English Poetry] / I.V. Tolochin. - StP. : St.Petersburg University, 1996. - 96 p. [in Russian]
8. Udinskaya A.G. Metonimichnye perenosy kauzal'nogo tipa dlya oboznacheniya cheloveka v anglijskom i ukrainskom yazykah [Metonymic Transference of Causal Type Used for Human Designation in English and Ukrainian]: abstract ... of Phd. in Philology / A.G. Udinskaya. - Donetsk, 2007. - 27 p. [in Russian]
9. Kharitonchik Z.A. Leksikologiya anglijskogo yazyka. Uchebnoe posobie [English Lexicology] / Z.A. Kharitonchik. - Minsk : Vyshaya shkola, 1992. - 228 p. [in Russian]
10. Grisham J. The Runaway Jury [Electronic resource] / J. Grisham. URL: <http://www.bookscafe.net> (accessed 21-29.03.2021).

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.26.2.27>**ОСОБЕННОСТИ ТЕМПОРАЛЬНЫХ ПАРАМЕТРОВ В СКАЗКЕ Э. Т. А. ГОФМАНА «КАВАЛЕР ГЛЮК»**

Научная статья

Соколова Г.А. *

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

* Корреспондирующий автор (ga.sokolova[at]mail.ru)

Аннотация

В статье рассматриваются лингвистические средства выражения временных характеристик в сказке Э. Т. А. Гофмана «Кавалер Глюк», которые являются одним из составляющих категории хронотопа. Особое внимание уделяется лингвистическому анализу глагольных форм, в частности формам в настоящем грамматическом времени. С помощью настоящего времени автор выражает основную мысль произведения. Музыка, являясь одним из видов искусства, будет вечна на земле, ей не подвластны временные границы. В статье также дается толкование понятия «хронотоп», приводятся разные взгляды исследователей относительно художественного времени, дается краткая информация о времени создания сказки. Также в фокусе внимания находится интерпретация названия сказки «Кавалер Глюк».

Ключевые слова: сказка, время, музыка, глагольные формы.

**THE PECULIARITIES OF TIME CHARACTERISTICS IN THE FAIRY-TALE
“CAVALIER CLUCK” BY E. T. A. HOFFMANN**

Research article

Sokolova G.A. *

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

* Corresponding author (ga.sokolova[at]mail.ru)

Abstract

The article deals with linguistic means of expressing time characteristics in the fairy-tale “Cavalier Gluck” by E. T. A. Hoffmann which are one of the components of the chronotope category. Special attention is paid to the linguistic analysis of verbal forms in particular forms in the present grammatical tense. Using the present tense the author expresses the main idea of the work. Being one of the arts music is eternal on earth, it has no time limits. The article also interprets the concept of “chronotope”, lists different points of view shared by researchers about literary time, provides brief information about the time of the creation of the fairy-tale. It is also focused on the interpretation of the title of the fairy-tale “Cavalier Gluck”.

Keywords: fairy-tale, time, music, verbal forms.

Вступление

Как известно, сказка «Кавалер Глюк» (Ritter Glück) стала первым крупным произведением немецкого писателя Э. Т. А. Гофмана. Классик работал над ее созданием с 1808 по 1809 годы. В произведении прослеживается своеобразный стиль писателя, современники Гофмана отмечали его увлечение музыкой, живописью и литературой, поэтому строки сказки передают его страстную любовь к музыке [10, С. 152].

Стоит заметить, что название сказки носит имя знаменитого немецкого композитора Кристофа Виллибальда Глюка (1714-1787 гг). Глюк являлся виднейшим представителем классицизма. Примечательно, что в 1757 г. папа Бенедикт IV присвоил композитору титул рыцаря и наградил его орденом Золотой шпоры, занимающим вторую позицию после Высшего ордена Христа в наградной иерархии Ватикана. С тех пор музыкант подписывался — «Кавалер Глюк» (Ritter von Glück). Творчество композитора было посвящено опере. Музыка, как считал Глюк, призвана сопутствовать поэзии, усиливать выражаемые в ней чувства [3, С. 140].

Как видно из названия произведения, Гофман лишь частично изменил имя великого композитора, используя вместо *Ritter von Glück* сочетание *Ritter Glück*. Вопрос о том, является ли немецкий композитор прототипом старца в сказке Гофмана остается спорным. Как полагают некоторые лингвисты, устами данного персонажа сказки автор выразил свои идеи и мысли о предназначении музыки [8, С. 257].

Стоит упомянуть, что практически все свое свободное время Э. Т. А. Гофман посвящал искусству: музыке и рисованию. Он был не только одаренным писателем, но гениальным композитором и великолепным художником. До начала писательской карьеры Гофман совмещал занятия искусством и юридической деятельностью. Свое увлечение писатель перенес в поэзию. Практически в любом произведении представителя немецкого романтизма присутствует персонаж, наделенный творческим потенциалом.

В сказке «Кавалер Глюк» читатель может почувствовать мастерство Гофмана великолепно передать музыкальный талант с помощью слов, а также понять главную мысль произведения: есть вещи вечные на земле, музыка – один из таких примеров.

При анализе произведения Э. Т. А. Гофмана «Кавалер Глюк» предпринималась попытка выявить темпоральные средства, использованные писателем и являющиеся одной из важных составляющих категории хронотопа этой сказки.

Впервые термин «хронотоп» ввел М. М. Бахтин, чтобы показать взаимосвязь временных и пространственных характеристик в художественном произведении, делая временные приметы более важными по сравнению с пространственными [1, С. 9].

Ю. М. Лотман также разрабатывал понятие «хронотоп», однако важную роль отводил пространству как континууму, в котором «размещаются персонажи и совершаются действия» [5, С. 258].

Д. С. Лихачев полагал, что художественному времени подчиняются грамматическое время и философское понимание времени автором произведения [4, С. 211].

По мнению Тураевой З. Я., временные параметры играют более важную роль, т. к. «определяют характер языковых средств», которые использовал автор произведения [7, С. 15].

Как считают современные исследователи, художественное время включает в себя сюжетное время и лингвистическое время, в то время как последнее выражает взаимосвязь художественного времени и сюжетного времени [6, С. 10].

В фокусе данной статьи находятся временные параметры сказки.

Благодаря лингвистическому анализу текста, удалось установить, что система хронимов сказки «Кавалер Глюк» включает в себя такие вербальные средства, как глагольные формы, имена существительные с темпоральным значением, наречия с темпоральным значением, имена числительные. В данной статье основное внимание сфокусировано на глагольных формах в настоящем времени.

Сказка «Кавалер Глюк» начинается с описания событий в настоящем времени (*Präsens*). Возможно, автор замыслил устранить временной барьер между событиями в произведении и читателем. Складывается впечатление, что описываемая ситуация типична и может произойти вновь когда угодно, где угодно и с кем угодно:

«*Der Spätherbst in Berlin hat gewöhnlich noch einige schöne Tage. Die Sonne tritt freundlich aus dem Gewölk hervor und schnell verdampft die Nässe in der lauen Luft, welche durch die Straßen weht*» [9, С. 23].

Примечательно, что мир искусства, мир музыки, наделен в произведении некоторыми волшебными чертами и существует параллельно с действительностью. Это может быть мир грез, где находят успокоение разочарованные повседневной реальностью люди. Мир музыки приравнивается в сказке к вечности. Он будет существовать всегда. Поэтому писатель использует настоящее грамматическое время, чтобы вербально выразить эту идею. В произведении использование грамматического времени (*Präsens*) служит средством выражения главных идей автора, которые выражает главный персонаж сказки:

«*Ha, wie ist es möglich, die tausenderlei Arten, wie man zum komponieren kommt, ach nur anzudeuten! – Es ist eine breite Heerstraße, da tummeln sich alle herum und jauchzen und schreien: Wir sind Geweihte Wir sind am Ziel!*» — *Durchs elfenbeinerne Tor kommt man ins Reich der Träume; wenige sehen das Tor einmal, noch wenigere gehen durch!* [9, С. 28].

Характерной чертой стиля Гофмана является повтор слов. Этот прием помогает привлечь внимание читателя к главному моменту, морали сказки: в мир искусства попадают немногие, лишь одаренные и тонко улавливающие и понимающие музыку, чувствующие незримые образы, навеянные и передаваемые с помощью музыки.

Обращаясь к грамматическим средствам, стоит сказать, что в выше данной цитате прослеживается рамочная конструкция: повторяется глагол *kommen* в форме *kommt*. В первом случае он указывает на возможность каждого сочинять музыку, во втором случае – на ограниченное число посвященных в мир музыки. Центр цитаты образуют глагольные формы, передающие крикливое хвастовство тех, кто считает себя музыкантами, не являясь таковыми.

На путь приобщения к духовным ценностям попадают не все. Эта основная идея сказки вновь находит выражение с помощью глагольных форм, стоящих в настоящем грамматическом времени:

«*Viele vertäumen den Traum im Reiche der Träume – sie zerfließen im Traum – sie werfen keinen Schastten mehr; aber nur wenige, erweckt aus dem Träume, steigen empor und schreiten durch das Reich der Träume – sie kommen zur Wahrheit – der höchste Moment ist da: die Berührung mit dem Ewigen, Unaussprechlichen!*» [9, С. 30].

Из приведенной выше цитаты вновь прослеживается один из важных элементов построения сказки — повтор. Автор дважды использует слово *Traum* (мечта) и словосочетание *das Reich der Träume* (мир грез). В данном случае Э. Т. А. Гофман противопоставляет реальность и искусство. Мир грез представляет собой реальность, а не музыка. По утверждению отечественных исследователей, сказочный мир произведений Гофмана наполнен звуками. Писателю удалось переложить в слова музыку жизни, именно музыка способна передать все ощущения, которые испытывает человек [2, С. 489].

Сказка «Кавалер Глюк» примечательна также тем, что в ней автор использует настоящее время для передачи событий в прошлом *Präsens historicum*. Кавалер Глюк, вспоминая эпизоды из своей жизни, связанные с музыкой, употребляет глагольные формы в настоящем времени. Здесь вновь прослеживается мысль, что для искусства, для музыки, не существует временных границ.

Лингвистический анализ использованных глагольных форм в сказке позволил сопоставить временные характеристики и составить следующую хронологическую схему: *настоящее* → *прошлое* → *будущее* → *прошлое* → *настоящее*. С одной стороны, становится видно, что автор использовал скачки в художественном времени: ретроспекции и проспекции, с другой стороны, данная хронологическая схема дает возможность проследить циклическое движение художественного времени в сказке.

Заключение

Подводя итог проведенному лингвистическому анализу, стоит сказать, что среди временных характеристик, образующих хронотоп произведения, глагольные формы сыграли важную роль. На страницах сказки «Кавалер Глюк» глагольные формы были использованы автором в различных грамматических временах. Можно предположить, что целью автора было провести нечеткую границу между миром реальности и миром искусства. Искусство вечно, реальность существует лишь несколько моментов и превращается в прошлое.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Бахтин М. М. Эпос и роман / Бахтин М. М. - С.-П.: Азбука, 2000. - 304 с.
2. Ботникова А. Б. Немецкий романтизм: диалог художественных форм / Ботникова А. Б. - М.: Аспект Пресс, 2005. - 352 с.
3. Келдыш Г. В. Музыкальный энциклопедический словарь / Келдыш Г. В. - Изд-во «Большая советская энциклопедия», 1990. - 672 с.
4. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы / Лихачев Д. С. - М.: Наука, 1979. - 360 с.
5. Лотман Ю. М. Семиосфера: Внутри мыслящих миров / Лотман Ю. М. - С.-П.: Искусство — СПб, 2004. - с. 704 с.
6. Соколова В. А. Значение и функции глагольных временных форм в сюжетно-композиционной структуре художественного текста: Монография / Соколова В. А., Белозерова Л. И. - М.: Из-во «Спутник+», 2010. - 121 с.
7. Тураева З. Я. Категория времени. Время грамматическое и время художественное / Тураева З. Я. - М.: Высш. шк., 1979. - 219 с.
8. Deutsche Kunstmärchen von Wieland bis Hofmannsthal. Hrsg. von Ewers H.-H. - Stuttgart: Philipp Reclam jun., 2006. - 680 s.
9. Hoffmann E. T. A. Auswahl. Ritter Glück / Hoffmann E. T. A. - М.: RADUGA, 1984. - 550 с.
10. Stöbel M. D. Geschichte der deutschen Literatur / Stöbel M. D.. - М.: Высш.шк., 1984. - 264 с.

Список литературы на английском / References in English

1. Bakhtin M. M. Epos i roman [Epic and novel] / Bakhtin M. M. - St.-Petersburg: Azbuka, 2000. - 304 p. [in Russian]
2. Botnikova A. B. Nemezkii romantizm: dialog khudozhestvennykh form [German romanticism: dialog of artistic forms] / Botnikova A. B. - Moscow: Aspect Press, 2005. - 352 p. [in Russian]
3. Keldysh G. V. Muzykalnyy enciklopedicheskiy slovar [Music Encyclopedia] / Keldysh G. V. - Bolshaya sovetskaya enciklopediya, 1990. - 672 p. [in Russian]
4. Likhachev D. S. Poetika drevnerusskoy literatury [Poetics of old Russian literature] / Likhachev D. S. - Moscow: Nauka, 1979. - 360 p. [in Russian]
5. Lotman Y. M. Semiosphera: vnutri myslyatshikh mirov [Semiosphere: inside the thinking worlds] / Lotman Y. M. - St.-Petersburg: Iskustvo - St.-Petersburg, 2004. - 704 p. [in Russian]
6. Sokolova V. A. Znachenie i funkzii glagolnykh vremennykh form v suzhetno-kompozitsionnoy strukture khudozhestvennogo teksta: Monografiya [The meaning and functions of verb temporal forms in the plot-compositional structure of a literary text: Monograph] / Sokolova V. A., Belozerova L. I. - Moscow: Sputnik+, 2010. - 121 p. [in Russian]
7. Turaeva Z. Y. Kategoriya vremeni. Vremya grammaticheskoye i vremya khudozhestvennoye [Time category. Time is grammatical and time is artistic] / Turaeva Z. Y. - Moscow: Higher School, 1979. - 219 p. [in Russia]
8. German Literary Fairy-Tale from Vieland to Hofmansthal. Published by Ewers H. -H. - Stuttgart: Philipp Reclam jun., 2006. - 680 p. [in German]
9. Hoffmann E. T. A. Selected Works. Cavalier Gluck. - Moscow: RADUGA, 1984. - 550 p. [in German]
10. Shtoesel M. D. History of German Literature. - Moscow: Higher School, 1984. [in German]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.26.2.8>**АННА ЗЕГЕРС «ПРОГУЛКА МЕРТВЫХ ДЕВУШЕК»: АДАПТАЦИЯ РАССКАЗА МЕТОДОМ ФРАГМЕНТОВ**

Научная статья

Красовицкая Ю.В. *

ORCID: 0000-0002-6765-7424,

ГАОУ ВО МГПУ Институт иностранных языков каф. Германистики и лингводидактики, Москва, Россия

* Корреспондирующий автор (krasovizkaya-yulia[at]yandex.ru)

Аннотация

В статье на примере рассказа Анны Зегерс – знаменитой немецкой писательницы XX в. – рассматривается способ адаптации литературного произведения методом текстовых фрагментов. Целесообразность применения названного метода доказывается возможностью расширения школьной программы по литературе и страноведению, его воздействием на развитие коммуникативной компетенции учащихся, заметным влиянием на навык иноязычного общения, подразумевающий постоянное расширение лексической базы и общего уровня языковой эрудиции. На материале рассказа в статье подробно освещаются темы для дискуссии, предлагаются лексико-грамматические задания, а также предоставляется подборка цитат, отчетливо выделяющих проблемные аспекты произведения.

Ключевые слова: немецкая литература, рассказ, метод фрагментов, дискуссия, чтение и говорение.

ANNA SEGHERS'S EXCURSION OF THE DEAD YOUNG GIRLS: ADAPTING THE STORY VIA THE METHOD OF FRAGMENTS

Research article

Krasovickaya Yu.V. *

ORCID: 0000-0002-6765-7424,

Germanistics and Linguodidactics department, Institute of Foreign Languages, MCU, Moscow, Russia

* Corresponding author (krasovizkaya-yulia[at]yandex.ru)

Abstract

The current article uses a short story by Anna Seghers, a famous German writer of the 20th century, to examine the method of text fragments in adapting a literary work. The expediency of using this method is proved by the possibility of expanding the school curriculum in literature and regional geography, its impact on the development of the communicative competence of students, and its noticeable influence on the skill of foreign language communication, which implies a constant expansion of the lexical base and the general level of language proficiency. Based on the material of the story, the article covers in detail the topics for discussion, offers lexical and grammatical tasks, and also provides a selection of quotations that clearly highlight the problematic aspects of the work.

Keywords: German literature, short story, fragment method, discussion, reading and speaking.

Введение

Работы знаменитой немецкой писательницы Анны Зегерс, как правило, не входят в школьную программу. Однако в данной статье нам бы хотелось показать потенциал рассказа «Прогулка мертвых девушек» (Der Ausflug der toten Mädchen [10]), в том числе, для изучения языка и развития умения вести межкультурный диалог. На сегодняшний день «тезис о неотделимости изучения иностранного языка от ознакомления обучающегося с культурой страны изучаемого языка, ее историей <...> является общепризнанным в методике преподавания» [8, С. 96]. Первостепенным становится именно «сплав когнитивного (познавательного) и коммуникативного (нацеленного на поддержание осуществления речевой деятельности) подходов к обучению» [5, С. 4]. Это способствует формированию у обучающихся «практических умений и навыков межкультурного общения». В свою очередь, взаимозависимость и общность таких видов речевой деятельности, как чтение и говорение, стало благодаря многочисленным трудам отечественных и зарубежных исследователей известным фактом. Ученые доказали равнозначность целей обучения устной речи и чтению на протяжении всего учебного процесса по овладению иностранным языком [3, С. 10]. При этом одним из важных проблемных вопросов становится определение способа предъявления текста рассказа читателям. Исходя из специфики произведения Анны Зегерс, особый интерес представляет адаптация текста методом фрагментов.

Методы и принципы исследования

Прежде всего хотелось бы кратко описать суть обозначенного метода, а затем проиллюстрировать его на материале выбранного рассказа.

«Через адаптацию художественного произведения методом текстовых фрагментов, представляющих в совокупности ключевые моменты развития сюжета и дающих учащимся целостное представление обо всём произведении» [6] достигается эффект полноценной работы с текстом. В любом художественном произведении, обладающем фабульностью и динамикой действия, можно выделить первостепенные для рассматриваемого нами метода моменты: экспозицию, завязку, перипетии, кульминацию, развязку [6]. Таким образом подборка произведений может быть самой широкой и разнообразной. Она может включать не только отдельные произведения, но циклы историй, как, например, сборники рассказов Людвиг Тома «Хулиганские истории», «Тетя Фрида».

Рассказ «Прогулка мертвых девушек» представляет особый интерес. Он был выбран нами для демонстрации возможности самого широкого применения метода вне зависимости от структуры сюжета и хода повествования. Невнимание к второстепенным сюжетным линиям в данном случае подобно отказу от чрезмерной детализации в описании. Тем не менее логика происходящего не нарушается и читателям легко переключаться с фрагмента на фрагмент.

Основная часть

Избранный метод имеет ряд особенностей по сравнению с простым сокращением художественного произведения. Подборка фрагментов преследует цель не просто облегчить работу с объемным художественным материалом, но заострить внимание обучающихся на проблемных аспектах, а также стимулировать их активность при обсуждении «загадочных», недосказанных, завуалированных аспектов. Это, в свою очередь, способствует решению еще одной задачи – развитию коммуникативных навыков. Основным видом устно-речевого общения здесь становится обсуждение фрагментов произведения. Его основной формой выступает рассуждение. Пересказ в данном случае является менее эффективным упражнением и вызывает меньше интереса, поскольку не дает возможности высказать личное мнение, выстроить догадки, поделиться собственными аргументами относительно анализируемого материала.

Рассказ Анны Зегерс, на наш взгляд, не только может быть включен в список произведений для домашнего чтения, но заслуживает особого внимания при формировании школьной программы по культуре и страноведению Германии. Знакомство с отрывками рассказа и их аналитический разбор дают возможность расширить знания школьников об освещенной здесь исторической эпохе и оживить их личные представления о прошлом страны изучаемого языка. Важным этапом становится подготовка учеников к восприятию нового материала. В связи с этим небольшая биографическая справка о жизни Анны Зегерс и экскурс в историю Германии 1933-1945 гг. представляются оправданными и необходимыми.

Одной из задач «погружения в эпоху» можно считать создание визуального образа людей того времени – героев рассказа. Подобного эффекта на практике позволяет добиться включение в учебный процесс тщательно подобранных видео- и, возможно, аудиосюжетов [4, С. 35]. Также можно использовать задание найти старые фотографии, лица на которых как будто похожи на описываемых персонажей.

При работе с фрагментами рассказа учащимся интересно предложить следующие вопросы, подразумевающие ответы с опорой на текст. Стоит отметить, что это лишь примеры. В процессе дискуссии школьники могут, и в этом также заключается цель обсуждения, самостоятельно формулировать проблемные аспекты, приводить доводы, стараться найти ответы и подсказки в тексте. Важно подчеркнуть: представленные вопросы концентрируют внимание школьников на определенных сюжетных линиях, которые и должны быть представлены в выбранных фрагментах.

1. Какое определение Родины дается в рассказе? Согласны ли Вы с ним? (Wie viele Aufsätze auch noch geschrieben wurden über die Heimat und die Geschichte der Heimat und die Liebe zur Heimat, nie wurde erwähnt, daß vornehmlich unser Schwarm aneinandergeliehener Mädchen, stromaufwärts im schrägen Nachmittagslicht, zur Heimat gehörte [10, S. 48-49]).

2. Можно ли утверждать, что честность и достоинство – врожденные качества человека – или их можно воспитать в себе? (Otto Fresenius hätte vielleicht schon vorher ein Mittel gefunden, der Leni zur Flucht zu verhelfen. Er hätte wahrscheinlich dem zarten schönen Gesicht seiner Frau Marianne nach und nach einen solchen Zug von Rechtlichkeit, von gemeinsam geachteter Menschenwürde eingeprägt, der sie dann verhindert hätte, ihre Schulfreundin zu verleugnen. <...> Das wäre Otto Fresenius, selbst wenn er gesund aus dem Krieg gekommen wäre, nie geworden, weder SS-Sturmbannführer noch Vertrauensmann der Gauleitung. Die Spur von Gerechtigkeit und Rechtlichkeit, die seinen Zügen schon jetzt im Knabengesicht unverkennbar innewohnte, machte ihn untauglich für eine solche Laufbahn und solchen Beruf [10, S. 34, 36]).

3. Продолжите фразу: мужество – это... Можно ли считать мужеством поведение фрейляйн Меец? (Wir zogen wie drei Küken hinter der Ente, hinter Fräulein Mees her auf die Kaffeeterrasse. Fräulein Mees hinkte ein wenig <...> Auf ihrem Busen, im Blusenausschnitt, hing ein großes schwarzes Kreuz. Ich hätte ein Lächeln verbissen, wie Leni und Marianne, doch milderte sich die Belustigung über ihren komischen Anblick durch eine schwere damit zu vereinende Achtung: Sie hatte später das klobige schwarze Kreuz im Kleidausschnitt nie abgelegt. Sie war freimütig furchtlos statt mit einem Hakenkreuz mit ebendiesem Kreuz nach dem verbotenen Gottesdienst der Bekenntniskirche umhergegangen [10, S. 22-23]).

Размышление над поставленными проблемами позволяет прийти к некоторым обобщающим выводам. Анна Зегерс затрагивает в своем рассказе важную для всей немецкой литературы второй половины XX века тему вины. Героиня-рассказчица Нетти совершает путешествие в свое прошлое, при этом знание настоящего не покидает ее. Подобное наложение двух временных пластов помогает рассматривать произошедшие события под иным углом зрения. Приход к власти нацистов и Вторая мировая война изменили все, и каждый человек так или иначе пережил, порой совершенно неожиданную для себя и не желанную, трансформацию. Нетти описывает судьбы своих подруг и будто задается вопросом: как могло дойти до такого ужаса? Она дает свою субъективную оценку поведению и словам каждой из девушек, при этом ответ на поставленный вопрос остается открытым. А за ним следует другой – возможно ли повторение былого?

В рассказе показано, как сама история складывается из многочисленных фрагментов: фактов, поступков, решений, слов. Представлены примеры того, как может измениться конечный результат в зависимости от поведения того или иного человека. Оказывается, мнение каждого играет важную роль, может повлиять на окружающих и поменять ход истории. Эта мысль, с одной стороны, возлагает на нас огромную ответственность, с другой – вселяет надежду. Тем не менее возврат к прошлому уже невозможен. Это символизирует несостоявшаяся встреча с матерью, которую героиня так мечтает снова обнять. Любимая фигура навсегда растворяется в тумане. Остается лишь возможность рассказать обо всем произошедшем. Нетти получает задание от своей учительницы – описать их классную прогулку. По прошествии многих лет школьное задание становится долгом и потребностью.

Школьная тема, отразившаяся в рассказе, часто поднималась немецкими писателями. Существует даже отдельный, представленный также в Англии, жанр «школьной истории» (Schulgeschichte) (термин возник на рубеже XIX-XX вв.), отличающийся от другой литературы на тему школы «особым единством времени, места и действия» [9]. «Прогулку» Анны Зегерс нельзя назвать «школьной историей», тем не менее изображение школьных будней, педагогов, их взаимоотношений с учениками весьма символично, ведь именно школа является социальным институтом, призванным воспитывать молодое поколение.

Адаптация рассказа подразумевает, помимо прочего, составление упражнений, нацеленных на отработку встречающейся в тексте лексики и определенных грамматических элементов. Сфокусированность упражнений на выбранном языковом явлении, встречающемся во фрагменте, на определенных фразеологизмах, оборотах речи, используемых писательницей, на отдельно взятых частях речи (глаголах, существительных), становящихся опорными пунктами при построении собственной аргументации в процессе дискуссии [1, С. 55], [2, С. 73], позволяет достигнуть лучших результатов, чем при работе с более обширным лексическим пластом, относящимся ко всему произведению.

В выбранном нами рассказе встречаются в основном две временные формы: форма простого прошедшего времени Präteritum (Imperfekt), характерная для повествования, обращенного к прошлому, и форма предпрошедшего времени Plusquamperfekt. Последняя начинает появляться, как только совершается воображаемый переход из опаленной жарким солнцем мексиканской действительности в благоухающий зеленью сад воспоминаний главной героини: «Im selben Augenblick rief jemand: „Netty!“ Mit diesem Namen hatte mich seit der Schulzeit niemand mehr gerufen» [10, S. 17]. Далее время Präteritum по-прежнему используется во многих предложениях, но читателям уже открывается и более глубокая временная перспектива.

На уроке ученикам можно было бы предложить задание, нацеленное на отработку различных временных форм глагола, например, попросить переформулировать некоторые фразы в настоящем или даже будущем времени.

Хорошим упражнением для пополнения лексического запаса стало бы задание найти в тексте существительные и прилагательные, характеризующие мексиканский пейзаж (начало рассказа), и красоты Рейна (возвращение на пароходе домой), символизирующие для героини ее потерянную родину.

Заключение

Рассмотренный в статье способ адаптации художественных текстов для чтения посредством метода текстовых фрагментов и предложенные методические рекомендации позволяют произведениям, составляющим золотой фонд немецкой литературы, стать важной частью процесса обучения иностранным языкам и способствовать формированию коммуникативной компетенции учащихся. При этом наиболее обоснованным и целесообразным следует считать именно личностно ориентированный и коммуникативно направленный процесс обучения. Это объясняется тем, что подобный подход учитывает различные особенности возрастного развития и в целом мотивационную сферу школьников. Правильно организованное в методическом отношении внеклассное чтение на уроке и дома может качественно изменить учебную деятельность, направленную на овладение иностранным языком, и помочь развитию важных личностных качеств (рефлексии, умения сопереживать, критически мыслить и анализировать), а также способствовать достижению воспитательных целей: становления, обогащения и совершенствования «духовного мира человека через творческое освоение доступной обучающемуся культуры» [7, С. 141].

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Бажанов А.Е. Контрольные материалы по немецкому языку для обучающихся V-VII классов / Бажанов А.Е., Красовицкая Ю.В. // Иностр. языки в школе. – 2018. – № 5. – С. 82–86.
2. Бажанов А.Е. Проверим лексические и грамматические навыки и навыки чтения: контрольно-измерительные материалы по немецкому языку для обучающихся V-VII классов / Бажанов А.Е., Красовицкая Ю.В., Фурманова С.Л. // Иностр. языки в школе. – 2019. – № 8. – С. 71–75.
3. Викулова Л.Г. Основы межкультурной коммуникации: практикум / Л. Г. Викулова, С. Г. Василенко, Л. А. Воробьева и др.; под ред. Л. Г. Викуловой. – М.: АСТ: АСТ Москва: Восток – Запад, 2008. – 288 с.
4. Красовицкая Ю.В. Аудиобиблиотека онлайн и ее ресурсы для изучения немецкого языка на всех уровнях / Красовицкая Ю.В. // Преподавание иностранных языков и новые подходы к академическому сотрудничеству в эпоху интернета. Сб. науч. трудов и материалов международной научно-практической конференции (23 марта 2018 г.) / Отв. ред. Е.А. Боброва. – М.: Издательство «РЕЛОД», 2018. – С. 32–39.
5. Красовицкая Ю.В. Литература, история и культура Германии (страноведческий курс для младшей средней школы) / Красовицкая Ю.В. Учебно-методическое пособие. М.: МГПУ, 2020. – 104 с.
6. Селиванова Н.А. Организация и методика проведения домашнего чтения на среднем этапе обучения иностранному языку в общеобразовательной школе в контексте новых требований к языковому образованию [Электронный ресурс]: На материале французского языка: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. – Москва, 2005. – 192 с. – URL: <https://www.dissercat.com/content/organizatsiya-i-metodika-provedeniya-domashnego-chteniya-na-srednem-etape-obucheniya-inostra> (дата обращения: 04.08.2020).
7. Сороковых Г.В. Взаимодействие языка и культур как методическая проблема / Сороковых Г.В., Прибылова Н.Г. // Психология образования в поликультурном пространстве. – 2015. – 4(32). – С. 141–144.
8. Тарева Е.Г. Обучение языку и культуре: инструмент «мягкой силы»? / Тарева Е.Г. // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». – 2016. – №3 (23). – С. 94–101.

9. Фоменко О.Б. Национал-социалистическая школа как культурологическая проблема в немецкой литературе XX века [Электронный ресурс]: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. – Москва, 2004. – 196 с. – URL: <https://www.dissercat.com/content/natsional-sotsialisticheskaya-shkola-kak-kulturologicheskaya-problema-v-nemetskoj-literature> (дата обращения: 1.09.2020).

10. Seghers A. Der Ausflug der toten Mädchen und andere Erzählungen / Seghers A. – Berlin: Aufbau Verlag, 2017. – 200 S.

Список литературы на английском / References in English

1. Bazhanov A. E., Krasovitskaya Yu. V. Kontrol'nye materialy po nemeckomu jazyku dlja obuchajushhiksja V-VII klassov [Testing materials on the German language for students of grades 5-7] / A. E. Bazhanov, Yu. V. Krasovitskaya // Inostr. jazyki v shkole [Foreign Languages at School]. - 2018. - No. 5, pp. 82-86 [in Russian]

2. Bazhanov A. E. Proverjaem leksicheskie i grammaticheskie navyki i navyki chtenija: kontrol'no-izmeritel'nye materialy po nemeckomu jazyku dlja obuchajushhiksja V-VII klassov [Checking the lexical and grammatical skills and reading skills: testing and assessment materials on the German language for students of grades 5-7] / Bazhanov A. E., Krasovitskaya Yu. V., Furmanova S. L. // Inostr. jazyki v shkole [Foreign Languages at School]. - 2019. - No. 8, pp. 71-75 [in Russian]

3. Vikulova L. G. Osnovy mezhkul'turnoj kommunikacii: praktikum [Fundamentals of cross-cultural communication: practicum] / G. Vikulova, S. G. Vasilenko, L. A. Vorobyov et al.; edited by G. Vikulova. - M.: AST: AST Moskva: Vostok-Zapad, 2008, 288 p. [in Russian]

4. Krasovitskaya Yu. V. Audiobiblioteka onlajn i ee resursy dlja izuchenija nemeckogo jazyka na vseh urovnjakh [Audiobiblioteka online and its resources for learning German at all levels] / Yu. V. Krasovitskaya // Prepodavanie inostrannykh jazykov i novye podkhody k akademicheskomu sotrudnichestvu v ehpkhu interneta. Sb. nauch. trudov i materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (23 marta 2018 g.) [Teaching foreign languages and new approaches to academic cooperation in the Internet Era. Collection of scientific works and materials of the international scientific and practical conference (March 23, 2018)] / Ed. Bobrova. - M.: Izdatelstvo "RELOD", 2018, pp. 32-39 [in Russian]

5. Krasovitskaya Yu. V. Literatura, istorija i kul'tura Germanii (stranovedcheskij kurs dlja mladshejj srednej shkoly) [Literature, history and culture of Germany (country studies course for junior high school)] / Yu. V. Krasovitskaya // uchebno-metodicheskoe posobie [Educational and Methodological Manual]. Moscow: MSPU, 2020. - 104 p. [in Russian]

6. Selivanova N. A. Organizacija i metodika provedeniya domashnego chtenija na srednem eh tape obuchenija inostrannomu jazyku v obshheobrazovatel'noj shkole v kontekste novykh trebovanij k jazykovomu obrazovaniju: Na materiale francuzskogo jazyka [Organization and methodology of home reading at the middle stage of teaching a foreign language in a comprehensive school in the context of new requirements for language education based on the French language]: Candidate's thesis. Pedagogical Sciences: 13.00.02 / N. A. Selivanova. - Moscow, 2005. - 192 p. - URL: <https://www.dissercat.com/content/organizatsiya-i-metodika-provedeniya-domashnego-chteniya-na-srednem-etape-obucheniya-inostra> (accessed: 04.08.2020) [in Russian]

7. Sorokov G. V., Pribylova N. G. Vzaimodejstvie jazyka i kul'tur kak metodicheskaja problema [Interaction between language and cultures as a methodological problem] / G. V. Sorokov, N. G. Pribylova // Psikhologija obrazovanija v polikul'turnom prostranstve [Psychology of education in the multicultural space]. – 2015. – 4(32), pp. 141-144 [in Russian]

8. Tareva E. G. Obuchenie jazyku i kul'ture: instrument «mjagkojj sily»? [Language and culture training: a soft power tool?] / E. G. Tareva // Vestnik MGPU. Serija «Filologija. Teorija jazyka. Jazykovoje obrazovanie» [Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series: Philology. Theory of language. Language education] – 2016. – №3 (23), pp. 94 -101 [in Russian]

9. Fomenko O. B. Nacional-socialisticheskaja shkola kak kul'turologicheskaja problema v nemeckoj literature XX veka [National-Socialist School as a cultural problem in German literature of the 20th century]: Candidate's thesis. Cultural Studies: 24.00.01 / O. B. Fomenko. - Moscow, 2004. - 196 p. - URL: <https://www.dissercat.com/content/natsional-sotsialisticheskaya-shkola-kak-kulturologicheskaya-problema-v-nemetskoj-literature> (accessed: 1.09.2020) [in Russian]

10. Seghers A. Der Ausflug der toten Mädchen und andere Erzählungen [The excursion of the dead girls and other stories] / Seghers A. – Berlin: Aufbau Verlag, 2017. – 200 P. [in German]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.26.2.11>**РОБЕРТ БЕРНС В СТИХОТВОРЕНИЯХ ШОТЛАНДСКИХ ПОЭТОВ-ЭМИГРАНТОВ США XIX ВЕКА**

Научная статья

Велилаева Л.Р. *

ORCID: 0000-0002-6491-8633,

Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, Симферополь, Россия

* Корреспондирующий автор (lilivelilaeva[at]yandex.ru)

Аннотация

Статья посвящена анализу образа Роберта Бернса в стихотворениях шотландских поэтов-эмигрантов США XIX века в контексте восприятия литературных персоналий, являющихся знаковыми для литературы Шотландии и творчества шотландских поэтов-эмигрантов. Компаративный и жанрологический анализ проведены на разных уровнях: биографическом, социокультурном и поэтологическом. Неоднозначность восприятия творческого наследия Р. Бернса прослеживается на социокультурном уровне. Схожесть биографических данных фиксируется на биографическом уровне, схожесть творческого аспекта – на поэтологическом уровне. Исследование фиксирует базовые характеристики образ Р. Бернса.

Ключевые слова: Шотландия, США, XIX век, эмиграция, поэзия, Роберт Бернс.

ROBERT BURNS IN THE POETRY OF SCOTTISH POETS-EMIGRANTS OF THE USA OF THE XIX CENTURY

Research article

Velilaeva L.R. *

ORCID: 0000-0002-6491-8633,

Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov, Simferopol, Russia

* Corresponding author (lilivelilaeva[at]yandex.ru)

Abstract

The paper deals with the analysis of the image of Robert Burns in Scottish emigrational poetry of the USA of the XIX century in the context of perception of symbolic literary figures in the creative works of Scotland's writers and Scottish poets-emigrants. An attempt has been made to determine the criteria for choosing symbolic figures and artistic components of these images, which will be relevant for other national literatures. To identify the specifics of the image of R. Burns in Scotland and the USA, a genreological and comparative analysis was carried out at different levels: sociocultural, biographical and poetological.

Keywords: Scotland, USA, XIX century, emigration, poetry, R. Burns.

Introduction

Among the images of Scottish writers, philosophers, public and church figures, the image of Robert Burns occupies a central place in the literary works of Scottish emigrational poets. This situation is well known, but so far no attention has been paid to its paradoxicality. In the mother-country (that is, in Scotland itself), the presence of the figure of a poet-national genius, poet-national hero, poet-«father of the nation» is the norm. In emigration, where the entire environment of the poet-emigrant belongs to another culture, another literature, such a situation is not customary.

Any emigration changes the literary perspective of the worldview. It sets other accents, because the conditions of living in emigration are non-standard and even extreme for writers-emigrants. So this question becomes relevant: is the poet-symbol, the poet-embodiment of the character of the entire nation, capable of existing in the emigrational context, or is this type of character generally not applicable to emigrational literature and can exist only in metropolitan literature?

In addition to the above paradoxicality, the content and style specificity of the image of Robert Burns in the work of Scottish poets in general and poets-emigrants in particular has not been fully commented yet. Since the material of our study is primarily the poetry of the Scottish emigrants of the XIXth century, the first question to answer is: was the perception of Robert Burns as a social and literary phenomenon in the motherland (Scotland) and in emigration (USA) the same? Accordingly, this article will consider Burns' verses in both discourses. As for the XIXth century, it was chosen as the period when Scottish emigration in both the United States and Canada reached its maximum quantitative indicators.

The proposed study touches upon the problem of the perception of authoritative literary figures in the literary works of emigration and the motherland from two sides: 1) determining the criteria for choosing such symbolic figures and 2) the artistic components of these images. Presumably, our approach is relevant for any national emigration.

The aim of the work is to identify the content and aesthetic system, as well as the tasks set by the authors in the texts of the Burns' cycle in the contexts of a) Scottish and b) American, partly Canadian poetry.

The corpus of texts by 28 authors has been analyzed, consisting of 110 works. During the research, the methods of comparative analysis, genre analysis, comparative-typological and historical-biographical methods were applied.

The literary heritage of R. Burns has already been analyzed in Russian literary criticism many times (N. Aleeva [1], E.N. Elistratova [3], D.N. Zhatkin [4], [5], B.I. Kolesnikov [6], Yu.D. Levin [7], P.M. Toper [8] and others). In foreign literary criticism, it has also repeatedly become the object of special scientific research (D. Ferguson [12], Th. Crawford [11], J. Kinsley [14], K. Witting [22], J. Carruthers [10], J. Skoblow [20] and others). At the same time, this group of literary-critical and literary studies did not even mention the interpretations of the image of Burns in the Scottish emigrational poetry of the XIXth century and did not compare those interpretations with the same image in Scotland. Meanwhile, such a perspective could illuminate in a new way not only the image of Burns itself, but also the key problems of literary emigrational studies.

To understand the specifics of the depiction of R. Burns among the Scots in Scotland and the Scots-Americans in the USA, it is important to clarify the similarities and differences at different levels.

Sociocultural level

R. Burns in Scotland, as Scottish emigrational poets, did not immediately fit into the literary context of both his era and Scottish literature in general. Scotland of late XVIIIth— early XIXth centuries is already beginning to look for other values: material, because the country's standard of living remained low and the economic situation was not stable. This reality didn't correlate with the dominant motives of Burns' poetry: motives of freedom and patriotism.

The Scottish emigrational poets also were not able to become significant literature for both Scotland and the United States, despite their distinctive style and outstanding content of their poetry.

The assessment of the work of Robert Burns in the United States should be commented here. The figure of Burns for American society (literary, including) was not new in the XIXth century. Abraham Lincoln, who attended a meeting of the Burns Club in Washington in January 1865, made a toast praising R. Burns both as a person and as a poet [11, P. 136]. American poets (R.W. Emerson, J.R. Lowell, O.V. Holmes, J.G. Whittier, W. Whitman) also interpreted R. Burns as one of the most iconic figures in Great Britain. W. Whitman called him the most outstanding among the poets of Great Britain, emphasizing that his poems are very close and understandable to Americans [21, P. 427-435].

In the everyday life of Scottish emigrants, R. Burns' creative works were closely associated with the activities of various communities: Burns Clubs, Caledonian Clubs, St. Andrew's Society, Order of Scottish Clans, The Order of Sons of Scotland [18, P. 114] and others. These organizations were widespread in the United States. Their main occupation was to popularize Scottish history, culture and literature.

Biographical level

R. Burns, like most of the Scottish emigrational poets, came from the countryside. However, their origin did not prevent them from getting a good education (largely due to self-education). This fact determined the thematic and motivational aspects of their poems, on the one hand, the specifics of «their» national audience, on the other.

Due to their rural origin both R. Burns and poets-emigrants knew well the Scottish traditions, folk culture and folklore, freely expressed themselves in their native Scots. After the unification of England with Scotland (1707), the English language, English culture and English traditions began to be actively implanted in the urban environment. For the rural population, the connection with everything Scottish remained essential. The Scottish villagers still lived their centuries-old lifestyle and resolutely resisted Anglicization.

Poetological level

Anthroponymic aspect. The image of Robert Burns is the most popular in the poetry of Scottish emigrants. The name of Robert Burns is mentioned in 14 texts out of 110 analyzed poems. The mention of Robert Burns fixes the titles and / strong text positions (beginning, refrains, end) of 8 texts. Examples include the poems of J. Kennedy «To the Shade of Burns» [13, P. 66-67], J. Massey «Praise to the Bard, whose mighty hand ...» [17, P. 214-215], McPherson «Scotia's Bard» [16, P. 39-41], W. Anderson «There's nae land like old Scotland» [16, P. 354-355], H. McCulloch «Dinna forget» [16, P. 176-178] and others.

In P. McPherson's poem «Scotia's Bard» the author applies to the range of poets, whom he calls «bards»: Shakespeare, Dryden, Pope, Milton, Scott, Byron, Southey, Coleridge, Keats, Wordsworth, Tom Moore, Mackay, Swinburne, Tennyson. This reference to bard brings the idea of their unity but the author blames their poetry in the «lack of vitality» [16, P. 40], describes it as «sombre, hazy, weird» [16, P. 40], «<...> The lyre they struck in rosouince was poor; / 'Twas measured music, neatly pitched and scaled <...>» [16, P. 40]. Every poet he compares with Robert Burns and depicts the last as the King who «<...> reigns unrivaled in the realm of song <...>» and there is no one to be compared in strength or altitude with Burns. He is the figure that «<...> at home, or drifting on a foreign shore, / Of Scotia's bard we are ever proud <...>» [16, P. 41].

This ultimate idea of Burns' dominance is developed in H. McCulloch «Dinna forget» [16, P. 176-178]. The poem mentions all famous Burns' characters from his songs: Mary, Tam, Mouse, Cotter, Jolly Beggars. They all like a family to every Scot because those «<...> songs were words and music at their birth, / And voice our glory, sorrow, love and mirth <...>» [16, P. 176]. This relevance to Scots' life is generalised to global scale in J. Massey «Praise to the Bard, whose mighty hand ...», where Burns is the person «who knits all human hearts as one» [17, P. 214], « who taught us independence true / And rung the changes through and through» [17, P. 214]. He is proclaimed a uniting figure not only for Scots but or the people all over the world.

Genre and style aspect. Poets-emigrants attribute large part of Robert Burns's poems to the song genre (sangs, lays) because the poet himself often applied to Scottish folk songs and ballads, borrowing plots and motives from them. However, this borrowing was not only at the narrow-textual level, but also at the historical-typological level. Due to R. Burns the Scots (and not only they) knew their folklore well. And through the prism of folklore, the Scottish worldview was formed, «Scottishness» was assimilated as a socio-cultural quality.

However, R. Burns' genre repertoire was broader than just song tradition. The poet turned to the genres of ode, epistle and poetic dedication. For the poets-his followers, it was especially important not to limit themselves to one or two of the most popular genres, but to portray the «Scottish bard» in all the diversity of the national tradition.

Gradually the motive of the poet's immortality grows to his – almost religious – beatification and canonization: «<...> Of Scotia's bard we are ever proud; / Our homage true to the inmost core. / Till life is ended and in our shroud / With joy exultant when the day returns, / We'll meet to honor immortal Burns» [17, P. 39-41]. Burns, like a saint, has his own holiday (Burns' Night), which has become international. They are confident that the Scots will definitely meet with Burns in Paradise. Burns becomes synonymous with national memory: «<...> Who taught the lords of lofty domes / That worth may

dwelt in lowly homes / And noble patriot pride, / And points the great Creator's plan / Till man's humanity to man / Shall stem oppression's tide. <...>» [17, P. 214-215].

The genre of the epistle actualizes other theme: the theme of friendship. Friendship covers different sides and levels of being: from general school mischief to participation in traditional – national or regional – work and leisure. Finally, friendship becomes the first step towards a sense of patriotism and national unity – feelings that were of current importance in emigration. «<...> And we whose childhood's home was thine, / What joy thy memory brings! / To us thou seem'st as more divine / Than earth-created things. / For all youth's fairy scenes and glee, / Loves, hopes and fancies fain, / In Poesy's art illumed by thee, / Come back to us again <...>» [13, P. 66-67]. At the same time, Burns becomes the central figure in the circle of expanding «zones of values»: courtyard – home – school – home village – church – homeland – heavenly paradise. Burns' songs become «singing sermons» and sermons turn into «songs of God». The poet himself combines the functions of a folk singer and a folk preacher. («singing preacher, Burns» [17, P. 178]).

Along with the universal characteristics, there appear those that are especially typical for the emigrational context. Scottish emigrants personally felt that they live in a multinational state, which is, moreover, young. Such a specific society needs not only experiments, innovations, but also cultural traditions that unite all citizens. It was this consolidating function that the image of Robert Burns performed for the Scots and other emigrants: «And though from many lands they came, / To brotherhood they've grown, / By thee their pulses throb the same, / Their hearts are all thy own» [13, P. 66].

Burns did not function in the poetry of XIX century Scottish emigrants simply as a purely literary model. He acted in a foreign (American) and Canadian context as a «mighty» mythological and ethnogenic personality. For the Scots, he is fully a mythopoetic cultural hero. For the Scots of the diaspora, he became quite comparable with similar figures of the Scottish Middle Ages and the Renaissance, later – Romanticism: from the poet-fortuneteller Thomas Lermont (between 1220-1297), through the clairvoyant William Dunbar (?1460-?1520) and a native of Anglo-Scottish borderlands William Shakespeare (1564-1616), up to the pan-European romantic idol, the Scotsman by his mother George Gordon Byron. Such an interpretation of the image of a national poet in the XIXth century for both the Old and New World contained an indisputable element of novelty. Thus, Scottish emigrants contributed their share of innovation to the history of not only Scottish, but also American literature of the XIXth century [2].

Conclusions

1. R. Burns and the Scottish poets-emigrants had similar biographies and preferences in genre-stylistic and thematic-motive aspects.
2. The image of Robert Burns in the work of Scottish poets-emigrants has a number of stable features, characterized by unconditional positive evaluativeness and laudativeness.
3. An innovation of the Scottish poets-emigrants for literary emigration studies is the creation of the image of the national poet as a mythological personality. It is this mythological image of Robert Burns, appealing to Scottish tradition and folklore, that has proved to be relevant for the young United States.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Алеева Н. [Утина Н. И.]. Роберт Бернс (Шотландский народный поэт) / Н. Алеева [Н. И. Утина] // Дело. – № 5. Отд. I., 1876. – С. 257–292; № 6. Отд. I. – С. 179–234.
2. Велилаева Л. Р. Эмиграционный и метрополийный дискурсы шотландской поэзии XIX века : монография / Л. Р. Велилаева. – Симферополь : ИП Хотеева Л.В., 2019. – 172 с.
3. Елистратова А. А. Роберт Бернс : Критико-биографический очерк / А. А. Елистратова. – Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1957. – 160 с.
4. Жаткин Д. Н. Роберт Бернс в ранних русских переводах (к постановке проблемы) / Д. Н. Жаткин, Т. Г. Куликова // Вестник Тамбовского университета. – Серия : Гуманитарные науки, 2008. – Вып. 5 (61). – С. 280-284.
5. Жаткин Д. Н. У истоков русской рецепции поэзии Роберта Бернса / Д. Н. Жаткин // Известия высших учебных заведений. – Поволжский регион. Гуманитарные науки, 2015. – № 3 (35). – С. 104–118.
6. Колесников Б. И. Роберт Бернс / Б. И. Колесников. – Москва : Просвещение, 1967. – 240 с.
7. Левин Ю. Д. Бернс Роберт / Ю. Д. Левин // Лермонтовская энциклопедия / гл. ред. В. А. Мануйлов. – М.: Сов. энциклопедия, 1981. – С. 57.
8. Топер П. М. Перевод и литература: творческая личность переводчика [Электронный ресурс] / П. М. Топер // Вопросы литературы, 1998. – Вып. 6. – С. 178-199. – URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/1998/6/toper/html> (дата обращения: 20.03.2021)
9. Шотландии кровавая луна: Антология шотландской поэзии (с XIII-го века до века XX-го) / М.А. Новикова (сост., пер., комм.). – Симферополь : СОНАТ; Крымский Архив, 2007. – 320 с.
10. Carruthers G. The Edinburgh Companion to Robert Burns / G. Carruthers. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2009. – 198 p.
11. Crawford Th. Burns: A study of the Poems and Songs / Th. Crawford. – California : Stanford University Press, 1960. – 420 p.
12. Ferguson D. Pride and Passion. Robert Burns 1759-1796 / D. Ferguson. – New York : Oxford University Press, 1939. – 330 p.
13. Kennedy J. To the Shade of Burns / The Scottish and American poems of James Kennedy. – New York : J.S. Ogilvie Publishing Co., 1920. – 247 p.

14. Kinsley J. Burns : Poems and Songs / J. Kinsley. – New York : Oxford University Press, 1971. – 800 p.
15. Robert Burns and cultural authority / Ed. by R. Crawford. Iowa : university of Iowa Press, 1997. – 256 p.
16. Ross J.D. A cluster of poets Scottish and American, with biographical and critical notices. – New York: Walter W. Reid, Publishers, 1897. – 377 p.
17. Ross J.D. Scottish Poets in America with biographical and critical notices. – New York : Pagan&Ross, Publishers, 1889. – 218 p.
18. Ross J.D. The Burns Almanac / J.D. Ross. – New York : Walter W. Reid, 1899. – 176 p.
19. Scott, T. The Penguin book of Scottish Verse / Tom Scott // intro. and ed. T. Scott. – London : Penguin, 1976. – 519 p.
20. Skoblow J. Dooble Tongue: Scots, Burns, Contradiction / J. Skoblow. – Newark : University of Delaware Press, 2001. – 268 p.
21. Whitman W. Robert Burns as a Poet and a Person / W. Whitman // The North American Review. – Vol. 143, No. 360 (Nov., 1886). – Pp. 427-435.
22. Wittig K. The Scottish Tradition in Literature / K.Wittig. – Edinburgh and London : Oliver and Boyd, 1958. – 360 p.

Список литературы на английском / References in English

1. Aleeva N. [Utina N. I.]. Robert Berns (Shotlandskij narodnyj pojet) [Robert Burns (Scottish folk poet)] / N. Al-eva [N. I. Utina] // Delo. № 5. Otd. I., 1876. – P. 257–292; № 6. Otd. I. – P. 179–234. [in Russian]
2. Velilaeva L. R. Jemigracionnyj i metropolijnyj diskursy shotlandskoj poezii XIX veka: monografija [Emigrational and Mother-land discourse of Scottish emigrational poetry of the XIXth century] / L. R. Velilaeva. – Simferopol' : IP Hoteeva L.V., 2019. – 172 p. [in Russian]
3. Elistratova A. A. Robert Berns : Kritiko-biograficheskiy ocherk [Robert Burns: Short biographical sketch] / A. A. Elistratova. – Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1957. – 160 p. [in Russian]
4. Zhatkin D. N. Robert Berns v rannih russkih perevodah (k postanovke problemy) [At the sources of Russian reception of Robert Burns' poetry] / D. N. Zhatkin, T. G. Kulikova // Vestnik Tambovskogo universiteta. – Serija : Gumanitarnye nauki. 2008. Vyp. 5 (61). – P. 280-284. [in Russian]
5. Zhatkin D. N. U istokov russkoj recepcii poezii Roberta Bernsa [At the origins of Russian reception of Robert Burns' poetry] / D. N. Zhatkin // Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. – Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki. 2015. № 3 (35). P. 104–118. [in Russian]
6. Kolesnikov B. I. Robert Berns [Robert Burns] / B. I. Kolesnikov. – Moscow : Prosveshhenie, 1967. – 240 p. [in Russian]
7. Levin Ju. D. Berns Robert [Burns Robert] / Ju. D. Levin // Lermontovskaja jenciklopedija / gl. red. V. A. Manujlov. – M.: Sov. jenciklopedija, 1981. P. 57.
8. Toper P. M. Perevod i literatura: tvorcheskaja lichnost' perevodchika [Translation and literature: creative personality of the translator] / P. M. Toper // Voprosy literatury, 1998. – Vyp. 6. – P. 178-199. – Rezhim dstupa: URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/1998/6/toper/html> (data obrashhenija: 20.03.2021) [in Russian]
9. Shotlandii krovavaja luna: Antologija shotlandskoj poezii (s XIII-go veka do veka XX-go) [Scotland's bloody moon : An Anthology of Scottish poetry (from the XIIIth till the XIXth c.)] / M.A. Novikova (sost., per., komm.). – Simferopol': SONAT; Krymskij Arhiv, 2007. – 320 p. [in Russian]
10. Carruthers G. The Edinburgh Companion to Robert Burns / G. Carruthers. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2009. – 198 p.
11. Crawford Th. Burns: A study of the Poems and Songs / Th. Crawford. – California : Stanford University Press, 1960. – 420 p.
12. Ferguson D. Pride and Passion. Robert Burns 1759-1796 / D. Ferguson. – New York : Oxford University Press, 1939. – 330 p.
13. Kennedy J. To the Shade of Burns / The Scottish and American poems of James Kennedy. – New York : J.S. Ogilvie Publishing Co., 1920. – 247 p.
14. Kinsley J. Burns : Poems and Songs / J. Kinsley. – New York : Oxford University Press, 1971. – 800 p.
15. Robert Burns and cultural authority / Ed. by R. Crawford. Iowa : university of Iowa Press, 1997. – 256 p.
16. Ross J.D. A cluster of poets Scottish and American, with biographical and critical notices. – New York: Walter W. Reid, Publishers, 1897. – 377 p.
17. Ross J.D. Scottish Poets in America with biographical and critical notices. – New York : Pagan&Ross, Publishers, 1889. – 218 p.
18. Ross J.D. The Burns Almanac / J.D. Ross. – New York : Walter W. Reid, 1899. – 176 p.
19. Scott, T. The Penguin book of Scottish Verse / Tom Scott // intro. and ed. T. Scott. – London : Penguin, 1976. – 519 p.
20. Skoblow J. Dooble Tongue: Scots, Burns, Contradiction / J. Skoblow. – Newark : University of Delaware Press, 2001. – 268 p.
21. Whitman W. Robert Burns as a Poet and a Person / W. Whitman // The North American Review. – Vol. 143, No. 360 (Nov., 1886). – Pp. 427-435.
22. Wittig K. The Scottish Tradition in Literature / K.Wittig. – Edinburgh and London : Oliver and Boyd, 1958. – 360 p.

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.26.2.4>**АВТОРСКОЕ МАНИПУЛИРОВАНИЕ КАТЕГОРИЯМИ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ КАК ФАКТОР ОТОЖДЕСТВЛЕНИЯ ЧИТАТЕЛЯ С ОБРАЗОМ ПЕРСОНАЖА**

Научная статья

Кудряшов И.А.^{1*}, Туранова А.Ю.²¹ ORCID: 0000-0001-5449-864X;^{1,2} Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

* Корреспондирующий автор (igalk[at]mail.ru)

Аннотация

В исследовании проблема читательского отождествления с образом персонажа анализируется как динамический конструкт, который реализуется с опорой на определенные языковые средства, проявляется при постижении художественного текста с разной степенью интенсивности. Предлагается междисциплинарный подход к данному феномену, который дает возможность выявить природу авторских манипуляций в поддержании внимания адресата текста к образу персонажа, измерить степень уподобления читателем своего Я эмоционально-волевой сфере участников событийной линии повествования. Процесс отождествления квалифицируется как многомерный опыт читателя, накапливаемый при интерпретации различных ипостасей личности персонажа и языковых средств их текстового воплощения.

Ключевые слова: художественный текст, дейктические средства, категории пространства и времени, читательское отождествление с образом персонажа.

THE AUTHOR'S MANIPULATION OF THE SPACE AND TIME CATEGORIES AS A FACTOR IN READER'S IDENTIFYING WITH THE CHARACTER'S IMAGE

Research article

Kudryashov I.A.^{1*}, Turanova A.Yu.²¹ ORCID: 0000-0001-5449-864X;^{1,2} Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

* Corresponding author (igalk[at]mail.ru)

Abstract

In the study, the problem of the reader's identification with the character's image is analyzed as a dynamic construct, which is implemented based on certain linguistic means, and manifests itself when comprehending a literary text with different degrees of intensity. An interdisciplinary approach to this phenomenon is proposed, which makes it possible to identify the nature of the author's manipulations in maintaining the addressee's attention to the character's image, to measure the degree of assimilation of the reader's *Self* to the emotional-volitional sphere of the participants in the event line of the narrative. The process of identification is qualified as the reader's multidimensional experience accumulated while interpreting various hypostases of the character's personality and the linguistic means of their textual embodiment.

Keywords: literary text, deictic means, categories of space and time, reader's identification with the character's image.

Introduction

The literary character's images the author reproduces in narrative texts can cause ambiguous emotional responses in the readership. This kind of empathic contact with the actors of imaginary eventfulness is reflected in the multidimensional way in the semantic content of the term «reader's identification with the literary character's image», which involves the perception of the author's virtual reality, based on the subjective perspective of a particular literary hero, penetration into the system of his views and beliefs, values and life goals [1, P. 2].

In this regard, the actual problems of text linguistics are such as:

1. detailing the methodology for studying such cognitive processes as the perception of the character's emotional-volitional sphere, identifying analogies between the reader's individual self and the personal characteristics of the acting person in the literary text [2, P. 9];

2. identifying the stable correlations between the linguistic means of the author's re-creation of the character's image and the reader's identification with this image [3, P. 24–27].

Currently, the priority research programs include, among other things, modeling the reader's experience of a literary text perception and interpretation, a complex of imaginary characters involved in the development of the plot perspective of this text [4], [5], [6]. The models proposed in text linguistics integrate theoretical concepts and methodological guidelines developed in the science of cognitive cycle. The hypotheses put forward are tested and confirmed taking into account both the empirical analysis of specific textual data and theoretical generalizations, which, in turn, provides an opportunity to determine the specifics of the impact of the text linguistic distinctiveness upon the processes of readers' immersion in the narrative virtual settings and worlds [7], [8], [9].

The approaches to the literary text study, undertaken in the framework of this work, details the theoretical attitudes developed in contemporary concepts, which trace the specifics of establishing relationships between such categories as «the author», «the narrator», «the character» and «the reader». In particular, there is an opinion that the stylistic analysis of the literary narrative texts underlies in putting forward the hypotheses concerning the reader's interpretation of the text, which are proved, among other things, based on the neurocognitive research methods [10], [11], [12]. The study of the processes of the readership's immersing into the literary narrative texts, as well as this kind of text aesthetic evaluating, also involves the

identification of the linguistic originality of the literary work. In this regard, the phonological, lexical, grammatical, and semantic levels of the text are extensively and intensively studied on the material of prose and poetry in terms of correspondence / inconsistency with the particular rigid linguistic system.

Methods

Both the purpose and corresponding objectives of the research project predetermine the holistic methodological principles of the linguistic and pragmatic analysis of the collected material. Along with the basic method of the text interpretation, aimed at determining the pragmatic specificity of the readership's likening to the images of both the narrator and / or the main character, such research methods relevant to modern Russian studies as induction and deduction, transformation of fiction utterance, contextual analysis of the pragmatic potential of grammatical categories, developed in general axiological linguistics, are simultaneously used.

A fragment of Boris Yulievich Poplavsky's novel «Apollo Bezobrazov» (1932) is chosen as the material for the study. We focus primeval attention on the first four chapters of the novel [13]. The choice of the specified fragment of this text is determined by the narrative peculiar storyline. In this particular text passage the narrator from the first person introduces the main characters of the story, while the defining point of reference is the situation of acquaintance with them.

The narrator expresses a pragmatic attitude to the characters:

- before getting to know them directly (watching the characters from the side);
- at the moment of meeting;
- in the subsequent presentation of the events in which the characters participate (in particular, in the episode of the ball).

The narrator extracts all these circumstances from his long-term or operational memory, reconstructing a special space-time continuum. At the same time, the deictic means, the particular characteristics of the perfect / imperfect form of verbal predicates, and their relationship to the moment of the narrative imply an important semantic content that sheds light on the specifics of the characters' empathic perception by the narrator and his indifferent attitude to the secondary characters. In all these contexts, the reader is stimulated to recognize the subjective perspective of seeing the space and time of events, and as a result, to identify with the narrator and the main characters' images.

Discussion

Critically comprehending various aspects of an individual protagonist's worldview, the reader constructs a mental representation of the textual (author's, virtual, impossible) world: the spatial plan of behavior, the order of events on the time axis, the system of characters, the goals he / she pursues and the objects at his / her disposal [14], [15], [16]. By detailing the text situational model, filling it with individual meanings, the reader takes into account the linguistic architectonics of recreating the virtual world, a complex of multi-level linguistic tools that individualize the work of art, which significantly facilitates the processes of reader immersion in the text work. The focus of our attention is primarily on the problem of the reader's identification with the spatial-temporal coordinates of the character's life-activity: the addressee of the text is adapted to the chronotope in which the character is embedded, chooses the starting point for interpreting the space and time of the character's image developing. The information presented by the narrator about the character's physical movements in the storyline is correlated with the particular protagonist's point of view regarding the deployment of the storyline in space and time. In this respect, the perception of the narrator's narrative about the character assumes a certain degree of the reader's spatial-temporal identifying with the actor.

This judgment is supported by the empirical research: it is established that after reading a literary narrative, the addressee (interpreter) reacts without thinking to the names of those objects that were directly in the sphere of the character's vision or use [17]. The results of the experiment indicate that by reconstructing the mental representation of the narrative text, the readers inevitably comply with the opinion of the protagonist that plays a significant role in unfolding the narrative storyline.

Character nominations are used primarily in the grammatical function of the subject in the narrator's messages. For example, in statements (1) and (1*), the propositional contents are practically identical. One may say that in the statement (1) it is the male character that surveys the current situation and expresses his point of view, in (1*) the same situation is presented from the female character's perspective. Cf.:

(1) «Then **I** noticed Teresa, who was looking at me curiously and calmly... Noticing this look, I immediately involuntarily changed my position...» [13, P. 79];

(1*) «Then **he** noticed me, and I looked at him curiously and calmly... Noticing my gaze, he involuntarily shifted his position...».

The narrator's grammatical subject choice, carried out while narrating of the character's physical actions, has a constructive effect on the reader's identification with this character's image. The spatial and temporal specifications of the reproduced situation are interpreted by the reader through the focus of the protagonist's attention (*I; he*). The interpreter focuses on the localization of the actions of the character-narrator, who performs the function of the subject underlying the fiction utterance, in terms of space and time measuring, comprehends the situation through the eyes of the person, and «appropriates» his / her personal vision of the described state of affairs. The essential role is also played by the time characteristics of the predicates that record the characters' physical activity. For example:

(2) « ... **I took two steps back and jumped** into the boat with the extraordinary ease of a hysterical fit. This strange act **is explained** by the fact that for several minutes everything **was very strange**, everything **was floating** on an open sea of strangeness...» [13, P. 14].

Predicates in the past tense strengthen the time distance between the character and the reader; build the reader's perspective of perceiving the situation as belonging to an outside observer. The predicate in the present time, reflecting the eternal truth (in the context of example (2), the logical explanation of the subject's actions in the current situation), on the contrary, combines the temporal planes of the subjects in the literary communication. The illusion of the coexistence of the

character-narrator and the reader at the same time point is created, which fixes the moment of the beginning of a direct dialogue between them, and conditions appear for the creation of a joint focus of perception of the space-time plan characterized for the unfolding narrative.

This type of identification is also influenced by such deictic elements as adverbs and demonstrative pronouns, which become significant in the context of perceiving the reproduced states of affairs, based on a certain space-time point. Thus, the means that indicate the objects closest to the character and the reader, the actions unfolding at the moment (*here, this, now*), according to the author's plan, are designed to construct a high degree of assimilation of the readership's perceiving the imagined situation to the subjective perspective of the character's vision. With the activation of deictic means that mark the remoteness of objects in space and actions in the time plane (*there, that, then*), the degree of likeness is noticeably reduced. Cf.:

(3) «*Then Apollo Bezobrazov turned his eyes away from the cooling sky and looked at me with a laugh. His eyes were not at all like the eyes of a hypnotist... these eyes were not at all sleepy... Now Apollo Bezobrazov looked at me for quite a long time... On the same memorable day ... this statement seemed to me completely useless... Then Apollo Bezobraz suddenly got up slowly and ... threw the half-smoked cigarette into the water, then ... took off his cap and put it on again... prepared to jump out of the boat, but changed his mind ... calmly got off... Then I, too, clumsily jumped off the boat... and followed him, determined to keep up with this man...*» [13, P. 16–18].

Interpreting the deictic means that reflect the narrative space-time coordinates, the reader perceives the situation of the narrator's relationship with Apollo Bezobrazov, the main character of the text, reveals the implicitly expressed information about the narrator's first impressions of the hero, encoded by these means. Again, we witness the author's deliberate technique manipulating the space and time categories. The narrator mediates the reader's identification with the main character's image, in fact, providing this process, since the reader chooses the subjective perspective of the vision of the surrounding reality, characteristic of the person leading the fiction narrative. From this story, the reader receives information about the physical actions performed by the main character at the moment of acquaintance with the narrator, the specifics of the perception of the hero by the narrator.

The use of the verbal predicates that express Apollo Bezobrazov's physical activity at the first meeting with the narrator is accompanied by deictic means that indicate the distance of the described actions in time (cf. *then, on the same memorable day, repeating later*). Such a temporal plane, within which Apollo Bezobrazov's movements are reconstructed in the text space, indicates that his movements are in the narrator's long-term memory and consistently activated in the narrative, perhaps only in order to comply with the chronological outline of the situation of acquaintance with the main character.

The fiction narrative takes the form of a recollection of a co-existence, which later influenced the subsequent fate of the narrator: he extracts fragments of the event from his long-term memory, forms a continuous storyline from them. Comprehending the narrative, the reader explicates implicit information about Apollo Bezobrazov's psychological portrait through the recognition of the subjective perspective of the narrator's vision of the event. The linguistic basis for the explication of semantic content in the analyzed context is precisely deictic means combined with verbal predicates with a concrete-actual specific meaning.

The exception to the above-mentioned pattern is the moment of establishing a phatic contact between the participants of fiction narrative, begetting friendship between them: the distance in time and space abruptly turns into the informal approximation, the concrete-actual mode of verbal action is replaced by a stative, non-short, long-lasting in the aspect of temporal realization (cf. *now Apollo Bezobrazov looked at me for quite a long time*).

It is obvious that this fragment of the event is stored in the narrator's operational memory; he always remembers it, perhaps due to the fact that it represents a momentary main character's non-hostile reaction to his individual *Self*, manifesting an interest in his personality. As a result, the effect of Apollo Bezobrazov's visual perception is reproduced as indeterminately long (cf. *looked at me for quite a long time*), approximate in time (cf. *now*).

The initially distant hero's image is instantly transformed into a subject that is close to the narrator in spirit and life attitudes. Such semantic content, in particular, is also explicated by the reader from the contextually conditioned semantics of the demonstrative pronoun *this* in the deictic function (cf. *these eyes, (keep up with) this person*): spatial closeness in the context of the narrative symbolizes spiritual closeness. Reconstructing this segment of a once-experienced event from the memory, the narrator already acts as a director of the recreated situation, projecting the possibility of a high degree of reader identification with the main character's image.

The reader perceives Apollo Bezobrazov not from a distant perspective (as was the case with the activation of deictic means *then, then*), but through the prism of the subjective perspective of the narrator's vision, deliberately approximated in time and space. A similar perspective is chosen by the reader, according to the intention of the author, who identifies his personality with the main character's image.

The pronouns *this, these* and *those*, indicating the approximate / remote object position in relation to the speech subject, in the narrator's discourse, imply important information about the spatial characteristics of situations reproduced in the memory, the pragmatic attitudes to facts, situational elements, and other protagonists involved in unfolding the narrative canvas. Cf. the specifics of focusing the readership's attention on the temporal plan of describing the culminating point of the ball and the appearance of a new character on the scene of the story in the context of a single paragraph:

(4) «*At this hour... the most silent were cheered up... At this hour... it is important for everyone to still drink and play something... At that hour ... a new face appeared... and sat down on the sofa. The forehead of this person was exorbitantly high... This face was pale... this head on a thin neck ... had some childish expression...*» [13, P. 77–78].

By deliberately bringing a memorable event closer in time, by measuring what once happened with the moment of the story, the narrator, in fact, splits it into several components, each of which is a separately taken bundle of impressions. The repetition of a nominative phrase with temporal semantics, including the demonstrative pronoun *this*, in the position of the absolute beginning of each utterance dramatizes the narrative, creates the effect of visualizing a fictional reality. Drama and

visualization, in turn, encourage the reader to accept the space-time perspective of the narrator, who activates in the memory not the whole event (the situation of the ball), but only those realities that have made an indelible impression on him.

The repetition of the pronoun *this* determines a high degree of reader identification with the narrator's spatial-temporal perspective representing the situation, despite the fact that the described actions are expressed mainly by perfect predicates (cf. with fragment (3), in which the correspondingly low degree is natural when such kind of predicates are activated). The intensification of repetition leads to the particular concrete and actual meaning expressed by the perfect form captures the unpredictability of actions, their unplanned nature (cf. *appeared, sat down*). As a result, the narrative breaks the dimension of the action flow, creating conditions for the dynamism of the plot outline developing.

The description of Apollo Bezobrazov and Teresa's external portraits up to the immediate moment of acquaintance with these characters is provided by the narrator in the perspective of the maximum temporal and spatial approach to the point of the actual narrative. This kind of perspective describing the external manifestation and internal life is preserved in the subsequent development of the storyline, in some contexts it is strengthened against the background of contrast with other characters' images, distant and therefore not at all interesting to the narrator. Cf.:

(5) «... *the corners of the room are still plunged in darkness, **there** the slain drunkards sleep and the ever-awake debauchees whisper, and **here**, in the middle of the hall, slowly floating out of the darkness... the lovers dance for the last time...*» [13, P. 89];

(6) «*Meanwhile, the holiday was dying... disfigured by fatigue, **those** who did not find the strength ... to escape by the rising morning still joked listlessly...*» [13, P. 92].

Ordinary characters, devoid of sublime manifestations and faceless, cause the narrator to distance himself from them, take their images out of the focus of the reader's attention. At the narrator's intention, such characters are restored in the image of those who exist where darkness and uneventful everyday life reigns. In the picture of the narrator's world, such characters are regarded as an alternative to the heroes of the story, which becomes the implicit content of the constructed contrast that separates Apollo Bezobrazov and Teresa, for one thing, and the other characters that are guests of the ball, from another side, in diametrically opposite spaces, despite the commonality of their location at the current moment of the story (cf. *there...*, *here...*). The contrasting relationship between the two spaces is reinforced by the oppositional conjunction *but*, which simultaneously marks their co-presence and dissimilarity in a single space-time continuum. The narrator deliberately delays the situation of the end of the ball in time (cf. *meanwhile, the holiday was dying*), since the increased physical and psychological atmosphere no longer evokes sublime emotions.

The reader, sharing the subjective perspective of the space-time vision of the final phase of the ball situation, expresses sympathy for the world *here*, distancing himself / herself from the world *there*. The deictic means noted in fragments (5) and (6), indicating the approximate / distant position of objects in space and time, concentrate the reader's attention on the narrator's pragmatic attitudes to the main and minor protagonists, casual attendees of the evening party, and explicate semantic content relevant for interpreting the narrator's valuable guideline in the recreated continuum.

Conclusion

The architectonics of situations that are significant in the unfolding of the storyline, the intermediate episodes reflect the narrator's long-term and operational memory, unfolding in space and time in the near and distant perspective. As a result, the reader perceives time and space not only as objective phenomena, but also as a manifestation of the individual experience of the narrator, who comprehends the elusive nature of reality, fixing this reality in the text. In semantic terms, deictic means are immanently associated with the particular meanings of the aspectual characteristics of verbal predicates that express the characters' actions in reproducible situations. Spatial and temporal deixis is interpreted in the study as a pragmatic means of reflecting the narrator's sensory-volitional sphere, his value orientations in the process of narration about the main and minor characters. Based on this tool, the reader's current attention is manipulated, which is oriented in the space-time narrative continuum, explicating the semantic content about the narrator's empathic / distancing attitudes to the actors (including those who are not yet familiar to him). In the process of explicating these meanings, the reader identifies his point of view on the reproducible events, identifying with the subjective perspective of seeing the spatial and temporal framework of the eventfulness that the narrator tells about.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Krieken van K. Evoking and measuring identification with narrative characters – a linguistic cues framework / van K. Krieken, H. Hoeken, J. Sanders // *Frontiers in Psychology*. – 2017. – Vol. 8. – P. 1–16.
2. Агапова С.Г. Интерперсональность художественной коммуникации в повествовательном тексте: автор – рассказчик – читатель / С.Г. Агапова, А.А. Боровкова // *Общественные науки*. – 2017. – № 1. – С. 7–13.
3. Земляная А.С. Полифония голосов как средство реализации когезии художественного текста / А.С. Земляная, М.В. Ласкова. – Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2017. – 166 с.
4. Александрова М.И. Проблема разграничения художественного и нехудожественного повествования: автор, рассказчик, вымысел, документальность / М.И. Александрова // *Общественные науки*. – 2017. – № 2–2. – С. 101–107.
5. Бирюкова О.И. Художественное пространство и художественное время как фундаментальные категории поэтики: теория вопроса / О.И. Бирюкова, Ю.Д. Савенкова // *Вызовы времени и ведущие мировые научные центры: сборник статей Международной научно-практической конференции*. В 2-х чч. – Челябинск: Омега Сайнс, 2019. – Ч. 2. – С. 80–82.

6. Banegas D. L. Understanding a reader's attraction to a literary short text / D.L. Banegas // *Colombian Applied Linguistics Journal*. – 2014. – № 16 (1). – P. 105–113.
7. Бешукова Ф.Б. Постмодернистские текстовые стратегии в пространстве литературной коммуникации / Ф.Б. Бешукова, З.Р. Хачмафова // *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение*. – 2017. – № 3 (202). – С. 108–113.
8. Боровкова А.А. Читатель как собеседник персонажа в постмодернистских текстах Дж. Барнса / А.А. Боровкова // *Известия Южного федерального университета. Филологические науки*. – 2018. – № 3. – С. 33–40.
9. Auracher J. The influence of reader's stereotypes on the assessment of fictional characters / J. Auracher // *Comparative Literature Studies*. – 2017. – № 54 (4). – P. 795–823.
10. Трофимова Л.В. Проблема идентификации с протагонистом в австрийской литературе (на материале рассказа Б. Фришмут «Bindungen») / Л.В. Трофимова // *Научный аспект*. – 2020. – Т. 7. – № 2. – С. 963–967.
11. Хозяинова А.В. Идентификация с литературным героем: описание феномена и направления исследования / А.В. Хозяинова // *СКИФ. Вопросы студенческой науки*. – 2020. – № 8 (48). – С. 82–87.
12. Aertsen V. Sympathy for fictional characters: an examination of the factors involved from a social psychology and cognitive film theory perspective / V. Aertsen // *Doxa. Communication*. – 2017. – № 25. – P. 107–128.
13. Поплавский Б. Собрание сочинений: в 3-х т. Т.2: Аполлон Безобразов. Домой с небес: Романы / Б. Поплавский. – М.: Согласие, 2000. – 464 с.
14. Чернышёва Л.А. Причины языковых проблем определения философских категорий «пространство» и «время» / Л.А. Чернышёва // *Проблемы развития современного общества: сборник научных статей IV Всероссийской научно-практической конференции*. – Курск: Юго-западный государственный университет, 2019. – С. 16–18.
15. Skar H. The art of sympathy in fiction: Forms of ethical and emotional persuasion / H. Skar. – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Co., 2013. – 192 p.
16. Salem S. Does narrative perspective influence readers' perspective taking? An empirical study on free indirect discourse, psycho-narration and first-person narration / S. Salem, Th. Weskott, A. Holler // *Glossa: A Journal of General Linguistics*. – 2017. – № 2 (1). – P. 1–18.
17. Кандрашкина О.О. Время как основополагающая категория художественного текста / О.О. Кандрашкина // *Знание*. – 2018. – № 7–2 (59). – С. 61–65.

Список литературы на английском / References in English

1. Krieken van K. Evoking and measuring identification with narrative characters – a linguistic cues framework / van K. Krieken, H. Hoeken, J. Sanders // *Frontiers in Psychology*. – 2017. – Vol. 8. – P. 1–16.
2. Agapova S.G. Interpersonal'nost' hudozhestvennoj kommunikacii v povestvovatel'nom tekste: avtor – rasskazchik – chitatel' [Interpersonality of fiction communication in a narrative text: author – narrator – reader] / S.G. Agapova, A.A. Borovkova // *Social Sciences*. – 2017. – № 1. – P. 7–13. [in Russian]
3. Zemljanaja A.S. Polifonija golosov kak sredstvo realizacii kogezi hudozhestvennogo teksta [Polyphony of voices as a means of implementing the concept of a literary text] / A.S. Zemljanaja, N.V. Laskova. – Rostov-on-Don: Southern Federal University, 2017. – 166 p. [in Russian]
4. Aleksandrova M.I. Problema razgranichenija hudozhestvennogo i nehudozhestvennogo povestvovanija: avtor, rasskazchik, vymysel, dokumental'nost' [The Problem of distinguishing between fiction and non-fiction narrative: author, narrator, fiction, documentary] / V.I. Aleksandrova // *Social Sciences*. – 2017. – № 2–2. – P. 101–107. [in Russian]
5. Birjukova O.I. Hudozhestvennoe prostranstvo i hudozhestvennoe vremja kak fundamental'nye kategorii pojetiki: teorija voprosa [Art space and art time as fundamental categories of poetics: the theory of the question] / O.I. Birjukova, Ju.D. Savenkova // *Vyzovy vremeni i vedushhie mirovye nauchnye centry: sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. V 2-h ch.* [Challenges of the time and the world's leading scientific centers: a collection of articles of the International scientific and practical conference. In two parts]. – Cheljabinsk: Omega Sajns, 2019. – Part 2. – P. 80–82. [in Russian]
6. Banegas D. L. Understanding a reader's attraction to a literary short text / D.L. Banegas // *Colombian Applied Linguistics Journal*. – 2014. – № 16 (1). – P. 105–113.
7. Beshukova F.B. Postmodernistskie tekstovye strategii v prostranstve literaturnoj kommunikacii [Postmodern text strategies in the space of literary communication] / F.B. Beshukova, Z.R. Hachmafova // *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: filologija i iskusstvovedenie* [Bulletin of the Adygeya State University. Series 2: Philology and Art History]. – 2017. – № 3. – P. 108–113. [in Russian]
8. Borovkova A.A. Chitatel' kak sobesednik personazha v postmodernistskih tekstah Dzh. Barnsa [The reader as the interlocutor of the character in the postmodern texts of J. Barnes] / A.A. Borovkova // *Izvestija Juzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki* [Proceedings of the Southern Federal University. Philological sciences]. – 2018. – № 3. – P. 33–40. [in Russian]
9. Auracher J. The influence of reader's stereotypes on the assessment of fictional characters / J. Auracher // *Comparative Literature Studies*. – 2017. – № 54 (4). – P. 795–823.
10. Trofimova L.V. Problema identifikacii s protagonistom v avstrijskoj literature (na materiale rasskaza B. Frishmut «Bindungen») [The problem of identification with the protagonist in the Austrian literature (based on the material of the story «Bindungen» by B. Frishmut)] / L.V. Trofimova // *Nauchnyj aspekt* [Scientific Aspect]. – 2020. – Т. 7. – № 2. – P. 963–967. [in Russian]
11. Hozjainova A.V. Identifikacija s literaturnym geroem: opisanie fenomena i napravlenija issledovanija [Identification with a literary hero: description of the phenomenon and directions of research] / A.V. Hozjainova // *SKIF. Voprosy studencheskoj nauki* [SKIF. Questions of student science]. – 2020. – № 8. – P. 82–87. [in Russian]

12. Aertsen V. Sympathy for fictional characters: an examination of the factors involved from a social psychology and cognitive film theory perspective / V. Aertsen // *Doxa. Communication*. – 2017. – № 25. – P. 107–128.
13. Poplavskij B. *Sobranie sochinenij: v 3-h t.* [Collected works: in 3 vols.] T.2: Apollon Bezobrazov. *Domoy s nebes: Romany* [Vol. 2: Apollo Bezobrazov. Home from Heaven: Novels] / B. Poplavskij. – M.: Soglasie, 2000. – 464 p. [in Russian]
14. Chernyshjova L.A. Prichiny jazykovyh problem opredelenija filosofskih kategorij «prostranstvo» i «vremja» [Reasons for language problems in defining philosophical categories «space» and «time»] / L.A. Chernyshjova // *Problemy razvitija sovremennogo obshhestva: sbornik nauchnyh statej IV Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Collection of scientific articles of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference]. – Kursk: South-Western State University, 2019. – P. 16–18. [in Russian]
15. Skar H. The art of sympathy in fiction: Forms of ethical and emotional persuasion / H. Skar. – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Co., 2013. – 192 p.
16. Salem S. Does narrative perspective influence readers' perspective taking? An empirical study on free indirect discourse, psycho-narration and first-person narration / S. Salem, Th. Weskott, A. Holler // *Glossa: A Journal of General Linguistics*. – 2017. – № 2 (1). – P. 1–18.
17. Kandrashkina O.O. Vremja kak osnovopolagajushhaja kategorija hudozhestvennogo teksta [Time as a fundamental category of a literary text] / O.O. Kandrashkina // *Znanie* [Knowledge]. – 2018. – № 7–2. – P. 61–65. [in Russian]